

КРАСНА
ПОРАЦА

ВЕНЕЦ БЕЗБРАЊА

УЛУГ МОЖНО ВЕЌИ ПОСМОТРЕТИ

Annotation

Если вам в руки попала игра для старой девы в виде старинных часов с единственной стрелкой, выбросьте ее и трижды вымойте руки! Иначе к вам придет демон и предложит сыграть в игру. Единственная ставка с вашей стороны – любовь. Раз в три дня ровно в полночь в вашей квартире появляется очередной "жених" из другого мира! Авторская обложка.

- - [Аннотация](#)
 - [Глава первая. Клизма личной жизни](#)
 - [Глава вторая. Коньдидат](#)
 - [Глава третья. Толстолобик](#)
 - [Глава четвертая. Подсос и голубая кровь](#)
 - [Глава пятая. ИМХО, или не в пещере живешь!](#)
 - [Глава шестая. Отравоядное...](#)
 - [Глава седьмая. Ректальные кары](#)
 - [Глава восьмая. Волк и жми на тапочки](#)
 - [Глава девятая. Серпентарий единомышленников](#)
 - [Глава десятая. Конь в пальто, или где сядешь, там и слезешь](#)
 - [Глава одиннадцатая. Ежик в тумане](#)
 - [Глава двенадцатая. Между небом и землей](#)
-

Кристина Юрьевна Юраш Венец Безбрачия, или А можно всех посмотреть?

ХРИСТИНА
ЮРАЦІ

ВЕНЕЦ БЕЗБРАЧІЯ
или а можно всех посмотреть

16+

Аннотация

Если вам в руки попала игра для старой девы в виде старинных часов с единственной стрелкой, выбросьте ее и трижды вымойте руки! Иначе к вам придет демон и предложит сыграть в игру. Единственная ставка с вашей стороны – любовь. Раз в три дня ровно в полночь в вашей квартире появляется очередной "жених" из другого мира! Авторская обложка.

Венец Безбрачия

Глава первая. Клизма личной жизни

*Жизнь – не сахар и не мед,
Или принц мой «идиёт»?*

– Мы тут с любимым решили устроить маленький праздник, – я изучала глазами обои, на которых сидел жирный комар – кровосос. – Да... Что подарил? Ммм... Секрет! Только что приехали из ресторана! Обещал незабываемую ночь! Подарок? Ой! Я еще не открывала коробочку! Нет, мам... Не кольцо... Пока рано... Да и я еще сомневаюсь... Что значит, куда мне сомневаться? Что значит «тридцатник»? ... Ты так говоришь, как будто завтра я встану в очередь с бабками под кабинетом районного терапевта, а потом поеду за яйцами на другой конец города в час пик с оптовой тележкой – ногодавкой, потея в «похоронном» пальто в сорокоградусную жару... Что значит «тяну»? ... Кого и за что за тяну?! За что его тянуть в ЗАГС? ... А если будет вырываться? Зачем мне сувенир без мужика? ... Мама! Животное, попав в капкан, может отгрызть себе лапу! Ты хочешь, чтобы мужик выбирал между достоинством и свободой?... Мам! Прекрати! Ладно, все, пока... Мне уже пора, меня зовут! Целую! Я что? Птичка, чтобы залетать в первую попавшуюся клетку? Все! Папе привет! Цем!

На кухне хлопнула дверь. Никогда не думала, что моего жениха будут звать «Сквозняк». Такое чувство, что рядом со Сквозняком должен сидеть на корточках Сухарь, Кирпич и Серый. Или, возможно, даже на одних нарах, ибо приличного мужчину, особенно того, о котором я уже месяц рассказываю маме, «Сквозняком» не назовут.

Волоча тапки по полу, запахивая розовый халат и вдыхая запах цветов, подаренных мне на работе в честь окончания сезона охоты на мужей, я поплелась на кухню. «Тридцать лет – начало жизни! Тридцать – это вам не шутки!» – гласила первая открытка с букетом, который в пору подарить бабушке для перепродажи возле перехода. «Медсестра! Готовьте клизму! И неси скорее утку!» – всхлипнула я, тоскливо провожая напоминание об ушедшей юности в мусорное ведро. «Повторю тебе я снова пожеланья от души!» – пробежала я глазами открытку с плюшевым мишкой. «Под венец тащи любого! Отбивается – глуши!», – вздохнула я, разрывая открытку на части. «Юбилей, летят года... Ты все так же молода!» – читала я, скептически поднимая бровь. – Ты все нравишься мужчинам...». У которых есть морщины! Замечательно! Спасибо, девочки! Век не забуду. Еще бы написали, что «лучшая подруга – водка! Рядом с нею ты – красotka!».

Я никогда пристально не приглядывалась к каждому штанам, идущим мимо, видя в каждом прохожем потенциального официального. И пока другие девочки на работе следили за руками любого вошедшего мужика, как наивные зрители за фокусником, мастера иллюзий проделывали один и тот же фокус: «Видите кольцо? Але... оп! Не видите кольца! Я – свободен, словно птица в небесах!», в надежде, что ему перепадет цветочек от восторженных зрительниц. Наш цветник друженько аплодировал, одаряя фокусника нежными улыбками, даря себя в качестве награды, а я мрачно смотрела на персональные данные, которые защищала по закону со страшной силой, ибо штамп «женат» действовал на меня не хуже таблички «Занято!», висящей на гвоздике общественного туалета.

«Ты планочку-то снизь! Иначе совсем одна останешься!», – советовала заботливая мамочка, как бы намекая на то, что по возрастной шкале я плавно перешла из категории «любовь» в категорию «любой». Мамочка настаивала на том, чтобы я немедленно откопала себе кого-нибудь заваливающегося, уверенными шагами потащила в сторону ЗАГСа, и в нужный момент наступила на ногу, чтобы «А-а-а-а!» сошло за радостное «Да-а-а!». Она спала и видела, как растерянный жених дрожащей рукой надевает на мой палец кольцо, зная, что мои родственники держат его на прицеле бутылок шампанского: «Стоять! Не двигаться! Ставь подпись! Надевай кольцо! Полегче, парниша! Мы должны видеть твои руки!».

Среди подарков на мой юбилей были: парные кружечки «Любовь и голуби», подушечка с котятками и набор стаканов, намекающие на то, что моим единственным собутыльником будет кошачья армия.

Пройдет еще немного времени, и любой халат превратится в шубу на кошачьем меху, тапки станут валенками, а о том, что у меня есть как минимум парочка половозрелых котов будет знать все сотрудники, подозрительно приносиваясь ко мне. Они уже будут отличать Барсика от Мурзика не только по фотографиям в телефоне, но и по запаху моей одежды! Вся моя зарплата будет уходить на кошачий корм и наполнители для лотков, и жизнь на мне поставит жирный крест. Кстати, а почему бы не назвать котов «Герлен», «Шанель», «Хьюго Босс»? Чтобы потом, когда меня спросят, чем же от меня так пахнет, я могла с гордостью ответить – известным брендом!

В красивой коробочке с золотистым бантиком гремел какой-то сувенир. Чую, что где-то в ближайшем магазине подарков продавщица радостно потирала лапки, считая выручку, а на полке осталось пыльное место от мещанской статуэтки, отвратительной копилки, непонятной ерундовины, схваченной впопыхах, сразу после фразы: «Да бери уже! Ей

сойдет!».

Ленточка лежала на столе вместе с крышкой, а из коробочки виднелась какая-то странная штука, похожая на часы. Спасибо за намек! Часики тикают! Увы, проходят «безразвратно» года, пригодные к разврату!

Я внимательно посмотрела на циферблат и с грустью осознала, что добрые производители зажали даже минутную и секундную стрелки, как бы намекая не думать о секундах свысока. Изучая сделанный под старину циферблат, мои глаза зацепились за странную надпись: «Любовь на кон свою поставь, и мир вокруг себя исправь! Но если вдруг ты проиграешь, ты старой девой умираешь. Забудь про риск, забудь про страх. Твоя судьба в твоих руках!».

Спасибо, дорогие мои коллеги... Как же вы мне все дороги! Настолько дороги, что я не пожалею денег на ваши поминки, если вдруг придется скидываться! Отличная штука – отличная шутка!

На дне коробки лежал маленький ключик с длинной цепочкой и записка, написанная незнакомым почерком. «Не упusti последний шанс! Судьба дает тебе аванс!». А я-то думаю, что это за очередь такая, опоясывающая земной шар? Вот оно что! Это же стоят одинокие женщины за авансом от судьбы! Кто бы мог подумать? Я-то думала что-то хорошее выдают, например, зарплату, а тут, оказывается, последний шанс вручают! Авансом!

– Светлана Николаевна! – с укором заметила я, глядя на папки, которые притащила с работы. – У вас работы на три дня вперед. До утра, как хочешь, но НДС должен быть уменьшен до приемлемых жадным начальством сумм! Так что хватит мечтать! Пора работать! Авансовые фактуры, надеюсь, ты не забыла?

Я пила чай, плакала калькулятором, отдуваясь и щурясь в очередной счет-фактуру. НДС приближал конец Светы со скоростью пять документов в минуту. Как я и говорила! Когда работа срочная и «незабываемая», ночь обещает быть забываемой. Ленка опять на место не положила накладные за май... А это у нас что? Где оригинал? Нет, я так не играю!

На столе лежали часы вместе с ключиком, который спрятался за сахарницу. На записке уже остался отпечаток моей кружки и дурного настроения. Нет, ну а почему бы и не проверить? Это явно какой-то прикол из сувенирной лавки. Я потянулась за ключом и часам, умудрившись перевернуть салфетницу.

– Итак, Светлана Николаевна! Сейчас будем торжественно завязывать с одиночеством или с верой в чудеса! – усмехнулась я, вращая ключик на пальце. – Сейчас, как повернем ключ зажигания! Как понесемся в светлое

будущее со скоростью сто мужиков в час!

Я вставила ключик в отверстие, повернула его до упора и замерла в ожидании какого-то подвоха. Часы пробили полночь, раскрылись на манер шкатулки и засверкали! В сиянии перед глазами появился черный силуэт, похожий на отброшенную тень. Я даже обернулась, чтобы проверить, не стоит ли кто-то позади меня. Нет, не стоит! Занавески с кукурузой трепетали и поднимались, словно от сильного ветра. Кружка задрезжала ложкой и поехала в свое последнее путешествие к краю стола. Экран ноутбука погас, а потом вспыхнул белым, выдавая все возможные ошибки, о которых были не в курсе даже разработчики. По монитору поползли полосы, колонки хрипели, как умирающие на последнем издыхании, лампочка тревожно мигнула, намекая на то, что суеверные люди не ошибаются. Концу света быть! И концу Светы тоже!

Я со скрипом отодвинулась подальше от сияния и тени, пытаюсь нашарить на столе телефон, чтобы успеть напоследок предупредить начальство, что в связи с безвременным концом Светы, им придется платить налоги в тройном объеме!

– Здравствуйте! – послышался надменный мужской голос, в тот момент, когда я подтягивала к себе папки. Обычно такими голосами здороваются проверка, вежливо заглядывая на огонек. Пока начальство в своем кабинете давится галстуками, Леночка трясется как чихуахуа с болезнью Паркинсона, генеральный директор принимает успокоительное, а я с песнями и плясками – проверку, воюя за каждую бумажку и цифру.

– Все, – вздохнула тень, выдав вместо выдоха протяжный и задумчивый стон. – Накрылся каленой сковородкой мой отпуск! Отлично! Просто прелестно! А все из-за чего? Из-за того, что какой – то женский неликвид возжелал устроить свою личную жизнь! Так, что мы имеем? Ты хоть один стул занимаешь или сразу два? Черти уже успели намолотить горох на твоём лице? Где твоя кошачья армия?

Из дыма мне навстречу шагнул красавец писанный, а выражением лица, словно соседская собачка успела отметиться на его штанине.

Брови у него сложились домиком, потом нахмурились. Красавец склонил голову, потрянув каштановыми прядями, задумчиво сузил карие глаза, шумно вздохнул, оценивая мое гнездо на голове, как профессиональный парикмахер.

– У тебя – то что? – зевнул он, зацепив взглядом мой красивый маникюр и домашний халат. Я пыталась осторожно пальцами ноги подтянуть к себе слетевший тапок, пытаюсь понять, что вообще происходит?

– Какого черта? – простонала я, глядя, как ноутбук пошел на перезагрузку. Из розовой папки «Апрель» вывалились накладные.

– Вот и я хочу спросить тебя! Какого руководства? – раздраженно усмехнулся красавец, а потом приблизился ко мне, заглядывая в глаза. – Слушай, у меня отпуск накрылся каленой сковородой, так что я очень зол! Ты себе не представляешь как! Я тысячу лет не был в отпуске! Тысячу лет!

Незнакомец сардонически прыснул, глядя на меня, мол, куда моим интеллектуальным способностям до его проблемы.

– Тебе по трудовому законодательству он положен! – фыркнула я, подгребая отчеты и снова вкладывая их в папку. – Или компенсация! При увольнении! Надеюсь, это тебя хоть немного утешит!

– Понятно, – снова шумно вздохнул красавец, осматривая меня. – И что? Сейчас начнется нытье: «Ой, да не родился такой мужик в это мире, который оценил бы мой тонкий внутренний мир и ослепительную внешнюю красоту!»? Или «все мужики – козлы, бараны и прочие копытные, а я – незабудка со съемной будкой тридцать метров квадратных»? Или «мне, пожалуйста, молодого миллионера с яхтой, машиной, виллой»?

Мужчина осмотрелся и увидел, что на нем деловой костюм и бейджик.

– Ой-е-е-ей! Корпоративная этика? Да? – сплюнул красавец, срывая бейджик и швыряя его на пол. – Костюмчик, бейджик... Это что у нас? Галстук? Ой-е-ей!

Резким движением галстук полетел к бейджику, а у меня возникло странное чувство, что мне вызвали в стриптизера, чтобы скрасить мой одинокий праздничный вечер. «Алле! Здравствуйте! Нам нужен стриптизер, который будет играть рассерженный офисный планктон, тысячу лет не бывший в отпуске! Диктуем адрес!».

– И что у нас за беда? – поинтересовался красавец, взъерошив волосы и расстегнув удавку верхней пуговицы воротника.

– В данный момент беда – это ты, – прокашлялась я, глядя на остывший чайник. Я сомневалась, либо предложить чай, либо приложить чайником. Не знаю, как будет гостеприимней?

– С личным что у нас, наказание мое? – наседали на меня взъерошенный красавец, поглядывая на часы.

– Не складывается, – мрачно закатила глаза я, глядя на три расстегнутые пуговицы его рубашки.

– Простая арифметика! Ангел мой, чтобы жизнь складывалась, нужно видеть в ней плюсы! Если личная жизнь не складывается, нужно научиться видеть в мужиках плюсы! – хмыкнул красавец, перебирая пальцами мои

бумаги и закатывая глаза. – А не то, что этот – скотина, этот – подлец, этот – бомж, этот – урод, этот – придурок!

– Не клеится! – пояснила я, подтягивая к себе оставшуюся макулатуру.

– На слезы пробовала, наказание мое? – осведомился красавец, усмехнувшись и заглядывая мне в глаза. – Если не получается, то пробуй на соплю! Пустила розовую соплю, прикинулась дурочкой и неумехой, сразу мужики клеиться будут! А не то, что «я сама!», «я все могу!», «нахрена мне мужик!». Я тут и гвоздь забью, и деньги заработаю, и пробки ввинчу! Вот и платите за свое «я сама!» одиночеством!

– Все! Пошел вон! – фыркнула я, хлопая стопкой отчетов по столу. – Обратно, в свой отпуск! Отпускаю тебя! Иди, гуляй!

– Нет, ну ты, конечно, наказание мое, хорошо загнула! Поздно уже! – закатил глаза красавец, глядя на меня презрительным взглядом. – Правила знаешь? Нет? Сейчас объясню! Дай же дьявол мне терпения! С того момента, как ты повернула ключ, началась игра. Ты уже сделала свою ставку. В любой момент ты можешь выйти из игры, произнеси фразу: «Все, что было по контракту позабудь! Лучше уж никак, вместо как-нибудь!». Учти, что последствия выхода из игры очень грустные для тебя.

– Тебя как зовут? – поинтересовалась я, глядя на бумажку, которую небрежно засунули мне в руку. Несмотря на злое предупреждение, меня уже мало что пугало.

– Имя мне – легион! – наигранно пафосно ответил красавец, сдувая прядь каштановых волос с красивого лица.

– А что ж ты тогда за Барселону не играешь? – гадко усмехнулась я, глядя на «легионера».

– Те футболисты, которых к нам посылают, от мяча шарахаются! Такое чувство, что их не в футбол учили играть, а в выбивного! – ответил обреченной улыбкой, я так понимаю, демон. – Ты думаешь, чего нас так раскатала сборная Рая по футболу на последнем чемпионате? Смотреть было стыдно. Я даже не ходил! Позорище! Так! О чем это я? Читай инструкцию! Ровно в полночь появится первый кандидат! Помни, ты всегда можешь сойти с дистанции! Любовь – это не душа.

Демон шагнул в сторону часов, осмотрел мою кухню, а потом повернулся ко мне и снова вздохнул:

– Хорошая была квартирка... Кстати, почему снимаешь?

– За двадцать пять, – ответила я, спохватившись и уткнувшись в календарь. Нет, еще рано...

– Дороговастенько! Даже для этого района! – поджал губы демон, снова глядя пятно на обоях. – Хозяину привет! Хотя нет, не передавай. Мы

с ним и так однажды свидимся!

Я развернула врученную мне бумажку и стала вчитываться. Отчеты лежали на столе, тапок телепался на большом пальце ноги, а в кружке давно остыл мой чай.

«Договор. Светлана Николаевна Куницына, душа номер 223629025349534457899/а, повернув ключ, заключила договор с Адом, далее Заказчик, в лице Везельвула Люциферовича Сатаны, душа номер 0, далее Исполнитель, о следующем. Предметом договора является «Любовь», далее Предмет. С. Н. Куницына, делает ставку на Предмет договора, в обмен на кандидатов. Исполнитель обязуется предоставить кандидатов в ассортименте. Мир обитания кандидата выбирается по усмотрению Исполнителя (любой). По окончании контракта Заказчик имеет право определиться с выбором*...»

Я взяла лупу и полезла смотреть сноску, написанную третьим шрифтом.

«Под выбором подразумеваются те кандидаты, которые провели с Заказчиком 66 часов».

«Претензии к Исполнителю не принимаются. Если по окончании игры ни один из кандидатов не был выбран, Заказчик забирает себе неустойку в виде Предмета договора. Исполнитель обязан подписать Акт выполненных услуг. Если по окончании игры Акт выполненных услуг будет не подписан в течении трех часов, то он считается подписанным по умолчанию! Кандидаты появляются в полночь по местному времени Заказчика. В случае, если кандидат не появился в назначенное время, обращайтесь на горящую линию. В случае, если Заказчик определился с выбором, то его ждет настоящая любовь. Исполнитель не будет иметь претензий к Предмету договора. Число, дата и подпись!».

До полночи оставалось два часа. Нет, ну а почему бы и нет? Я как раз успею отчет доделать и прибраться перед приходом первого кандидата.

Внезапно лежащие на полу часы засияли, появилась знакомая фигура и, закатывая глаза, протянула мне какую-то бумажку.

– Защита персональных данных! Подпиши! – в моих руках очутилась половинка пергамента.

– А от кого их защищают? – поинтересовалась я, глядя на стандартную форму.

– А я откуда знаю, наказание мое! – фыркнул демон, пока я пробегала глазами знакомые формулировки. – Надо, значит, надо.

– А смысл? – пожала плечами я, прикидывая, как и в чем буду встречать первого жениха.

– Нет, ну а вдруг ты в рай собралась? А там небесная канцелярия сделает запрос к нам, мол, какие грехи числятся за тобой... – коварно заметил Демон, пока я искала, в чем подвох.

– И вы им, надо думать, не скажете? – поинтересовалась я, прикидывая, сколько уже накопилось на моем личном счету. – Если я подпишу эту бумажку, то они не узнают о моих грехах?

– Скажем, куда денемся! – развел руками демон. – Просто, если не подадим, они орать будут, где бумажка про защиту персональных данных?

– Понятно, – я расписалась поверху галочки для галочки и вручила обратно.

Демон исчез, а из часов раздался такой голос, от которого обделаются даже самые стойкие.

– Спасибо, что воспользовались нашими услугами – прорычал inferнальный голос, от которого я сразу похудела килограмма на три. – В целях контроля качества обслуживания, оцените работу специалиста по пятибалльной бальной шкале. Пять – специалист был вежлив, опрятно одет, вел себя корректно, не хамил, не грубил, отвечал на все вопросы по существу. Единица – специалист вел себя по хамски, разнес все вокруг, покушался на вашу жизнь.

Перед глазами повисло пять звездочек. Я опасливо протянула руку и поставила сразу пять звезд нашему пятизвездочному специалисту.

– Спасибо, что уделите нам время! Внимание! Собери семь смертных грехов и получи сковороду! Собери шесть смертных грехов – котел! Собери пять – барбекю! Собери четыре – гриль! Собери три – вафельницу! Собери два – мультиварку! Собери один – зажигалку! В розыгрыше могут принять участие все грешащие! – закончил голос, и часы померкли.

Супер! В соседнем супермаркете идет точно такой же розыгрыш! Кстати, о супермаркете! Надо будет стол накрыть... Придумать что-нибудь эдакое! Поразить прямо в желудок потенциального жениха. Насколько мне известно, прямое попадание пищи в мужской желудок иногда приравнивается к тяжелой артиллерии Купидона!

Битый час я отдраивала плитку на кухне, мыла полы, протирала сантехнику и полировала мебель. Даже кровать заправила и обувь выставила в рядочек.

Я уже минут двадцать прибралась в шкафу, складывая вещи на полочки и развешивая по вешалкам, заодно выбирая, что надену в честь такого торжественного события. Еще час я с остервенением приводила себя в порядок: шлифовала кожу, выщипывала брови, стонала от едкой маски «долгой несовершенства», одной рукой делая себе педикюр, а другой

вытирая запотевшее зеркало. На меня смотрела зеленая невеста Шрека, с баннным полотенцем на голове. Я орала, как резанная, срывая восковые полоски с ноги, понимая, что пора бросать добродушного Шрека и уходить к Халку, который оценит мое мужество по достоинству. Фен, работающий в режиме «сдуем весь скальп», нижнее белье, которое я надевала всего два раза в своей жизни, запах лака по всей ванной, и выкипающая картошка на кухне – час приготовлений пролетел незаметно.

И вот я, покачиваясь на шпильках, поправляя белокурые локоны, причмокивая при каждом удобном случае сочными губами, которые пришлось рисовать минут десять, накрываю стол на две персоны, бережно расправляя салфеточку и доставая трофейное шампанское. Я готова к самому романтическому вечеру в моей жизни!

Пока я допиливала ноготь, снова чмокая губами и поправляя макияж, критично присматриваясь к своему отражению в карманном зеркальце, моя кухня блестела такой стерильностью, которой позавидует даже операционная. Стрелки кухонных часов приближались к полуночи, тикая в абсолютной тишине тревожного ожидания. Хоть бы получилось! Хоть бы получилось! Папки лежали по цвету, яркие ярлычки закладок радовали глаз, а на обоях красовалось кровавое пятнышко комара, которого я все-таки выследила и прикончила. Послюнявив палец, я украдкой потеряла клеенку на столе, стирая след кружки. Три... Два... Один...

Я затаила дыхание, скрестила пальцы на руках, закрыла глаза. Ничего? Как ничего? Что значит «ничего»? Меня что? Обманули? Часы лежали на столе, ключик висел на шее, кокетливо, спрятавшись в декольте.

Глядя на часы, показывающие ноль-ноль часов ноль-ноль минут, сердце решило больше категорически не верить в чудеса.

И тут из коридора донеслось конское ржание и мужской голос: «Полегче, дружище! Стой смирно!». Потом что-то перевернулось, зашуршало и гроыхнуло. После этого раздалось цоканье по плитке, мужская ругань, неприличный звук, который мне совсем не понравился, завершившийся радостным конским ржанием.

Я тоже поцокала на каблуках к двери, ведущей в коридор, опасливо открыла ее и ... обомлела! В моем коридоре стоял белый конь, на котором восседал золотоволосый красавец с синими глазами. На его доспехах была выгравирована золотая корона, на боку телепался меч, а сам он пригибался головой, цепляясь за лапочку, ибо те, кто строили этот дом никак не могли предугадать, что однажды в моей прихожей появится самый настоящий принц на белом ко... Не! Это были мои туфли! Фу! Я принюхалась, глядя на свои выходные туфли, в которых с горкой красовался подарок от коня.

Приятно, когда гости приходят не с пустым желудком! Тумбочка была перевернута, моя расческа торчала из конского навоза. Там же поблескивали мои ключи. Конь посмотрел на меня грустными глазами, мол, это – не я, это – принц, а потом жалобно заржал...

Глава вторая. Коньдидат

Коня на како остановит, в вонючую избу войдет!

Я смотрела, как качается абажур коридорного светильника, который синеокий принц бодал головой. Запах в коридоре был такой, словно мне подвезли три мешка удобрений, а потом, узнав, что выгружать некуда, просто свалили в коридоре. Любопытный конь поцокал ко мне, припирая меня к двери туалета, а я поцокала на каблуках от коня, пытаюсь нащупать заветную ручку. Лошадка посмотрела на меня карими глазами, фыркнула, грызя удила, помотала головой, повела ухом, пока принц пытался торжественно спешиться, громыхая мечом и доспехами.

– Приветствую тебя, о, прекрасная дама! – пафосно поприветствовал меня Принц, тряхнув роскошными локонами и требуя мою руку, которую я опасливо протянула.

Герой девичьих грез приложился к ней, не сводя с меня прекрасных глаз «покорного слуги». Я заглянула в глубокие, синие озера, понимая, что он действительно прекрасен. Прямо, как из волшебной сказки, по обложке которой размазывают розовые сопли наивные девочки.

– Мой верный друг привел меня сюда! – высокопарно заявил Принц, кивая в сторону коня, который мялся в коридоре, растаптывая навоз, мои ключи и кроссовки. – Я спешил издалека, дабы припасть к руке прекрасной дамы!

– Эм... – замялась я, включая свет в коридоре, чтобы рассмотреть получше настоящего принца. Внимание! У меня в коридоре настоящий принц с конем! Вход платный! Деньги вперед! Мужественный взгляд, красиво очерченный подбородок, изумительный профиль, белоснежная, ослепительная улыбка... Стопроцентный принц. Прямо по ГОСТу.

Конь, едва завидев включенную лампочку, заметался по прихожей, перевернул вешалку с одеждой, несколько раз прошелся по моей сумке, хрустя ею, и втоптал в навоз вторую часть моих отчетов, разорвав копытом пакет.

– Что ж ты, друг мой, сдрейфил! – ласково пытался успокоить коня Принц, похлопывая его по спине. – Не любит он чародейства!

– А кто убирать это будет? – икнула я, глядя на то, как лошадку удалось успокоить ценой еще одной кучи, наваленной прямо посреди коридора.

– Слуги уберут! – отмахнулся Принц, а я что-то не заметила клининговое агентство, которое бежит попятам за принцем. Ага! Пустяки! Дело-то житейское! Конь хрипел, тяжело дышал, испуганно глядя на хозяина. Внезапно по батарее раздался такой отчаянный стук, словно кто-то бился об нее головой в надежде покинуть мир нетрадиционным способом.

Боевой конь, заслышав эти воинственные звуки, тут же заржал и стал брыкаться так резво, что разлетелось зеркало на одной створке шкафа, а на второй створке появилась вмятина от подковы. «На счастье!», – шепнула мне народная примета, а я уже слышала, как счастливые соседи снизу стучат в мою дверь так, что ритм напоминает ускоренный похоронный марш.

– Враги наступают! По коням! В бой! – заорал Принц во всю королевскую глотку, пытаясь снова вскочить на своего боевого друга и ринуться в самую гущу сражений за тишину и порядок. – Мы должны отбить атаку! Прячьтесь, прекрасная дама, иначе ваша честь будет поругана!

Мою честь уже ругали на всю лестничную клетку, так что тут бояться нечего.

– У тебя там что? Кони скачут?! – визгливо орала соседка, пытаясь достучаться до меня ногами по моей несчастной двери.

Никогда мои проницательные соседи не были так близки к истине!

– Мы сейчас отряд .. тьфу ты, наряд вызовем! – басил сосед, выламывая мой звонок, который заклинило на первой же трели. Лошадка была меломаном, поэтому тут же пустилась в пляс!

– Вызывайте подкрепление, подлые враги! – воинственно орал Принц, которого я стягивала с коня, не давая герою снова забраться в седло. – Я вас всех побегу! Никогда еще династия...

– Открой быстро дверь! – басил сосед, пока остатки моей чести размазывали по гулкой акустике подъезда. – Ночь – полночь на дворе, а у тебя там скачки! Совесть совсем потеряла! Сейчас хозяину позвоню!

– Так ты – рабыня? – ужаснулся наш braveйший друг, выхватывая меч. – Я готов принять бой! Я вызываю хозяина на бой! Если я одержу победу, то девушка получит свободу!

– Открывай! – верещала престарелая соседка Матвевна, молотя руками в мою дверь. – Иначе мы вызовем участкового!

– Так они – маги? – прищурился Принц, оглядываясь по сторонам. – То-то я чую неладное! Если они сейчас вызовут Участкового демона, то я, конечно, попробую сразиться с ним, но если паду смертью храбрых, похороните меня вместе с моим мечом!

Внезапно я озверела. Обычно я зверею, когда не хватает документов или средств на счету фирмы, чтобы оплатить налоги, но в этом случае у кого-то просто не хватало мозгов. «Ты – сюда!», – прошипела я, заталкивая героя на кухню и закрывая межкомнатную дверь на ключ. Конь хрипел и пятился, а я уже поймала его за какой-то ремешок и пихала в комнату, закрывая дверь. Заталкивая навоз ногой под тумбочку, я прокашлялась, одернулась и посмотрела в глазок. Возле моей двери стояла вся нижняя площадка, предлагая свои варианты, как дополнить «Молот Ведьм». На ком опробовать – они уже решили.

Я боязливо повернула скрипучий замок, выглядывая навстречу разъяренной публике.

– Да ты что себе позволяешь! – бросилась на меня Зинаида Павловна, запахивая зеленый халат, тряся бигуди на голове и гневно сопя. – Время видела? С ума посходили! Спать людям не дают!

– Мы тут просто празднуем День Рождения! – кротко улыбнулась я. На меня посмотрели так, словно число и месяц обеих дат на могильной плите удивительным образом совпадут. В комнате что-то грюкнуло и послышалось испуганное ржание.

– Празднуют они! – фыркнул Роман Эдуардович, закатывая манжеты клетчатой рубахи, пряча телефон в карман синих спортивных штанов. Детская песенка «К сожаленью, День Рожденья только раз в году!» пока что спасла меня от неминуемой.

– Поздравляем! – хмуро заметила сгорбленная старуха Матвевна в застиранном халате сорокалетней давности, с оханьем спускаясь по ступенькам. – Потише будьте! А то у меня давление скачет! Как кони бегают! Ироды!

Если мне и желали долгих лет жизни, то явно не в этой квартире, поэтому я закрыла дверь, выдыхая и приносиваясь. Если в вашей квартире пахнет хуже, чем в вашем подъезде – это уже повод бить тревогу!

Сначала я решила заглянуть к коню, который молча и задумчиво жевал мое одеяло, игриво прядя ушами. Рядом с ним лежала свежая порция лошадиного испуга. Следующим на очереди был запертый на кухне принц. Я приоткрыла дверь и увидела, как герой отряхивает свое королевское достоинство над раковиной, заправляя в него в штаны. В раковине валялась немытая посуда и розовая губка.

– Скажи служанке, пусть перемоеет! – пренебрежительно заметил герой, доедая оставленную в качестве романтического ужина, картошку. – Отличный у тебя повар! Отменно готовит! Отец мой недавно казнил своего за то, что тот, урюк проклятый, пересолил похлебку! Мечом голову снесли!

И жаркое у тебя пречудесное! Прямо, как я люблю! Скажи повару, чтобы и завтра такое же приготовил!

Я молча присела на табуреточку рядом, сиротливо глядя на оставшуюся половинку вареной картофелины. Принц доедал курочку, обсасывал косточки, а потом ловко кидал их под стол.

– Собакам! – усмехнулось Его Высочество, запивая шампанским всю трапезу. Горлышко шампанского было разбито, а на столе красовались огромные, пенящиеся лужи. – Рассказывай, о, прекрасная дама! Кто отец твой? Каковы его владения?

– Пенсия у него и Волга, – вздохнула я, думая о том, что у меня как назло нет собак, когда под стол полетела очередная кость. Старенькая «Волга», ржавая, как помойное ведро иногда умудрялась довести семейство если не до инфаркта, то хотя бы довести до дачи без спортивных приключений по специальной дисциплине «Тяни-толкай». Отец ласково хлопал «свою девочку» по просевшему багажнику, а я с горечью осознавала, что то, как наше семейство заводит эту ржавую дамочку, вполне бы сошло за видео для взрослых.

– Волга ... Волга... – задумался Принц, прихлебывая из бокала. – Это много?

– Это дорого, – вздохнула я, вспоминая, что вся папина пенсия идет на ее ремонт.

– Это хорошо! Славно! А земли у вас какие? – поинтересовался Принц, осушая бокал до дна. – Хорошее вино! Правда, перебродившее, но доброе!

– Четыре сотки за городом, – ответила я, вспоминая нашу заросшую сорняками дачу.

– Хорошо! У тебя сестры есть? – крикнул Принц, наливая себе еще один полный бокал.

– Я одна в семье, – пожалала плечами я, пытаюсь отодвинуть подальше отчеты, чтобы их не намочил чужой глазомер.

– Значит, половину тебе в приданое отдадут! Хорошо! – оживился Принц, снова осушая бокал и ставя его на стол с такой силой, что отпала хрустальная ножка. Бокал полетел под стол, а я едва успела отдернуть ноги.

– Слуги уберут после пиршества! – успокоил герой, разглядывая меня хмельным взглядом. – Красивая ты! Мне вот тут недавно портрет принцессы показывали! Страшная, аж жуть! Папенька говорит, что жениться надобно! А я не хочу! Но на тебе бы женился! Вот братья обзавидуются! Старший уже женат, среднего только собираются женить на той принцессе, от которой я отказался, а у меня одного жена красавицей

будет!

Почему меня не предупредили, что «было у отца три сына»? И мне, собственно, достался тот самый, интеллектуально развитый, политически подкованный, преисполненный духом боевого оптимизма, младший? «Младший сын к отцу пришел, спросила кроха: «Ты оставишь мне престол?» Папе стало плохо!».

– Как тебя зовут, Принц? – поинтересовалась я, понимая, что в случае чего придется устраивать такие игры престолов, дабы добраться до заветной короны, что историки едва успеют конспектировать мои политические маневры.

– Айвэн из династии Пердальгон! – гордо ответил Принц, ударяя рукой о металлический нагрудник. – И однажды я стану королем!

Было желание уточнить, не пишется ли через дефис еще какое-нибудь слово – приставка к имени. Например, Иван.... Эм... Я тут даже затрудняюсь, если честно. Оптимист, наверное... Да, пусть будет оптимист.

– Пойдем, красавица на боковую! – отрыгнул Принц, ударяя кулаком, но уже по столу. – Славный пир был, жаль мало! Скажи слугам, чтобы коня моего почистили, накормили, напоили и в стойло поставили!

Теперь я знаю, как называется мой коридор... Стойло! Уважаемые гости, разуйтесь, пожалуйста, в стойле!

– Помоги мне снять доспехи, красавица! – сверкнул глазами герой, протяжно зевая. – Не будем будить слуг! Время позднее! Пора на покой!

Логистическая задача для умных. Как завести коня? Сначала нужно выбрать комнату и завести туда коня! Как завести принца? Нужно вывести коня, а потом завести туда принца. Ответ прост. Главное во время маневров не поскользнуться на навозе!

– Ложе – то одно! – усмехнулся Принц, пытаясь расстегнуть ремень своих доспехов. В коридоре по плитке задумчиво цокал конь. – По древней традиции, если герою приходится ночевать в одних покоях с девой, то чтобы не обесчестить ее, между ними кладут меч! И тогда слово рыцаря защитит ее!

Меч тут же разделил кровать на две половины, причем положили его предусмотрительно острием вверх.

– Дабы честь твою не запятнать! – заявил Айвэн, пока я приложила нагрудник к стене. Латы были с горем пополам сняты, а по комнате, смешиваясь с запахом конюшни, полз незабываемый и непередаваемый запах мужского пота и давно нестиранных портянок. Я чувствовала себя археологом, присутствующим в процессе вскрытия саркофага и разматывания мумии. Причем, лицо у меня было примерно таким же, как и

у начинающего археолога со слабым желудком. Я была согласна поиграть с ним в доктора, но чтобы доктором был Принц! Исключительно потому, что «доктор», когда заходит в квартиру, он не снимает обувь!

Сапоги стояли у изголовья кровати, а голый принц укладывался на свою половину, перетягивая одеяло на себя и прикрывая им венценосные полушария. Исполняющие обязанности мозга не должны мерзнуть, ни при каких обстоятельствах!

Нет, с мечом идея мне понравилась. Что ко мне протянется, то мне на память и останется! Рука принца – неплохой сувенир для одинокой женщины. «Что, принца, небось, ждешь? Ну как? Дождалась предложения руки и сердца?» – насмешливо интересуются знакомые, которым я с удовольствием помашу своим сувениром. Раздеваться я не стала, поэтому так и легла на подушку, тревожным взглядом сумасшедшего всматриваясь в потолок и опасливо отодвигаясь подальше от остря. Отрезанная рука принцессы – тоже вполне неплохой трофеем для очень одинокого принца.

Рядом раздался жуткий храп, от которого задрожали стекла. Золотые кудри красавца разметались по подушке, одеяло слегка сползло, обнажая накаченный торс, о котором мечтают все, кто хоть раз заглядывал в качалку.

Время шло, а мне что-то не спалось. Где-то в коридоре жалобно заржал конь, хрустя стеклами разбитого зеркала. Я полежала полчаса, а потом не выдержала, встала, схватила веник, совок и тряпку, принимаясь выметать из комнаты весь навоз. Освежитель воздуха, принесенный из туалета, слегка улучшил атмосферу в опочивальне, а я на всякий случай сбрызнула каждый королевский сапог. Брезгливо помыв посуду, выметя кости и битое стекло из-под стола и прибрал в коридоре, я снова улеглась на край кровати, понимая, что время – пятый час, а мне завтра на работу к восьми. И снова не спалось.

Сжалившись над конем, я принесла ему тазик с водой, задвинув его к стенке на манер кошачьей миски, а когда уходила – почувствовала под тапками свежую порцию лошадиной благодарности. Уважаемые цыгане, у меня есть отличный конь! Принц в подарок! Можно на органы! Рассмотрю любые варианты!

Сбегав за мусорным пакетом, тесьмой и скотчем, я стала делать «конячий» туалет. Пока мои умелые ручки пытались примотать к задку мирно спящего коня мешок повышенной прочности, меня несколько раз огрели хвостом по лицу. Через полчаса все некрасовские бабы взглянули на меня с уважением. Еще бы! «Коня на каку остановит! В зловонную избу войдет!». Кутаясь в халат, смывая с себя остатки макияжа, я улеглась досыпать.

Проснулась я не от будильника, а от стука! В душе промелькнула надежда, что принц по имени Айвэн решил закончить начатый природой процесс, окончательным превращением в человека, на которого не обижаются. Меча возле стенки не было, зато в дверь просовывалась лошадиная морда, мол, иди, зацени, что там хозяин творит! Я уже поржал!

– Слуги! Да я вас всех перевешаю! – раздался с кухни рассерженный голос Принца, а потом что-то гроыхнуло. – Быстро несите завтрак! Приказываю! Немедленно! Ленивые бестолочи!

Зевая и потягиваясь, я пыталась разлепить глаза, чтобы понять, что долгожданный принц ко мне все-таки прискакал... И не сожрал же его по дороге какой-то милый и очень голодный дракон, не поймала добрая ведьма и не заколдовала его, не подвернулся он скромному чародею, который великодушно его задушил и спрятал тело в ближайших кустах!

– Есть хочу! – ударил кулаком по столу Принц, свирепо оглядываясь по сторонам. – Где твои слуги? Зови их сюда! Выпороть их надо! Ничего! Сейчас я с ними разберусь! Сейчас они у меня попляшут!

Его Высочество встало, подошло к двери холодильника, распахнуло ее так, что где-то прижались друг к другу несчастные производители техники, следя за тем, чтобы она не отвалилась потребителю на ногу.

– Это – дверь для слуг? – горделиво спросил Принц, сопя, как ежик в тумане и присматриваясь к содержимому моих полочек.

– Нет, это дверь для «суп»! – бросилась я к нему, закрывая заветную дверь. – Сейчас сама приготовлю!

– Как говорят в народе: «Не умеет хозяйка со слугами разговаривать, пусть сама в котле и варит!» – глубокомысленно заметил Принц, снова усаживаясь за стол, пока я пыталась сварить ему гречку с сосиской.

– Я тебя раскусил! Решила любимого порадовать? Угодить ему? А? Недурно! Недурно! Теперь я знаю, что слуг ты сама распустила! – коварно заметил красавец, пока я чистила сосиску, снимая с нее полиэтиленовую обертку в меру своей распущенности. Через пятнадцать минут завтрак был готов, и даже полит кетчупом. Я положила на стол две вилки, уселась и принялась мрачно перебирать гречку в тарелке.

– Я такое есть не буду! – возмутился Принц, отодвигая тарелку от себя. – Требуху нужно отдать слугам! Или собакам! Я еще член не ел!

В этот момент гречка, которая уже готовилась к экскурсии по моему пищеварительному тракту, попала не в то горло, вызывая у меня сдавленный кашель. Нет, я понимаю, что все бывает впервые, но... Но Принц был с этим категорически не согласен! Grimаса отвращения не сходила с его благородного и неблагодарного лица, а лишь усиливалась,

когда я натыкала свою сосиску на вилку и откусывала «окровавленный» кетчупом кусочек, с наслаждением пережевывая его.

– Это вкусно! – мило улыбнулась я, поглядывая на часы и понимая, что уже пора собираться на работу. – Это не то, что ты подумал!

Слово «подумал» и Айвэн в одном предложении встречались редко, обмениваясь объятиями и горестными вздохами. «Как ты там без меня?», – спрашивало слово «Подумал». «Да ниче, потихоньку, – горестно вздыхало имя «Айвэн». – Может, свидимся еще когда-нибудь!». И они грустно расстались, чувствуя, что если еще свидятся, то очень нескоро.

– Ешь уже! – я пододвинула тарелку, глядя на героя с нескрываемым раздражением. – Другого ничего нет!

– Не стану я есть эту требуху! – гордо ответил венценосный красавец. – И даже пробовать не стану! Выпороть повара! Перехвалил я его вчера!

Я шумно вздохнула, доедая гречку и запивая ее чаем. Да... Оперативка у Принца слабенькая. Зато можно смело сказать, что дизайн симпатичный и железо неплохое! На секунду я представила, как прихожу на пункт сбора металлолома и сдаю Его Высочество при полной амуниции, а потом, потирая ручки, считаю денежку, которой хватит аккуратно на проезд обратно. Ой! Что это я раз мечталась! Пора краситься и бежать на работу!

– Оголодаешь – съешь! – огрызнулась я, спеша в ванную. Конь цокал по коридору, шурша пакетиком – памперсом, пока я пыталась накрасить нервно дергающийся глаз. Кое-как изобразив на уставшей морде «лицо», я вихрем сгребла ноутбук и отчеты, застегнула портфель и ...

– Ты куда? Я хотел сегодня просить твоей руки! – остановил меня Принц, благоухая освежителем воздуха: «Лесная свежесть». Телефон разрывался звонками начальства, которое хотело видеть меня перед планеркой. Срочно! Судя по гневным СМС-кам, мне проще отрезать себе руку, бросить ее Принцу, а потом с перемотанной бинтами культей выйти на работу и там торжественно издохнуть от потери крови. Может быть, у меня и был шанс выжить, но руководство было настроено решительно. А тут еще и конь провожал меня задумчивым взглядом, мол, на кого ты меня покидаешь?

– Я ... эм... хочу навестить родителей! – сладенько соврала я, выковыривая навоз из ключей. – Попросить их благословения на наш брак... Батюшка у меня уж больно суров! Так что хочу поговорить с ним о тебе!

– Я поеду с тобой! – решительно заявил герой, но я воспротивилась и улизнула за дверь, закрывая верхний замок на два оборота. Надеюсь,

памперса коню хватит до вечера, а Принц случайно набредет на туалет, и в этот момент ему подвернется скульптор Огюст Роден, который решит создать копию своего «Мыслителя», выбрав в качестве камня мой унитаз, а в качестве натурщика – Его Высочество.

В автобусе на меня все подозрительно косились, особенно девушки. Еще бы! У меня в коридоре – конь, на кухне – Принц! Завидуйте молча! Ничего, что у меня из сумки навозом воняет! Это – издержки большой и сказочной любви!

Головомойка ждала меня прямо с порога, ибо встречали меня не караваем с солью, а нагоняем с болью! Получив начальственный мотивирующий пендаль, я со скоростью звука печатала документы, превращая свой стол в фабрику Деда Мороза, раскладывая все по кучкам. Под натиском контрагентов, я чувствовала себя сорокой – вороной из детской считалки: «Этому дала, этому дала, а этому не дала!». Отчет был благополучно отправлен и не менее благополучно получен, но у меня было такое чувство, что за ночь, мой стул оброс иголками, поэтому я нервно ерзала, поглядывая на часы. Лена зевала и со скоростью эстонского ленивца раскладывала документы поквартально. Чтобы немного успокоиться я полезла в интернет, посмотреть про особенности средневекового быта и гигиены.

– Леночка, золотко, замени меня! – взмолилась я, представляя, что в моей квартире подходит под категорию «ночной горшок». – Очень надо... Чувствую себя плохо. Подпиши оставшиеся документы, а я завтра отправлю...

На часах был полдень, а я мчалась на всех парах домой, рисуя себе ужасающие картины. Первое, что меня смутило на подступах к дому – знакомый черный пакет с завязками и тесемочка, сиротливо лежащие на подступах к подъезду. Смутила не только тесемочка и запах, но и след от копыта, оставленный на память о бывшем владельце. Я внимательно осмотрелась по сторонам, нервно сглатывая. Внимание – внимание! Где-то по городу шляется принц на белом коне! Если он вдруг прискакал к вам, пусть у вас и остается! Я уже девочка взрослая, как-нибудь переживу!

На крыше соседской машины красовалась живописная вмятина, на асфальте валялись осколки битого стекла. Следующая машина тоже была изувечена так, что я под пытками не признаюсь, что знаю того, кто это сделал! Взбегая по ступенькам, я радовалась, что лестничная клетка пуста, а значит, на меня подумали в последнюю очередь. Смутила лишь приоткрытая дверь моей квартиры и запах чего-то горелого. Лежащий на полу замок, изувеченный, словно его добивали чем-то увесистым и

обломки дверного косяка сильно меня насторожили. В коридоре было пусто, а с кухни валили черные клубы дыма. Я бросилась на кухню и застала самую настоящую полевую... ой, извините, половую кухню! На полу рядом с открытой дверцей холодильника сидел одинокий и голодный Принц, а посреди кухни был разведен костер, в котором съежилась пластмассовая ножка стула и догорали какие-то бумаги. Его Высочество держало на палочке окорочок и насвистывало какую-то грустную мелодию, вытирая жирные руки об мою занавеску.

– Ты цела? – радостно спросил он, бросая окорочок в огонь вместе с палкой. – Я думал, тебя похитили! Заперли в башне!

В моей жизни еще не было такого мужика, который бы так радовался моему приходу. Даже кушать приготовил! Что-то в груди рыдало, глядя на раковину и на дровишки, которые наш трудолюбивый герой, наколол с запасом, лишив меня тумбочки.

– Я отправился тебя искать! Пришлось выломать дверь, чтобы спасти тебя! – мужественно сверкнул глазами Принц, пока я открывала форточку и пыталась потушить ужин водой из-под крана, поливая костер из своей кружки.

– Слуги исчезли, а за стеной выл оборотень! – синие глаза героя округлились, а мне искренне стало жаль соседского пекинеса.

– Конь где? – процедила я, кашляя от дыма и пытаюсь залить водой остатки «вечного огня» на братской могиле моих нервных клеток. – Где твой боевой друг?

– Это грустная история, – опустил глаза Принц и тяжело вздохнул. На столе стояла нетронутая гречка и обветренная сосиска, на которой сидела жирная муха. – Когда-нибудь о ней сложат балладу! Я прикажу ее петь каждый день, на каждом пиршестве, в знак уважения к моему верному боевому коню!

«И примешь ты смерть от коня своего...» – вертелось у меня на языке, а мысли о Вещем Олеге не давали мне покоя.

– Конь где? – наседала я на героя, по щеке которого скатилась скупая мужская слеза.

– Забрали разбойники! – сознался Принц, положив руку, но не на сердце, а на меч. – Я поклялся, что поквитаться с ними! Соберу армию и сотру это отродье с лица земель!

«Уважаемые цыгане, – я молча посмотрела на закопченный потолок. – Я была к вам несправедлива... Вы такие милые и замечательные... Но у меня к вам претензия... Какого черта принц еще здесь?».

– Я мужественно отбивался, не смотря на то, что их было много! –

заявил герой, демонстрируя мне оторванный шеврон, на котором я успела разглядеть: «комитет по защите животных». Где-то под окнами взвыл мужской голос, а через десять минут завывала полиция.

– Обратни! – спохватился Принц, хватая меня за руку. – Прячься! Надо развести костры, чтобы отбиться от них! У тебя есть серебро?

– Да не обратни это! – процедила я, извлекая из «костра» окорочок с прилипшей пластмассой. Сложив на тарелку «ужин» я отправилась в ванную мыть руки.

– Мама дорогая! – закричала я, увидев свою зубную щетку плавающую в стаканчике туалета. Рядом лежал перевернутый шампунь и окровавленное полотенце, порезанное на ленточки. – Это что еще такое? Что случилось?

– Пустяки! Боевая рана! – мне показали обмотанную тряпкой руку. – Что сказали твои достопочтенные родители?

Я немного растерялась, понимая, что замуж – не туалет. Можно и потерпеть.

– Они пока думают... Да! Но скоро примут решение, – сглотнула я, прибираясь на кухне и в ванной. – Скоро-скоро... Как только, так сразу!

Мне на плечи легли руки, как бы намекая, что я тоже могу принять участие в битве за корону, будучи супругой младшего сына. И поверьте, если я с усердием примусь готовить на всю королевскую семью, то королем он станет очень быстро. Но ненадолго.

– Милая, – прошептал Принц, разворачивая меня к себе лицом. – Понимаю, что мои слова не достойны рыцаря, но есть способ, как влюбленным объединить свои сердца! Твой батюшка будет вынужден согласиться, если мы проведем ночь, как муж и жена, а потом вывесим простыню со следами твоей чести! Я видел твое поселение! Ни одной честной девушки! Одни потаскухи!

О! Соседка все-таки постирала белье! Бабушка – божий одуванчик Екатерина Никифоровна наверняка расстроилась бы, узнав, что она то самое слово нехорощее, которым клеймила, восседая на лавочке всех, кто моложе ее. Доставалось даже Матвевне!

– Твой батюшка согласится, узнав, что ты обещана! У него не будет выбора! – страстно шептал Принц. – Он выдаст тебя замуж, как только узнает об этом, правда, без приданного! Но я готов отказаться от него ради нашей любви!

А я-то думала, что две сотки в пригороде – предел мечтаний землевладельца! Волгу пополам делить не надо! Она сама скоро развалится. Забавляло то, что если бы я выходила замуж после каждой

ночи, проведенной не в гордом одиночестве, то к тридцати годам, у меня бы собрался приличный гарем!

– Так как? Ты согласна? Ты станешь принцессой! – шептал мне синеокий и по воле гуманистов – зоофилов, пеший вандал, пока из открытой форточки доносились соседские крики: «Да руки бы оторвать ему!» и лай собаки. В дверь постучались. Я вздрогнула и собиралась открыть, но Принц схватил меня за руку, трогательно заглядывая в глаза.

– Давай, поговорим об этом позже! Кушай свой окорочок! – отмахивалась я, заслышав за дверью волшебную для законопослушных граждан фразу: «Откройте, полиция!».

– Нет, я хочу знать ответ сейчас же! – тянул меня Айвэн в противоположную от двери сторону. – Немедленно! Ты согласна?

– Посиди тихо! Я тебя умоляю! – взмолилась я, вырываясь и добегая до двери. На пороге стоял молодой лейтенант с протоколом в руках и кожаной папкой.

– Тут у нас акт вандализма зафиксирован. Несколько машин разбито. Вы что-нибудь знаете? Может, слышали? – равнодушно поинтересовались у меня, пока я лихорадочно соображала, что ответить. Искушение от мысли, что Принц немного посидит в тюрьме равнялось причиненному ущербу моей съемной недвижимости, но вспоминая страдальческие глаза цвета моря, мое сердце сжалось от жалости к принцу-идиоту, а я пожалала плечами, превращаясь в молчаливую Русалочку.

Наскоро подмахнув протокол, я нырнула в квартиру, облегченно выдыхая и закрывая второй, чудом уцелевший, замок. В кроссовке все еще виднелась память о коне, моя кислая мина отражалась в трещинах зеркала, как бы символизируя разбитые детские мечты.

– Милый, – сглотнула я, пытаясь оттереть пол на кухне, стараясь не смотреть на закопченный потолок. – Мой отец не потерпит моего бесчестья! Он пойдет войной на твое королевство...

«Из да-а-алека до-о-о-лго! Ползет его Во-о-о-олга!», – пело что-то протяжно и грустно внутри меня, пока я сыпала моющее средство и с остервенением растирала его губкой.

– ... Поверь, он – очень могущественный! А я не хочу войны, поэтому сказала, что чуть не убила тебя... Тьфу! – я выплюнула волос, который назойливо лез в рот. – ... На чем я остановилась? А! Полюбила тебя с первого взгляда... Я описала все твои достоинства! Мужество, отвагу и ... эм... Отвагу!... Мой отец ответил, что готов выдать меня замуж за такого замечательного жениха, но при условии, что ...

Погодите? Это что? Счет фактура на аванс ООО «Полимер»?

Оригинал? Фух! Черновик! А то сейчас у меня пригорать начнет! За сто шестьдесят тысяч с меня голову снимут! Складывается впечатление, что Принц уже имел опыт работы с черной бухгалтерией!

– Что? – взволнованно спросил герой, уставившись на меня и швыряя на пол обглоданную кость.

– Ты должен принести ему голову дракона! – сообщила я. Поверьте, дракон – это самое милое из всех мест посылы, которые вертелись у меня в голове. – Как я плакала! Я говорила отцу, что не хочу рисковать жизнью любимого, но он был категоричен! Голова дракона – вот цена нашего брака!

– Я прямо сейчас отправлюсь на поиски дракона! – занервничал Принц, проверяя наличие меча на поясе. – Пospрашиваю у крестьян, где в последний раз видели дракона!

Ага, а потом придется спрашивать, где в последний раз видели Принца! Не хватало, чтобы завтра ко мне заявила полиция с вопросами про маньяка, который с фанатичным блеском в глазах, рыскает по окрестностям, размахивая мечом и интересуясь местоположением дракона! Внезапно я вспомнила про бутылку коньяка, который мне подарили на случай, если мне вдруг приспичит спиться от одиночества! Я полезла в шкаф, достала бутылку, поставила стакан и щедро плеснула поила Его Высочеству, чувствуя, что до пяти звезд он никак не дотягивает. Ни Принц, ни коньяк.

– Выпей на дорожку! Это придаст тебе силы! – нежно прошептала я, положив руку ему на плечо. Через два часа я накрыла Принца одеялом. Он засопел, положил голову на мой тапок, и что-то пробурчал про дракона. Выключив на кухне свет, оставив Принцу его «подушку», умиляясь тому, как герой лежит, свернувшись клубочком на почти отмытом кафеле, я приняла душ и легла спать.

Утром я проснулась от того, что меня трясли за плечо, так словно пытались вытрясти дух.

– Где здесь продаются кони? – интересовался мужской голос, дыша на меня таким выхлопом, что я чуть не задохнулась. Какой конь?! А! Конь! Коню сейчас хорошо... Куда лучше чем мне... Я ему даже слегка завидую...

Пока у меня выпытывали местонахождение ближайшего дракона, просили денег на коня, чтобы добраться до гада как можно скорее, я быстро наводила марафет. «Я поговорю с отцом! Не могу отпустить тебя, любимый на верную гибель, – приходилось сочинять на ходу. – Тебя он видеть не хочет, так что подожди меня здесь! Все будет хорошо! Матушка обещала с ним поговорить!»

Рабочий день прошел как на иголках. Лена, разумеется, ничего из обещанного не сделала, поэтому мне пришлось разгребать все в одиночку. Мало того, что она не подписала документы, так еще и брыкнулась на больничный, оставив меня наедине с папками и выдохшимся принтером. Телефон не замолкал, от нас требовали оригиналы накладных и фактур, которыми должна была заниматься Лена. Но Лена забила на все, поэтому мне пришлось печатать их в авральном режиме. Раньше шести меня не отпускали, поэтому я с ужасом поглядывала на часы, нервно кликая мышкой и сглатывая от мысли о том, что меня ждет дома.

Прилетев домой, я открыла последний уцелевший замок, радуясь тому, что он все-таки есть. Из комнаты доносились стоны и глухие удары. Я опасливо приоткрыла дверь в комнату и увидела самый эпичный из всех поединков, которые только можно представить! Два соперника сошлись в смертельной схватке! Один стоял ни на жизнь, а на смерть, возвышался огромной твердыней, а другой скакал вокруг супостата, нанося сокрушительные удары!

– Получай! А как тебе это? – кричал Айвэн, сплевывая волосы, липнущие к взмокшему лицу. – Не нравится? Еще бы! Ты не знал, с кем связываешься! Попробуй сбежать, подлый трус! Ты сейчас мне за все ответишь! Сейчас я выпущу тебе внутренности!

Я бы удивилась, если бы шкаф ответил! Но еще сильнее удивилась, если бы он пытался сбежать с поля боя! Если бы попытался, то он сильно бы упал в моих глазах.

– Ты что творишь? – закричала я, бросаясь на разъяренного Принца, который смахивал мои трусы с острия меча. Сокрушитель мебели утер пот с лица, сплюнул на пол, где уже валялись мои носки и лифчик, и засунул меч в ножны. Глядя на поверженного врага с воистину королевским презрением, Его Высочество смачно шмыгнуло носом и растерло его рукой.

– Я же должен тренироваться? – устало выдохнул герой, обнимая меня одной рукой. – Дракона не так – то просто победить! Этот хитрый гад будет сражаться ни на жизнь, а на смерть!

Нет, тут даже спорить не стану! Сразу видно, что шкаф сопротивлялся до победного, а прикроватная тумбочка пыталась убежать, но ее настигли и зарубили прямо на пути к отступлению! Она наверняка умоляла о пощаде, валялась в ногах и клялась, что больше так не будет, но ей пришлось ответить за все свои грехи и мой периодически ушибленный мизинец!

– Вижу, слуги твои сбежали! Я тут приготовил похлебку! Откушай, любимая! – Айвэн тащил меня на кухню, где в железном тазу, который был подвешен над костром, плавала нечищенная, но порубленная морковка.

– Я еще и поохотился! Иначе никак! – вздохнул герой, показывая горстку перьев, оставшихся от, предположительно, голубя, – Ловушку сделал! Видишь, любимая, не пропадем мы! Принц тоже иногда в походе готовит! Особенно, когда оруженосец пал смертью храбрых!

– И какой у тебя по счету оруженосец пал? – поинтересовалась я, надувая щеки и вспоминая, где в последний раз видела голубя, и что он там делал. На всякий случай, могу подсказать отличное место для охоты. Возле помойки! Удачной охоты, Каа!

– Девятнадцатый! – тихо прошептал Айвэн, подчеркнув трагизм момента скорбным шмыганьем. – Погиб, как герой!

Оставшийся вечер превратился в вечер воспоминаний о бывших оруженосцах. С каждой историей я убеждалась, что слово «подумал» и «Айвэн» встречались куда реже, чем можно было предположить даже законченному оптимисту. Под конец, мне удалось затолкать расстроенного Принца в ванную и заставить помыться, так что дракон ко мне претензий иметь не должен.

– Я все-таки тебя поцелую! – прошептал Принц, хватая меня за талию и резко притягивая к себе, придерживая полотенце на бедрах. – Имею же право поцеловать свою будущую жену?

Через секунду ко мне присосались так, что я даже слегка прониклась торжественностью момента, когда с Его Высочества упало на пол полотенце. Еще бы, держать меня двумя руками, чтобы я не вырвалась, и придерживать набедренную повязку было весьма проблематично!

– Погоди-ка, – ревниво заметила я, отворачиваясь и отодвигаясь подальше. Если дело так пойдет, то скоро я буду рассказывать мальцу, стоя в очереди за пособием, что его папа – Принц на белом коне! – А где ты так целоваться научился?

Принц почему-то покраснел, что-то промямлил и снова попытался вспомнить боевые подвиги. А где справедливость? Почему честь смолоду должна беречь только девушка? Почему обет девственности до брака не распространяется на мужчин?

И вот уже второй час ночи, между нами лежит меч, а я пытаюсь вспомнить, все ли распечатала, и во сколько завтра привезут печать и подпись ООО «Торгпромстроймаша». Я чувствовала себя тем самым принцем, которому срочно нужна рука принцессы. С печатью и подписью. По другую сторону меча сопел обиженный принц, зябко ежась без одеяла, которое я пригребла себе, пользуясь беззащитностью, без двух братьев, монарха.

На работе я написала заявление на отпуск за свой счет, клятвенно

обещая, что буду на телефоне в режиме бесшумного оператора колл-центра службы спасения. В четыре часа я уже выдвигалась с работы, чувствуя, как у меня дергается глаз, а в мешках под глазами поместится вся зарплата фирмы, включая премии. Автобус гудел в пробке, на перекрестке была авария со всеми вытекающими из машины гаишников последствиями. Я нервно ерзала по сидению, поглядывая на часы. Домой меня занесло без трех минут шесть.

– Ты вернулась, любовь моя! – обрадовался Айвэн. – Твой отец передумал? Ну, скажи! Не молчи! Секундная стрелка медленно делала круг. – Я хочу знать, ты выйдешь за меня?

– Понимаешь, Айвэн, ты – хороший парень, – сглотнула я, внимательно следя за часами. – Но...

Через пару секунд принц стал таять в воздухе, испуганно оглядываясь по сторонам. Я молча помахала ему рукой, а потом опустилась на пол и выдохнула. Из кроссовка на меня смотрело то, с чем можно смело сравнивать мою нынешнюю жизнь.

– Акт выполненных услуг, – услышала я знакомый и слегка раздраженный голос демона, а перед моим носом мелькнула бумажка. – Получите – распишитесь!

Я подняла глаза, замечая расстегнутую рубашку, вихры каштановых волос и недовольный взгляд из серии: «А можно побыстрее!».

– Да... Неплохо! Я еще помню, как здесь было чисто и красиво! Я бы даже сказал, уютненько! – равнодушно зевнул демон. – Между прочим, зеркало разбить – плохая примета! Ой! А кто у нас тут в кроссовочке спрятался? А? Диверсант у нас в кроссовочке!

– Отстань! – устало выдохнула я и потащила портфель с документами на кухню, на ходу захлопывая открытую дверцу холодильника, под которым набежала внушительная лужа.

– Ты акт подписывать будешь? – осведомился демон, возникая передо мной и размахивая бумажкой перед моим носом.

– Сейчас с документами разгребусь и подпишу! – огрызнулась я, глядя на разбитую посуду в раковине. – Мне еще квартиру отмывать! Подождешь со своим актом. Не надо так смотреть! На безрыбье даю обет безрачья...

– И что же у тебя такое с документами срочное? А? На безрыбье-то? Или чуткое руководство загнало тебя на гору документов и выдало свисток? – насмешливо перебил демон, глядя на грудку папок, которые я раскладывала по месяцам.

– Прибыль вылазит такая, что мама не горюй! – процедила я, заглядывая в первый квартал и вытаскивая старую записку о заменах

счетов фактур. – Мне до завтра нужно будет ее занизить! Иначе на такие налоги влетим, что мало не покажется. Тут даже Дьявол разрыдается!

– Ну, раз ты высоко оценила качество обслуживания... Думаю, что в порядке исключения из правил, я бы мог тебе помочь. Просто не люблю быть должным! – усмехнулся демон, всем видом делая мне одолжение. Судя по его надменному лицу, одолжение в мою малогабаритную квартиру не поместится.

– Держи! – я с гаденькой улыбочкой вывалила ему на руки всю стопку. – Смотри не перепутай кварталы! На безрыбье мне сойдет любой помощник!

Пока я терла щеткой следы костра, выбрасывала пропавшее содержимое холодильника и скоблила раковину от прилипшего жира, демон молча сидел и просматривал документы, периодически что-то набирая на ноутбуке.

– Тебе на какую сумму выйти надо, наказание мое? Могу в ноль? Или хочется побыть убыточными? – поинтересовался он, ловко орудуя мышкой. Я молча плеснула чай в кружку, с тревогой поглядывая на часы. Потом подумала и достала вторую кружку из набора, заварила чай и поставила рядом с документами. Одолжение в обмен на одолжение!

– Тысяч тридцать пойдет. На пять тысяч больше, чем в первом квартале. Динамика! Так! Что мне еще нужно сделать? Мне еще обувь мыть! – вздохнула я, волоча за собой ведро воды и тряпку. Хоть поверьте, хоть проверьте, но вчера приснилось мне, будто принц ... ко мне примчался и нагадил в тапки мне! От кота ущерб был бы меньше!

Когда я вернулась, чтобы сгрузить в мусорное ведро осколки, за компьютером никого не было. Пустая кружка стояла на полотенце. Чистая. Пустая. Кружка. Рядом лежала блестящая капельками воды ложечка. Я присела за компьютер, пробегая глазами цифры. Опустив глаза на документы, мой уставший взгляд зацепился за цветной фантик. Поверх документов лежала конфетка, которая почему-то выдавила из меня жалкое подобие улыбки. Все сошлось. Идеально. Ни одна проверка не докопается. Конфетка лежала поверх акта, который я тут же подмахнула. Через секунду один экземпляр рассыпался в прах, разлетаясь по комнате, словно сгорая в невидимом пламени.

Я выползла из душа, вытираясь полотенцем и утешая себя тем, что первый принц всегда комом. Была надежда, что сейчас появится тот, кто сразит меня наповал! Окрыленная надеждой, я таки сумела замаскировать мешки под глазами, высушить волосы феном и нацепить приличное платье, которое чудом уцелело после войны со шкафом. Часы пробили полночь,

заставляя мое сердце нервно ёкнуть. Нет, ну а вдруг судьба, а мы в галошах?

За дверь, которую мне почему-то категорически не хотелось открывать, раздался странный звук, словно на ламинат шлепнулось что-то большое и мокрое. Кто-то полз, ударяя какой-то тряпкой по полу, и хрипел так, что чудовища из фильмов ужасов прижались друг к дружке и застучали зубами от страха.

– В ... аду... – сипело нечто, скребясь в мою дверь. Призраки продепелированных волосы зашевелились, когда я медленно стала отступать к стене. Я понимаю, что это – наше первое свидание. Место второго уже было анонсировано...

– В... аду... – сипело и кашляло то, что претендует на мою руку. И что-то мне подсказывало, что отгрызенной рукой он не ограничится.

Глава третья. Толстолобик

*В тихом омуте черти прячутся,
Им сейчас, бедолагам, увы, нелегко!
Потому, что моим окружающим кажется,
Что чертям до меня далеко!*

Прошла пара тревожных минут, я прислушалась, в надежде, что чудовище заползло туда, откуда выползло. Это было бы куда лучше, чем издохло. Если издохло, то мне придется прибираться, а у меня как раз мусорные пакеты закончились...

Опасливо, на цыпочках, подкравшись к двери, я приоткрыла ее ровно настолько, насколько позволял инстинкт самосохранения. В коридоре пахло чем-то странным. Салатом из морской капусты и свежей рыбой. Хм... Вроде никого! Надо свет включить и проверить! Я шагнула к выключателю и наступила на что-то скользкое. У меня был выбор – потерять голос от крика, килограмм от испуга или равновесие, но я предпочла потерять тапок, допрыгнув до выключателя.

Я с ужасом смотрела на огромную рыбу, пятясь в сторону кухни и спотыкаясь об порожек. Если вы думаете, что я с радостью побегу чистить этого толстолобика, то вы ошибаетесь! Шутку про «безрыбье» я оценила. Раздался сиплый голос: «В ... аду...». Согласна, в аду я видала такого тюленя! Раньше судьба баловала меня оленями, а теперь решила порадовать тюленем! Для разнообразия.

Через пару мгновений толстолобик зашевелился, показался накачанный до рельефных и соблазнительных мышц мужской торс, который заставит любую женщину кокетливо закусить губу. Внезапно чудовище повернулось ко мне, удивляя меня все сильнее. С красивого, бледного лица, смахивающего на лик алебастровой статуи, на меня смотрели зеленые глаза, подернутые мутной поволокой жаждущего и страждущего. С длинных серых волос, отливающих плесневелой зеленцой, на пол капала вода.

– Во... ды... – просипел Русал, приподнимаясь на руках, словно собираясь отжиматься от мокрого пола. Жабры на его шее шевелились, как жалюзи, а вниз шлепнулся кусок водорослей.

Я бросилась на кухню, схватила чистую кружку, плеснула в нее воды из-под крана, а потом, спотыкаясь об веник и совок, расплескивая

содержимое, метнулась в коридор. Если вдруг у меня объявится богатый родственничек на последнем издыхании, решивший устроить конкурс среди присутствующих «Кто быстрее принесет стакан с водой, тот и станет моим наследником», делайте ставки на меня! Я не подведу!

– Пей, – я сердобольно протянула кружку, глядя на серебристую чешую хвоста, на водоросли и ракушки, которые теперь художественно украшали мой свежeweымытый пол коридора... Тьфу ты, стойла!

– Лей... – просипел Русал, подставляя жабры, пока я поливала их водичкой. – Умираю...

Я бросилась в ванну, но не из гуманизма, а от нахлынувших воспоминаний о протухшей рыбе, которую однажды забыла выбросить. Затыкая пробкой слив, я экстренно набирала ванну, поглядывая в коридор, где бедный Русал твердо решил повторить судьбу моей селедки. Пока гудел кран, выбрасывая из себя воду с максимальным напором, я посмотрела на себя в зеркало взглядом будущего пациента лечебного учреждения для непонятных, непризнанных и социально опасных, а потом кисло улыбнулась своему отражению.

– Кто хотел в детстве рыбок? – я подняла брови, сдувая прядь волос. – Кто просил маму купить аквариум? Кто обещал за ними ухаживать?

А потом простонала, кусая губы, глядя на счастливицу, у которой только что сбылась детская мечта.

Ванна набралась до половины, я уже была в коридоре, таща помирающего Русала в сторону спасения. Извините, бассейна нет! Дотащив его за подмышки, чуть не прищемив хвост дверью, я сумела засунуть его головой под кран. Жабры зашевелились, толстолобик оклемался, уныло оглядываясь по сторонам.

– Я туда не полезу! – возмутился он, блестя капельками воды на красивом атлетическом теле, поглядывая на чугунную ванну с несмываемой желтизной.

– Еще один брезгливый сантехник нашелся! – фыркнула я, закатывая рукава и истерику. – Звиняйте! Бассейнов нет! Но могу предложить раковину и унитаз!

– Я лучше засохну... – с трагизмом заявил толстолобик, глядя на меня страдальческим взглядом невинно убиенного головастика. Да ну тебя в болото!

Если вы думаете, что во мне проснулся гуманист, то вы глубоко ошибаетесь. Мало, кто может похвастаться тем, что на добрые дела его вдохновляет тухлая селедка, провонявшая всю квартиру!

– Я же сказал, устрица! Я туда не полезу! – возмутился Русал, тряхнув

мокрыми волосами. «Дельфин и русалка сюжет этой песни...», – вертелось у меня в голове, пока я заталкивала жениха в ванну. Пятачок тебе на глаза, и земля тебе Винни Пухом! Теперь понятно, почему бедная русалка положила глаз на дельфина!

– Будь хорошей рыбкой! – кряхтела я, затягивая чужой хвост в пожелтевший от времени «аквариум». Все! Справилась! Фух! Меня обдало брызгами с ног до головы и насквозь замочило тапки.

– Да я тебя засушу! – заорал недовольный новой экологической нишей и ареалом обитания Русал, клятвенно обещая сделать из меня гербарий.

В этот момент мне захотелось его просто замочить. Искушение было почти непреодолимым, но я всего лишь включила кран и подбавила водички.

Одинокая женщина в самом соку и я понюхала себя, скривившись и проклиная антиперсперант... в собственном соку смотрела на то, как разобиженный Русал пытается уместиться в ванной, повторяя подвиг шпрот.

Перекрыв кран, я тяжело отдышалась, разглядывая этого героя – подводника, опустила крышку унитаза и уселась на нее, переводя дух.

– Устрица! Я – морской обитатель! Добавь соли! Иначе я умру! – вздохнул Русал, осматривая свои накачанные бицепсы. Ничего, еще один такой подвиг с моей стороны, и мы будем дружной семьей бодибилдеров!

Я сбегала на кухню за солонкой и стала солить Русала, который нудил, что «ма-а-ало!». Я, конечно, не мастер засолки рыбки, но у мамы на всякий случай всегда была парочка хороших рецептов. Вся соль, которую удалось найти у меня в доме, уже плескалась в ванной. «А теперь, Светочка! – раздавался в голове голос мамы, когда она пыталась научить меня готовить сложнейшее блюдо, которое никто не ест. – Я начинаю ее чистить. Чистить ее нужно с хвоста... Твой папа очень любит мамину рыбку!». В этот момент папа поднимал на меня глаза, вспоминая, как однажды по молодости ходил на рыбалку. Улов в тот день был небольшой. Одна золотая рыбка из соседнего дома, которой мама потом оторвала все плавники и пять селедок из ближайшего магазина. Пока папа клятвенно божился, что поймал их в местном озере. Мама соглашалась, заявляя, что экология у нас нынче так себе.

– Мало, устрица, мало! – жаловался Русал, глядя на меня, как кот, которого внезапно и подло решили искупать добрые хозяева – живодеры.

Время было позднее, круглосуточных магазинов поблизости не было, поэтому я, вздохнула и решила пойти по соседям. Матвевна сплюнула на меня три раза, глядя на часы и вытолкала за дверь со словами: «Чур, меня!

Ведьма!». В итоге профессиональная побирушка в моем лице насобираала килограмм соли под предлогом засолки рыбы, закрутки огурцов, варки супа на ночь глядя. Высыпав всю соль в ванну, я взяла с кухни ложку и размешала водичку. Отлично! Сверху я сгрузила, собранные в коридоре водоросли и ракушки.

– Чувствуй себя, как дома! – ласково улыбнулась я, развешивая сопли водорослей по ободку ванны.

– Я есть хочу, устрица! – заявил повеселевший Русал, выныривая из воды. Мокрые волосы эротично разметались по красивым плечам, а аппетитные губы капризно надулись.

– Есть гречка. Принц не доел! – мрачно буркнула я, закатывая глаза и плетясь за тарелкой. – Вот! Ешь!

Русал скривился так, словно мимо проплывало использованное резиновое изделие и другие результаты прорыва канализации. Ему-то какая разница? Вы местные водоемы видели?

– А устрицы? Омары? Кальмары? Мидии? Креветки? – осведомился Русал, хищно улыбаясь и закрывая жабры. – Можно лобстера или крабов. Если нет, то вполне сойдет и осьминог!

Я причмокнула, изучая потолок и вспоминая цены на морепродукты. Меня внезапно вывел из великой экономической депрессии, громкий всплеск. Килька и крабовые палочки. По четным дням – килька, по нечетным – крабовые палочки. На Новый Год – селедка под шубой! Иногда с премии – ставридка. Копченая. Можно купить корм для рыбок. Сбалансированный. Но что-то мне подсказывает, что такого рациона мой Русал очень скоро всплывет в моей ванне брюхом вверх.

– Устрица! Глянь, у меня есть полипы? – раздался голос, аккурат в тот момент, когда я с улыбкой вспоминала морского котика из дельфинариума, который выслуживался за рыбку. Я уже представила, как держу навесу путассу за хвостик, а передо мной радостно хлопала хвостом моя верхняя мужская половинка. Смертельный номер! Стойка на хвосте! «Я не могу! У меня полипы!», – простонала та самая верхняя половинка, подползая ко мне поближе.

– Это тебе к лору надо! – огрызнулась я, понимая, почему меня никогда не привлекала рыбалка.

– К кому? – удивился Русал, дуясь на меня. – Ты лучше скажи, как тебя зовут, устрица!

– Света! – закатила глаза я, зевая и прикидывая, который час. – А тебя как?

Русал пошел на погружение, выдав под водой тот самый звук, на пару

секунд превращающий обычную ванну в джакузи. Я скептически посмотрела на пузырьки воздуха, понимая, что каждый из нас, если не кривить душой, уже призывал русалок в любом водоеме.

И что? Мне теперь со стаканом ходить и соломинкой а ля коктейль? Буль-буль-буль, кушать будешь?

– А попроще есть вариант? – кисло поинтересовалась я, отгоняя четырехзначные ценники жизненно необходимых Русалу деликатесов, недоступных кошельку простого бухгалтера.

– Оху, – приподнял хвост над водой обладатель чудного имени и замашек гастрономического олигарха. Нет, Оху, определенно, ел все вышеперечисленное, а мне как-то не довелось! Где справедливость?

– Глянь, у меня точно нет полипов? – пристал жених, поворачиваясь ко мне спиной. Где-то зевнул одинокий лор, выписывая направление к ветеринару, тот прочитал его, посмотрел на хвост и отправил к ихтиологу. Ихтиолог скривился, глядя на верхнюю половину, и снова отправил к лору.

– Нет, – зевнула я, в упор не понимая, что он имеет в виду. – Я спать, а ты не скучай! Могу уточку резиновую кинуть! Будешь играть. Или резиновый шлепок. Чем не кораблик? Будешь играть в морской бой! Левый шлепок – твой кораблик, а правый – вражеский! Заодно и помоешь!

Я выключила свет, еще раз зевнула, чувствуя, как у меня намокли рукава. Раздевшись, я упала макияжем в подушку, оставляя на память для потомков репродукцию Туринской плащаницы.

Проснувшись от ощутимого дискомфорта. Мне дико хотелось в туалет. Проклиная свой мочевого пузырь, натягивая халат, я поковыляла к унитазу, сонно зевая и прикидывая сколько еще времени осталось до утра. Откинув седельце, отбросив полы халата, аки дирижер перед концертом, я стала стягивать трусы, как вдруг рядом раздался «бульк!». Мои глаза расширились от ужаса, я, стреноженная трусами, застыла аки сонный суслик, понимая, что еще один такой звук и фермер скажет мне спасибо за экономию на удобрениях!

– Икру метать собралась? – поинтересовался голос. Если и существует конкурс по скорости натягивания трусов, то будьте так любезны, приз за первое место присылайте по адресу... хм... Хотя, я не уверена, что в ближайшее время не поменяю место проживания в связи с попытками... тьфу! попытками устройства личной жизни!

Я нервно вышагивала по кухне, страдальчески глядя на прикрытую дверь санузла – обители зла. Все муки отражались на моем лице, когда я бросала взгляды на кухонную раковину и вспоминала находчивого Принца. Природа была ко мне несправедлива дважды, обделив и ростом и

физической возможностью!

Из ванной раздавалось хлюпанье и ... пение. Если Русалочка пела примерно такие же песни и примерно тем же голосом своему Принцу, то я вполне понимаю ведьму, потребовавшую голос за свои услуги. Без голоса у Русалочки было куда больше шансов выйти замуж! Пение Русала напоминало затяжное полоскание горла хроническим тонзиллитником. Все это безобразие усиливалось непревзойденной акустикой, создававшей впечатление, что коты еще не утопили, но очень стараются! Не могу судить на счет женских особей, но заслышав пение мужской, хочется не просто отгрести подальше, но и поаплодировать ему веслом по голове. Не знаю, о чем была столь гнусная, гнусавая и грустная песня, но мне показалось, что Оху страдал. А раз он страдал, то передо мной стоял выбор – прибить, чтобы не мучился, или накормить, чтобы чем-то занять его рот. Я заглянул в ванную, чтобы поинтересоваться, будет ли он рыбную консерву, а заодно и уточнить, «о чем, собственно, песня»? Соседи-то будут спрашивать, а мне нужно что-то отвечать!

– Это брачная песнь для привлечения самки на нерест! – вздохнул Русал, делая передышку перед душераздирающим припевом, в котором сквозила и горечь одиночества, и тоска по женском хвосту, и робкая надежда, что вот-вот все изменится. Надо будет запомнить, что если слышен в ванной шелест, наш Русал пошел на нерест.

По батарее тревожно постучали. В маленьком доме с отличной акустикой и соседи – невесты!

– Все, я привлеклась! – вздохнула я, понимая, что меня скоро привлекут к ответственности за такое устройство личной жизни! Керамический друг соблазнительно смотрел на меня, а я проклинала смежный санузел. В туалет хотелось все сильнее. На улице было темно, я отогнула шторку, а потом, воровато озираясь, схватила ключи и бросилась вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньку. Где-то за соседским гаражом, я, напряженно прислушиваясь, открыла филиал домашних удобств, чувствуя, как высокая трава, щекочет то самое одинокое место, которое не ожидало такого поворота событий и наплыва приключений. Где-то неподалеку залаяла собака, спугнув меня и заставляя раком-отшельником, пробираться глубже в заросли, тревожно осматриваясь по сторонам. Дожили...

Дома, из ванной доносилась все та же скорбная песня, пока я шарила по опустевшему после Принца холодильнику в поисках завалывшейся рыбной консервы. Открыв сардину в масле, взяв вилку, я поплелась кормить голодающего.

– Держи, тритон, свой трезубец, – мрачно буркнула я, почесывая чешущиеся после колючей травы ноги.

– Это что такое? – отшатнулся Русал, брезгливо глядя на вилку и изучая содержимое консервной банки.

– Еда! – возмутилась я, пихая ему завтрак туриста. Оху, точно, ел, потому что от консервы он мужественно отказался. Зато ее слопала я, облизывая вилку. Повелитель морей обиделся и пошел на погружение. Он что-то булькал под водой, кому-то жаловался, но мне было уже все равно.

Я умылась и побрела спать, душераздирающе зевая. Полночи Оху булькал, вертелся и пел. Мои воспаленные глаза смотрели в смежную с санузелом стенку. В итоге, я не выдержала, встала, распахнула дверь в ванну, и заявила, что завтра куплю ему кило кильки! Не знаю, как на счет кильки, но Русал успокоился. Я поковыляла досыпать. Проснулась я в десять от телефонного звонка. Нащупав телефон под подушкой, я в мутном тумане пыталась найти тот сектор памяти, который отвечал за рабочий стол. «Посмотри под желтой папкой!», – зевнула я, вспоминая, что мне нужно в магазин за обещанной килькой.

Я поплелась в ванну, взглянула себя в зеркало, а потом потянулась за расческой, но расчески на месте не оказалось. Осмотрев флаконы, я посмотрела на Русала. Его волосы были красиво расчесаны и разложены по плечам так, словно он собирается на свидание. Я на всякий случай заглянула в унитаз. Мало ли, вдруг любовница уже смылась? Нет, я – не ревнивая, просто сантехник нынче недешевое удовольствие.

– Расческу сюда! – процедила я, протягивая руку. Из воды появилась расческа с прилипшими длинными зелеными волосами.

– Тебе кильки сколько брать? – поинтересовалась я, вспоминая, что зарплата будет только через неделю. На меня посмотрели таким взглядом, словно я ему не дары моря предлагаю, а удары судьбы, но промолчали, демонстративно отворачиваясь.

В ближайшем магазине кильки не было. Не было даже путассу. Замороженные кальмары обещали повезти послезавтра, а глядя на креветки я в полной мере ощутила себя Юрием Гагариным, ибо цены были – космос.

Я решила заглянуть в еще один магазин, но там кильку разобрали сердобольные старушки, чтобы накормить кошечек. Пришлось идти в супермаркет. Набрав два кило кильки, морской капусты, пять пачек соли, вызвав панику у старушек, которые тут же разобрали остатки соли и поспешили за спичками и консервами, я отправилась на кассу. Очередь была такой, словно перед концом света. Переполненные корзины и тележки забаррикадировали все подступы к кассе.

– Охрана, отмена! – раздался визгливый голос издалека, пока в моей корзинке мирно размораживался кирпич кильки. Время тянулось медленно, я успела изучить все ценники в окрестностях, засыпая, как лошадка на ходу. Не знаю, чьи конфеты не могли пробить целой делегации продавцов и менеджеров, но судя по тому, что желала бедолаге-покупателю рассерженная толпа, конфетки скоро станут поминальными. Я простояла час, отвечая на звонки с работы, играя в слепого детектива с экстрасенсорными способностями. Пока что счет был пять один в пользу Светы. Меня умудрилась обойти розовая папка с кадрами, спрятавшись на начальственном столе!

Я неохотно ковыляла домой, стыдливо проходя мимо знакомого гаража. За мной увязалась вереница кошек, жалобно и душераздирающе мяукая. Некоторых, особо рьяных особей, приходилось отгонять пакетом. Дверь в подъезд была открыта, а по лестнице водопадом текла вода. Минуя ручки, я взлетела на второй этаж, глядя, как вся площадка залита водой, а по ней мирно проплывают окурки, фантики и какая-то шелуха.

Дрожащими руками я открывала дверь, придерживая ногой пакет, и озираясь, как партизан, которого послали с посылкой в штаб. В моем стойле было столько воды, что пора было доставать купальник и открывать купальный сезон! Авгиевы Конюшни вымывались с таким усердием, что скоро не останется не только воспоминаний о коне, навозе, но и о ламинате, который тоже качеством не блещет! Сглотнув, захлопнув дверь, я посмотрела на гипсокартонный потолок, потом прикинула ущерб, причиненный соседям, бросилась в ванную, но Русала в ванной не было. Где он? На всякий случай я заглянула в унитаз, держа руку на кнопке слива. Не то, чтобы я надеялась, что мне оттуда помашут ручкой на прощание. Хотя, нет, надеялась! Понимаю, что рожденный ползать, летает редко, но иногда заползает туда, куда другим и не снилось, поэтому на всякий случай проверила под кроватью. Мало ли?

Ванна была переполнена, из крана хлестала вода, которую я экстренно перекрыла. Мимо меня по коридору проплывал тазик. Я набрала воды, плеснула себе на потолок, отбегая подальше и уворачиваясь от брызг. Рядом плавали буйками мои новые, но уже раскисшие туфли. Еще один тазик и потолок изрядно намок. Я высунулась на площадку, проверила наличие свидетелей, а потом выскочила с тазиком и поскакала на третий этаж, поливая лестницу. Еще один таз я вылила на площадку под необитаемой квартирой.

Дома я схватила тазик и стала собирать воду, сливая ее в унитаз. Пока я плескалась, мне навстречу, не могу сказать, что выплыл, скорее, выполз

из кухни будущий жених, счастливый и посвежевший, со взглядом кокетливым и игривым. Капельки воды блестели на красивом торсе, мокрые волосы эротично облепили плечи, щеки и шею. А мне очень хотелось взять этого окуня за жабры! «Отрезаем рыбке голову! Срезаем плавнички. А дальше – ножик внутрь – кишки наружу! – слышался в голове мамин голос, призывая все мое самообладание.

На все мои претензии, местный ихтиандр был нем, как рыба, зато, как только я отвернулась, Русал тут же подал голос.

– Плыви ко мне, любовь моя, – игриво заметил чемпион моей квартиры по гребле.

– Иди на фиг! – ответила чемпионка по выгребанию, изображая бегущую по волнам с тазиком.

– Ты хочешь, чтобы я отрастил себе ноги? – спросил расстроенный Русал. – Эти уродливые подпорки? Морская ведьма, конечно, может помочь, но...

– А отрастить мозги она не может помочь? – всхлипнула я, выливая очередной тазик в унитаз и сплевывая волосы. – В обмен на твой чудный голос?

Я что? Многого попросила? Я попросила два полушария! Правое и левое! Можно одно... Хотя, я верю в то, что у морской ведьмы на мозги есть приличная скидка. Берешь левое, получаешь по правому. Извилины в подарок. И цена невысокая... Где-то поддакнули соседи, которые после этой ночи стопроцентно уверены, что у меня завелся мужик, которого я по ночам зверски пытаю.

– Представь себе! Мы будем жить в каком-нибудь уютном водоеме, – вдохновенно расписывал мне брачные перспективы Оху, ударяя хвостом по воде и обдавая меня брызгами.

Перед глазами стояло местное озерцо и портрет Менделеева, который готовит новые ячейки для своей таблицы, пока санитарная станция и экологи гадают над вопросом о происхождении этого водоема! «Я же говорил, что канализацию чинить надо!» – восклицает эколог, пока на карту наносилась еще одна туристическая достопримечательность. Было предчувствие, что ведьма не понадобится. Через месяц меня и мать родная не опознает.

– Ты намечешь мне икры! – мечтательно анонсировал «жених», описывая нашу будущую семейную идиллию.

Ага! Заморской! Баклажановой! Я представила, как буду объяснять нашей совместной икре, что на хлебушек с маслом нужно заработать!

Глядя на масштабы потопа, я мечтала в следующей жизни стать

голубем, мстительно составляя список личностей, на которых буду гадить в первую очередь. Пару субъектов придется накрыть ковровой бомбардировкой, после того, как меня радостно выпустят какие-нибудь жених и невеста. Я даже из зависти оставлю свой грязный привет на белоснежном платье, перед тем, как упорхнуть в синее небо.

Шел девятый тазик воды! Русал затянул свой шлягер о любви, вызывая у меня внутреннее содрогание. На этот раз мне удалось разобрать слова: «Тебя, красотка, нежно зацелую. Плыви, плыви, любовь моя, в мою лагуну голубую!» В дверь отчаянно забарабанили. О! Кто-то откликнулся на брачный зов! Интересно, кто бы это мог быть?

– Открыва-а-ай!!! – рычал за дверью сосед снизу, привлеченный брачной песней. Над голубой лагуной медленно поднималась голубая луна. – Открыва-а-ай!!!

На телефоне, который стоял в беззвучном режиме, было восемь пропущенных от соседей! Конец Светы был близок, как никогда. Мне очень захотелось накрыться тазиком, как их свежий ремонт, и изобразить маленькую жалобную и сонную черепашку.

– Чего молчишь, счастье мое чешуйчатое? – гаденько осведомилась я, набирая воду в таз. – Приманил ты брачной песней отличного кандидата! А что? У него машина есть... Точнее, была... Квартира своя... Даже аквариум с рыбками! И ремонт в квартире шикарный. Был. Не жених, а просто мечта! А еще он рыбак, так что ты его сто процентов заинтересуешь!

Русал молчал, глядя на дверь, которая тряслась под ударами, прикидывая, брачная это перспектива или все-таки мрачная?

– погоди, милый. Сейчас будет разнообразие! – кисло улыбнулась я, гребя с тазиком в ванную, тихо постанывая и всхлипывая. – Сейчас у тебя отбоя от кандидатов и кандидаток не будет!

Сосед орал в трубку своей жене, чтобы быстрее приезжала, ибо он один не справится. По гулкой площадке шлепали чьи-то тапки и раздавались злобные голоса. Любвеобильный головастик решил испытать судьбу и мои нервы, поэтому затянул свою песню. Хотя, мне кажется, что «головастик» – это незаслуженный комплимент.

– Откройте! – верещала соседка снизу, пока я выливала десятый таз в унитаз, тихо постанывая и всхлипывая от того, что ломит поясницу.

– Сейчас! – жалобно отозвалась я, проверяя капающий вниз подтеки с потолка. – У меня тут у самой потоп!

– Да вы что? – нервно и язвительно заметила соседка, продолжая барабанить в дверь. – Мы ремонт недавно закончили! Открывай!

Затолкав Русала в комнату, закрыв межкомнатную дверь и прижав ее

стулом, я открыла входную дверь, выпуская еще порцию воды на лестничную клетку, глядя на собравшихся соседей взглядом потерпевшей.

Грустно показывая на мокрый потолок, и разводя руками, мол, какой спрос может быть с несчастной жертвы чужого произвола, я всхлипывала и вздыхала.

Вся злость, которая обуревала моих соседей, перенеслась на владельца недвижимости сверху, покинувшего свою уютную обитель и исчезнувшего после поножовщины в направлении известном, но не суть важном. Дальше бессильной злости дело не пошло, по причинам вполне понятным. Молча поджав губы и хвосты, соседи разошлись спасать свое имущество.

– И что это за мода такая? – нашла к чему придраться Матвевна, которая хоть и не пострадала, но всегда ходила с пострадавшими за компанию, как на светский раут. – Музыку всю ночь слушать?

– Извините, больше не буду, – скромно потупилась я, заглядывая в строгие старушечьи глаза, а у самой перед глазами мелькал мой любвеобильный карась с носком во рту. Матвевна заявила, что меня ей не рекомендовал районный терапевт, и проживание со мной в радиусе километра плохо сказывается на ее уже пошатнувшемся здоровье. И топаю я как конь, и ору, как мартовские коты, а тут еще вырядилась, как проститутка! Какое сердце тут выдержит!

Пока я выслушивала обилие диагнозов, противопоказанием к которым я являюсь, стул позади меня прыгал, ручка вращалась, требуя выпустить ихтиандра в нейтральные воды. Дать, ему, так сказать, водный коридор!

Мне пригрозили сухоньким кулачком, вывалив полсотни диагнозов, о которых стало известно благодаря передачам «За здоровье» и старым журналам «Сам себе диагност», а потом с кряхтением понесли заболевания, половина из которых не совместимы с жизнью, в сторону своей квартирки. Я захлопнула дверь, снова принимаясь за работу.

– Разве ты не хочешь увидеть подводный мир? – сладенько начал Русал, пока я перешагивала через его хвост, неся очередной тазик в ванную.

– Спасибо! Жак Ив Кусто мне уже все показал! – буркнула я, выливая таз в унитаз и с хрустом разгибаясь.

– Ты никогда такого не видела! Пестрые рифы, затонувшие корабли и косяки рыб, – соблазнял меня Оху, смачно описывая то, что я могу спокойно посмотреть на любом образовательном канале.

– Рыбы – то чем накосячили? – закатила глаза я, слушая его рассказ через слово. Не тот косяк косяком обозвали, ой, не тот! Мне за шиворот с потолка упала холодная капля.

Мне не ответили. Через два часа влажный ламинат разбух и вздулся, обои снизу отклеились, а деревянная дверь в ванную перестала закрываться. В ванне лежал обиженный Русал, вокруг него плавала маринованная морская капуста, а на решеточке стояла тарелка с килькой.

Я чувствовала себя самой гостеприимной хозяйшкой на свете, вспоминая те замечательные времена, когда могла спокойно искупаться или принять душ. Мне кажется, что скоро от моего запаха будут шарахаться даже облезлые любители микрофинансового кредитования «На опохмел». Кредитованием на микро и макро попойку, я обычно не занималась, понимая, что раз мужик накопил в себе основные качества: две руки, две ноги и голову, то он априори может работать. Есть ведь ряд работ для мозговых меньшинств, не требующие участия основного органа?

– Тебе соли сколько сыпать? – раздраженно спросила я, доставая пять килограмм соли, которую еле притащила из магазина.

– Уже не надо, любимая.... Когда у нас начинается брачный сезон, мы выходим в пресные воды... – сладенько заметил Русал, встряхивая мокрыми волосами. – Паховые пластины раскрываются навстречу любви...

Сдержать радостный возглас было нелегко.

– Любимая моя, правильно говорить слово: «вобла»! На конце «а», а не «я». Первый, кто приплывет на твой зов, станет твоей судьбой! Ты приплыла на мой зов... Считай, что море нас поженило! Так что ты – моя жена!

Я даже знаю, как называется это море! Море неприятностей!

– Послушай, русал! – прокашлялась я, пытаюсь отдышаться после уборки. – Я пока что замуж не... Мне нужно получить благословение от родителей... Для меня это очень важно!

– И после этого можно спариваться? – осведомился Оху, вылезая из своего «аквариума»

Спариваться? Я уже спарилась! И запарилась! Попробуй тридцать тазиков воды вычерпать, а потом с тряпками по полу ползать! Перед глазами промелькнула фотография папы с огромным сомом в руке, которая украшает семейный альбом.

– Понимаешь, мой отец – рыбак! – вздохнула я, как бы намекая, что улов дочки сильно порадует сердце старика. «Чтобы рыба хорошо засолилась...» – продолжал мамин голос, который я отгоняла, разглядывая чешуйчатый хвост.

– Бывает! Только я – не русал, глупая устрица, – игриво заметил Оху, лаская меня взглядом и протягивая ко мне накачанную руку. – Я – тритон!

– А я – не устрица, я – планктон! Офисный планктон! – я отползла

подальше, поправляя полотенце на сушилке и ногой расправляя влажный туалетный коврик.

Уже два часа я лежала на кровати, прижимала к груди подушечку, мучимая позывами в туалет. Из ванной доносилось горловое пение на повышенных децибелах. «Плыви ко мне, жена моя! На солнце блещет чешуя! Люблю и хвостик твой, и спинку! Хочу, чтоб каждая икринка была похожа на меня!». Нет, такими темпами слово «вобла» я никогда не научусь говорить правильно! «Плыви ко мне, я уже засох от любви! Плыви ко мне! Иди ко мне!», – орал Тритон, но что-то мне подсказывало что, не «иди ко...», а «иди от...». Ну да ладно. Я уже наслушалась про трепет паховых пластин сохнувшего от любви Тритона, поэтому перестала обращать внимание на туалетные серенады.

В коридоре прозвучала трель звонка, внеся некое музыкальное разнообразие. На пороге стоял хмурый мужик, сплевывая окурок. На плече у него была сумка и моток проволоки.

– Показывайте свой стояк! – прохрипел сантехник, глядя на мой потолок. – Где ванная? Пошли посмотреть стояк!

Перед глазами всплыл Тритон, мучимый определенной проблемой. Нет, ну я, конечно, могу водить экскурсию в личный похотливый «Дельфинарий», но за большие деньги.

– Простите, давайте попозже! – взмолилась я, выпихивая сантехника за дверь. – Смотрите, у меня с потолка течет! Так что течь в квартире выше! У меня все в порядке!

Дверь закрылась, шаги стали подниматься выше, где уже собрался боязливый соседский консилиум.

– Звоните хозяину! – раздался хриплый голос сантехника. И все дружно принялись объяснять, что хозяин как раз ждет «звонка», ибо в местах не столь отдаленных он, как в школе, на десять лет. «От звонка до звонка». И чем дальше выпускной, тем лучше для соседей, ибо сдали его именно они. Я успокоилась, отлипла от глазка и побрела в комнату, устало упав на кровать.

– Иди ко мне, жена моя! – орал Тритон, страдая от неземной во всех смыслах любви.

По запросу «развод» и «тритоны» мне выпадали правила чистки аквариума и основы ухода за маленькими неприхотливыми ящерками. Мой взгляд грустно скользнул в сторону ванной. Я всегда удивлялась, что может делать мужик в ванной сорок минут? Мне за сорок минут удавалось управиться с масками, гелями, скрабами и всем остальным, а он с универсальным гелем-шампунем в одном флаконе заседает почти час!

Тихо! Он что? Успокоился? Уснул? Утонул? Утопился, от неземной любви?

Неумолимые позывы заставили меня мучительно повернуться на другой бок, привстать, пострадать немного, а потом залезть ногами в тапки и прокрасться в сторону ванной. В абсолютной тишине и темноте, боясь лишней раз шелохнуться, я осторожно откинула седельце, и ... Такое чувство, словно мне приспичило в гостях. По закону подлости, как только я закрываю дверь в чужой санузел, стихают все звуки, музыка и голоса. Создается впечатление, что где-то под дверью стоят хозяева и гости, приложив уши к той самой заветной дверке со щеколдой, за которой заседаю я. «А что она там делает?» – спрашивает кто-то в моем страшном сне, «Срезает струями эмаль на нашей бесценной керамике!», – шепотом отвечают хозяева. И нервно прислушиваются.

Боясь лишней раз шелохнуться, затаив дыхание, я стала натягивать трусы обратно, как вдруг меня схватили и потащили в ванну! Я зацепилась за полку, перевернула шампунь и гель для душа, звякнула расческой и завизжала.

– Тебя ждет океан нежности! – шептал Тритон, покрывая мою шею поцелуями, слегка притапливая меня. Мои пальцы намертво вцепились в скользкий бортик ванны обожания! По ногам ерзало что-то холодное и скользкое, а я усиленно пыталась вынырнуть и сделать глоток воздуха, но мне его пытались перекрыть поцелуем. Инстинкт самосохранения требовал пнуть его между ног! Когнитивный диссонанс слегка растерялся. Меня снова окунули в ванну, наседая на меня всем телом и покрывая меня поцелуями. «Му-му!», – промычала я, пытаюсь сделать вздох, вылезти и сплюнуть воду с морской капустой. Судя по запаху изо рта, Оху, точно, ел. Голод – не килька.

Несколько раз я выныривала из омута, чувствуя, как намок мой халат и как медленно соскальзывают пальцы с бортиков. Это – страсти, а не страсть! Пальцы свободной руки нащупали упавший в ванну флакон. Струя шампуня брызнула в лицо без пяти минут счастливого обладателя меня! Закашлявшись, растирая глаза, Тритон несколько ослабил напор влюбленного тунца, чем я и воспользовалась, выскользнув из ванной. Бедолага сидел и кашлял пузырями, страдальчески глядя на меня одним глазом. При попадании в глаза – промыть водой! Спасибо вам, уважаемые производители, за ядреные химикаты!

– Проклятые чайки! – откашливался Тритон, поглядывая куда-то вверх, пока по его лицу стекала серебристо-серая масса.

Мне показалось мало, поэтому я схватила второй шампунь и щедро вылила на голову кашляющего Тритона! Высунулся из воды – лови

примету к сокровищам затонувших кораблей! Мне подмигнул бредущий над закатным морем жирный и отлично покушавший баклан, как бы намекая, что гадить он хотел на такие брачные перспективы.

– Не трогай меня! – прошипела я, вооружившись освежителем воздуха и отходя на безопасное расстояние. С мокрого халата на пол лилась вода.

– Что это? – стонал страдалец, пытаясь смыть с себя половину тюбика шампуня, но лишь взбивая пену. В моей руке был зажат гель для душа и освежитель воздуха.

– Я сейчас открою эту штуку! – заявил Оху, положив руку на кран и возомнив себя богом. – И снова здесь будет озеро!

На кухне зазвонил телефон, отвлекая меня от проклятого шантажиста. Настойчиво и упорно звонила мама, активно интересуясь моей личной жизнью. Ей, видите ли, нужны внуки! Срочно!

– Мама, внуки будут сегодня! Я тебе обещаю! Тебе сколько? – прокашлялась я, чувствуя, как липнет к спине намокший халат. – Цвет, возраст, пол... Напиши в СМС, чтобы я не перепутала, когда буду собирать по всему миру детишек! ... Я соберу, а потом тебе сгружу! Будешь воспитывать! ...Кровиночки?... Да они мне, как родные будут!... Что значит, яжемать? Один раз в месяц всей семьей приезжать и достаточно? ... И фотографии высылать? ... Я могу тебе высылать фотографии чужих детей! С таким же успехом!... Ты хочешь сказать, чтобы я рожала, как хомячиха, дабы один раз в месяц ты их понянчила?... Так, все мама! Прекрати! ... Мужской голос? Да... Я же тебе говорила! Я живу не одна!

Под холодильником еще оставалась вода, поэтому я ногой затолкала туда тряпку.

– В туалете!... Что может делать нормальный мужик в туалете? Мама! ... Страдает? Да не страдает он! Тебе показалось!... Да нормально я его кормлю! Нормально! Все, как положено! ... Да не выковыривает гвоздем мои котлеты! Прекрати!... Нет! Он не прокликает меня! Тебе послышалось! И суп здесь не при чем! – я плечом прижимала к уху телефон, убирая пакет с оставшейся килькой в холодильник.

Из ванной донесся такой горестный всхлип, что дрогнуло бы сердце даже самой матерой мужененавистницы!

– Нет, мама! Ему не плохо! Ему хорошо! – вспылила я, теряя терпение. – Он... кран чинит! Да! У нас вчера потек кран! ... Да! У него золотые руки!... На почте была? И что? ... Кроссовки выслала? Будущему зятю?... Мам, ты чего? А откуда ты знаешь, какой у него размер? ... Тетя Зоя отдала?... Зачем мне кроссовки тети Зои? ... Что значит, растопчет? А папа что? Не может растоптать? Мама, прекрати! ... Кем работает?

Занимается бизнесом! Все, пока!

Ага, единственное, что светит моему Тритону – работа в городском аквариуме. Экспонатом. Но на пособие пособия мы вряд ли проживем! Я бросила телефон на стол, выдохнула и направилась в ванную. На самом несчастном Тритоне на свете была пена. Морская капуста валялась на полу, откуда я ее сгребала вместе с чешуей. Вид у Оху был глубоко несчастным, и я решила его утешить и ободрить.

– Тебе тут будущая теща кроссовки прислала, – нежно вздохнула я, включая воду и вынимая пробку из водостока. – У тебя какой размер ласты?

Оху наверняка был рад кроссовкам! Еще бы! Мама сказала, что – фирменные!

Пена была смыта, я уже набрала почти полную ванну чистой воды, как кран загудел, выдал последнюю струйку воды и все...

– Так! – я осмотрелась по сторонам, крутя краны. – Что это значит? Воду отключили?

Трель звонка нарушила нашу внезапно воцарившуюся идиллию. На пороге стоял знакомый сантехник.

– Надо проверить стояк! А то, кажись, у вас где-то течет! – авторитетно заявил он, оставляя грязные следы огромных резиновых сапог на площадке. – Я тут воду по стояку перекрыл в подвале! Течь не должно! Но я хочу посмотреть!

– У меня там ... мужик мой ... эм... в ванной! – стала упираться я, загоразывая проход в квартиру.

– И шо? Шо я там не видел? Вот если бы баба была, то тогда другое дело! – фыркнул сантехник, наводя меня на странные мысли.

– Он просто долго купается... Вы тут как раз воду перекрыли... Ладно-ладно, только сперва посмотрите на кухне! – сдалась я, метнувшись в ванну и хватая пену для ванн с запахом розы.

– Нет! – задохнулся от ужаса Оху, пока на кухне чем-то стучали по трубам. – У меня чешуя слазит от этого! Нет! Прошу тебя!

– Заткнись! – процедила я, поглядывая на дверь и взбивая пену рукой. – Попробуй что-то вякнуть! На все отвечаешь «угу»! Ты понял? Иначе воды не будет! А еще он – рыбак... Так что учти!

– Угу, – сглотнул Тритон, пока я проверяла маскировку и снимала трусы. С веревочки, разумеется.

– На кухне все нормально! Кран пора вам менять! Могу визиточку оставить! – зевнул он, проходя в ванную и протягивая руку Тритону. – Драсте! Хочу стояк глянуть.

Тритон смотрел на него с ужасом, но руку не протягивал.

– Ладно, сейчас гляну... – сантехник погудел краном, полез под ванну. – Тут у вас трубы старые! Менять надо! Мужик, потом глянешь пластиковые! Могу фирму посоветовать!

– Угу! – икнул Оху, страдая неимоверно.

– Сходишь в магазин, приценишься. Только дешевые не бери! Смотри, чтобы качественные были! Иначе – труба! – бурчал сантехник, выползая из-под ванной.

– Угу! – отозвался Оху, слегка поежившись. Я погрозила ему кулаком, когда он попытался поднять хвост.

– Ты рыбалку любишь? Я на выходных такого окуня поймал! – сантехник осматривал колено раковины. – Засорилось! Короче, тут все менять надо! Это тебе в тысяч тридцать с работой выйдет! Если по – дешевке брать! Тут неподалеку есть магазин. Пешком – минут сорок. Сходишь, прогуляешься, приценишься...

– Угу! – промычал Тритон, опасливо глядя на меня. Ну да! Мама что? Зря кроссовки выслала?

– Да вроде все нормально! – пожал плечами сантехник, когда я закрывала за ним дверь. – Мужики своему скажи, чтобы за коленами следил!

Ага! И за коленами, и за коленями... Воды не было уже полчаса. Мои нервы не выдержали, и погнали меня к соседям за новостями.

– Сказал, что завтра-послезавтра включит! – ответила Зинаида Павловна, страдальчески глядя на меня. У нее до сих пор звонко капало с потолка в расставленные по полу тазики. – Опломбировал стояк!

Оху орал полночи. Теперь все соседи наверняка знали, что у меня завелся мужик. Но, судя по горестным крикам, ненадолго. Демонстрируя мне горсть чешуи, глядя на меня самыми несчастными глазами на свете Тритон, хлопал жабрами и умолял дать ему воды. И проклинал за то, что я зажала стакан воды на долгую дорожку по темному туннелю.

Я взвыла так, что где-то поджала хвост Собака Баскервиллей, а в местных лесах передохли от ужаса все волки. Зато мой вой отчаяния нашел поддержку в лице, а точнее, в приплюснутой морде соседского пекинеса, который выл со мной за компанию, пока не был успокоен криками и тапком!

Я вынесла мусор, обошла соседей – склерозников, пытаюсь выяснить, у кого храниться ключ от подвала. Через десять минут, я, подсвечивая себе фонариком, торчащим изо рта, пыталась открыть ржавый технический кран. После двадцати минут попыток, которые смахивали на пытки, кран сдался и открылся, плеснув струей ржавой воды прямо мне на ноги.

Через три часа я лежала на кровати, понимая, что мои шансы на замужество падают быстрее, чем курс отечественной валюты. Еще бы! Кому нужна девушка с волочащимися по земле руками? Нет, конечно, я могу поработать на мафиози, махая ручкой и намекая, что у козы ностры они, ой, какие длинные, но сомневаюсь, что запись в трудовой в графе "Причина увольнения": "замахала", будет оценена по достоинству следующим работодателем. Двадцать четыре ведра воды на второй этаж! Двадцать четыре! Поясницу ломило, руки отпадали, ноги гудели, зато где-то в ванной меня игриво звал посвежевший Оху, требуя, чтобы я немедленно явилась на его зов, и мы слились с ним в едином порыве любви. Нервы не выдержали, поэтому я поплелась в ванну, объяснить Оху, что он сегодня уже ел!

– Иди ко мне, моя любовь! В мою уютную лагуну! – орал Тритон, плещась с наполненной ванной. – Любимая жена, иди ко мне! Ты должна спать с мужем! Мне скучно! И одиноко! Ты что? На меня обиделась?

– Нет, ни в коем случае... Я не на тебя обижаюсь, а на природу! – выдохнула я, а потом тихо добавила. – Поражающую своим разнообразием...

– Где моя маленькая русалочка? – ко мне потянулась рука, пытаюсь поймать меня за подол ночной рубашки.

Через пятнадцать минут я засыпала под «Уолт Дисней представляет... Русалочка!». Ноутбук стоял на крышке унитаза, удлинитель тянулся из кухни, видео было зациклено на бесконечной прокрутке, а я уткнулась лицом в подушку и проваливалась в темноту.

Проснувшись я в полпятого вечера, от душераздирающей песни на знакомый мотив. Провалявшись до без пятнадцати шесть, я сумела встать и доползти до ванной с тарелкой кильки.

– Ты хочешь, чтобы я отдал свой чудесный голос в обмен на ноги? – прошептал Тритон, раздувая жабры. Я смотрела на него, слыша за спиной знакомую с детства музыку и молчала.

– Знаешь, я согласен... Ты столько для меня сделала... Я готов отдать свой голос... – вздохнул Тритон, протягивая мне руку. – Устричка... Ты сделала для меня больше, чем русалочка для этого двуногого...

Внутри меня что-то скреблось, умилялось и нервничало.

– Но есть эту дрянь, я не собираюсь, – надулся Тритон, отодвигая тарелку, пока я молча стояла рядом.

Время медленно ползло к шести...

– Кстати, принц очень аппетитный, – хищно заметил Оху, улыбнувшись мне острыми зубами. – Надо было топить его сразу! Жаль, в

нашем мире мало людей осталось, приходится жрать креветок, осьминогов и прочий мусор...

Часы на телефоне показывали ровно шесть, а у меня по спине градом катился пот. Тритон таял в воздухе, а у меня перед глазами стояла его хищная улыбка.

– Актик! – перед моими глазами мелькнула бумажка, выводя меня из кинотеатра ужасов, нарисованных моим разыгравшимся воображением, которое тыкало мне под нос табличку «Купаться запрещено!». – Оказанных услуг по устройству личного счастья! Получите, распишитесь! Вижу, счастья через край! Просто океан счастья! До сих пор ламинат не высох от моря любви и обожания!

Я обернулась, глядя усталым и презрительно – злобным взглядом на демона, который помахал у меня перед глазами двумя экземплярами акта.

– Послушай, – я потащила демона на кухню, где на полке лежали те самые проклятые часы, показывая два часа дня. – Ты видишь, что происходит? Посмотри вокруг! Меня хозяин прибьет! Скоро соседи с факелами придут выламывать мою дверь! Да меня торжественно сожгут во дворе, привязав к сушилке для белья, свалив всю старую мебель, которая отсырела в подвале. Я хочу прекратить игру! И пока ты не скажешь, как это сделать так, чтобы все стало по-прежнему, без каких либо «санкций» и «неустоек», я не подпишу акты!

Если что, я знаю еще много угроз из бухгалтерского гримуара! В моем арсенале есть несколько заклинаний. Обычно они начинаются со слов: «Устали работать? Хотите сесть?», которые превращают хитрое и изобретательное начальство, в послушное и грустное.

– Наказание мое, не хочу тебя расстраивать, но, игру, если быть предельно честным, просто так остановить нельзя! – фыркнул демон, а у меня дрогнула рука, разливающая чай на две кружки. – И не надо пугать меня актами. Я могу их подписать за тебя. Никто смотреть не будет, ты или не ты, расписывалась. Акт есть? Подпись есть? Отлично! Если есть какие-то претензии, то можешь отправить их в Небесную Канцелярию. Только учти, насколько я знаю, там еще претензии с 1252 года разбирают. Первые жалобы на инквизицию и пытки. Если повезет, то через лет сто к четырнадцатому веку перейдут. Но ты, главное, пиши... Чем больше, тем лучше! Ребята очень скрупулёзные, авось, до Страшного Суда успеют! Там целые горы жалоб на жизнь, отдельная гора «рожей не вышел/вышла», видел даже, с позволения сказать, стопку с претензиями одиноких женщин, которые начинаются стандартно: «Как же так, я – красавица – раскрасавица, умница – разумница, и вся такая принцесса, и при этом одна

– одишенька! Пошлите мне кого-нибудь!».

– А когда Страшный Суд? – поинтересовалась я, понимая, что в одиночестве есть свои плюсы. А если мне снова пошлют "кого-нибудь", я буду сдыхать наперегонки с ремонтом и репутацией.

– Его уже несколько раз откладывали! Не успевают! – махнул рукой демон, усмехаясь протянутой ему кружке с чаем.

– Я так понимаю, что мне придется выбирать из тех, кто у меня тут был? – осведомилась я, глядя, как демон помешивает чай, встряхнув каштановыми локонами и подарив мне едва заметную улыбку – благодарность. – Я – не первая, кто играет в эту игру?

– Знаешь, что я тебе скажу, наказание мое, – странно усмехнулся демон, откладывая ложечку. Он смотрел на меня как-то странно, задумчиво, слегка наклонив голову набок. – Мы помогаем решить вопрос одинокой жизни. Никто из клиентов не остался влачить свое одинокое существование на этой грешной земле! Мы работаем на результат!

Я задумчиво размешивала свой чай, глядя на пузырьки в центре вихря событий, сотворенного моей ложкой, и украдкой бросая взгляд на чайные глаза демона.

– Это хорошо! Я уже не боюсь умереть в одиночестве! – вздохнула я, глядя на два акта. – Поверь мне, если ко мне в ответственный и торжественный момент не протянется рука какого-нибудь упыря, всю жизнь трепавшего мне нервы, со стаканом воды, то я даже не расстроюсь!

Демон осмотрелся по сторонам, а потом улыбнулся, приближаясь ко мне, словно для поцелуя.

– Бойся желаний своих, – прошептал он, едва слышно, украдкой подняв глаза и глядя поверх моей головы. А потом мило улыбнулся и протянул мне конфетку.

– Кушай и не расстраивайся, наказание мое! У меня еще есть!

– Не нужна мне твоя конфета! – возмутилась я, отодвигая от себя подальше чужую руку. – Вы у меня знаете, сколько крови выпили? Больше, чем все комары в моей жизни вместе взятые!

Демон исчез, положив мне на стол акты и конфету, а я внимательно следила за часами. С каждой секундой сердце ёкало и нервничало. Стрелки неумолимо ползли к полуночи, отмеряя последние секунды моего одиночества.

Ровно в полночь, я встала, закрыла глаза, глубоко вздохнула и открыла дверь в коридор, в котором стоял высокий, бледный и очень красивый мужчина с черными волосами, украшенными шелковой лентой.

– Я вас приветствую, миледи, – прошептал он, глядя на меня

горящими в темноте алыми глазами.

Глава четвертая. Подсос и голубая кровь

*Мужчины есть в русских селеньях,
Их все «мужиками» зовут,
На бабьих сидят иждивеньях,
Последние деньги пропьют!
Зарплату домой не приносят,
С дивана слезать не спешат,
Но ласки и нежности просит
Скупая мужская душа!
Работай на двух – трех работах,
Его обстирай, накорми,
И все остальные заботы
На хрупкие плечи возьми.
Горящие избы и кони
уже никому не нужны,
Он курит на старом балконе,
Гордясь, своим званьем «мужик»!
Кристина Юраш а ответ Некрасову*

Я стояла и в полумраке смотрела на этого аристократичного и вполне респектабельного красавца средних лет, чьи благородные виски уже слегка посеребрила седина. Он одарил меня тягучим взглядом вишневых глаз, откинул жгучую прядь волос, демонстрируя мне профиль, достойный старинного портрета в вызолоченной раме. Моя рука тянулась к выключателю, дабы в полной мере насладиться присланной мне красотой. Седовласый граф со взглядом «О, времена! О, нравы!» мне крайне импонировал. Я даже представила на секундочку, как мы будем украшать семейный портрет.

– Миледи, вы просто сразили меня наповал, – томно прошептал красавец, лаская меня взглядом. – Такой изумительно красоты я не видел никогда... Ах, как у вас тут уютно. Сыро, темно и ...

Я включила свет, чтобы получше рассмотреть моего гостя. В этот момент раздался такой визг, словно в женскую раздевалку по фитнесу заглянул сантехник с наивным вопросом: «Кому тут трубы прочистить?». Визг перерос в шипение, жених съежился до размера чего-то маленького и черного. И это маленькое и черное метнулось в сторону моего шкафа, и

юркнуло в щель приоткрытой створки. Я стояла в коридоре подозрительно глядя на шкаф. Ой, зря... В шкафу раздался шелест, что-то оборвалось, а через секунду раздался грохот рухнувшей полки и крик! Какая боль, какая боль, утюг и моль – пять – ноль! Там же придерживать надо, когда трогаешь верхнюю полку!

Из шкафа вывалился тот самый, очень респектабельный джентльмен, с моим бюстгальтером на голове и ужасом в глазах!

– Свет! – заверещал он таким голосом, каким может кричать: «Насилуют!» девственница из пуританской семьи при виде фотографии любого мужика с полуголым торсом.

Обычно душераздирающие крики: «Свет!» раздавались в тот момент, когда проходя мимо санузла с включенным светом, ты рефлекторно вспоминаешь об экономии, матушке природе, экологии, а заодно решаешь проверить, есть ли там кто живой или нет?

Лампочка пошла трещинами, дрогнула и осыпалась на пол, погружая коридор в злоеущий полумрак.

– Только свечи, – тут же взглянул на меня бледный жених, скорбно поджав аристократические губы. – Никакого света и солнца! Ты ведь знаешь кто я? Я – Альфонсо Альбрехт Амадей Альваро Вацлав Звентибальд! Герцог, в жилах которого течет королевская кровь! Никакого почтения!

Я так понимаю, что родители недолго думали, как назвать сыночка, а в последний момент быстренько открыли справочник мужских имен. «Вацлав?» – спрашивает счастливый отец, глядя на роженицу. «Со– ОЙ!–дет! – стонала мать будущего наследника. «Вильгельм?» – вопрошал автор шедевра. «Не-а-А! Бана-а-А!льно! Да-А!-альше!», – тужилась роженица, пока задумчивый отец вычеркивал очередное непонравившееся имя и листал справочник дальше.

Жених подошел ко мне, сразу приосанился, как бы пытаюсь сгладить первое впечатление.

– Свечи – это так романтично, – прошептал он, беря меня за руку. – Ужин при свечах... Где здесь столовая? Скажите слугам, миледи, чтобы не тревожили нас!

О! Слуги нас не потревожат! Они у меня тихие, незаметные, я бы даже сказала, невидимые. Так что с ними никаких проблем. Нет слуг, нет проблем.

Я открыла дверь на кухню, глядя, как жених подозрительно смотрит на лампочку. Через секунду она раскрошилась и осыпалась на пол.

– Я хочу видеть ваш самый лучший туалет! – с томным придыханием

прошептал гость, покрывая мою руку учтиво-страстными поцелуями.

Вообще-то, он у меня один. В конкурсе «Самый лучший» он плетется где-то в хвосте. Если раньше мы просто отставали от лидеров, то после Тритона и Принца нас опережает бесплатный и универсальный привокзальный туалет на станции Шепетовка после нашествия банды батька Махно. Мы дышим в седельце туалету в пионерском лагере «Клубничка», с пропускной способностью пятьсот пионеров в день. Двухочковое заброшенное счастье в местном переходе тоже слегка нас опережает, но мы не сливаемся с гонки, все еще на что-то претендуя.

– Туалет там! – ответила я, в надежде, что этот жених, в отличие от Принца, к нему приучен.

– Почему вы еще не в нем? – страстно прошептал гость, прижимая меня к себе и глядя на меня сквозь полуприкрытые веки. Мне очень хотелось от него отмахнуться.

– Да как-то пока не хочется, – устало вздохнула я. Мозги совсем отказывались работать.

– А ради меня? – шептал жених, поглаживая мою шею холодными пальцами и заглядывая мне в глаза с такой мольбой, что мне становилось неловко. Нет, ну ради такого случая я, возможно, и попробую. О результатах отчитываться обязательно?

– Я так хочу увидеть вас в нем. Просто страсть, как хочу, – его голос, словно, обволакивал меня. – Я представляю, как вы будете в нем смотреться... Вы будете в нем так прекрасны, так милы, так очаровательны.

Я тоже представляю! Я, с телефоном, восседающая Снежной Королевой на белоснежном троне, и дочитывающей последние новости, казнящаяся и милующая бегущих от соседей тараканов – мигрантов, буду смотреться воистину благородно! В последнее время я – прямо начальник миграционной службы, ибо почти все нелегалы проходят через мой тапок. Получают пожизненную визу.

– Вы точно хотите это видеть? – убитым голосом осведомилась я, понимая, что мужик, пристально следящий за процессом моего пищеварения, стоящий в почетном карауле надо мной в момент вынужденного уединения, аплодирующий результатам и наслаждающийся картинкой, мне еще не попадался. "Давай, милая! Давай! Поднажми! У тебя все получится!" – прямо болеет он за мой пищеварительный тракт, стоя над душой в ответственный момент.

– Почему бы и нет? Я представляю, сколько на вашем туалете бриллиантов, но тут же понимаю, что ни одному из них не затмить вашу

красоту! Называйте меня Звентибальдом, миледи.... Это – мое любимое из всех имен! – сладко вздохнул Звентибальд. – А еще я хочу видеть вас в вашем фамильном гарнитуре!

На полочке или в баре? Под кружевной салфеткой или нет? Я, конечно, девушка – компактная, но далеко не подарок, чтобы затеряться среди бокалов и вазочек. Даже в ящик не помещусь. Или мне покукарекать из тумбочки, которая тоже входит в семейный гарнитур, кокетливо приоткрывая дверь?

– Фамильный гарнитур у нас на даче, – сообщила я, вспоминая мебельную развалюху – пережиток лучших времен.

– Так что же мы сидим в темноте? Где свечи? Где музыка? Где ваше очаровательное платье? У нас сегодня такое знаменательное событие! Я встретил свою ненаглядную судьбу! – шептал мне гость, придерживая за талию и пожирая меня взглядом.

Из свечей у меня были только ректальные от температуры и одна ароматическая, подарочная, а из уцелевшей и чистой одежды – летний сарафан.

На клеенке стояла одинокая пузатая свеча, распространяя запах благовоний для выкуривания всего живого в радиусе километра, шифоновая юбка стелилась по полу, а гость внимательно изучал мой интерьер, периодически странно поглядывая в мою сторону.

– Миледи, каково ваше состояние? – осведомился жених, бросая взгляд на мои обои.

– В целом неплохо! – устало вздохнула я, поражаясь заботе со стороны и не имея привычки жаловаться на жизнь. Еще бы! Встретить мужика, который интересуется моим состоянием, моим самочувствием, моим настроением, большая удача! Я ласково посмотрела на этого чуткого человека, осознавая, что кем бы он ни был, а у меня есть на этот счет подозрения, пока что он дал сто очков вперед всем моим знакомым.

– Неплохо, это как? – участливо улыбнулся гость, сжимая мою руку. – Кто ваш достопочтенный отец?

– Пенсионер, – пожал плечами я, чувствуя, как липнет сарафан к потной спине.

– Пенсионер – это выше маркиза? – поинтересовался Звентибальд, лаская холодными пальцами мою руку.

– Это – ниже прожиточного минимума, – усмехнулась я, глядя на то, как нежно перебирают мои пальцы.

– Я так понимаю, ваш отец еще не стар, – улыбнулись мне очень вкрадчиво и о чем-то задумались. – В вашем роду есть маркизы? Графы?

Бароны? Мне очень интересно!

Если кот Маркиз, который сейчас обитает у моей мамы, периодически нализывая свои аристократические причиндалы до блеска, и является лучшей частью моей родословной, передавая мне право на этот, несомненно, веский титул, то, пожалуй, да.

– Есть, – улыбнулась я, пока мой собеседник придвигался ко мне все ближе и ближе, внимая каждому моему слову.

– А как сейчас себя чувствует этот достопочтенный титулованный господин, который является вашим родственником? У него есть наследники? – заволновался представитель дворянства, слегка сжимая мою руку. Единственное, что мне оставалось – сделать пальцы веером.

Сказать, что достопочтенного и титулованного господина заели блохи, а позавчера, его лишили права иметь наследников, окончательно и бесповоротно, было бы излишне прямолинейно. Добрый Доктор Оторви и Выбрось развел руками, мол, финита ля комедия.

– Увы, официальных наследников нет, – ответила я, вспоминая, как мама фотографировала каждого котенка в окрестностях и присылала мне на опознание: «Наш – не наш», с целью выяснить, кормить ли в будущем или нет? – Да что вы все обо мне, да обо мне? Расскажите о себе!

– Я – герцог по титулу! Почетный член всех аристократических кругов! – заявил Звентибальд, как бы намекая, что весь его пафос для меня.

А вот это меня настораживает. Как-то ко мне подкатывал почетный член всех клубов города, в месте, где я проходила плановый медосмотр, а он являлся постоянным клиентом на дневном стационаре.

– Моя родословная ведет свое начало от династии Ерклер, которая в свое время породнилась с династией Розенврот, – распинался мой титулованный гость. Через двадцать минут мы дошли до седьмого колена родоначальника, которое страдало подагрой и ревматизмом, но это никак не помешало ему дать жизнь восьмому. До нашего героя было еще далеко.

– Скажи своей прислуге, чтобы подготовили мне особую спальную, – прошептал гость, припадая поцелуем к моей руке. Я заметила, что поцелуи с каждым разом поднимаются все выше и выше. – Понимаешь, я слишком слаб здоровьем, чтобы переносить дневной свет...

– Да нет у меня прислуги! – закатила глаза я, чувствуя, что судьба обделила меня не только состоянием, но и родословной. Осталось завидовать породистым собакам, чьи предки кусали за ногу самого Юлия Цезаря. – Я – сама себе прислуга! Говори, что нужно...

– То есть как? – поцелуи резко прекратились. На меня смотрели встревоженные глаза цвета спелой вишни.

– А вот так! – вздохнула я, вспоминая свою рабоче-крестьянскую биографию. – У нас денег нет на прислугу!

– То есть ты хочешь сказать мне, что ты, мало того, что неблагородных кровей, так еще и нищая? – глаза гостя округлились от ужаса. – Не может быть... Простолюдинка? Мезальянс! Как они могли! Подсунуть мне нищую простолюдинку? Фу! Какой кошмар! Видела бы это моя покойная матушка! Слышал бы об этом мой покойный батюшка!

Я понимаю, что его глухая матушка и слепой батюшка были бы категорически против моего пролетарского происхождения, но это – не повод смотреть на меня сверху вниз.

– Пошла вон, – голос гостя резко изменился. – Хотя нет, слушай меня внимательно! Приказываю! До рассвета приготовить мне усыпальницу! Живо! Я кому сказал! Найди мне место для дневного сна!

– Так, я не поняла! – я резко встала, глядя на этого упыря. – Вырабатывать командный голос будешь в своем склепе! Там акустика хорошая! А у меня в квартире командовать имею право только я. Ну и хозяин...

– Слушай меня внимательно, – мое лицо взяли в руку как то совсем не вежливо. – Правила в этом доме такие. Никакого света! Только свечи! Во время моего дневного сна меня не будить! Если я не усну, или внезапно проснусь днем, я убью все живое в округе, начиная с тебя! Для сна мне нужен гроб, наполненный землей! Ты меня поняла? Выполнять! Если будешь себя хорошо вести, то я, так и быть, сделаю тебя своей наложницей!

Вот что-то, а наложница из меня получится отличная! Как наложу в душу, так мало не покажется. Мне очень хотелось пнуть его любимым неаристократическим коленом на выбор, но что-то подсказывало мне, что в это будет последней страничкой моей биографии.

Я вздохнула, глядя на то, как мне улыбаются нехорошей улыбкой, обнажая острые клыки, достала телефон, вбила запрос по поводу гробов. Цены на ритуальные услуги чуть не сделали меня их молчаливым клиентом, которому все нравится по умолчанию. Похоронное Агентство «Солнечная полянка» предлагало скидки для постоянных клиентов и венки в подарок. Бюро Ритуальных Услуг «Холодные Ножки» обещало забрать тело из морга и каждую вторую горсть земли бросить бесплатно! Мне даже предлагали в онлайн редакторе уточнить параметры покойника. Слово «покойник» меня радовало, цены – нет.

– Быстро найди мне гроб! – прошипел вампир, скаля свои клыки и нервно поглядывая в окно. – Иначе я тебя растерзаю! Не вздумай сбежать!

Я тебя из-под земли достану! Мне плевать, что у тебя нет денег! Доставай, где хочешь!

Конечно, сейчас-сейчас, у соседей поспрашиваю, не завалился ли у них гроб? Мало ли? А вдруг? Вдруг они мне его заранее заказали? А что вы хотели? Плохо думать о соседях – признак частой смены места жительства.

«Принимаем заявки круглосуточно!», – гласила надпись на сайте похоронного бюро, которое находилось в четырех кварталах отсюда. Я прикинула, что у меня есть кредитка. Но в силу тяжелого материального положения, я могу себе позволить исключительно бюджетный макинтош.

– Приходите, хоть сейчас! – вежливо ответила мне сонная девушка. – Мы очень вам соболезнуем! Мы понимаем, какая это боль! Как же судьба несправедлива! Я понимаю, что это случилось так внезапно!

Я посмотрела на вампира и вздохнула, грустно опустив глаза и подробности. Пока он нервно зашторивал все окна в доме, хрустел лампочками, я прижалась щекой к телефону и прошептала, оглядываясь по сторонам:

– А осиновые колы у вас есть? Только, чтобы сто процентов осиновые!

– Приезжайте, мы покажем вам наш ассортимент, – вежливо ответила девушка. – Если вас утешит, то мы дарим вам веночек в подарок к гробу. Вы можете написать на нем все, что хотите. Еще раз соболезнуем. Ждем вас по адресу...

Вариантов надписей было много, но я как-то воздержалась. Порывшись в кошельке, вспоминая самую бюджетную модель с розовыми рюшами, я мрачно закрыла за собой дверь, бросая ключи в сумку.

Проходя мимо помойки, мой взгляд упал на большую коробку из-под двухкамерного холодильника. Сведя внутренний баланс доходов и расходов, я поняла, что скоро придется вводить новую статью: «на мужиков». Терзаемая смутными сомнениями, что вампиру такой вариант жилплощади не понравится, я все же остановилась на нем. А что? Двухкамерный, с морозилкой. Тут еще пенопласт остался. Главное, чтобы мягонько было...

Пять минут я прикидывала, как дотащить до квартиры ту самую заветную коробочку. Пахла коробочка мусором, на одном боку у нее было пятно от чьего-то текущего помоями пакета. Стыдливо озираясь по сторонам, я представляла себя бомжихой, осторожно, палочкой, сбрасывая мусорный пакет с коробочки. Похороны в стиле «эконом» должны состояться примерно через час сорок, а мне еще земли набрать нужно, поэтому, брезгливо зажимая коробочку двумя пальцами, я тащила ее домой, ворочая нос от благоуханий. Как хорошо, что вампиры, если верить

сказками, не дышат.

– Куда потащила! – раздался сиплый голос. – Это – моя коробка! На место! Я ее первый присмотрел!

На меня сурово смотрел асоциальный элемент, в дырявых ботинках, старом пальто, штанах со стрелочками, с поясом из бельевой веревки и в грязном свитере. Заросший, смуглый со свежим кровоподтеком на лбу, настоятельно требовал вернуть ему его будущую летнюю резиденцию, но я была категорична.

– Мужик, ты понимаешь, – грустно вздохнула я, опустив глаза. – Банк процент по ипотеке поднял...

Меня пугали органом, зато я, в силу природы этим органом обделенная, со своей стороны запугивала органами. Либо множественное число смутило бедолагу, либо он решил по-джентельменски уступить мне добычу, я так и не поняла, но уже дотащила коробочку до подъезда и остановилась в раздумьях, присматривая клумбу для раскопок.

– О! – раздался скрипучий, преисполненный негодования голос с лавочки, когда я задумчиво прикидывала, сколько земли понадобится, чтобы наполнить временное лежбище упыря. – Холодильник новый купила! Жирует!

Кому не спится в ночь глухую? Это что за клуб престарелых «Что? Где? Когда? Кого? и С кем?» расположился на скамейке ни свет, ни заря?

– Еще бы! – причмокнула старуха из соседнего подъезда, опираясь на палочку и поправляя платок, – Бухгалтером работает! Ворует! Мешками! Вон, какой купила! Двухкамерный! Дорогой!

– Дорогой! – согласилась Матвевна, которой тоже не спалось. – Да знаю ее – проститутка местная! Мужиков к себе постоянно водит! Что ни день, то новый мужик!

Я посмотрела на них взглядом скромницы, чувствуя смертельную обиду. Не каждый день, а раз в три дня, между прочим!

– Спит с кем ни попадя, а замуж не берут! стыдоба! Тьфу! – вздохнула представительница разведки соседнего подъезда, ничуть не смущаясь того, что объект смотрит на них пристальным взглядом. – Я же ее еще вот такусенькой помню! Помнится, бегают голенькая и орет: «Баба Шура!».

А ничего, что я снимаю эту квартиру год, не поправились ни на кило, и в последний раз голенькой бегала по своей квартире в поисках халата?

– И с начальником спит! Сама видела! – поддакнула Матвевна, прищуриваясь на меня сквозь призму старых очков. Моль сыто отрыгнула, готовясь передать эстафету червякам, но бабки все не унимались.

Я затащила коробку на этаж, открыла дверь и втянула ее в коридор.

Где-то во мне радостно потирала ручки жадненькая еврейская девочка, радуясь экономии семейного бюджета.

– Милости прошу к нашему шалашу! – крикнула я, беря в руку вместительный пакет из супермаркета. – Парадный вход сбоку!

– Это еще что? – передо мной появился герой не моего романа, с подозрением глядя на рисунок двухкамерного холодильника. А как же рай и в шалаше? А? Почему это мне с милым и шалаш должен показаться раем, а его не устраивает почти новая коробочка из-под очень дорогого холодильника?

– Портативный гроб! Легок в эксплуатации! Заполз в какой-нибудь подвал, развернул коробочку, – я показала, как она складывается, чувствуя себя ведущей магазина на диване. – Постелил землячки, передневал! Не надо мучиться, раскапывать себе гроб, выбрасывать оттуда покойника, таскать за собой гроб и крышку! Все просто, удобно и экономично! Потом вытряхнул землячку, сложил и все! Красота!

– Ты кому зубы заговариваешь! – прошипел упырь, негодуя от перспектив. – Где красное дерево, лакированная крышка, вызолоченные ручки, пуховая перина и подушка?

– Земля тебе будет пухом! – огрызнулась я, беря совок. – Я за землей. У тебя все равно времени мало, так что давай, осваивай!

Я посмотрела, что, вроде бы, с ростом производители холодильника угадали! Как знали, что мне придется временно хоронить в ней двухметрового упыря! Прямо, как чувствовали!

Я прикинула, где земля помягче и принялась за раскопки. Помягче она была на клумбе под балконами соседнего дома, среди зарослей сорняков. Процент земли среди окурков составлял примерно один к двум, помимо этого попадались фантики, семечки, пакеты, прищепки и даже парочка контрацептивов. Сначала я стала искать местечко, где мусора поменьше, а потом, глядя на время, гребла все подряд.

– Ты что делаешь! Клумбу портишь! – истерично завизжал голос надо мной. Рассохшееся окно открылось, а оттуда появилась седая голова. – Изрыла тут все! Весь мой цветник!

Пока проклятия сыпались на меня сверху, я мужественно копала, трамбуя землю в пакет. Время поджимало, но я была усердна, как маленький крот-бульдозер. Едва дотащив пакет до квартиры, открыв дверь и глядя на ноги в дорогих сапогах, торчащие из коробочки и, как бы намекающие на то, что конкретно этот упырь – подарок судьбы, я молча стала забрасывать покойника землей с окурками. Среди мусора мне попался цветочек из разряда «ты что такое?», который я водрузила поверх

коробки в знак вселенской скорби.

– Покойся с миром! – вздохнула я, глядя, как улице забрезжила первая зарница рассвета, осветив квартиру малиновым светом. Сдам упыря. Чек потеряла, но коробочка есть. Распространяется ли на меня закон о защите прав потребителей?

– Я тебя предупреждаю, – раздался глухой голос из коробочки, которая уютно расположилась в коридоре, – если я проснусь среди дня, ты – труп! Только посмей меня разбудить!

Осталось перевязать его ленточкой и любоваться! Не мужик, а подарок! Особенно сапоги сорок шестого размера, торчащие наружу и комья земли, рассыпанные по стойлу. Я осторожно, боясь потревожить скрипучий после потопа ламинат, попыталась открыть дверь на кухню, но из коробки раздалось сонное ворчание. Между «обделаться и бежать» и «отделаться и лежать» есть большая принципиальная разница. Для меня.

Я напряглась, застыла, сняла тапки и осторожненько, словно вражеский шпион в дружественном тылу, стала приоткрывать дверь собственной кухни. Дверь скрипнула, заставив меня застыть, как суслик, наострить уши, тревожно сглотнуть, а потом еще немного потянуть ее на себя. Скользя в щель, я на цыпочках прокралась к крану. Кран загудел, поэтому пришлось его экстренно прикрыть. Маленькая струйка воды, наводила на мысль, что где-то старается страдающая энурезом маленькая мышка, выдавливая из себя последние капельки. Осталось только услышать извиняющийся писк: «Простите, больше никак» и прикрыть кран.

Внезапно задребезжал холодильник, заставив меня вздрогнуть. В коридоре раздался неприятный и многообещающий звук. Я, не мешкая, выдернула штекер холодильника из розетки, обливаясь холодным потом самоубийцы. Стоило мне выдохнуть с облегчением, как послышался звук закипающего на плите чайника. Бросившись к нему, я перехватила свисток. «Не свисти! – прошептала я чайнику. – Денег не будет! Зарабатывать будет некому, вот и не будет!». Стоило мне тихонечко налить себе чаю, как началось!

– Зи-и-ина! Я ключи забыл! – орал сосед снизу, словно после тридцати лет одиночества на необитаемом острове увидел вдалеке проплывающий корабль. – Зи-и-ина! И телефон забыл! Зи-и-ина! Открой мне подъезд! Какая сволочь его закрыла? Еще и земли набросала!

Я бросилась в коридор, увидев, что коробочка с «мужиком – подарком» сдвинулась к двери. Сапоги свидетельствовали, что упырь, хоть и не Пушкин, но в гробу перевернулся от такой серенады.

– Зи-и-ина! – орал сосед, не зная, какая угроза нависла над всем домом.

– Што-о-о? – послышался недовольный женский голос. – Громче! Я не слышу!

– Подъезд открой!!! – продолжал вопить сосед таким голосом, словно за ним стояли, облизываясь, все голодные демоны ада. – Ключи забыл!

Я понимаю, что большинство из нас обязаны своим появлением на свет волшебному слову «забыл», но мысль о том, что из-за чужой забывчивости, я покину этот мир, меня угнетала. Внезапно прямо под окнами остановилась «дискотека «Шансон». «Эх, фраерок! Как ты мог? Мента завалил, молодость загубил!» – орало из чужих колонок, намекая на то, что владелец если еще не оттуда, то очень туда стремится. Мечта может не осуществится в любой момент, поскольку вампир в коридоре занервничал. Я бросилась к нему, грызя ногти:

– В ма-а-аленьком гробике холодной зимой, – тихо и подозрительно ласково вырвалось у меня. Вампир стал успокаиваться, пока я сочиняла на ходу. – Из склепа гробик взяли мы домой... Носы повесили, встали в хоровод! Нет, мы не встретим больше Новый Год!

– Зи-и-ина! Ты что? Оглохла! Ключи от гаража! – орал сосед прямо под окнами под аккомпанемент песни «Забыл фраерок, что попутал рамсы, часовой на посту посмотрел на часы...». – Да не эти! Другие! От гаража! От нового замка!

И тут я услышала, как у меня в комнате загудел телефон. Сглотнув, я метнулась в комнату, быстро ставя его в беззвучный режим.

– Алле, мам... Я не могу разгова... Я на совещании... О чем ты? ... Что? Кого собрать? Кого вы там собираетесь собирать? Всех? ... Зачем?... Забор? ... Какой забор? ...От ходоков? ... От белых? ... Зима близко?... Все, потом перезвоню! – прошептала я, понимая, что асоциальное семейство по фамилии Белых, проживающее постоянно на соседнем дачном участке, частенько заходят к нам в гости, выбирая время нашего отсутствия. Чаще всего зимой, когда на даче делать нечего.

В коридоре послышалась хриловато-приглушенная трель звонка. Я пулей помчалась в коридор, закусывая губу и выключая его. В дверь постучали.

– Кто там? – шепотом спросила я, стараясь не наступить на протянутые триста лет назад ноги.

– Вы верите, что бог есть? – звонко поинтересовался женский голос.

Я сглотнула, глядя на то, как ворочается упырь. Одно неверное движение, и я наверняка первой узнаю ответ. Я так понимаю, что мы тут

скоро всем домом будем точно знать ответ на этот вопрос!

– А в жизнь после смерти? – снова поинтересовался наивный женский голос.

У меня тут в коробочке из-под холодильника спит вампир, но в жизнь после я категорически не верю! Вот такой я атеист! Одно неверное движение и все вокруг поверят в всех богов и божков, познав все прелести жизни после смерти!

Я молчала, не имея привычки открывать дверь, кому попало! Я прекрасно понимаю, что кому от жизни еще не попало, тому обязательно попадет, но это не повод тереться на моем пороге, пытаюсь давить прыщ жалости в моей душе.

– Зи-и-ина! – заорал сосед, а я понимала, что такого человека обязательно нужно иметь с собой всем, кто страдает топографическим кретинизмом. Кто еще будет орать на весь лес: «Помогите! Спасите! Полундра!», пока ты будешь вспоминать пятый класс и уроки природоведения? – Поймал!

Какое счастье! Никогда я еще не была так рада за своих соседей! Я даже выдохнула с облегчением, сползая по стенке и ощупывая в кармане телефон.

– Сейчас за перфоратором в гараж схожу! – раздался крик. – Стену штробить будем! Проводку перекладывать! Я уже бригаду вызвал! Сейчас подъедут! Уже отзвонились!

Как вовремя!!! Я на носочках расхаживала по комнате, понимая, что жить мне осталось всего ничего. Как-то мне не очень хотелось занимать соседям очередь в аду, но, чувствую, придется! Дома даже чеснока не было, а на ножке стула не было написано, из какого дерева она изготовлена. Тут мой взгляд упал на вакуумные наушники. Через десять минут, я осторожно открывала коробку с той стороны, где было написано «верх». «Не кантовать!» – гласил символ на картонке, пока я осторожно ставила телефон на режим полета, пытаюсь дрожащими руками засунуть наушники в заостренные уши жениха. Громкость я добавляла постепенно, чувствуя, как намокла от страха футболка. Включив классическую музыку на бесконечную прокрутку, я закрыла коробочку и поставила телефон на зарядку. Извините, все, что могла! Заряд батареи показывал тридцать пять процентов, а я поплелась на кухню, прислушиваясь.

Через двадцать минут я сидела с ногами на стуле и пила чай, глядя на часы. Первый удар перфоратора заставил меня вздрогнуть и вспомнить лучшие моменты жизни. Я сглотнула, поглядывая в коридор. Если владелец перфоратора станет первой жертвой упыря, то я согласна выйти замуж или

стать вдовой, не знаю, как правильно, этого святого нечеловека! А что? Тихие соседи, никаких кастрюль и воплей голодающего, мол, опять суп. Он даже работать смог бы! В ночную смену! Сторожем, например! «Милый, ты покушал на работе?», – нежно интересуюсь я. «Да, слегка!», – отвечает мне супруг, скалясь окровавленными клыками.

Под окнами раздался такой шум, что я осторожно отогнула занавеску и выглянула на улицу.

– Здесь мы снимем поребрики! Тута пока трогать не будем! – командовал мужик, пока из машины вылезали сонные ребята, таща за собой огромный отбойный молоток. – Да, бабушка, дороги делаем. Государственная программа!

Если у вас во дворе давно не было ремонта, заведите себе злобного упыря. Вы умрете счастливыми с мыслью о том, что не перевернетесь в гробу, когда катафалк будет везти вас с временного места обитания на постоянное.

Отбойный молоток пытался заглушить перфоратор, и к шести вечера я уже хотела сама подойти к коробочке с упырем, пнуть ее с размаху и подставить шею, мол, будь так любезен, дорогой, прекрати мои мучения. Блистер таблеток от головы шуршал в моем кармане, пока я страдальчески морщилась от головной боли. В шесть тридцать солнце стало клониться к закату, а я, как потенциальная вдова, сидела и смиренно ждала, когда Его Сосательство проснется. Коробка заерзала, послышалось сдавленное кряхтение, сапоги зашевелились и упырь показал мне то самое место, которым ко мне обычно поворачивается жизнь. На бархатном камзоле у него была земля, в волосах застрял окурок. Глаза вампира горели алым огнем. Он сглотнул, приоткрыл рот, обнажая острые клыки и зловецким голосом выдал, демонстрируя всю любовь до гроба:

– Я голоден!

Да, это был тот самый мужик, которому нужно памятник ставить. Но памятники нынче дорогие и мне не по карману, так что единственное, на что он может рассчитывать, так это на скромную мемориальную табличку.

– Суп в холодильнике, – усмехнулась я, поглядывая на висящий на стене календарь. Умрет от голода, бедняжка до восемнадцатого числа, потом немножко поест, и снова помирать будет...

– Я же сказал, что голоден! – прорычал упырь, отряхиваясь и делая такое лицо, с каким хорошо позировать для фирменного мотиватора: «Смотрю на вас из тьмы веков, понарожали дураков!».

– У меня есть хорошая новость, – заметила я, отряхивая телефон и включая Интернет. – Прием анализов в районной поликлинике будет

работать еще пятнадцать минут. Есть и плохая новость.

Я снова взглянула на вампира, который причмокивал и осматривался по сторонам.

– Забор крови был до одиннадцати утра. Сейчас забирают все остальное, – вздохнула я. – Как говорится, на вкус и цвет...

– Твоя задача – найти мне девушек! Ты будешь искать мне девушек каждую ночь! – надменно приказал упырь, усевшись на мой стул, как на трон. – Я буду выбирать себе жертву! Как истинный аристократ!

Если честно, то я понятия не имею, где можно найти девушек, которые мечтают, чтобы у них отсосали кровь?

– Живо! Я не шучу! Я зверски голоден! – Зантибальд схватил меня за лицо, а я сглотнула, чувствуя, что с ним шутки плохи. – Девушек! Живо! И чтобы красивые были! Иначе я не знаю, что с тобой сделаю!

Я открыла ноутбук и включила голосовой поиск.

– Что это? – подозрительно поинтересовался упырь, разглядывая чудо техники, которое могло по древности посоревноваться с вампиром.

– Эм... Это специальная книга... – замялась я, шевеля мышкой. – Волшебная! Говори, что нужно, она тебе все найдет! Только четко. Например. Девушка. Молодая. И дальше, что ты хочешь...

– Девушка. Кровь. Сосать! – громко и торжественно произнес упырь, а мне тут же вывалились фотографии тех, кто знает толк в этом сложном и очень увлекательном процессе, и чей опыт, судя по возрасту, исчислялся километрами.

На меня смотрели сорокалетняя блондинка Анжела с губами-бутербродами и почасовой тарификацией, еще одна блондинка Камилла – жертва садиста – визажиста и парикмахера да ну его на ... в баню, которая вполне может позволить себе проходить в поликлинику без очереди, показывая пенсионное удостоверение. Брюнетка Элеонора в миниюбке, умудряющаяся занимать собой весь диван, шатенка Скарлетт Йоханьйбабай, от которой станет импотентом любой маньяк, сумевший дотащить ее до ближайшего фонаря и разглядеть получше.

– Какой кошмар! – простонал упырь, закусывая губу и седея на глазах. Я не знаю, чем питаются вампиры – вегетарианцы, но логика подсказывает, что надо продолжать в том же духе!

– Это – самые красивые девушки нашего мира, – вздохнула я, понимая, что врать не хорошо, но иногда приходится.

– Да какие они девушки! Вот эту я не прогрызу! – закашлялся Звентибальд, показывая бледным пальцем на некую Конфетку – Кокетку, чьи подбородки я до сих пор не могла пересчитать, периодически сбиваясь

со счета, облаченную в розовый топ на бретельках и трусы, которые спокойно заменили бы мне наволочку.

– Видишь, все девушки заняты! Их сосут другие вампиры! – вздохнула я.

– С чего ты взяла? – занервничал мой привередливый гость, ужасаясь очередной кандидатке.

– Читать умеешь? Вот и читай! Видишь написано? Это вампир написал, что, дескать, сосет он ее. Так что занята она. И эта тоже, – пожалала плечами я, листая девушек дальше.– Здесь много упырей, так что ты не обольщайся...

– Хорошо! – Звентибальд, скривился при виде очередной «девушки по вызову». – Я сам найду себе кровь!

Он подошел к окну, а я поняла, что еще никогда не участвовала в операции по спасению мира от голодного упыря, поэтому бросилась наперерез, пытаясь перегородить ему дорогу. Понимаю, что есть что-то общее у слова «сосать» и «сосед», но допустить такого безобразия я не могла, исключительно потому, что таскаться понятой и свидетелем мне категорически не хотелось.

– Я иду пить! – твердо постановил бледнолицый жених, сверкнув клыками.

– Ты куда собрался? – возмутилась я, чувствуя себя женой алкоголика.

– С дороги! – заявил упырь, пытаясь отодвинуть меня от окна.

В кармане загудел телефон. На экране высветился мамин номер и восемьдесят шесть пропущенных. На работе из меня уже крутили фарш, а добрая мама лепила из него котлеты. Звонок был настойчивым. Я не выдержала и приняла вызов.

– Алле! Да, мамуль... Просто разрядился... Да... Не переживай, – мурлыкала я, глядя на бледное лицо голодного вампира.

– Куда! – прошипела я, отталкивая его плечом от открытого окна, из которого веяло вечерней прохладой.

– Мне уже выпить не дают! – заорал вампир, пытаясь обратиться в летучую мышь.

– Нет, мам... Он не алкоголик... Это не то, что ты подумала! – занервничала я, глядя, как мышь ударилась в антимоскитную сетку. – Нет, он не пьет! Тебе послышалось! Я тебе потом перезвоню!

Летучая мышь снова обернулась вампиром, скаля на меня клыки.

– Не пуцу! Только через мой труп! – как-то очень смело заявила я. – Никаких пить!

– Да как ты смеешь, женщина! – заорал Звентибальд, сверкнув

красными глазами. – Как ты вообще смеешь мне приказывать! С дороги!

– Мама! Я потом перезвоню! – рывкнула я, сбрасывая вызов, пока мама выла белугой, что чуяло ее сердце подвох, и алкаш – горе для семьи. Мамина фантазия уже рисовала дружную семью алкоголиков, где хромоногие на все хромосомы дети, дружно пускают слюни, пока я составляю компанию супругу или бегаю по подворотням в поисках своего «счастья в личной жизни».

– Я, как истинный аристократ, предпочитаю шестнадцатилетних, юных, нецелованных аристократок! Я питаюсь исключительно ими! Их кровь похожа на молодое вино! – заорал упырь, негодуя и возмущаясь. Это был как раз тот самый случай, когда тридцатилетняя, умудренная опытом женщина, с выдержкой, которой завидует любой коньяк, спокойно отходит в сторону, снимает москитную сетку и загадочно улыбается, глядя, как растворяется в темноте голодный сосальщик – невромотальщик.

– Спрашивай паспорт, генеалогическое и гинекологическое древо! – ласково заметила я, помахав на прощание ручкой. Жаль упырьчика, сдохнет он у нас.

Закрыв окно, я спокойно приняла душ и легла спать. Под утро меня разбудили удары по стеклу.

– Ну как? – злорадно поинтересовалась я, глядя на летучую мышь. – Покушал?

– Пусти меня, любовь моя, – раздалось у меня в голове, а на подоконник, загаженный голубями, присела летучая мышь. – Пусти меня...

Голос, словно вибрировал в голове, вызывая какие-то странное чувство спокойствия. Он эхом растекался по венам, заставляя меня помимо моей воли подойти к окну.

– Пусти меня, радость моя, – я чувствовала странную истому и усталость, протягивая руку к ручке окна. – Пусти меня,пусти...

И было какое-то странное чувство, что я все делаю правильно. В глубине души что-то возмущалось, но моя рука уже открыла окно. Через секунду в комнате стоял злобный Звентибальд, проклиная современную молодежь так, что мне хотелось выдать ему платочек и попросить старушек на лавочке подвинуться.

– Развратницы! Простолюдинки! Тьфу! Мерзость! Двенадцать лет ей, видите ли! Ага! В двенадцать лет она мне рассказывает, как правильно сосать нужно! – возмущался вампир. – Говорит, что Каллен не так сосет! Кто такой Каллен? Потом к другой... А она мне: «Укуси меня, Дракула!». Кто такой Дракула? Я, значит, из темноты к ним такой... А они вместо того, чтобы орать, пугаться, трепетать, сами мне шею подставляют! Одна за

мной бежала с криками... Еле ноги унес...

Обиженный на жизнь после смерти, расстроенный и обозленный, вампир полез в свою коробочку, бухтя, как старый дед.

– Триста лет! – раздавалось горестное и злобное из коробки, пока я переступала через торчащие сапоги. Никогда еще я не ждала, пока жених протянет ноги. – Триста лет я такого не видел! Это – позор! Я думал, что здесь все будет по-другому! Что у меня здесь будет свой замок!

– А у тебя что? Замка нет? – усмехнулась я, вспоминая, что кинематограф обычно не обделял упырей тремя вещами: замком, мозгами и недвижимостью.

– Нет у меня замка! – злобно заметил Звентибальд из коробочки, переворачиваясь на другой бок. Дракула посмотрел на него, как на лузера. – Был когда-то! Пока крестьяне не сожгли его триста лет назад...

– И что? За триста лет ты не заработал на новый? – поинтересовалась я, оценивая брачно-мрачные перспективы из серии: «Влюбленные ждали будильника в коробке из-под холодильника!».

– Да как ты смеешь! Я – аристократ! Я не работаю! Работают простолюдины! – заявил вампир. Жаль, ведь я уже мысленно составляла ему резюме. Пока что там было только: «Работаю в ночную смену. Умею сосать и...». Да с таким резюме перед тобой открывается широкий мир трудоустройства из серии: «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. По тыще за ночь с человека!».

– То есть ты ничего не умеешь? Триста лет ты просто летаешь по ночам и пьешь кровь? У тебя нет никакого образования? – наседала я, пока где-то в моем воображении один молодой вампир вздохнул: «Я хотя бы учился... Метафаза ... Профаза... А этот вообще – профан!».

– Зачем мне образование? Я – аристократ! Я могу в любой момент поправить свое материальное положение удачно женившись! – фыркнули мне в ответ. – Я как раз присматривал себе очередную жену, за которую дают хорошее приданное!

– А куда делись предыдущие сердобольные женщины? – поинтересовалась я, с подозрением и опаской глядя на коробочку.

– Как там говорят в клятве? Пока смерть не разлучит нас? – самодовольно усмехнулся Звентибальд. – Жаль, последний замок в карты проиграл! Эх! Я был уверен, что отыграюсь! А она мне такая: «Любимый... Это же фамильный замок моего прадедушки! Как ты мог!».

Отлично! Проигрывают в карты, отыгрываются на женах!

– Стою я и думаю, – усмехнулась я, чувствуя, как меня передергивает. – За триста лет можно стать ученым с мировым именем,

великим музыкантом, писателем, художником, научиться всему на свете! У тебя есть бессмертие! Вечность!

– А куда мне торопиться? Когда-нибудь... Может быть..., – обиделся упырь. – Да кто ты такая, чтобы мне указывать, как нужно жить? Я живу так, как хочу!

– Триста лет ты мне нужен! – сплюнула я на коробку, глядя, как на улице начало светать. И все-таки он – Альфонс, а не Звентибальд. Определенно, Альфонс.

Телефон лежал в коридоре, вампира отпевали рок-баллады о большой и трагической любви, а я тихонько готовила на кухне. Вода кипела в кастрюле, на сковородке шипело масло с зажаркой, а я тихонько чистила морковь, погруженная в собственные мысли. Нож соскользнул, и на руке выступила кровавая полоса. Сначала я не поняла, но потом увидела, что масштабы ранения куда больше, чем обычно. Бросив нож и морковь в раковину, я направилась в ванную, чувствуя, как меня мутит от вида крови. Пока я держала руку под водой, нервно сглатывая и прикидывая, где у меня лежат бинты, позади меня раздался шорох. Я посмотрела на свое побледневшее лицо в зеркале, но никого не было. Тяжело вздохнув, я вынула руку из– под струи воды глядя, как рана снова наполняется кровью.

– Кровь... – послышалось за моей спиной, но в зеркале никого не было. Я обернулась и увидела чудовище, с пенящимся слюной клыкастым ртом, с горящими глазами и знакомым окурком в волосах. Телефона не было, зато в одном ухе у него был наушник.

– Иди, спи! – прошептала я, пятясь. А пятиться было уже некуда.

– Кровь! Как я голоден! – просипел вампир, скалясь в мою сторону. Он схватил меня за горло и прижал к стене. – Кровь... Свежая кровь...

Резкий рывок в сторону моего горла, и я закричала от боли, пытаясь оттолкнуть вампира.

В глазах потемнело, я покачнулась, чувствуя, как слабеют и дрожат руки, пытающиеся оттолкнуть любителя не только трепать нервы, но и пить кровушку. Внезапно челюсти разжались, а рядом послышался знакомый голос.

Вампира с окровавленной пастью за волосы держал знакомый демон, сдувая прядь своих волос с лица.

– Как ты смеешь, дьявольское отродье! – прошипел упырь, скаля окровавленные клыки. – По договору я имею право делать все, что мне заблагорассудится!

– Вы слышите? Мне кажется, что кто-то громко плачет? – осведомился демон с улыбочкой, пока я мутными глазами смотрела на эту картину,

зажимая липкую от крови шею. – Ой! Как неловко! Извините, это плачет во мне юрист! Он безутешен, так что разрешите ему высморкаться в договор! Если бы я знал, что мы с тобой будем бить друг друга по лицу в моем случае и по морде – в твоём, гражданскими, уголовными и прочими кодексами, то я захватил бы их все.

– Ты пальцем не имеешь права меня тронуть по договору! – прошипел упырь, пытаясь вырваться.

– Нет, ну раз мы перешли на юридические аспекты, то да, ты прав. Пальцем я тебя тронуть не имею права. Но в твоём договоре на бракоустройство был такой пункт. Цитирую дословно: «Я обязуюсь соблюдать законы мира, в который я попал», – спокойно заметил демон, а в его руке появился увесистый талмуд с надписью «Уголовный кодекс». – «За проблемы с законодательством, возникшие у Заказчика, вследствие собственной глупости, тупости и аффекта, Исполнитель не несет ответственности». Вот – законодательство...

Демон осмотрелся по сторонам, взвешивая в руке уголовный кодекс.

– А вот..., – мощный удар по лицу книгой застал упыря врасплох. – Проблемы. Очень. Много. Проблем.

Я впервые видела, как меня отчаянно защищает уголовный кодекс со всеми поправками. Надо будет запомнить этот день. Боюсь, до второго такого, я не доживу.

– Если будешь подавать апелляцию, то так и пиши, что возникли разногласия с уголовным кодексом, в связи с чем, уголовный кодекс нанес мне тяжкие телесные повреждения, – вздохнул демон, добивая страдальца. – Нет, еще не тяжкие. Рановато я. Телесные повреждения средней тяжести. Вот, так будет правильней. Как говорится, незнание законов не освобождает от ответственности. Так что между «читаем» и «читим» есть некоторая разница.

Я сползала по стенке, чувствуя, как мутнеет все вокруг.

– Травмы несовместимые с жизнью, – вздохнул «юрист», бросая на пол окровавленную книгу и поднимая с пола что-то белое. – Левый, да? Хм... До холодного оружия не дотягивает... Но мы дотянем! А теперь вон отсюда! Быстро забился в свою коробочку подышать! Мы играем в прятки! Я вожу! Раз... Два... Три... Четыре... Пять! Кто не спрятался, я не виноват.

К моей шее устремилось мокрое полотенце, а потом мою руку закинули себе на плечо. Вторая рука подsunулась мне под колени. Меня несли в сторону кровати. Рану на шее зажали полотенцем, тяжело и взволнованно дыша мне на ухо.

– Наказание мое, потерпи, – заметил демон, снова сдувая пряди волос

с лица. Я видела треугольник его груди, виднеющийся из расстегнутой рубашки, его глаза, которые искали, чем бы мне перевязать рану.

– Мне недолго осталось, – слабо заметила я, чувствуя, как язык еле-еле ворочается в пересохшем и внезапно охрипшем горле. – Я знаю, что скоро умру...

– Я так понимаю, что в местной поликлинике с насморком ты была совсем недавно, да? Иначе, как объяснить такой пессимизм, – усмехнулся «юрист», осторожно отлепив полотенце от моей шее, а потом прижав его сильней. – Одному я уже прописал, сейчас пропишу тебе. От меня никто не уходил с пустыми руками! Где аптечка?

– А что? Демоны не могут лечить магией? – простонала я. Мне показалось, что я говорила так тихо, что меня никто не услышит.

– Извини, наказание мое. Я тут с производственного совещания на перекур вышел. Там еще сигарета тлеет, – усмехнулся Демон, прикладывая мою руку к полотенцу, чтобы я держала. – Но это – еще полбеды. Вот если кофе остынет, тогда у тебя будут большие неприятности...

Через минуту, шурша блистерами таблеток, перерывая запасы моих медикаментов, демон достал не распакованные бинт и вату.

– Я точно умру, – всхлипнула я, глядя в потолок глазами ипохондрика, у которого сбылась заветная мечта – его интернет-диагноз совпал с диагнозом врача. – Все плохо, да? Мне интересно, куда я попаду? В ад или в рай?

– Если буду проходить мимо, помашешь мне ручкой из котла! Разрешаю! – усмехнулся Демон, снова перерывая лекарства в поисках чего-то одному ему известного.

– А если я хочу в рай? – всхлипнула я, вспоминая бухгалтерию за три последних года, сопоставляя ее с основными заповедями, и расстраиваясь. – Очень хочу... Бухгалтера попадают в рай? У меня в глазах темнеет...

– Только не умирай! – прошептал Демон, бросаясь ко мне и держа меня за руку. – Я прошу тебя... Я этого не переживу... Умоляю... Главное, живи...

Внезапно его голос изменился, а в глазах заплясали дьявольские огоньки.

– Ты ведь это хотела услышать? – усмехнулся он, капая йодом на ватку. – Давай сюда руку!

– Почему руку? – прошептала я, чувствуя себя самым умирающим лебедем из всех умирающих лебедей. – Шею...

– Доктору видней! Руку! Я же сказал, что у меня кофе остывает! –

заметил Демон. – Я отведу тебя в ад... Давай...

Я вздохнула и протянула ему руку. Через мгновение порез на пальце защипал так, что я зажмурилась.

– Все! Лечение прошло успешно! – заметил Демон, отбирая у меня полотенце. – Могу подуть и пожалеть... Фу-фу-фу...

– Так! Я что-то не поняла? – возмутилась я хриплым, как у прокуренной вороны голосом. – Что это за театр приехал ко мне на гастроли?

– В Светланин Академический Театр Юного и Наивного Зрителя приехала дружественная делегация в лице одного худрука. Зажил твой укус, наказание мое. Вампирские укусы заживают быстро! Кровь свернулась, осталась лишь короста и припухлость, – отмахнулся демон. – Впрочем, мне пора. Кофе остыл. Знаешь, есть такая примета. Соль рассыпать – к ссоре. Интересно, к чему рассыпать гречку? Проверишь, расскажешь...

Демон исчез, загадочно улыбаясь. Из коробочки все еще доносились всхлипы, свидетельствующие об остром экзистенциальном кризисе.

Я поворочалась, поворочалась и уснула. Проснулась я в шесть вечера, ощупывая свою шею. Окно в моей комнате было настежь открытым и хлопало створками на ветру. На улице было пасмурно, собирался дождик. Коробочка из-под вампира была пуста. Я, шмыгая носом и покашливая, включила ноутбук, забивая поисковой запрос на волнующую меня тему. «У укушенных наблюдаются симптомы, похожие на симптомы ОРВИ...», – гласил первый сайт, заставив меня закашляться. Дрожащей рукой я листала сайт вниз, пробегая глазами текст, шмыгая забитым носом и слегка подкашливая. «Но это – только начало!», – мои глаза расширились от ужаса. «Скоро у вас начнется светобоязнь! Любые вспышки яркого света будут вызывать у вас инстинктивное желание спрятаться в темноту! Но сначала у вас будут слезиться глаза, когда вы смотрите на свет!», – писали на сайте. Кстати, о свете! Я вспомнила, что у меня есть запасная лампочка, слезила в шкаф, достала ее и ввинтила в коридоре. Отойдя к выключателю, я осторожно щелкнула им. Вспышка невероятно яркого света озарила мое стойло! Такое чувство, словно, это – не лампочка, а прожектор. По щекам потекли слезы, я отвернулась, чувствуя приступ дурноты. Нет, лучше выключить. «Потеря аппетита, бессонница...», – я впивалась глазами в строчки, поглядывая на кастрюлю с борщом, и чувствуя, что кушать мне совсем не хочется. «Днем вас будет клонить в сон, зато ночью вы будете чувствовать себя бодрым и полным сил!». У меня всегда так! Ночью я бодра и полна сил, а днем ползаю сонной мухой, слегка прибитой отчетом.

– Я превращусь в вампира, – сглотнула я, ужасаясь. По телу пробежала волна дрожи и липкого пота.

«Липкий пот, учащенное сердцебиение...», – выхватила я глазами кусочек текста, пытаюсь померить себе пульс. Караул! Если я раньше пила кровь фигурально, то теперь «налейте мне еще третьей положительной!». Я шмыгнула носом. Кому нужен хороший ночной бухгалтер с навыками сосания? Это раньше я умела сосать лапу, когда начинался сезонный спад продаж, а теперь судьба слегка расширила мой функционал.

Полчаса я успокаивала себя тем, что в случае чего всегда могу устроиться на работу, а потом, если будет производственная необходимость, отсидеть за генерального директора любой срок. Пока потерпевшие мотают сопли на кулак, истинный виновник мотает на ус, я спокойненько мотаю срок. Не бесплатно, разумеется! Я всхлипнула, обнимая колени. И в магазин ходить не надо, если что! Вы цены видели? Да тут такая экономия, что я себе за десять лет на квартиру насобираю!

– Так, Света, – утешала я себя. – Втяни сопли, слюни, живот и возьми себя в колготки! Не все так плохо! Ты теперь – бессмертна! Теперь ты сможешь слушать новости о повышении пенсионного возраста, улыбаясь всеми клыками! Ты можешь позволить себе ипотеку! Причем, смело брать ее, зная, что выплатишь! Нет, ну вампиром быть хорошо... Они не болеют! Ты цены на лекарства видела? Схлопотала ОРВИ – кредит на лекарства бери! Вампиризм ничем не отличается от твоего отпуска, когда ты целый день дрыхнешь, чтобы к вечеру продрать глаза и засесть на всю ночь за компьютер!

Я проверила языком клыки, сморкаясь в одноразовые платки. Перед моими глазами стояла картина: лежу я в своем гробике, а тут мне звонят с работы. Днем! Будят, так сказать... Налоги, дескать, заплатить надо, но денег на счете нет! Последний срок! Я и в человеческом облике в этот момент голова глотки всем перегрызть! Нет, ну брезгливый вампир – ипохондрик – это что-то новое! «Извините, я тут у вас кровь собираюсь пить, так что предъявите справку!», – нежно замечаю я, вспоминая каким вирусам все никак не спится.

Можно утешать себя сколько угодно, но я не хочу быть вампиром! «По народным поверьям, чтобы избавиться от вампиризма, нужно, пока не поздно, найти того вампира, который это сотворил и уничтожить его!», – вчитывалась я, растирая слезы по лицу и меряя себе температуру. – «Учтите, у вампиров хорошая регенерация! Так что любая травма заживет, стоит ему только испить свежей крови! Если вампиризм не дошел до нужной стадии, то вам, возможно, поможет чеснок! Ешьте его, как можно больше!».

Через десять минут я была в соседнем магазине, расплачиваясь за авоську чеснока. Первые две дольки я съела, кривясь, как преподаватель на защите заочников. Третья долька далась мне тяжело. После первой головки чеснока у меня изо рта был такой выхлоп, что в газете «Недвижимость» скоро появится, как минимум, пять объявлений «Продам квартиру. Состояние хорошее. Срочно. Отдам почти задаром. Торг уместен!». После второй головки, я посмотрела в окно: «И где это вампир, которого нужно убить?».

«Вампиры никогда не бросают свою жертву!», – было написано на ресурсе с мигающими летучими мышками. Ага, ни в беде, ни в еде! – «Вкусивши кровь жертвы единожды, вампир сделает все возможное, чтобы довести дело до логического конца! Но можно спастись! Есть народные рецепты... Рассыпьте вокруг кровати просо или зерно. Вампир не сможет устоять и будет собирать его!».

Так вот оно что!!! Зерна не было, проса – тоже, но была гречка, рис и манка. Где-то в голове появилась табличка: «Выберите уровень сложности!». На всякий случай я рассыпала все, вокруг кровати, легла в позу спящей красавицы. Температура поднялась, и я уснула. В первый раз я проснулась от злобного-злобного: «тысяча сто восемнадцать... тысяча сто девятнадцать...». Второй раз я проснулась уже под утро. Голос, преисполненный ненависти хрипел: «Десять тысяч двести шестьдесят один... Десять тысяч двести шестьдесят два...».

– Я там три пакетика положила, – прохрипела я, трубно сморкаясь. – Ты сразу по пакетам раскладывай.

– Десять тысяч двести шестьдесят восемь..., – послышался ответ, преисполненный ярости.

– Смотри, черненькие не бери! Это я про гречку! Черненькие отдельно! И чтобы мусора не было, – зевнула я, поворачиваясь на другой бок. Какая прелесть! А я себе деньги на пылесос откладывала! Зачем мне пылесос, если есть кровосос? Не мужик, а сокровище!

Подняло меня не свет ни заря, когда счет пошел на пятнадцать тысяч. Я высморкалась, задернула шторы поплотней, дабы мой пылесос не сломался раньше времени. Сонно наводя себе чай, я просыпала сахар.

– Воробушек! Лети сюда! – прохрипела я, кашляя и пробивая каплями забитый нос. – Я тут сахар просыпала! Под плинтусом не забудь собрать!

К трем часам дня у меня был самый чистый палас, самый чистый пол и злейший враг на всю оставшуюся жизнь. Мой «воробушек» смотрел на меня так, словно проклял тот день, когда обрел бессмертие.

– Какой же ты у меня хозяйственный! – я осмелела и погладила

вампира по голове. – Какой же ты у меня молодечик! Не мужик, а золото!

В коридоре еще оставалось немного мусора. Прикинув по времени, сколько у меня есть в запасе, глядя коробочку от пылесоса и сам пылесос, чьи тонкие аристократические пальцы собирали по полу весь мусор, ведя строжайший учет каждый соринке, я достала пакет с крупной солью.

– Призовая игра, милый! У нас еще в коридоре грязненько... – сладко улыбнулась я, кашляя и снова оставляя свой сопливый автограф одноразовому платку. В тот момент, когда часы пробили шесть, я грустно провожала мой пылесосик-кровососик в последний путь. Впервые в жизни мне было так грустно, ведь на полу еще оставалось немного земли.

– Ну что? Как успехи? – спросил меня знакомый голос, когда я подметала пол после коробки. – Актики подписать не забудь!

На кухонный стол легли акты. В открытое окно подул ветер, и листики рассыпались по полу. Я бросилась их собирать...

– Были деловые, стали половые! Наказание мое, – усмехнулся демон, – все, ты скоро станешь настоящим вампиром! Видишь, ты уже бумаги с пола поднимаешь... Все плохо... Процесс необратим...

– Я, правда, стану вампиром? – у меня на глазах выступили слезы, а из красного расчесанного платком носа потекли сопли. – Можно что-то сделать?

– Ну... – коварно заметил Демон, поглядывая на часы. – Возможно... Поменяй лампочку в коридоре! Триста ватт – это как-то многовато... Понимаю, что по скидке, но все же... Прикрой окно, вылечи простуду и прекрати ныть. Согласен, это очень сложно, но ты попробуй. Так! У меня мало времени! Все, акты подпиши.

– Точно – точно не стану вампиром? – жалобно спросила я, закрывая окно. – И я не поняла, ты с женихами тоже контракт заключил?

– Я так понимаю, что болеть ты любишь, – заметил Демон, пропуская мимо ушей второй вопрос. – Ничего, будем лечить...

Он исчез, оставив меня наедине с температурой, тремя килограммами чеснока и двадцатью шестью пропущенными вызовами, из которых пятнадцать – от мамы. Я отписалась, что у меня болит горло, заварила себе чай, выпила таблетку. Меня клонило в сон, я клевала носом, но я старалась не спать. В десять вечера меня сморило.

– Где ты? – прорычал голос за дверью, и раздалась тяжелая поступь. Я взглянула на часы! Полночь! С таким голосом хорошо устраиваться на горячую линию техподдержки, а с таким подходом – давить тараканов. – Отвечай! Немедленно!

Я усиленно вспоминала, где обитают самки Кинг Конга и Годзиллы,

боязливо заворачиваясь в одеяло. Где-то в преисподней сейчас кому-то очень сильно икнулось.

Глава пятая. ИМХО, или не в пещере живешь!

Все мужчины в моей жизни делятся на «загадочных» и «догадливых»! То, что не загадили загадочные, догаживают догадливые.

Что-то ударилось об дверь комнаты. Дверь, которая и так держалась на соплях, гордо именуемых дешевой монтажной пеной, вылетела из петель и с грохотом упала на пол. Надо мной возвышалось огромное зеленое и полуголое чудовище, свирепо глядя на меня маленькими глазками. Я уронила челюсть, понимая, что передо мной стояло дитя любви Шрека и Халка. Если у вампира клыки торчали из верхней челюсти, то этого мама когда-то явно утешала после первой клички: «Бульдозер»! Где-то горестно и ревниво завыл соседский пекинес, чувствуя, что в радиусе вверенной ему территории появился еще один обладатель приплюснутой морды. И его будут любить больше! Пока меня нежно обнимал Дед Кондратий, где-то перед глазами мелькала Бабушка с косой. Моя нервная система занервничала, как девушка, которую хотят сфотографировать без макияжа: «Я такая растрепанная!».

– Моя. Будущая. Жена! – прорычало чудовище, поигрывая внушительными бицепсами, украшенными татуировками и глядя на меня, как на ползущего по стене таракана.

В этот момент икнул мой местный ЗАГС. Жених осмотрел мою комнату и недовольно засопел.

– Натягивать надо! – покачало головой зеленое чудовище, глядя на меня. Мои глаза округлились, я нервно сглотнула в предвкушении эротического триллера. Обычно когда говорят «натягивать» я представляю шапочку, оценки и потолки, но что-то в этом случае я не вижу ни бубончика, ни зачетки, ни рулона.

– Что? – робко поинтересовалась я, мысленно прикидывая как правильно писать завещание.

– Не умеют тут правильно натягивать! Сразу видно, что мужика в доме нет! – рыкнуло чудовище, глядя по сторонам. Ну да! Носки не стоят наказанные в углу, диван свободен, пивом не пахнет, полка прибита ровно и не держится на соплях! Сразу видно, что за деньги ее прибывали профессионалы, а не доморощенный «Ладно-ладно, только не ори!».

Запахло приключениями, которые обычно запоминаются надолго. Я опасливо отползла подальше. – Мой отец умел натягивать! Мой дед умел натягивать! И я умею.

Кто бы сомневался! Хоть бы это чудовище подрабатывало в фирме по натягиванию потолков. Я бы даже визиточку взяла... Для успокоения. Чувствую, что мне предстоит тут такой ремонт, что не в сказке сказать, ни в завещании отписать.

– Плохой шатер, негодный. Не натянутый, – прорычал зеленый, пробуя стены на прочность. – И невеста – хилая... Не дотягивает! Ничего, будем натягивать!

Да, а еще у меня и сопли. Не розовые и поэтические, как у наивных девушек, а вполне себе традиционные и прозаические. Я шмыгнула носом и стала сморкаться, давая понять, что ни дать по морде, ни взять свои слова обратно, когда согласилась «всех посмотреть», у меня не выйдет!

– У тебя мозги вытекают! Это – проклятие, которое насылают боги на тех, кто много умничал! – посмотрел на меня зеленый доктор Ауженеболит. – Их надо втягивать обратно!

– Какие мозги? – возмутилась я, понимая, что с такой выпирающей челюстью и приплюснутым носом проблем с соплями возникать не должно. – Это же просто насморк!

– Вот... Много уже вытекло... Плохо, – философски заметило чудовище, оценивая мой умственный потенциал. Да, сопливая жена – это горе в семье. – Сейчас будем изгонять из тебя злого духа Соплежуя! Хилая невеста мне не нужна! Хилая невеста – позор для орка! А ну быстро встала!

– Чего? – прокашлялась я, не сводя взгляда с этого нахала. В голове крутилась песенка, которую будут петь мама и папа, глотая сердечные капли: «Зелененький он был! Представьте себе, представьте себе, зелененький он был!».

– Встала! – прорычало чудовище тоном, от которого хочется не только лечь, но и сжать покрепче в руках свечку. – Сейчас изгоним злого духа Соплежуя! Сейчас все быстро пройдет!

Все пройдет, пройдет и это. А вы, зелененький, будете проходить мимо, проходите. Можете даже не здороваться.

Я нехотя встала, поправляя халат и пряча в карман свой платочек, которым хотелось тут же помахать кандидату на мою конечность, но не тут-то было! Спорить с этой глыбой мне не хотелось.

– Да... Тоща, как жердь! Мало проку с тебя будет! – разочаровался орк, глядя на мою фигуру. – Сейчас мы будем положопы и мордополы делать!

Положоп – это жопой на землю! Мордопол – мордой в землю!

– Ты что? С ума сошел? У меня температура тридцать семь с половиной! – возмутилась я, но меня тут же взяли за шкуру, положили на пол, а потом подняли.

– Положоп! Положоп! Мордопол! Положоп! Мордопол! – командовал целитель от богов, который прямым рейсом направляет всех пациентов к своим покровителям, наладив прямые поставки на тот свет. – Положоп!

Я то садилась на пол, то вставала, понимая, что спорить с этой машиной мне вовсе не хочется.

– Каждый день ты должна сделать тысячу положопов и тысячу мордополов! Потом мы будем делать огнежопы! – озвучил программу мой персональный фитнес – тренер. – Ничего! Скоро ты сможешь копье поднять!

– А для... чего... мне копье? – задыхалась я, отжимаясь дрожащими руками от пола.

– Мы с соседями воевать будем! Набеги будем делать! Пусть не расслабляются! – сурово заметил жених. Где-то у Матвевны явно пошел холодок по радикулиту.

– А зачем набегать на соседей? – поинтересовалась я, пользуясь передышкой и готовая в этот момент поддержать любой план по захвату мира.

– Как зачем? – удивился орк, почесав что-то под набедренной повязкой. – Насиловать, жечь, грабить! Нам же надо как-то выживать!

Нет, ну если мы начнем с Зинаиды Павловны и ее супруга, то лучше набегать на холодильник и налегать на плазму. Судя по жалобам моей соседки снизу, которые иногда доносились с балкона в момент разговора с подругой, насилие будет воспринято очень благосклонно в силу полной потери интереса ее достопочтенного супруга к телу законной и горячо любимой жены.

– Что? Прямо всех будем насиловать? – поинтересовалась я, в надежде, что у орка появится личная жизнь, а у меня – нет.

– Как пойдет! Я буду набегать, а ты будешь защищать шатер! – озвучил мне свои планы представитель трудолюбивого народа. – Обязанность жены орка – ждать его из похода! Поддерживать огонь в шатре! Рожать ему воинов! Защищать шатер, готовить, стирать! Если не хватает воинов, то в набег идут женщины!

Отличная спартакиада! Чур, я с факелом!

– А мужичины орки, кроме набегов, чем занимаются? – живо поинтересовалась я, понимая, что орчихи еще не слышали про феминизм.

– Отдыхают после набегов! Вдруг набег, а он устал? – отрезал тренер, пока я тихонько заползала на кровать. – Воин всегда должен быть готов к сражению! Жена должна всячески ублажать мужа! Поддерживать его боевой дух! Он – добытчик, она – хранительница очага!

Мысли о том, что добытчик гордо принесдохлую мышь, случайно задавленную тапочкой по пути, бросил ее в котел и потребовал сварить из нее наваристый бульон для всей семьи, меня как-то угнетали. «Папа! Папа! А у меня в тарелкедохлая мышь!», – верещит ребенок. «Молчи, счастливчик!», – огрызается добытчик. «Кушай, сынок, расти и поправляйся!», – вздыхает мать.

– Есть че поесть? – спросил орк, глядя на меня, которая снова поползла болеть. – А еще мне нужна шкура, чтобы прикрыть вход в шатер! Мы же не в пещере живем?

Я плюнула, побрела на кухню, извлекая из мойки литровую кастрюльку. У меня была гречка, был майонез и в запасе остались три сосиски.

– Я тут для кого готовила? – громко поинтересовалась я, ставя на стол тарелку. – Гречка, сосиски!

– Сейчас прибью! – раздался рык и несколько ударов, от которых задрожали стены. Боюсь, что такими темпами, я стану первой женщиной, сумевшей из луковицы, горстки гречки и одной сосиски сварганить фуагра и трюфели.

– Вот! – раздался довольный голос, перед тем как вылетела из петель дверь, ведущая на кухню. – Хороший хозяин никогда не допустит, чтобы дверь в шатер закрывалась деревяшкой! Злые духи не должны знать, где находится вход в шатер! Сюда тоже надо прибить шкуру! И обереги сделать от злых духов! Это что такое?

– Гречка, сосиска, майонез, – представила я свой кулинарный шедевр.

– Готовь еще! Ты кормишь воина, а не ушастую немощь! И мяса побольше! Чтобы сила в руках была! – орк стукнул по столу так, что гречка подпрыгнула. – Тебя что? Мать твоя готовить не научила? Понятно, почему тебя замуж не берут! Отец должен быть научить тебя быть сильной, чтобы по традиции ты смогла мужа поднять! Мать должна была научить готовить.

Я мысленно перебирала рецепты для гостей, особенно те, где есть розочки из колбаски, понимая, что где-то у меня был тазик. Найдя свое эмалированное сокровище, я вывалила туда все, что у меня было.

– Вот! Совсем другое дело! Исправилась хозяйка! – орк потянул приплюснутым носом варево. – Отлично! Только мяса больше!

Ага, сейчас пойду, поймаю, освежую и в тазик! Если что, в комнате об

стекло билась муха. Муха – это не только «бзззз», но и слегка наваристый бульон!

– Нет, надо срочно делать набег на соседей! – покачал головой орк, когда я, обжигая руки, ставила перед ним его корыто. – Завтра пойду в набег! Соберем воинов и уйдем!

Я бы заменила слово «воинов» на «вещи», если можно. Пока орк чавкал, я стоически смотрела на процесс, понимая, что такими темпами от набегов нужно беречь холодильник.

– Знатное блюдо! – нахваливал орк мою стряпню. – Завтра чтобы насобирали больше!

– А где я тебе насобираю? – удивилась я, вспоминая одно зловонное и злачное местечко, где можно что-то насобирать. Так сказать – официального спонсора вампирских похорон.

– Где хочешь! Мать должна была тебя научить, как правильно собирать! – ответил орк, загребая в лапищу новое блюдо, известное науке, как «ассорти». У солянки появился серьезный конкурент. – Хорошее блюдо!

Сильное заявление. Проверять его, конечно, я не стану, но ты кушай, кушай, набирайся сил...

– Первым родишь мне мужика! Воина! И вторым тоже! А потом себе девок рожай, сколько в шатер влезет! – постановил жених, сурово глядя на меня. – Нельзя, чтобы у Имхо из племени Тоттеб одни бабы развелись! К зиме дети должны быть!

«И роди богатыря...», – икнул Александр Сергеевич Пушкин. – Мне к исходу декабря!». Александр Сергеевич, я не успею. До зимы четыре месяца осталось! Что ж вы меня заранее не предупредили!

– Нет у тебя защиты. Не защищен твой шатер! Жил я во многих шатрах, но такого не видел! Наше племя Тоттеб давно кочует! – покачал головой кочевник, которого хотелось отправить кочевать куда-нибудь в другое место. Знала я мужиков-кочевников. Эдакие гордые скифы, которые с чемоданом переезжают с одной квартиры на другую от одной мадам, то к другой, в надежде найти новое пастбище для своего жеребца. Как истинный кочевой народ, данные субъекты не имеют за душой ничего, кроме честолюбивых амбиций и чемодана с трусами, который неоднократно летал за ними по лестнице, когда гордый кочевник отправлялся покорять соседок. Завоевывать, так сказать, чужую территорию.

– ... выгонять из тебя надо! – слышалось мне, пока я раздумывала о прелестях кочевой жизни. Сейчас у меня был выбор – стать скотоводом или

кочевником? А что, скотинка уже есть! Мысль о чемоданах меня слегка обнадеживала. Я принялась. От орка пахло так, что даже изготовители антиперсперантов, нанюхавшиеся чужих подмышек, не рискнули бы приблизиться без противогаза.

– А ты вообще моешься? – поинтересовалась я, чувствуя запах носок и кедров, только что пробежавших марафон.

– Воины не моются! – сурово отрезал орк, демонстрируя свою нательную живопись. – Это – обереги! Их нельзя смывать! Вот этот...

Мне показали какую-то полустёртую вязь на потной ручище.

– Защищает от ран, – прорычал Имхо из племени Тотоб. – А этот – от болезней! Вот этот символ мне нарисовали, когда я родился! Он означает, что я – первенец!

Осталось задать вопрос, сколько ему лет, чтобы узнать, сколько лет за ним робко на кривых ножках ходит Мойдодыр, боясь головной.

– А этот... – экскурсия по разноместным достопримечательностям продолжалась и спускалась к набедренной повязке, – защищает от укусов волков. А это – от медведей. У тебя будут такие же, когда ты станешь моей женой!

Прошу нанести мне обереги от коллекторов, от плохих клиентов, от козлов и придурков. Можно на попе еще нанести оберег от гнева начальства. Мало ли... На всякий случай. Вот с него лучше и начинать...

– Так, я пошла спать, – зевнула я, лелея в душе надежду, что эта машина не уляжется рядом. Высморкавшись как следует, я ужаснулась тому, что у меня теперь вместо двери висит одеяло, которое нужно отгибать, перед тем как войти в мой новый чум. Но я настолько устала, что молча улеглась на кровать, укрылась простынкой и... Проснулась я от громкого «тумс-тумс!» и «дыдышь – дыдыщ!». Сначала я не поняла, что происходит. Такое чувство, что где-то рядом прыгал конь. А потом послышалось жуткое завывание.

– У-у-у-я-я-я! – выл страшный мужской голос, нарушая очарование тихой и спокойной ночи. Это был первый трек из альбома «Жаль, нет ружья»!

Ни «уя» себе! Пол дрожал, что-то металлическое стучало обо что-то металлическое. Концерт орка и оркестром в три часа ночи – это была именно та культурная программа, которая вызывала некультурные возгласы. К выступлению присоединились соседи снизу, отчаянно аккомпанируя по батарее. Ударники работали не покладая какой-то железяки. В качестве бэк-вокала – вой соседского пекинеса, который орал так жалобно, поддерживая своего зеленого собрата.

– Ты что творишь! – прошипела я, глядя, как вокруг меня развернулась целая шоу программа.

– У-я-я-я-у-уй! У-я-я-я-у-уй! Сгинь ужасный Соплежуй! У-я-я-я-у-уй! У-я-я-я-у-уй! – мычал и завывал орк, прыгая, как стадо танцоров, которым уже давно ничего не мешает.

Судя по крикам соседей, насморк пройдет у меня очень скоро. Мою заложенность носа быстро пробьют, а мне вместо «спокойной ночи» будут желать «покойной ночи».

– Сгинь! Сгинь! Сгинь! – выл орк, выплясывая так, что кордебалет стыдливо отвернулся. Еще немного и кузнечик продемонстрирует огуречик. – Сгинь! Сгинь! Сгинь!

Почему в этот момент мимо не проезжает бродячий цирк? У меня есть гвоздь программы с готовым номером! Отдам бесплатно в хорошие руки!

– Ай-ю-ю-ю-ай! Мозги не выедай! – вопил целитель нетрадиционной медицинской ориентации, конвульсивно подергиваясь и молодая в тазик.

Я не знаю, как Соплежуй, которого так усиленно изгоняли танцами с бубном, но крики соседей свидетельствовали о том, что кто-то сейчас получит в бубен. И по бубенцам, если догонят.

В дверь уже ломились разъяренные фанаты ночных плясок, с единственным желанием оставить несколько автографов на самооценке и теле артиста. Но зелененький не унимался, воинственно размахивая моим тазиком и ложкой, делая такие телодвижения, что с него в полутьме слетела повязка и шлепнулась на пол.

– И-и-и-и-я-я-я! И-и-и-и-я-я-я! – выл народный целитель, имея все шансы изгнать не только Соплежуя, но и меня, и соседей, и два соседних квартала с насиженных мест. Даже страдальцы – ипотечники готовы были вернуться на съемные квартиры. Ложка гремела о тазик, неугомонный доктор Ауженеболит, скакал кузнечиком, ловко откидывая коленца. Грохот стоял такой, словно, у моей кровати собрался целый консилиум врачей. Я приняхалась. Пахло какой-то жженой дрянью. Со стола поднимался серый дымок.

Внезапно тазики и ложка подпрыгнули ко мне, начиная отдаваться у меня в голове колокольным звоном. Зеленая Квазиморда была покрыта неаккуратной боевой раскраской, тонко намекая на то, что звезда эстрады раньше явно подрабатывала звездой автострады. «Он хочет петь!», – явно перешептывались боги, откладывая таланты для юного зеленого гения. «Не выйдет! Умение попадать в ноты кончилось!» – всхлипнули добрые боги, разводя руками. «Зато остался громкий голос и завышенная самооценка! – потеряли ладошки злые боги. – Нет, ну а что? Половине местной эстрады

хватило, так что, пой, светик, не стыдись!».

Мою входную дверь выносили, пиная ее со страшной силой! Я бросилась к двери, запутавшись не только в одеяле – шкуре, но и в жизни. Танцы с бубном прекратились. Кто тут хотел набегать на соседей? Поздравляю! Нас опередили! Соседи решили принять превентивные меры, опередить, так сказать, подлейший удар с нашей стороны, собраться в кучку и набежать на нас. И вынести они собираюсь не остатки былой роскоши, а мозги.

– На нас набег! – заорал орк, бросившись к железной двери. Он выносил ее с нашей стороны, соседи с противоположной, а я перебирала в уме всех богов стройки, молясь, чтобы ее поставили на совесть. Косорук развел руками, Рукожоп просто вздохнул и попытался закрыть рукой лицо, но в силу анатомических особенностей не дотянулся, Итаксойдет просто спрятал глаза, а вот бог Намнезаплатили коварно улыбнулся, потирая заgreбущие ручонки.

– Что они орут? – спросил орк, свирепо раздувая приплюснутые ноздри. Я едва доставала орку до середины плеча.

– Они не нападают, – занервничала я, понимая, что потерю входной двери мой бюджет не переживет! – Они просто пришли поздороваться. У меня очень миролюбивые соседи...

Имхо посмотрел на меня с недоверием, но дверь выламывать прекратил.

– Слышишь, они тебя «зайкой» называют, – нервно улыбнулась я. – И напоминают о том, что у них проходит бал. Нас приглашали, но мы не пошли! Они так и кричат «Зая, бал!». Зовут, но мы не пойдём! Они это уже понимают, поэтому просто зовут нас погулять! Слышишь? «Гулять! Открой дверь! А ну быстро открыла! Гулять!». А еще они приглашают на Уй. Так у нас называется самое красивое место! Туда всех приглашают! Это – место для неожиданных встреч! Очень славное. Вот такие они у меня замечательные!

– Горите в аду! – верещала Матвевна, перечисляя все болезни, с которыми оказалась несовместима любая моя попытка построить личную жизнь. Глядя на орка, я понимала, что это – не я личную жизнь, а она меня строит!

– Им показалось, что у нас пожар! И вот они ищут воду, чтобы потушить! Так и кричат: «Горите! Ваду!», – сглотнула я, понимая, что смотреть в глаза соседям мне совсем не хочется. Ни в глазок, ни в глаза. – Это – мое племя! Мы на них не набегаем!

Лицо орка резко изменилось. Где-то вздрогнули во сне жители

ближайших пятиэтажек. Кто-то наверняка даже встал, чтобы проверить замки.

– Твое племя? Почему ты меня с ними не познакомила! Я же – новый член! Ты должна была собрать всех, позвать вождя и шаманку и представить им меня! – обиделся Имхо, злобно сопя. Мне еще не хватало знакомить новых членов с моим племенем.

«Уважаемые жильцы! – представила я собрание нашего дома на детской площадке. – Да, да! У меня в кое веков появилась личная жизнь! Вот он! Новый член...». Все такие радостные перебивают меня: «Ура! Ну наконец-то! Как долго мы ждали этого момента! Какое счастье! Мы за тебя рады!». И тут выполз огромный зеленый, потный шкаф. «Новый председатель правления!» – с надеждой смотрят на такое мощное подкрепление жильцы. И в качестве знака власти вручают ему ключи от подвала и чердака.

Хозяину квартиры, к моему облегчению, не дозвонились. Судя по обсуждениям, он где-то в роуминге. А поскольку у нас здесь – не дачный поселок олигархов, жертвовать лишние пятьсот рублей на жалобы, соседи отказались. Имхо обиделся на меня, отодвинул шкуру и упал на кровать. Устал, набегался. Я потушила какую-то траву и листья, которыми окуривали помещение, и побрела на кухню. Поставив несколько стульев в ряд, поворочавшись на них, я уснула.

Утром я проснулась от рыка «Кто мордополы не делал?».

– А ну быстро мордополы, положопы и огнежопы! – скомандовал тренер по фитнесу, пока я понимала, что, как ни странно, насморк у меня прошел.

Два часа я отжималась от пола, прыгала резвой ланью, садилась на пол и тут же вскакивала. В следующий раз, когда захочу записаться на фитнес, я задам очень важный вопрос: «Умеет ли тренер считать?». Поверьте моему опыту, это очень важно...

Потная, растрепанная и уже уставшая я побрела к холодильнику, которым побрезговала даже мышь с суицидальными наклонностями, чтобы свести счеты со своей мышшиной жизнью.

– Кушать нечего, – вздохнула я, глядя на пустой тазик и пустые полки.

– Значит, я пойду в набег! – заорал воинственный орк, демонстрируя свои руки, которые были толщиной с мою талию. – Неси топор! Моя семья не должна голодать! Это сказал Имхо из племени Тоттеб!

Я молча взяла кошелек, проверила карточку и двинулась в сторону магазина. Заморозки не было, зато была охлажденка. Накупив макарон и мяса, я выстояла мучительную очередь в кассу, негласно подписала договор

с одним очень мутным банком, расплатившись кредиткой.

Дома меня ждал ремонт. Сразу видно, что в доме завелся мужик. Жаль, что не тараканы. Причем завелся мужик не на шутку. Вместо дверей висели мои одеяла, а мне оставалось только повеситься рядом, ибо маленькое одеяльце для ног, прикрывающее вход в санузел, не доставало до пола. Оно прикрывало лицо сидящего, но не сам увлекательный процесс, ради которого умные люди придумали дверь и щеколду. Так и хотелось, проходя мимо спросить: «И кто у нас тут спрятался? Кто у нас тут партизанит?». Понимаю, что изобретение очень удобное, но я бы хотела знать домочадцев в лицо. Я представляю, как ко мне подкрадываются с кокетливой просьбой: «Гюльчатай, открой личико!».

Я потянула носом, чую запах горелого. Я пробилась в комнату и увидела, как на полу валяются разбитые фанерные двери, и мирно потрескивает дровишками из мебели костер. Я так понимаю, что кроме барда – комариной столовой, которого тянет к костру и приключениями, в доме завелся художник, который сосредоточенно рисовал на светлых обоях какие-то первобытные каракули. Один рисунок поверг мою врожденную интеллигентность в животный ужас. Огромное мужское достоинство удостоилось чести украсить половину стены. Прорисованное тщательно, словно за натурой далеко ходить не пришлось, оно радостно приветствовало всех с порога. Донести мысль до гения о том, что портить чужие обои – не самая лучшая идея, совпадала с мыслью о том, как донести содержимое мочевого пузыря до туалета, ибо взгляд творческой личности убедительно свидетельствовал, что он еще та тварь.

– Ты что творишь! – икнула я, глядя на эту постыдную наскальную живопись и обугленную головешку в руках гения.

– Это символ плодородия! – рявкнул Имхо, почесав натурщика. – Я защитил твое жилище и пожелал тебе плодородия...

– А это что? – сглотнула я, видя рядом с символом плодородия причину для символической радости, весом под двести кило и напоминающую очень отъевшуюся Венеру Милосскую.

– Это символ материнства! – огрызнулся орк, напряженно сопя от тяжелого творческого процесса. – Ты же хочешь двадцать детей?

Сорок шесть! И новую квартиру, пожалуйста! Не успела убежать? Не отвертись рожать! Пока я медленно оседала на пол, кашляя дымом и глядя на то, чему обрадуется тематическая программа «Ремонты», чтобы показать «было» и «стало», художник продолжал рисовать. У меня как-то в горле пересохло выразить свой восторг этой арт галереей. Это был тот самый случай, когда спорить с двухметровым гением было чревато для

критика сменой мировоззрения в результате черепно-мозговой травмы.

Теперь я понимаю, что на местных заборах красовалось не «Фу! Какая гадость!», а пожелание «хорошего урожая» владельцам заборов. И безвестный художник просто желал людям добра, посредством великой силы искусства, а статью за хулиганство получил лишь потому, что хозяева были не в курсе, насколько важен этот символ в жизни каждого.

Я поплелась ставить чайник, отмахиваясь от стеганной «шкуры», которая украсила вход на кухню. Имхо шел следом, доказывая мне, что с такой защитой мне можно вообще не закрывать входную дверь! Ни один злой дух не посмеет проникнуть на нашу вставку без билета. Что уж говорить про обычных впечатлительных и высокоморальных людей!

Вся стена на кухне как бы намекала на то, что дом мой будет весьма плодородным! Вон тот, большой символ, который смотрел в сторону холодильника, игриво приподнимаясь, точно знал, что в холодильнике царит диетическое изобилие. А вот этот, поменьше, намекал на то, что в шкафчиках не все так пусто. Нет, что вы! Мой дом вовсе не стал напоминать подъезд! Подъезду до моей квартиры очень далеко! Мы не просто обогнали, мы четко дали понять подъезду в самом неблагополучном районе, что он нам – не конкурент!

Я посмотрела на художника, понимая, что с удовольствием наставила бы ему рога изобилия!

Пока я раскладывала мясо, мне на хрупкое плечо тяжело обрушилась огромная зеленая лапища. Где-то погрузился районный травматолог и поинтересовался, когда меня лучше записать на прием?

– Ничего себе! – восхитился Имхо, разглядывая пакеты и их содержимое. – Вот это добыча! Молодец! Поохотилась! И даже освежевать успела!

Ага, за курочками-бройлерами в упаковке. Прямо вижу, как выслеживаю ее на полке, а потом бегаю за ней с топором по всему супермаркету! А это от меня убежала и пряталась какая-то хрюшка. Не вся, конечно. Но одна нога точно не хотела на холодец! Да ладно, я еще иногда и рыбак, и земледелец и скотовод. Корова не хотела доиться на литр пастеризованного молока, но пришлось! Куда она денется!

– Завтра пойдешь в то же место! – поучал орк. – Хорошая дичь... Да, пусть ты мелкая, зато проворная! Достояна быть женой орка из племени Тотоб!

– А ты что? Мужчины на охоту не ходят? – поинтересовалась я, глядя на явную «неохоту», промелькнувшую в глазах любителя дичи.

– Это – не мужское занятие! Мужское занятие – воевать с соседями! –

гордо ответил представитель зеленого от зависти к соседским благам народа.

Я поставила таз, сварила макароны и мясо, выставляя перед «женихом», который посмотрел на меня с таким ужасом и отвращением, с которым умеют смотреть только детсадовцы на серый комок манной каши.

– Червивое мясо! Да как ты смеешь, женщина! – заорал Имхо, ударяя кулаком по столу так, что тазик подпрыгнул и упал на пол. – Воину! Мясо! С червями!

– Это – макароны! – заорала я в ответ, радуя соседей тем, чем не радовала никогда – семейным скандалом. – Они из теста! Это – не черви! Как хлеб!

– Дичь испортилась! Значит, в твоём шатре обитает злой дух Болижоп! Его надо срочно изгнать! – воинственно заявил зелёный экзорцист, осматривая свои художества в поисках свободного места. – Где здесь жертвенный алтарь?

Скорость, с которой этот Халк собирается тащить меня под венец, порадовала бы любую старую деву. Я назвала адрес местного ЗАГСа.

– Нам нужно принести жертву! – сурово заметил орк, поглядывая в углы кухни.

– А жертва сама дойти не может? – поинтересовалась я, отчаянно зевая.

– По законам племени Тоттеб, придется принести в жертву первого, кто переступит этот порог, кроме хозяина и его семьи! – постановил Имхо, а я понимала, что злые духи могут спать спокойно, ибо я всегда славилась своим гостеприимством.

Зазвонил телефон, срочно требуя меня. Я подняла трубку, видя, что это – генеральный директор. Судя по тону, он тоже был настроен на жертвоприношения богам начальства Якомусказал и Быстроибезвопросов.

– Я не могу приехать прямо сейчас, – негромко начала я, чувствуя, что где-то неподалеку мною заинтересовался злой дух Пендаль. И символы «плодородия» на обоях как бы намекали на урожай, которого не переживет моя зарплатная карточка. – А что их не устраивает? Но ведь полмесяца назад все устраивало! Да при чем здесь... С кем? Заключение договор?... На сколько?... Нет, мы с ними не работали! А вам не кажется, что цены... Поняла... Еду...

Я прилетела на работу разбираться с текущими проблемами под неусыпным начальственным взором. На меня смотрели с подозрением, изредка замечая, что не сильно я похожа на загоревшую и отдохнувшую отпускицу. По закону подлости, когда тебе говорят: «работы на

полчасика», выясняется, что не лишним было бы захватить с собой палатку и развести костер.

При слове «костер» мне стало как-то прохладненько. В полвосьмого меня, измотанную и уставшую, наконец-то милостиво отпустили. Я вызвала такси, рванув домой. Теперь понимаю, почему половина нашей женской бюрократической машины, спешит к детям, рисуя себе страсти-мордасти о газовой плите, розетках и открытых окнах. И пока переднеприводные выслуживаются перед руководством в меру своих талантов, мы, заднеприводные, отгребаем и разгребаем.

Из моего окна валил дымок. Весь подъезд провонял так, словно филиал мусоросжигательного завода решил переехать в мою скромную однушку. Дрожащими руками, роняя ключи по нескольку раз, я открыла дверь, закашлявшись и чувствуя, как слезятся глаза от дыма и копоти.

– Ты где была? – грозно прорычал орк, отодвигая шкуру, ведущую из стойла в шалаш, именуемый спальней. – Ты где шлялась?

– Ну что тебе сказать? Позвонил генеральный директор, потребовал приехать на работу. Там меня ждала гора счетов, которые срочно нужно оплатить. Я полезла в 1-С, а та-а-ам такое творится! Половина новых документов не проведено, договора не проставлены. Явно кто-то что-то переделывал. Накладные пытались задним числом выписать, прошлым кварталом... -жаловалась я, пользуясь возможностью. Имхо смотрел на меня так, словно у меня – не тело, а общежитие для злых духов. – А как увидела последний договор на поставку материалов, так сразу изменила. Число и дату. И пару пунктов изменила...

– Мы с тобой только жених и невеста, а ты уже мне изменила? – челюсть зеленого интеллектуала чуть не отпала. Не виноватая я, он сам ко мне пришел! Договор сам ко мне пришел! По почте! А по поводу проводок – это чистойшей воды изнасилование!

Хотя, если вспомнить то, что со мной морально делали на работе, то, пожалуй, да. Я изменила еще в тот момент, когда увидела счета-фактуры на аванс, отписанные задним числом. В тот момент я посмотрела на наименования и нехорошим взглядом обвела взглядом присутствующих. Где этот мутант? Где это несчастное порождение ядерного взрыва начальственного гнева? Все спрятали глаза, как бы занимаясь своими делами. Странно, но у всех руки на месте...

– Неверную невесту нужно наказать! – зловеще изрек герой, глядя на меня так, словно я лично с пеной у рта клялась в верности, а рядом стоял мой личный стоматолог, чтобы тут же предоставить доказательства клятвы в ассортименте. – Ты обязана всю ночь не спать и сидеть у домашнего

очага! Так делают жены воинов, когда воин уходит в набег! Если огонь погас, то жена его не ждала! Шлялась где-то или спала! Жена должна ждать воина дома, не смыкая глаз! И не дай боги, огонь любви погаснет...

Голос организатора местной олимпиады стал совсем зловещим и многообещающим... Я открыла форточки везде, где могла, перекусила нетронутыми макаронами, а потом увидела огромное зеленое тело, которое развалилось на кровати и храпело так, что закладывало уши. На полу, на ламинате горел костер, куда были брошены обломки дверей и дверца покаленной тумбочки, обнажающая залежи моего исподнего.

Я сидела на полу, чувствуя себя горе-туристом, комариной кормушкой, столовой для клещей. Мои глаза скользили по разрисованным стенам, а я вспоминала то блаженное время одиночества, когда здесь было чистенько, красиво и уютно. Не хватало гитары, чтобы побренчать на радость соседям какую-нибудь подошно – походную заунывную песенку на трех аккордах.

– На медведя я, друзья, на медведя я, друзья, выйду без испуга... – мурлыкнула я, обнимая колени. – Если с орком буду я, если с орком буду я... А медведь с подругой! Если будут орка жрать, я успею убежать... Парам...

Сразу вспомнились бородатые товарищи, которые выглядели так, словно выползли из коробочки со свитерами.

– Изгиб гитары желтой трясется на коленях, – нараспев мурлыкнула я, тяжело вздыхая. – Я знаю три аккорда, пищу я как комар... Поэтому сегодня всю ночь без сожаленья, придется вам прослушать весь мой репертуар.

Орк залиvisto захрапел, переворачиваясь на другой бок.

– Сначала с одобреньем, а после с раздраженьем, чуть позже просто с матом, орете вы: «Заткнись!», – мелодично пробурчала я, глядя на огонек. – Я спрятал телефоны, приемник, батарейки... Как здорово, что все вы здесь сегодня собрались!

Огонь потрескивал, жених похрапывал, уткнувшись мордой в подушку, а я продолжала мурлыкать.

– Я спел уже про звезды, про травку, про листочки. Не надо мне пытаться заткнуть рот шашлыком... Не пейте очень много, поберегите почки! Я знаю много песен, об этом и о том... Ну что вы, в самом деле? Куда же вы, ребята? Не нужен ни священник, ни дядя – экзорцист, – усмехнулась я, сочиняя на ходу, чтобы не уснуть. – Ключи от тарантайки я тоже тихо спрятал... Как здорово, что все вы здесь сегодня подрались!

На ламинате красовался черный ожог, был соблазн потушить костер, но, увы, мне бы день простоять, да ночь продержаться.

– Как тяжело культуру нести в тупые массы. Таких простых куплетов у барда – завались. Для, кто не решился, пешком идти по трассе. Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались! – сонно бурчала я. В пламени костра сгорали все розово-сопливые мечты, портреты тех, кто нравился, книги, героиней которых себя представляла, черновики отчетности, акты-сверок.

Я стиснула зубы, сходила на кухню, притащила кружку и слегка притушила пламя страсти, оставив маленький огонечек. Пусть знает зеленое чудовище, что я его слегка недолюбливаю!

Иногда мне, как бухгалтеру, хотелось выставить счет судьбе. Но судьба оказалась не самым лучшим контрагентом, поэтому уже много лет жду, когда она мне его оплатит. Я протяжно зевнула, и устало прикорнула возле стеночки. Проснулась от того, что стало жарковато. Припекало... Огонь любви разгорелся с такой силой, что я испугалась. Горело покрывало, упавшее с кровати, горели занавески!

Я бросилась на кухню, схватила чайник и побежала тушить огонь любви, который посчитал, что занавески мне больше не нужны, всеми подручными аргументами! Поливая пламя из чайника, я с ужасом осознавала, что пытаюсь потушить торфяники кружкой чая. Мысли о том, что скоро весь дом станет погорельцами, придавал мне такое ускорение, что я уже летела с новой порцией воды, пока суженый – в набедренную повязку ряженный, сопел во сне и с кем-то воевал. Перед глазами мелькали местные новости: «При пожаре не пострадал никто. Виновница пожара скончалась в реанимации от удушения!». Я бросилась в ванну, схватила ведро для мытья полов, набрала воды и побежала тушить кровать, заливая ее водой. Под ногами была грязь, но я уже заливала водой новый очаг возгорания! Одна занавеска висела обугленной тряпкой, я поливала вторую. Через десять минут пожар был ликвидирован собственными силами. Пожарник храпел, пожарная умывалась, чувствуя, что после такого подвига срочно нужен душ!

Сняв халат и белье, взяв банное полотенце, я встала под струю горячей воды. Через секунду в ванну влетел орк. Я едва успела схватиться за сердце и полотенце. Орк молча посмотрел на меня, прячущуюся под полотенцем, а потом рывкнул:

– Пора тебе другой колодец рыть! Этот совсем пересох! Надо шамана звать, чтобы нашел новое место для колодца! Либо кочевать, если вода ушла!

Какого колодца? Тут еще рыть что-то нужно? А ничего, что не первый этаж?

Он откинул крышку унитаза, зачерпнул воды рукой из стаканчика и с наслаждением испил, закрывая крышку.

– Береги колодец! Без воды пропадем! Завтра пойду в набег!

Надо будет ему показать маленький филиал Ниагары и волшебную кнопку... Орк почесал символ плодородия и побрел спать. Какая прелесть! Пекинес соседей завистливо заскулил, понимая, что сам он до унитаза не допрыгивает.

Неверная невеста, которая потушила пламя страсти, поползла на кухню, угнездившись на стульях и с тоской глядя на часы. Обычные часы на кухне тикали, показывая три часа ночи, а волшебные часы, отмеряющие время до того момента, когда я надежно оккупирую лавочку возле дома для того, чтобы клеймить позором все, что младше, симпатичней и здоровей меня, почему-то показывали четыре часа.

При мысли о том, что разгром, потоп и пожар уже были, а я даже не добралась до золотой середины личного списка попыток, по спине побежал холодок. Подозрения, что апокалипсис начнет шагать семимильными шагами по миру именно из моей квартиры, должны испортить настроение не только мне, но и хозяину, которому скоро на карточку нужно переводить квартплату. Четырех всадников Конца Светы Света уже видела. Трех – пережила. Голод, нищета и капитальный ремонт еще на походе. Сказали, что задерживаются. Можем начинать страдать без них!

Повертевшись, поскрипев стульями, я уснула, тяжело вздыхая и поскуливая, чтобы утром, ни свет, ни заря услышать хлопки крышки «колодца». Организованной толпой жених пошел на водопой. Делал он это с таким топотом, грюканьем и стуками, что в любом приличном общежитии его давно бы убили.

– Вставай, бездельница! Уже петухи орут! – зарычал орк, нависая надо мной. – А я голоден! Лови петуха и готовь мне еду!

– Сам лови, добытчик, – сонно простонала я, пытаюсь перевернуться на другой бок и выключая будильник с петушиным криком.

– Цыпа-цыпа...– басил орк, заглядывая под стол. – Где ты? Сейчас я тебя поймаю и съем!

Он пошел ловить петуха в коридоре, гремя мебелью. Ну правда? А вдруг петух просочился под шкаф? Такой компактный плоский петух.... Шкаф завалился, грохоча, как раскаты грома.

Я задремала, слушая, как по дому ходит громила и орет: «Цып-цып-цып! Иди сюда цыпочка!». Да, с таким подходом Имхо явно претендует на звание мастера пикапа. Орал он так, что складывалось впечатление, что либо несуществующий петух слегка глуховат, либо наш герой поставил

цель приманить всех одиноких девушек в радиусе микрорайона.

Если раньше, чтобы уснуть, мне нужна была абсолютная тишина, темнота и мягкая подушечка с уютным одеяльцем, то сейчас прислони меня к дверному косяку комнаты любителей круглосуточного прослушивания тяжелого металла, я буду спать с блаженной улыбкой идиотки.

Меня потрясли за плечо, заставив разлепить глаза и заскрипеть стульями.

– Мне нужна раскраска! – послышался рык. Я зевнула, встала, поплелась в комнату, вспоминая, что у меня есть замечательная детская раскраска, которой я занимаю детей тети Зины во время взрослых посиделок. И пока тетя Зина расхваливала собственные методы воспитания, делая акцент на том, что ребенку нельзя ничего запрещать, ибо это негативно сказывается на его самооценке и психике, ее малышня могла дать фору любому орку и повергнуть в ужас даже самого рьяного любителя набегов. Слова «можно», «пожалуйста» и «спасибо» были крайне не рекомендованы для подрастающего поколения, ибо мешают полноценному развитию личности, унижая ее с самого детства. А слово «нет» вообще не должно звучать в разговоре, ибо калечит детскую психику на всю оставшуюся жизнь.

Отодвинув ящик стола, я достала книжку «Веселая Мультяшка-Рисовашка», порылась и достала несколько цветных карандашей.

– Держи, – буркнула я, разворачивая какого-то недокрашенного фиолетового ежика и высыпая оставшиеся огрызки карандашей на стол. – Раскрашивай. Небо – голубое, травка – зеленая, солнышко – желтое.

Судя по изумленному взгляду, Имхо ежиков не любил. Я перевернула листочек и показала морда Шрека. На нем и остановимся. Мало ли? Вдруг родственная душа заинтересует моего клыкастого ухажера?

Я поползла на кровать, накрылась одеялом и уснула.

Проснулась я от того, что в ванной что-то упало! Я не обратила внимания, пытаюсь снова уснуть. Потом меня стала одолевать тревога, заставив меня лениво плестись на разведку.

В разбитой раковине валялся сломанный карандаш для бровей из каталога, ценами которого запугивают жадных мужей, разбитая пудра из того же каталога, выкрученная помада, чья крышечка хрустнула под тапками, как особо живучий таракан – разведчик. Мои тени, которые я купила с новогодней премии вместе с супер тушью, способной из трех ворсинок над глазами сделать роскошный веер, скребущий противоположную стенку, рассыпались по полу, раздавленные чьей-то

ногой, а лысая щетка туши застряла в водостоке.

Все, что нажито непосильным трудом, все, что было куплено в качестве тревожного чемоданчика: «Вдруг принц? Вдруг судьба?», валялось в раковине и на полу! И как теперь жить? Как меня принц опознавать будет? Меня даже на работе не узнают! Меня же на вахте не пропустят!

Нет, не этого надо бояться! Бояться нужно того, что где-то в моей квартире затаился визажист-криворучка, чудовище косметического ада, исчадьё художественной преисподней... Я сглотнула, глядя на пустой тюбик из-под тонального крема и опасно косясь на шкуру – дверь.

Если там прячется то, что я себе представила, то не обессудьте, если потом всю жизнь буду заикаться и мочиться в постельку. На секунду мне показалось, что длинные ресницы с эффектом увеличения способны украсить даже плоскую морду с маленькими желтыми глазками и добавить как минимум десять очков к няшности и кавайности. Но почему-то мне кажется, производители косметики слегка слукавили в своей рекламе.

В комнате что-то загремело, а потом послышался звук, словно кто-то бьет в барабан. Тумс-тумс-тумс... Резко выдохнув, отогнув шкуру, я двинулась в комнату, где застала то, чем долго будут пугать друг друга мои нервные клетки.

На меня смотрела такая рожа, которой можно спокойно отпугивать любую тварь в радиусе километра. Глядя на это по стеночке ползали все слабоневные чудовища – убийцы, заикались прожорливые твари, а особо впечатлительные маньяки клялись завязать. Некоторые даже на узелок. Алые клыки, размазанные по лицу пудра, тени и тушь оставили неизгладимый отпечаток на моей детской психике. Орк сидел и ритмично лупил досками в тумбочку, что-то уныло подвывая.

– Это – боевой клич! Я собираю все племя! Мы идем в набег! – пояснил мне тот визажист, которого я с удовольствием порекомендую на свадьбу злейшим врагам.

– И как успехи? – осторожно осведомилась я, понимая, что Матвевна – это мощное подспорье в любом набеге, особенно на прилавки с уценкой. Остальные боевые соседи тоже как-то не спешили собираться. Один страдалец-пекинес очень хотел в набег, но его заперли дома, оставив наедине с переполненным мочевым пузырем и чувством собственной ненужности.

Полчаса мотивирующих криков в стиле: «Отомстить неразумным соседям!», «Заработать быстро и без вложений!», «Оттянуться и покуролесить!» успехом не увенчались.

Имхо, далекий от русской классики, выдал что-то в стиле: «Да, были орки в наше время! Не то что нынешнее племя!» и решил идти в одиночку, дабы в случае чего пасть смертью храбрых за родной шалаш и устыдить трусливых соплеменников столь широким и щедрым подарком.

– Баба не имеет права стоять на пути воина! – прорычал орк, возвышаясь надо мной, перегородившей ему дорогу к светлому и обеспеченному неприятностями будущему. – Мужчины племени Тоттеб всегда воевали и погибали! А бабы рожали новых воинов! Так что готовь и готовься! Если я вернусь, ты родишь мне пять детей!

Я посмотрела на Имхо, понимая, что план на ближайшую пятилетку мне уже обозначили. Недовыполнение плана карается перевыполнением его на следующую пятилетку. Так что жизнь у меня будет очень интересная. Я бы даже сказала, увлекательная. Я не знаю, дадут ли нам какой-нибудь шалаш, как многодетной и нищей семье, но я уверена, что органы опеки, завидев наше зеленое клыкастое разнообразие, первыми потребуют пересмотреть принципы ювенальной юстиции. Ладно, если мальчики... Мужик, чуть красивее орка и чуть страшнее питекантропа в наших широтах тоже долго не залеживается в своей холостяцкой берлоге. А вот девочки... Мысли о том, что мне их еще замуж отдавать придется, заранее огорчали мое материнское сердце. Нет, со своей стороны я буду говорить им, что они – красавицы и принцессы, но боюсь, что зеркала на всякий случай придется снять и запастись валидолом.

Впервые в жизни я думала послать домашние вооруженные силы в военный поход, но пока еще я не придумала куда...

– Неси оружие, женщина! Снаряжай меня в набег! Мне не нравится этот мир! Здесь плохие племена! – воинственно заорал Имхо, горя желанием что-то вынести. И пока нормальные мужики выносят мусор, этот товарищ решил вынести соседское имущество и мой мозг.

Я приподняла голову, чувствуя себя главнокомандующим зелеными человечками.

– Неси оружие! – зарычал на меня орк так, что я чуть не подпрыгнула на месте. – Живо! У тебя дома должно быть оружие!

Через десять минут в коридоре лежал весь мой арсенал. Вантуз, вилка, зубная щетка, найденная под раковиной, швабра, веник и деревянный молоток для отбивных. Да, тут любой самурай растеряется от такого разнообразия.

– Это что? – подозрительно спросил Имхо, беря в руки вантуз. Ножи я предусмотрительно спрятала, так что придется импровизировать.

– О! Это очень страшное оружие! – я сделала вид, что ужасно боюсь. –

Оно засасывает насмерть!

Но орк не захотел вламываться к соседям с вантузом и криками: «Сейчас как засосу вас досмерти!», заинтересовавшись веником.

– Это тоже – очень грозное оружие! – заметила я, потрясая им над головой. – Выметайтесь отсюда! Прямо так можешь и крикнуть!

Орк решил не щадить никого, поэтому веник был отложен в сторону. А жаль. Подъезд у нас давно не подметали!

– Это – для зачистки. Оружие истинного воина, – усмехнулась я, демонстрируя лысую зубную щетку. – Это швабра. Для головомойки. Вилка... Грозное оружие! Одним ударов четыре дырки! И молоточек! С ним можно спокойно кричать, что сделаешь из них отбивные! Собственно, все.

Имхо растерялся, почесав макушку. В моем кармане завибрировал телефон. Я отвернулась, глядя на мамину фотографию. Мама настойчиво требовала новый повод для волнения, поэтому я вздохнула и подняла трубку.

– Как мой кто? А! Алкоголик? – замялась я, стараясь говорить шепотом и двигаться в сторону кухни, пока обескураженный воин искал оружие массового поражения. – Нормально... Ну он пообещал, что больше ни капли в рот! Да! Мужик слово держит! ... Он у меня ответственный... Да! Просто устал на работе... Проблемы... Да тут любой сорвется! ... Нет, все уже наладилось... Так что ты не переживай! Все хорошо, мам! Все просто замечательно!

– Все! Я выбрал! Я иду грабить соседей! Я вынесу у них все ценное, что есть! – заорал Имхо, размахивая вантузом.

Не сказала бы, что мои соседи очень дорожат тем, что способен высосать вантуз, но за выломанную дверь тоже придется платить мне.

– Они у меня поплатятся за все! Вынесу все, что вижу! – орал орк, грозно потрясая в воздухе оружием массового уничтожения всех засоров!

– Мама, – сглотнула я, сморщившись, как абрикос. – Это – не то, что ты подумала! Он просто играет в компьютерные игры! Он у меня так отдыхает!... Да прекрати ты! Ничего из дома он не вынес! Мама!... Это игра такая... Ну на компьютере! Там соседей грабят! Про средневековье... Все нормально, не переживай!

– А ну быстро выпустила меня! – заорал, настроившийся на боевой лад, орк. – Я кому сказал! Быстро, баба!

– Мама... – шептала я, поглядывая в коридор. – Его никто не держит! ... Мама! Я не ловила мужика и не приковывала его наручниками к батарее!... Да есть у него ключи...

Но расстроенная мама положила трубку и отправилась расстраивать папу.

Ключи есть, мозгов нет. Потому, что дверь пытались выломать с ноги, отчаянно вопя что-то грозное и жизнеотнимающее.

Последний замок держался на моих соплях, поэтому я решила выпустить бедолагу на волю. Если что, с вантузом не пропадет!

Воинственный клич в подъезде ознаменовал начало набега, а я украдкой закрыла дверь. Если что, я его не знаю.

На улице раздался крик: «Не трогай мою собаку!». Я выглянула в окно, глядя, как вооруженный вантузом орк, требовал отдать ему «собрата-раба». Пекинес жался к ногам хозяйки.

– Никогда дети орков не должны быть рабами! Никто не должен водить их в рабском ошейнике! – орал зеленый, пытаюсь отбить пушистого сородича у хозяйки, которая экстренно звонила кому – то по телефону. Плоскомордый телохранитель верещал, как резанный, требуя, чтобы его тельце срочно спасли. Он пытался залезть хозяйке на руки, явно не желая на волю.

– Иди сюда! Не бойся! – рычал орк, протягивая руку к пекинесу. – Тебя выбросили орки, потому, что ты – урод! Но это не дает права человекам делать из тебя раба!

Подъехала машина, из нее вылетел мужик, пытаюсь отогнать монтировкой моего зеленого кандидата в мужья. Пекинес вопил, сбегались соседи, поэтому орк, оценив численное преимущество, решил дезертировать в сторону кустов.

Прошел час. Нервы были на пределе, поэтому я загрузила компьютер и полезла смотреть новости города, обновляя их каждые пять минут. Не думаю, что зеленый двухметровый мужик с клыками и вантузом в руке, будет незаметен как ниндзя в режиме «шур-шур-шур».

«В городском сквере видели Инопланетянина!» – гласил заголовок какой-то свежей новости. Нашествие зеленых человечков на наш городок – это событие века! «Я стою, а тут он! У него еще такая штука, похожая на вантуз! Мозг высасывать!» – делился очевидец по имени Николай.

Через двадцать минут появился еще один очевидец, уверявший, что зеленый человечек у него отсосал мозг. Да им с Хищником в паре работать надо! Один мозг сосет, другой черепушки коллекционирует!

«Огромная кукла Халка отказалась фотографироваться с детьми, которые бегали за ней по центральному скверу! С куклы слетела повязка и...» – читала я, глядя на любительскую съемку моего любителя набегов под крики «Ничего себе! Да тут же дети!».

«Это позор! Кто такие куклы делает!» – верещала в комментариях мать. «Он еще и чесал его!» – вторила ей другая. Судя по описанию, детская психика уже никогда не станет прежней, точно так же, как и личная жизнь их мамочек.

А ведь это была неплохая попытка моего потенциального супруга заработать денег на пропитание...

«Зеленого наркомана задержал патруль полиции, при попытке ограбить магазин с ...» – читала я, глядя на разбитую витрину и пытаюсь понять, что могло так привлечь моего потенциального суженного. Гадание на криминале! Если ограбил магазин с едой, то о семье думает. Если ограбил магазин с хозяйственными или товарами для дома – отличный муж, хозяйственный. Если магазин одежды – стилиста. Если банк – то его интересует финансовое благополучие семьи. Но в любом случае мелочь, но прия... Ничего себе! Тут еще и видео выложили!

Моего зелененького жениха скрутили возле магазина для взрослых. Прямо с символом плодородия очень плодородных размеров и ярко-розового цвета. Этот символ плодородия долго пытались вырвать их рук почитателя. Он же первый вступил в бой с богохульниками. Крестовый поход против «верующего» с органом закончился победой органов, которые скрутили рыцаря розового меча и орала. Орал он так, словно ему отрывают самое ценное, чтобы вернуть на место похищенного и прилепить ценник. Продавец магазина возмущался, размахивая кнутом, как Зорро. Подоспевший отряд обезоружил Имхо, сумел завалить его на землю и попытался застегнуть на нем наручники. Но судя по растерянному виду полицейских наручники не сошлись. Хозяин секс-шопа и продавец уже тащили коробку с розовыми и пушистыми, предлагая их органам правопорядка. Пока часть полицейских смотрела на наручники для утех, кто-то притащил из подсобки какие-то кандалы, который пришлось впору нашему мазохисту. Хозяин предлагал засунуть орку в рот повязку с шариком, поигрывая ею в руках. Зато я теперь знаю почти весь ассортимент этого злчного местечка.

Я проводила глазами зелененького друга. Крепись Штирлиц! Не выдавай нас! Не сдавайся под пытками! Я знаю, что он – сильный, он не сдастся и не сдаст! С таким, как он бояться нечего! А все почему? Потому что он даже имени моего не удосужился спросить.

Пока город обсуждал с какой – такой планеты к нам пожаловал зеленый человек, сожалел, что лично не вступил в деловой контакт с представителем иной цивилизации, я, как сторона, чуть не вступившая с ним в контакт иного рода, пыталась отмыть квартиру. Разводы на обоях,

грязь на полу, вздувшийся ламинат, след от кострища в комнате – я понимала тщетность своих усилий, но вдруг? Вдруг следующим кандидатом будет кто-то действительно стоящий? Тот, кто не будет громить мою квартиру, тот, кто умеет пользоваться туалетом и душем! И тот, кто хотя бы спросит, как меня зовут...

Сколько времени прошло с момента задержания, я не знаю, но судя по тому, что ко мне еще не постучался наряд полиции, мой зелененький партизан меня не сдал. «В тюрьме сидел кузнечик! В тюрьме сидел кузнечик! Совсем как огуречик! Зелененький он был!» – мурлыкала я, представляя камеру, в которой поселили моего несостоявшегося и несостоятельного друга до выяснения личности.

И пока органы ломали голову над происхождением этого чуда, пытаюсь навести справки по всем архивам, счастливые уфологи уже превратили наш город в космопорт. Появились свидетели, которые видели еще с десятков пришельцев, были подняты все архивы, основанные на показаниях алкоголиков и людей, стоящих на строгом учете в лечебных учреждениях. Осталось дожидаться Скалли и Малдера, которые обязаны примчаться со дня на день расследовать это гиблое для нервных клеток дело, и успокоят всех фразой, что истина где-то рядом. А вот где, уточнить не берутся.

Мой халат валялся в комнате, а я в нижнем во всех смыслах белье разгуливала по квартире, наслаждаясь пусть временной, но свободой. Я потеряла счет времени, сидя в туалете и увлеченно читая новости о похождениях новой городской легенды, которые обрастали такими догадками, что вполне сошли бы за сюжет триллера.

– Внимание! Внимание! – раздался знакомый и ехидный голос по ту сторону кулис, заставив меня вздрогнуть. – Дамы и господа! Попрошу минуточку внимания!

Что он творит! Мои глаза скользнули в поисках полотенец, но все были, как назло постираны, а новые я не успела принести, чувствуя себя хозяйкой гостиницы для умственно отсталых «гастробайтеров», периодически совершающих гастрономическое паломничество к моему холодильнику.

– Когда я открою эти кулисы, вы... Да что тут говорить, – ехидничал «конферансье», ставя меня в неудобное положение. – В этот торжественный момент...

– Прекрати! – возмутилась я, быстро натягивая трусы и вскакивая с места.

– Вы слышите, дамы и господа? Конечно, слышите! Это же – гвоздь программы! Завидная невеста с незавидной участью! Которая прямо

сейчас... – развлекался демон, шевеля слегка удлинившейся моим усилиями занавеской. – Прямо сейчас подпишет ... что? Правильно подсказывают из первых рядов! Акт! Акт оказанных услуг!

– Давай его сюда! – я высунула руку из-за шторы, пытаюсь нашарить бумажки.

– Не дам! У тебя есть туалетная бумага, наказание мое! – раздался смех, пока я высунулась, прикрывая грудь занавеской. – Выходи, наказание мое! Я открываю занавес. Раз! Два!

Плюнув на все, я попыталась сдернуть покрывало, но оно было прибито на совесть. Мой взгляд упал на мягкий резиновый туалетный коврик с рыбками, который я подняла с пола и обернула вокруг себя.

– Три! – заметил демон, отдергивая штору. Он наверняка мечтал увидеть нечто другое, нежели уставшую женщину с зеленой маской на лице с мокрыми после купания волосами, замотанную в коврик с рыбками. Любвеобильный даже для своего возраста Дед Кондратий пошаркал в сторону демона с желанием приобнять его как следует.

– Акты сюда! – я злобно протянула руку, придерживая коврик. – И вообще, где ты их находишь? Неужели ты стоишь в чужом мире со списком: «Пользоваться туалетом умеешь? Нет? Отлично, подходишь! Не моешься? А ну быстро сюда! Что ты сказал? Еще и костры разводить любишь? Да ты просто находка!». А если debil, то вообще прелесть! Велкам! Идеальный кандидат! Я хочу себе нормального мужика. Нормального! А пока что из всего что я видела – одни ... Как бы так помягче сформулировать?

– Держи акты, – голос демона стал равнодушным и каким-то отстраненным. – Подпишешь, вернешь.

Я тут же подписала, глядя на холодный взгляд задетого за живое профессионала. Я его чем-то обидела? Странно! Я даже не попыталась! Но он исчез, бросив на прощание: «Пока-пока!».

Все оставшееся время я сидела на кровати и думала, о том, что же могло так его зацепить?

Часы пробили полночь, заставляя меня напрячься. В коридоре раздался шум, я опасливо приоткрыла дверь, вооружившись ножкой стула, в надежде, что успею убить чудовище еще до того, как оно испортит остатки моего ремонта, но там стоял белокурый молодой человек изумительной, какой-то неземной красоты, глядя на меня зелеными глазами. Идеальные черты лица, красивая, правда какая-то хрупкая, фигура и длинные заостренные уши... Я протерла глаза, боясь сглазить это чудное видение, а гений чистой красоты нежно улыбнулся мне.

Глава шестая. Отравоядное...

*Жизнь пролетела пред глазами,
И настроенье на нуле,
Стою, смотрю, давясь слезами,
На вкусный торт на столе...
Не застегнуться больше джинсы,
И в складках спрячутся трусы,
И жизнь – кошмар, куда не кинься,
Всей тушкой раздавив весы.
Грядут кошмары в перспективе,
Мешок – одежда, целлюлит,
И два сидения в машине
Занять мне задница велит!
Прогнуться шпильки с лишним весом,
А платье затрещит по швам...
И если вдруг вам интересно,
Я набрала плюс триста грамм!*

– Природа – мать твоя, фотошопер – отец! – изумленно прошептала я, осматривая этот шедевр геной инженерии и опуская орудие потенциального убийства. Пока модельные агентства наперебой предлагали красавцу контракты, фотографии с мировым именем и самомнением срочно требовали фотосессию, мое сердце екнуло, заставив поморгать от неожиданности. Он точно живой? Он не сбежит? Я на всякий случай посмотрела на закрытую дверь. Мало ли! Это же... Эльф!

– Здравствуй, – вздохнул эльф, глядя на меня лучистыми глазами неземной красоты. Я даже растерялась, не зная, что ответить. Обычно красивые мужчины со мной не разговаривали. Мне не доводилось вступить в конструктивный диалог ни с одним красавцем-писанным исключительно потому, что не имею привычки разговаривать с журналами и картинками по запросу «красивый мужик». Я еще не настолько одичала, чтобы рассказывать плакату о том, как мне грустно и одиноко.

– Привет, – как-то даже смутилась я, краснея как маленькая девочка. – Добро пожаловать... Располагайся...

Простите, это все что выдавила моя смущенная самооценка, критически оценивая свой халат, старые тапки, мутный блинчик вместо

лица и берлогу, из которой сбежит любой медведь – эстет. Да после такой берлоги особо брезгливый медведь даже лапу сосать отучится!

Женское счастье имеет привычку улыбаться искренней и нежной мужской улыбкой. Но мне оно почему-то улыбается в тот момент, когда я выгляжу, как полярная лисичка. Пушистая, там, где не надо, взъерошенная и не накрашенная, с грустным взглядом – предвестником больших проблем. В этот злополучный момент, куда не брось взгляд – все ухоженные красавицы, одна я честно готовлю мужскую психику к тому, с чем придется столкнуться утром.

– Кушать хочешь? – нежно поинтересовалась я, стараясь придать своему голосу все оттенки заботы. Эльф лучезарно улыбнулся, а я, воодушевленная этой улыбкой полетела на кухню. Книжечка с мамиными рецептами, в свое время проверенными на папе, листалась со сверхзвуковой скоростью. «Мясо в маринаде, запеченное до хрустящей корочки с травами. Время приготовления – 40 минут». Беспроигрышный лотерейный билет в мир любви и обожания. Именно этому рецепту я обязана своему появлению на свет, так что сейчас будем пробовать!

– Располагайся, – добродушно заметила я, глядя на то, как красавец с любопытством рассматривает мои убитые апартаменты. – Сейчас все будет готово!

Я предложила гостю посидеть в комнате, пока я готовлю. Мясо было готово через сорок минут, украшено зеленью и подано, со всем пафосом дорогого ресторана. Пока эльф рассматривал мою стряпню, бросая на меня благодарные взгляды, которые заставляли меня автоматически краснеть, я бросилась в комнату, оставив его наедине с гордостью маминой кухни.

Экстренно наводя марафет, выбирая платье поприличней и расчесывая волосы, я пыталась параллельно накраситься, чтобы выпорхнуть из спальни очаровательной феей. Сбрызнувшись духами, вскинув голову, я летящей походкой вышла из спальни, чувствуя себя богиней красоты. Что-то не так... На меня смотрели таким взглядом, словно я только что отлайкала избиение младенцев.

– Что это? – как-то не совсем радостно поинтересовался эльф, глядя на меня, как смотрит ребенок-мажор на повара школьной столовой, в глазах которой читается: «Не переживай, сынок, таракана я уже выловил!».

– Мамино мясо, – удивленно ответила я, не замечая ни развешенных волос по тарелке, ни косточек на столе.

На меня посмотрели так, словно я периодически готовлю котлетки – полуфабрикаты «Моя семья», вспоминая всех поименно.

– Мясо, приготовленное по маминему рецепту! – с улыбкой пояснила

я, как можно более кокетливо. – Пальчики оближешь!

– Это ... – взгляд выражал крайнюю степень ужаса и отвращения. – Это... мясо... Это же мерзко! Как отвратительно, убивать и мучить несчастных зверюшек ради того, чтобы их съесть!

Тут гринписец по-ходу... Я полезла в холодильник, который забила со своей кредитки фаршем, курочкой и прочими мясными продуктами. Единственным, что не содержало мяса, были лук, петрушка и колбаса-варенка. Эльф горделиво отодвинул тарелку, глядя на меня с таким укором, словно я только что при нем заказала бифштекс с кровью, вгрызаясь с урчащим наслаждением, пока мне рассказывали о том, как нельзя убивать животных ради еды, пожевывая листик салата.

– Настоящие эльфы не едят мяса, – заметил гость бархатным голосом, сменяя гнев на милость. – Мясо сохраняет в себе страдания убитого животного, насыщается негативными эмоциями и разрушает организм... Мы питаемся тем, что природа сама отдает нам...

Меня подмывало спросить, что если животинка сама сдохла, есть ли для нее пара рецептиков в эльфийском меню, ведь как– никак природа сама отдала, но портить отношения с красавцем не хотелось. Мозг уже машинально искал плюсы. В ресторане обедать дешевле, гордо заказывая морковные котлеты и салат из салата, с презрением глядя на «трупоедов». Мясо покупать не надо, что значительно экономит семейный бюджет. Пошла, закупились травкой для своего козлика, уложилась в символическую сумму и вуаля! Через год нам светит машина! А вы говорите, рубить капусту!

Я взяла тарелку и убрала шедевр, который тает во рту так же, как тают мужские сердца, хоть раз попробовавшие его. От макарон эльф деликатно отказался. Он отправился рассматривать мою квартиру, ужасаясь разводам на обоях, пока я украдкой, истекая слюнями, схватила тарелку с еще теплым ужином и стала пробовать его. Нет, ну это же восхитительно! А как пахнет!

– Ты ешь, ешь, – раздался голос эльфа, заставив меня обернуться в момент поглощения сочного кусочка. – Сокращай себе жизнь... Упивайся чужими страданиями, если у тебя нет сердца! Гордись тем, что ты – трупоед!

Я прожевала кусочек, поднимая глаза на жениха. Несколько секунд во мне боролась вежливость с желанием стать объектом зависти для всех подруг. Проглотить или выплюнуть на тарелку?

– Мир прекрасен. Все, что создала матушка природа, органично вписывается в общую картину мироздания... – мечтательно

философствовал эльф, пока в меня органически вписывался прожеванный кусочек мяса, а моя квартира органично требовала капитального ремонта в силу того, что для предыдущих кандидатов природа зажала извилины, как жадная и богатая старушка пять рублей. Нет, я конечно, рада пожалеть природу, но у нас с ней свои счеты.

– Вот подумай, а если бы тебя так? Поймали, убили и съели? Что бы ты чувствовала? Вот! Правда глаза колет... Животные ничем не отличаются от нас... Они чем-то похожи на нас...

Я отставила тарелку, понимая, что муж – веган, это удовольствие для гурманов. Перспективы рисовали кроличий завтрак, козий обед и семью дистрофиков унесенных ветром, чтобы жалобно вопить в ближайшем терновнике.

Пришла СМС, что на карточку упала зарплата, из которой я тут же погасила кредит, и часть перевела за квартиру. Оставалось еще немного, поэтому я решила завтра съездить в строительный магазин и купить новые обои. Были мысли даже взять с собой эльфа, чтобы он понял, насколько серьезные у меня намерения. Пока что из всего контактного зоопарка, именуемого «я тут жениться собрался», он мне нравился больше всех.

Мы укладывались спать. Эльф лег рядом со мной, обнял меня, улыбаясь мне красивейшей улыбкой, на которую сложно было не ответить.

– Я хотел сказать тебе нечто важное... – прошептал он, наклоняясь для поцелуя. – Ты мне очень нравишься, хоть ты и не эльф... Я бы даже тебя поцеловал...

А вот это уже интересно, потому что я совсем не против такого развития событий.

– Но я не могу целовать губы, которые сегодня ели мясо, – вздохнул красавец. – Ты сама пойми... Природа против поедания животных...

– А как же хищники, которые питаются травоядными? Человек ведь хищник, если так посудить, – возразила я, глядя в красивые эльфийские глаза и вспоминая матчасть.

– Да, но мы не должны уподобляться худшим. Мы должны стремиться к лучшему... – мягко возразили мне. – Быть выше своей хищной природы. Переступить через себя...

Я уже почти спала, а мне рассказывали о том, что мучения не утоляют голод, что если так бездумно убивать животных ради пропитания, то мир опустеет... Перед глазами был учебник истории, которую я любила в школе. На меня грустно смотрела сошедшая с дистанции безмозглая ветвь эволюции человека, которая берегла природу со страшной силой. Но природа усилий не оценила, поэтому решила, что дождетса обычного

«Гринпис».

– ... ты смотришь в глаза маленькому кролику, который еще не знает, что скоро в него вонзятся твои зубы... – бухтел на ухо эльф. – Он доверчиво заглядывает тебе в глаза, не понимая, что ты съешь его... Ты ешь животных, пытаешься доказать свое превосходство над ними. Но ты ведь – тоже дитя природы...

Пусть дурное, но дитя. Я осторожно выползла из объятий и поползла в привычный уголок.

– Мы должны спасти животных, – наседал на мою психику эльф. – Всех, кого можем! Для этого нужно отказаться от мяса...

– Тебя как зовут? – поинтересовалась я, понимая, что всех китов спасти я не смогу, ибо они тяжелые. Интересно, почему амурским тиграм не подсыпали какой-нибудь стимулятор? Того и глядишь, популяция возросла. Ну и что, что сторож в клетку будет бояться заходить, зато вид будет спасен.

– Умриэль, – ответил ушастенький гуманист. – При рождении мне дали другое имя, но сейчас меня называют именно так.

Еще через полчаса я поняла, что невольно задумываюсь над тем, насколько правильное имя подобрал добрый народ своему разборчивому в еде собрату. Мне хотелось прикрыть подушкой голову, спрятаться от этого зоофила куда подальше, но он и сам слегка подустал, повернулся и уснул, раскинув роскошные локоны по подушке, обнажая изящное заостренное ухо.

Я полежала, вспоминая мясо в холодильнике, а потом осторожно встала, понимая что, возможно, мне теперь всю жизнь придется делать ночные набеги на холодильник, доставая из заначки мясо, колбасу и постанывая от наслаждения в процессе ее поедания. Я, разумеется, буду уверять, что ни палки в рот, ни сосиски в желудок, но это будет утром. Весь день я буду радостно крошить салатики, жевать капусту, давиться кабачковыми котлетами, рассказывая всем о том, что спасаю мир, перешагивая через свою хищную природу и довольствуясь тертой морковкой. Я буду веганом – оборотнем!

Мясо было тихонько разогрето, а я с удовольствием стала его поедать, включив на ноутбуке передачу про веганов.

– То есть так, да? – послышался обиженный и сонный голос, когда я складывала тарелку в раковину. – А ну дыхни! Ты мясо ела?

– Нет, – отрицательно покачала головой я, понимая, что не поймана – не тушка. – Я просто решила помыть посуду.

– Дыхни! – разобижено заявил сонный Умриэль, подозрительно глядя

на знакомую тарелку. – Я кому сказал!

«У многих веганов начинаются проблемы со здоровьем уже в первое полугодие, после отказа от мяса... В частности, снижается либидо, начинаются расстройства пищеварительной системы и истощение. Мозговая активность тоже снижается...» – звучало заунывная констатация фактов из колонок.

– ... никаких яиц! Это же будущие птички! – разглагольствовал эльф, пока я вспоминала сказку про вершки и корешки, которая станет нашей кулинарной книгой на долгие годы. – Молоко тоже нельзя! Оно предназначено для детенышей! Вдруг его не хватит детенышу и тот погибнет?

Через десять минут разобиженный Умриэль потребовал ванну, которую я ему набрала, выкупался и отправился спать, оставив меня одну на кухне. Перед моими глазами стояли часы, показывая пятый час и пятую попытку устроить личную жизнь. Чувство усталости смешивалось с равнодушием. Мне кажется, что мне уже никто не нужен. Прожить жизнь в одиночестве – не самый худший вариант. Я просто не хочу размениваться на то, что в постель попало. По щеке покатила нервная слеза. Неснимаемый венец безбрачия пугал. Я ведь тоже хочу быть счастливой, тоже хочу дарить любовь и принимать ее. Я растерла слезу пальцами. Неужели я так много прошу у судьбы? Почему, когда раздавали любовь, прямо на мне она закончилась?

– Не плач, красавица, при мне, – послышался знакомый голос демона с неприятной насмешкой. – Не порти настроенье мне.

– Ты что здесь делаешь? – удивилась я, быстро стирая слезы и делая вид, что вовсе не думала плакать. – Я не плачу! С чего ты взял?

– Ну тогда прими мои извинения. Ночью на кухне сидят только в трех случаях. Или работают, или плачут, или что-то хомячат, в надежде, что если никто не видел, то калории не отложатся. – усмехнулся демон, протягивая мне акты. – Подпиши еще раз. Не приняли. Подпись должна быть на три миллиметра левее.

– Чего? – удивилась я, глядя на бумажки. – На какие три миллиметра левее? У вас там что? С линейкой сидят?

– Не забывай, где я работаю, – усмехнулся демон, присаживаясь на стул и пододвигая его ко мне поближе. – В следующий раз вообще могут с лупой рассматривать, придираясь к каждому завитку. Итак, попробую угадать! Хм... Идеал? Понятно. Стандартная проблема. Напридумывают себе идеальных мужчин, а потом мучаются от одиночества, рыдая на кухне.

– Нет, а что ты предлагаешь? – возмутилась я, глядя в глаза демону. –

Хватать первого попавшегося и влюбляться? Любого бомжа, алкоголика, домашнего тирана, слабохарактерное чмо? Ты мне предлагаешь согласиться на «лишь бы кого»? Мне нужен тот, кто может поддержать меня в трудную минуту, помочь, спасти, если я не справляюсь. Он должен быть симпатичен... Не альфонс... Он должен работать и зарабатывать...

– Сколько раз я уже это слышал. Встречный вопрос, а что ты можешь предложить своему идеалу? – усмехнулся демон, страдальчески закатывая глаза.

Я смотрела на демона, скользя взглядом по его волосам и вопросительной улыбке, останавливаясь на его внимательных глазах.

– Чай, – глухо ответила я, не то засмеявшись, не то захныкав.

– Согласен, это – очень интересное предложение, – покивал головой демон. – Он тебе, значит, любовь, ласку, нежность, деньги и что там еще ты себе напридумывала, а ты ему чай?

– Ты меня не понимаешь, – покачала головой я, подписывая акты и передавая один из экземпляров представителю исполнителя. – Как бы тебе объяснить? Кстати, чай будешь?

– Я даже не знаю, – усмехнулся демон. – Это – такой широкий жест с твоей стороны! Стоимость пакетика чая, кипятка, две ложки сахара... Это – самый дорогой чай, который я когда-либо в жизни пил...

– Есть еще мясо, – коварно заметила я, доставая из холодильника кастрюльку с мясом и разогревая ее. Мама рецепт никак не называла, но я думаю, что этому блюду вполне подойдет название «Смерть вегана».

– Спасибо, воздержусь, – послышалось фырканье, пока я накладывала мясо на тарелочку и любовно украшала зеленью. – Это что тут у нас на столе лежит? Договорчик на поставку? Какая прелесть! Попадете вы с ним. Там на счету по нулям, они уже нам звонили, души закладывать собирались. Завтра третий круг будут рисовать и жертвоприношение делать...

– Кого? – мои глаза округлились, представляя, как престарелую главбуха, которая давным-давно показала язык динозаврам и благополучно пережила меловой период, несут в центр мелового круга, дабы предпринять последнюю попытку улучшить финансовое положение.

– Пока что премиальные. А дальше как пойдет, – злоеще заметил демон, улыбаясь дьявольской улыбкой. – Ладно, шучу. Просто вас обмануть хотят...

– Пусть только попробуют! Я неплохо разбираюсь в договорах, тем более, что его правил наш юридический отдел! – возмутилась я, зная, что мы работаем с этой фирмой не первый год. Моя профессиональная

гордость вооружилась многолетним опытом работы и постоянными курсами повышения квалификации. – Перед тем, как что-то подписывать, мы внимательно читаем! Так что там все должно быть нормально.

– А что ж наш договор внимательно не читала? – осведомился демон, щелкая пальцами. В его руке лежал мой договор. Демон провел рукой по договору, и на пустом месте появилось два абзаца. Аккурат перед моей подписью.

«Если Заказчик вступит в отношения интимного характера с одним из предложенных Кандидатов, то Исполнитель оставляет за собой право предоставить на выбор только тех Кандидатов, с которыми данная связь была осуществлена. Дальнейшие претензии по качеству Кандидатов не принима...»

Дочитать я не успела. Буквы исчезли.

– погоди! А если ... эм... связь осуществится без моего согласия? Так сказать, один абонент в глубоком роуминге, входящие будут считаться? – я почувствовала себя радисткой Кэт, ибо правый глаз упорно выдавал кому-то шифровку, ритмично подергиваясь.

– Будут. Мало ли... Некоторым девочкам это нравится, так что без разницы, – заметили с усмешкой. И этот демон защищал меня уголовным кодексом! Не покладая рук и страниц!

– То есть, я должна буду в любом случае сделать выбор? Иначе – неснимаемый венец безбрачия и одинокая жизнь... – поинтересовалась я, задумчиво.

– Я тебе больше скажу... – демон наклонился ко мне. – Под словом «одиночество» понимается не только отсутствие кольца на пальце или постоянного сожителя. Под этим словом понимается так же, что отношений интимного характера у тебя больше никогда не будет.

– А куда они денутся? – усмехнулась я, вспоминая все неудовлетворенные спросом предложения.

– Их просто не будет. В ответственный момент у него зазвонит телефон, вызовут с работы, позвонит мать, заболит ребенок от первого брака... Будет тысяча причин, почему у вас не получится. И твоей вины в этом не будет. Так будут складываться обстоятельства, – пожал плечами демон, проводя рукой по чистой стороне листа договора. Сквозь пальцы проступали буквы, абзацы, пункты. – Я тебе скажу так, наказание мое. В этой игре выиграть нельзя. Так или иначе, твоя душа уже принадлежит аду. Но у тебя есть шанс, если ты кого-то выберешь. Тебе – шанс. Мне – премия.

– А если я обжалую договор? А? Если я все-таки попробую подать в

суд? Обращусь в конкурирующую фирму? – занервничала я, видя, что ночной гость не притронулся к еде.

– А где они юристов, адвокатов, специалистов договорного отдела, экспертов, судей возьмут? – рассмеялся демон, протягивая мне конфетку. – Не смотри на меня такими глазами, наказание мое. Я мог бы тебе об этом не рассказывать.

Демон исчез, а я поплелась досыпать. Утром я проснулась от душераздирающего крика, доносившегося из ванной. Первое о чем я подумала, так это то, что в момент душевных посиделок на керамическом пьедестале, из стаканчика вылезла рука и проверила пол сидящего.

– Аааааа! – доносилось из ванной. Странно, но восковые полоски я, вроде, спрятала...

– Ооооооо! – я поежилась, прикидывая, где у меня в аптечке слабительное, ибо слушать эти страдания дитя природы было страшно. Если сейчас прибегут соседи с криками: «Чем же ты его таким кормишь, что он в туалете орет, как резанный», я буду вдохновенно рассказывать им о пользе веганства. Буду нести идею в массы!

Я встала, накинула халат, слушая вопли, преисполненные мучительного страдания.

Возле зеркала стоял эльф, рассматривая вздувшийся бугорок прыща со всех сторон, словно искусствоведы-эксперты произведение искусства сомнительного происхождения.

– Аааааа! – слегка придавливал прыщ Умриэль. Его глаза выражали такой ужас, словно из него вылезает личинка Чужого и орет: «Папа-папа! Возьми меня на ручки!».

– Что случилось? – недовольным голосом спросила я, понимая, что Везувий еще не готов к извержению.

– Ты что?! Не видишь?! – на меня смотрели такие перепуганные глаза, что я на всякий случай осмотрела ванную. – Это конец!!! Ты что?! Его не видишь?!

– Нет, конец я еще не видела, а это – просто прыщик, – фыркнула я, закатывая глаза. – Обычный прыщ. Не трогай его, не дави, осам пройдет. А лучше помажь! Держи мазь!

– Какое помажь? – задыхался от ужаса Умриэль так, словно доктор покачал головой, сообщая, что пора оповестить родственников. «У него прыщ!» – вздыхает доктор, глядя на внезапно побледневших и зарывавших родственников. – Это же... Это же ужасно! Я болен! Ты чего молчишь?

Я молча выдала ему тюбик с мазью. Хотелось выдать то, что природой припасено с избытком на случай рождения таких уникамов, но моя совесть

решила ограничиться мазью.

Казалось бы, инцидент исчерпан, но нет. Я сбегала в магазин, купила овощей и зелени и настругала тарелку своему кролику. Глядя в его грустные глаза, в тот момент, когда моя рука потянулась за мясом, я передумала и села жевать листики капусты.

– Вот! Теперь я понимаю, что встретил свою любовь! – счастливо улыбнулся Умриэль, перебирая тертую морковку в салате и поблескивая намазанным прыщом. – Мы с тобой выше своей природы! Мы с тобой переступили черту между хищностью и ... как правильно сказать?

– Травоядством! – подавилась я, хрустя капустой, вспоминая голодное студенческое время и утешая себя мыслью, что грудь вырастет.

Я смотрела на свою квартиру, в которую будут скоро водить экскурсии риелторы перед тем, как показывать самые неудачные варианты. После моей квартиры клиенты будут согласны хорошенько присмотреться к любому варианту.

Пока есть деньги, надо смотаться в магазин и купить какие-нибудь бюджетные обои. Тем более, что эльфа можно оставить на хозяйстве, ибо к туалету он приучен, в дебошах не замечен, а аморальщиной от него не пахнет. Но ушастика надо было чем-то занять. Или полезным, или безобидным. На счет пользы – я не знаю, но я прекрасно знаю, кто умеет вешать лапшу на уши.

Через десять минут Умриэль сидел на кухне и внимательно слушал передачу о веганах и здоровом питании. За три часа я успею. Чтобы запах вареной капусты выветрился, я приоткрыла форточку, оделась и полетела в магазин. Обои с пальмами, напоминающие о том, что где-то на земле есть тропический рай, обои в пестрый цветочек а ля полянка-наркоманка, обои в серенькую полосочку, как бы намекающую на то, что счастье в жизни распределено неравномерно и обои с серо-зелеными одуванчиками, которые способны вогнать в депрессию даже неизлечимого табуреткой оптимиста, – вот и все, на что хватало денег. Были и дорогие обои с золотыми вензелями, поражающие красотой и роскошью настолько, что мои финансы затянули старинные романсы под балалайку в кошельке.

Дома меня встретил эльф с квадратными глазами. Я втащила рулоны и пакет с клеем и кисточками.

– Во всем есть ГМО! – глаза Умриэля смотрели на меня пристально, словно он тысячу лет жил себе, кушал всякую гадость, а потом вдруг узнал, что она вредная и от нее умирают на следующий же день после трапезы. – Во всем! Оно опасно для здоровья! Ты хоть знаешь, что ты ешь? Ты ешь ГМО!

Нет, ну то, что мой рацион разнообразием и качеством не блещет, это еще не повод называть его словами нехорошими на букву «г»! Воинственно сопя, эльф пошел на кухню и снова развесил уши, вникая в передачу.

Пока я пила чай, слушая зловещие сказки о том, что «кто ГМО не жрет, тот здоровеньким помрет!», я думала на том, что на эльфе можно и остановиться. Неизвестно, чем меня порадуют в будущем, но Умриэль кажется мне вполне сносным вариантом. Мы ему аккаунты заведем, будем красоту за деньги показывать людям. Вполне неплохо, но..

Что-то меня грызло изнутри. Я даже бросила взгляд на сосредоточенного слушателя бредовой передачи-страшилки. Такого я могла бы найти и в своем мире. Для этого необязательно заключать сделку с адом.

– Поможешь вынести мусор? – спросила я, вспоминая разбитую мебель и объявляя начало Великого и Ужасного Ремонта, который может конкурировать в продолжительности со Столетней Войной и Монголо-татарским игом.

– Конечно! – закивал Умриэль, тряхнув роскошными волосами, всматриваясь в этикетки, мелькающие на экране.

Я вытаскивала доски, Умриэль пытался вынести дверь шкафа.

– Мне тяжело, – проскулил он, глядя, как я делаю третью ходку. – Помоги мне донести...

Я взяла дверь, чувствуя, что она не тяжелее моей продуктовой сумки, а эльф смотрел на меня с уважением, словно впервые ему пожалала руку чемпионка по армрестлингу.

– Я устал, – простонал Умриэль, с уважением глядя, как я ношу доски в сторону помойки. – Я уважаю сильных женщин! Ты действительно сильная!

Две чахлые щепочки, положенные рукой эльфа, легли рядом со второй дверью, которую мне пришлось тащить лично. Потому что при попытке мне помочь, Умриэль прищемил палец, зажал ногу и получил травмы, несовместимые с дальнейшим выносом мусора.

– Ой, какие некрасивые одуванчики! – расстроился Умриэль, глядя на мою попку. – Кто это так некрасиво рисует?

– Местная обойная фабрика! – фыркнула я, глядя на субтильную фигурку капустного культуриста, который задумчиво разглядывал обои.

– Что-то я устал, – вздохнул эльф, глядя на меня таким взглядом, словно перепахал все колхозное поле в борьбе за урожай. – Я наверное, прилягу... Что-то у меня голова болит... Мне кажется, что я умираю... У меня жар...

Он лежал на чистой простынке такой беспомощный, несчастный, что у

меня невольно дрогнуло сердце. Эльфик шмыгнул носом и закашлял, глядя на меня страдальческими глазами.

– Принеси воды, – стонал он, протягивая ко мне тонкую, дрожащую руку. – И закрой шторы... Свет глаза режет!

Я принесла ему воду, глядя на него с жалостью. В комнате воцарился полумрак.

– Мне уже ничего не поможет... – прошептал Умриэль, протягивая мне слабеющую на глазах руку. – Я вижу, как смерть стоит передо мной... Вся моя жизнь только что мелькнула перед глазами... Шестьсот восемьдесят один год... Да... Я уже никогда не увижу родной лес... Никогда не услышу пение птиц... Жар... Страшный жар выжигает меня изнутри... Все меркнет перед глазами... Прими мой последний вздох...

Я на всякий случай сходила за градусником. Каждый стон умирающего причинял мне моральные страдания.

– Как же ты будешь одна? – прошептал эльф, положив свою руку поверх моей. – Ты же одна не справишься... Такая хрупкая...

Я достала градусник, который показал тридцать семь и четыре.

– Жар... Я брежу... – стонал Умриэль, закатывая глаза, словно уже досмотрел жизнь до конца. Шестьсот восемьдесят одну серию. – Это горячка... Последние судороги...

Я сидела и думала о том, что, возможно, у эльфов все по-другому... Я оставила умирающего одного, не смотря на его слабые протесты и попытки попрощаться со мной навсегда в очередной и уже надоевший раз.

Перерывая интернет, я пыталась узнать хоть что-то про эльфов. Мало ли? Вдруг это – не первый, кого занесло в наш мир?

Я услышала шаги в коридоре и выглянула ради интереса. Эльф полз по стенке, колени его прогибались, но он мужественно направлялся к удобствам. Правильно, решил сходить в туалет перед смертью на дорожку. И желательно не на ковровую... Похвально...

Нет, если честно, то я встревожилась. Вдруг действительно все так плохо? Может, я на него надежды финансовые возлагала? Вдруг он окажется единственным пенсионером на всю страну, перешагнувшим двухсотлетний, установленный законодательством, рубеж? Да ему сейчас очередь нужно занимать. За бабками и за бабками. Становиться на пенсионный учет. На секунду я представила, как сидит мой ипохондрик в очереди пенсионеров, а там как обычно симптомы обсуждают и смакуют, хвастаясь возможностью быстрее дойти до финиша. А мой впечатлительный жметя к серенькой стеночке, сливаясь с ней в предсмертной ипохондрической агонии.

– Ааааа! – раздалось из комнаты.

Видимо, эльф решил умереть раньше, чем встанет на учет в пенсионном фонде, чем меня очень сильно огорчал. Он кряхтел, ворочался, страдал, напрашиваясь на таблетку.

Я принесла ему лекарство, капли для носа, компресс на голову, средство от больного горла и мазь от прыща. Целый день я сидела возле постели умирающего, мазала, дула, меняла компресс, бегала за водичкой, ходила на цыпочках, ибо при каждом моем шаге в сторону коридора стоны усиливались. Стоило мне отойти в туалет, как складывалось впечатление, что в комнате кто-то рожает. И, возможно, даже ежика. Когда я мыла посуду, судя по радостным крикам, шел дикобраз!... Но стоило мне вернуться, крики сменялись тихим кряхтением от непереносимых мук легкой простуды. Он завернулся в одеяло, поджал под себя колени, всхлипывал и сопел.

Когда я в очередной поползла на кухню, чтобы посмотреть в интернете процент смертности эльфов от простуды, из комнаты, которая теперь больше смахивала на тифозный барак, послышался такой душераздирающий крик, словно этого Ипохондриэля уже обнимала костлявенькая, пытаюсь утащить за собой в черные туннели Сета.

– Что случилось? – метнулась я обратно, глядя на покрасневшие эльфийские глаза, преисполненные страдания и мук.

– Болит, – всхлипнул эльф, хватая меня за руку и жалобно шмыгая забитым носом.

– Где болит? – я чувствовала, что добрый Доктор Айболит очень хочет постепенно перейти на людей. У меня даже есть для него первый пациент. Думаю, на заячьих ножках он неплохо поднаторел в трансплантологии, поэтому пересадить мозги ему будет не так уж и сложно.

– Болит... Везде... – простонал Ипохондриэль, закатывая глаза и всхлипывая. Его красивые волосы разметались по подушке, лицо было бледным, как мел. – Везде болит... Я чувствую, как приближается мой конец... Это все из-за ГМО...

– Везде, это где? – раздраженно спросила я, прикидывая, что иногда эвтаназия – не верх цинизма, а производственная необходимость по спасению мира.

– Везде... – слабо прошуршал Импохондриэль, который уже готовил акт приема – передачи концов, клей для ласт и рулетку для замера расстояния отбрасывания копыт. – Везде... Болит...

– Конкретней! Что болит? Голова? Горло? – если два часа назад я была просто санитаром, то теперь готова подать заявление на замещение

вакантной должности «санитар леса».

– Везде... – выдохнул страдалец. – Мне так плохо... Так плохо... Это все из-за ГМО! Оно есть везде!

Я принялась. Да вроде освежитель воздуха справляется.

– Мир такой жестокий и несправедливый, – прохрипел Ипохондриэль, снова закатывая глаза. Поскольку это был его пятый предсмертный хрип, пусть хрипит дальше!

– С чего ты решил, что умрешь? – раздраженно спросила я, вспоминая, как сдавала отчеты с температурой под сорок. – Это – обычная простуда!

– И что? – возмутился эльф, как-то внезапно окрепнув и воспрянув духом. – Я – болею! Мне плохо! Ты что, не понимаешь? Мне плохо!

Зачем я покупала клей? Тут есть отличные эльфийские сопли, на которых будут держаться не только обои, но и наши отношения. Я категорически избегала мужчин – паразитов с позицией: «как хорошо на Свете жить!», подруг – сплетниц с кредо: «обо всем на Свете», руководство, которое считает, что у него есть единственный сотрудник «КругоСветка».

На работе я всегда считала, что Света может отключиться за неуплату, и что Свету нужно расходовать экономно. А в личной жизни, что лучики Светы заслуживают только настоящие мужчины. И может быть Света, как лампочка, светит всем, но греет далеко не каждого.

Эльф явно возомнил себя солнышком, вокруг которого должны вращаться все другие планеты. Но опыт подсказывал, что как только мужчина решает, что он – солнышко, заставляя вращаться вокруг своей орбиты с тарелкой, носками, трусами, полотенчиками, его спутнице лучше поискать другую галактику.

– Я что-то не могу, где тебя угораздило простудиться? – вздохнула я, жалея, что выбросила коробку из-под холодильника. Мало ли, вдруг пригодилась бы? Судя по тому, как тут страдают, мне придется идти на помойку и искать еще какую-нибудь какую-нибудь коробочку, ибо денег на достойные похороны нет. Я прикинула, поместится ли эльфик в коробочку из-под микроволновки? Сомневаюсь, но попробовать можно.

– Не знаю... Там дуло... Ты ушла, а мне дуло... – жалобно всхлипнул эльф.

– А ты что? Не мог окно закрыть? – поинтересовалась я, готовя медаль «За самостоятельность», которая вручается павшим смертью храбрых возле кастрюли с холодным супом, истекшим слюнями рядом с сухими макаронами и погибшим от холода без одеяла, которым их не накрыли вовремя заботливые руки.

– Я думал, что ты обо мне позаботишься, – вздохнул Ипохондриэль, глядя на меня с немым укором. – А ты не позаботилась... Вот я и заболел... И теперь мне очень-очень плохо...

Эй, совесть! Тут к тебе взрослый, половозрелый, дееспособный мужик взывает. О нем заботиться надо, с котлетой за ним бегать, окна прикрывать, чайник ему кипятить, попу подтирать. Совесть подавилась, высказывая свое «фе!». Она прекрасно понимала, что в мужчинах, как и в женщинах должна быть изюминка. Но некоторые изюминки шевелят усами и прячутся под плинтусом, стоит включить свет здравого смысла.

– Заболел... – пошептал эльф, намекая на то, что это я во всем виновата. Не позаботилась о бедненьком... А поскольку я виновата, то и последствия разгрести мне. Так что срочно требуется экскаватор ласки, любви и заботы, приправленный комплексом вины.

– Послушай, милый, – усмехнулась я, глядя на Умриэля. – Мне мужик нужен! Сильное плечо! За которого я бы могла спрятаться, к которому можно прислониться! Я не имею в виду того, кто рояль одной рукой на восемнадцатый этаж затащит! Нет! Я говорю о мужике, а не о ребенке!

– Я тут болею, а ты ругаешься, – всхлипнул Ипохондриэль, обиженно поворачиваясь на другой бок. – Как ты можешь? Ты говоришь, как они!

Он еще долго стонал, кряхтел, скулил, поджимая под себя ноги и зябко кутаясь в одеяло. Совесть осторожно кольнула меня, но я тут же забила ее вескими аргументами.

– Кто «они»? – поинтересовалась я, подозрительно глядя на страдальца, который снова решил повернуться ко мне своим ангельским лицом.

– Меня в лесу все не любили, – сознался эльф. – Постоянно издевались... Я им говорю, что природу нужно беречь, что есть мясо – это ужасно...

– погоди, – я сразу заинтересовалась, подозрительно прищуриваясь. – А что? Другие эльфы едят мясо?

– Они – трупоеды! Они охотятся на бедных, несчастных зверюшек! Но я выше их! Я столько раз убеждал охотников, чтобы они прекратили! Андон говорил, что я просто стрелять не умею, поэтому не охочусь, – всхлипнул самый сильный мужчина в моей жизни. То самое крепкое мужественное плечо, на которое так и хочется положиться, дрогнуло в беззвучных рыданиях. – Знаешь, мы с тобой обязательно поженимся. Я не хочу тебя упускать... Не бросай меня... Ты для меня – единственная...

Мне стало даже как-то неловко за мысли про эвтаназию. В душе стало тепло от той самой женской гордости. Мне тут, считай, в любви

признаются... Вот видите, женская забота творит чудеса! В меня тут влюбился эльф по самые уши!

– Единственная, – повторил Ипохондриэль, беря меня за руку. – Единственная, кто согласен... Остальные девушки мне отказали... Так что ты – мой последний шанс...

Улыбка польщенной женщины медленно сползала с моего лица. Глядя на некоторых мужчин, ты сразу знаешь, что будешь на него единственной. А все почему? Потому что другая на него просто не позарится. Какая любовница? О чем вы? Да с таким мужиком ты никогда не будешь бегать по гадалкам с просьбой: «Увела любовница. Приворожить обратно!». Любовница сама его вернет, с глубочайшими извинениями, если вдруг он все-таки решится на измену.

Ближе к ночи эльф уснул, оставив меня в глубоких раздумьях, наедине с кружкой чая и мыслями о том, что я и есть тот уходящий поезд, в чей последний вагон собирается заскочить ушастый безбилетный пассажир.

«Билет в один капец» проснулся и начал стонать, как раненый, срочно требуя водички и мокрое полотенце. Я закатила глаза, понимая, что вставать совсем не хочется, а уж тем более бежать в ванную, сломя голову и мочить полотенце. Хорошее слово «мочить».

– Умираю... – всхлипнул Ипохондриэль, понимая, что я как-то не тороплюсь в рамках генеральной репетиции чего-то мало вероятного, скакать на кухню за водой.

– Умираю! – нарочито громко застонал эльф, явно недоумевая, почему это я – бессердечная, все еще бессовестно сплю в такой ответственный момент очередной попытки «умирания».

Не выдержав стонов и охов, я поплелась на кухню, плеснула воды из чайника в кружку и протянула тому, кто уже собирался протягивать ноги, предварительно прикрыв их моим одеялом..

– Теплая... – захныкал Ипохондриэль, который все никак не Умриэль. – А я хотел прохладную... Я не буду пить теплую воду....

На меня смотрели такими глазами, словно в чайнике я завариваю крысиный яд, а теперь с улыбкой предлагаю всем чая.

– Слушай, – не выдержала я, глядя на эльфа. – Ты мужик или Как? Мне кажется, что ты – Как! Именно «Как»! Даже не «Пис»!

– Я кушать хочу, – уныло заметил Ипохондриэль, пока я смотрела на часы. Два часа ночи. Аппетит только разыгрался, как наша сборная по футболу, в связи с чем, меня отфутболили на кухню строгать салат. Я принесла к постели умирающего салат и хлебушек, но эльф повертел носом.

– Я не хочу такое... Это было в прошлый раз... – надулся Ипохондриэль, отодвигая от себя подальше свою траву. – А что-то другое есть?

– Есть мясо! – заметила я, понимая, что однажды бог сказал «плодитесь и размножайтесь», но это услышали только придурки. Они почесали свой «плодильник и размножальник», и тут же приступили к решительным действиям.

– Нет! – гордо ответил эльф. – Что-то другое, но не мясо и не это... А есть грибы? Или, например, салат из молодых побегов...

Люблю мужиков, которые считают, что хорошая хозяйка из яиц и картошки слепит бульон, щи, окрошку, креветок, лобстеров, омаров, салат из мидий и кальмаров, пирог, десерт и фуагра, и все, что не было вчера!

– Послушай, – вспыхнул повар – полуночник в моем лице. – Я даже не знаю, как тебя назвать «эльфом» или придурком! Придурком, мне кажется, не так обидно! Хватит себя вести, как маленький ребенок!

– Ну вот опять ты кричишь на меня. Что я тебе плохого сделал? – обиделся Ипохондриэль, натягивая одеяло себе на грудь. – Я же не кричал на тебя, я просто спросил... А ты кричишь... Ты даже не спросила, как я себя чувствую... А вот это обидно!

Я отвернулась в противоположную от эльфа сторону и, несмотря на его лекцию на тему: «Ты меня совсем не любишь!», уснула.

Утром меня трясли за плечо, причем так, словно к нам в гости заглянул слон и навалил кучу в коридоре, а жребий выгребать пал на меня.

– Я есть хочу, – жалобно заметил Ипохондриэль. – Ты ничего не приготовила? Я думал, ты приготовила, проснулся и почти выздоровел...

– А я заболела, – соврала я, накрываясь одеялом с головой. – Это ты меня заразил...

– Плохо, – внезапно погрузился эльф. – Ты заболела, потому что ела мясо! Я же говорил тебе, не есть мясо, а ты ела...

Мне срочно нужен Шерлок Холмс, чтобы найти хотя бы следы логики в данном заявлении. И Доктор Ватсон, на случай, если следы будут найдены.

– Принеси мне водички, – прошептала я, пока мне завидовали все умирающие лебедки.

– А встать ты не можешь? – Ипохондриэль смотрел на меня с явной обидой. – Откуда я знаю, где у тебя вода? А еще я немного болею...

Только не говори, что ты еще не настолько окреп, чтобы удержать в руках стакан с водой, ибо я боюсь представить, что творится в туалете. Улыбнитесь! Вас снимает скрытый снайпер!

– Ну принеси воды, – заняла я, вспоминая детство. – Я себя очень плохо чувствую. Нет, а почему ему можно болеть, а мне нельзя?

Ипохондриэль, который так и не Умриэль, развернулся и ушел. Я замерла в предвкушении. Прошла минута, две, три... Я начала волноваться. На кухне было тихо, поэтому я, охая так, что мне пенсию должны выдать вне очереди, поплелась на кухню. На стульчике сидел обиженный эльф, разглядывая узоры на моем любимом блокноте.

– Ты встала? – спросил он, глядя на меня. – Как ты себя чувствуешь?

Я скукожилась так, что даже Капитан Очевидность достал свою подзорную трубу и вынес вердикт, что мне осталось всего ничего...

– Видишь, я спросил, как ты себя чувствуешь, – вздохнул Ипохондриэль, водя пальцем по узору. – А ты меня тогда не спросила...

Заботливый ты мой! Перед тем, как доверить тебе хомячка, я бы на всякий случай с ним попрощалась и прикинула, есть ли у меня красивая коробочка.

– И я обиделся, – надулся эльф, складывая руки на груди.

Меня подмывало найти электронную визитку похоронного агентства. Есть у меня предчувствие, что когда будет играть музыка, ее услышу только я, скорбно вытирая платочком уголки глаз. Отмучил и отмучился.

– А теперь слушай сюда внимательно! – продемонстрировала чудеса исцеления я, беря его за кончик острого уха. – Если у меня встанет выбор между тобой и котом, то, поверь мне, котишка тебя вздует примерно с таким же счетом, с которым бы клуб Легионеров сыграл бы с запасным составом молодежной сборной завода «Химпромаш».

– Больно! – вздохнул Ипохондриэль. – Женщина должна любить мужчину, заботиться о нем...

– Мужчину, а не тебя! – рявкнула я прямо ему в ухо. – Мужчину!

Потом мне стало стыдно, я отпустила покрасневшее эльфийское ухо, и миролюбиво заметила:

– Ты подрасти немного, согласна подождать.

Правда, уточнить, где именно я буду ждать, мне не хотелось.

Эльф дулся, бросая на меня взгляды, преисполненные обиды и разочарования. Он даже заявил, что с этого момента со мной не разговаривает. Причем, сделал это раз двадцать, торжественно, словно давал клятву, приносил присягу и просил руки. Стоило мне только забыть о том, что со мной не разговаривают, молча занимаясь обдиранием старых обоев в коридоре и наведением клея, как мне тут же напоминали о безмерной обиде, утверждая, что будут обижаться на меня еще лет сто. Я понимала, что столько не проживу, но мысль о том, что где-то в эльфийском

лесу у меня будут круглосуточные поминки незлым, тихим словом, меня как-то утешала.

– Помочь не хочешь? – поинтересовалась я, критически глядя на ободранную стену.

– Что-то я себя плохо чувствую, – внезапно поменялся в лице Ипохондриэль. – Голова болит... И я на тебя обижен! И с тобой не разговариваю!

– Ха, – вздохнула я, глядя на часы на телефоне, которые показывали без десяти шесть. – Ну что ж... Давай прощаться, неразговорчивый мой.

– Что значит прощаться? – перепугался эльф, забежав глазами. – То есть... Я тебе не понравился?

Хм... Как бы так помягче сказать? Если я вдруг захочу побыть в шкуре Матери Терезы, посвятить свою жизнь уходу за страдальцем, научусь бегать с травяной котлетой наперевес, вооружившись терпением, лаской и нежностью, то тогда да, вполне сойдешь.

– То есть, не понравился? – глаза Ипохондриэля округлились. Он занервничал и упал на колени передо мной, облизывая пересохшие губы. – Только не обратно... Я прошу тебя... Только не обратно... Там меня не любят... Там меня бьют...

– Мало бьют, – заметила я, понимая, что после лекции про ГМО, бить будут аккуратней, но сильнее. А то мало, вдруг переусердствуют ненароком, и Умриэль станет солнцеедом? Питаемся солнышком, размножаемся почкование. Где-то в голове звенела детская задорная песенка: «По почкам, по почкам, бьем больно нарочно, в почку – бух! Свет потух!».

– Эй! Демон! Я заключал договор! Ты обещал мне невесту, которая меня полюбит! Ты где? Ты ведь обещал? – рыдал ушастый друг, медленно тая в воздухе. Я принялась. Нет, гуманизмом в моей квартире больше не пахнет.

Я молча взяла обои, отмерила и стала резать, прикидывая, как обрадуется хозяин новому ремонту. Пока в мечтах появлялся евроремонт, первая полоса медленно отлипала от стены, собираясь гармошкой. Липкие от клея руки никак не хотели отлипнуть от одуванчиков. Хотелось сесть на стульчик и завывать от отчаяния, но я обессиленно сползла по стене, швыряя кисточку в отлипшие обои. Я утешала себя тем, что это просто стены неровные, проектировщики косоглазые, строители криворукие, а я – молодец! Я хотя бы пыталась!

– Ремонт затеяла, наказание мое? – у меня перед глазами помахали актами, которые я пыталась поймать липкими от клея руками.

– Нет, просто экспериментирую со стилями. От бомж-кретинизма до эконом – минимализма, – ядовито заметила я, пытаюсь отобрать акты. – А то у меня тут гостиница «Холостяцкая берлога». Туристический сезон в разгаре. Короче, хозяин меня убьет!

– И не просто убьет, – заметил демон, осматривая прилипшую к куску обоев кисточку. – Он тебя в ад пошлет, наказание мое!

– Я бы ограничилась задницей, – тяжело вздохнула я, пытаюсь прилепить полосу на место.

– Хочешь сказать, что у тебя уже есть знакомый маршрут? – рассмеялся демон, присаживаясь рядом. – Акты подписывать будешь, наказание?

– Слушай, – я коварно посмотрела на акты, а потом перевела взгляд на лицо демона, который сразу же отрицательно покачал головой, глядя на свой красивый костюм. – Да! Ты меня правильно понял! Что значит «нет»? Тогда я ничего не подпишу!

Надеюсь, в ассортименте улыбочек у меня завалелась какая-нибудь милая и очаровательная улыбка, ибо без нее обои придется клеить самостоятельно.

Акты полетели на пол. Демон снял пиджак, глядя на меня так, словно жарил оладушек из меня на сковородке, пообещал мне такой Диснейленд, стоит мне только пасть смертью в битве за личное счастье, и витиевато выругался.

Через десять минут я держала обои, а демон их аккуратно резал. Мы проклеили четыре полосы. Нет, такими темпами, к полуночи мы прихожую закончим.

– А ничего, что ты ее наоборот клеишь? – поинтересовался демон. – И рисунок сдираешь, – усмехнулся демон, отойдя от меня и табуретки.

– Сойдет! – усмехнулась я, высунув язык от усердия. – Сдулись одуванчики!

Я отодвинулась от стены, критично рассматривая результат, скользкая от клея табуретка зашаталась под ногами. Ой! Как я хочу быть птичкой! Но взмах руками и слетающий с ноги тапок, намекали, что рожденные ползать, летают метко.

Я падала на спину, понимая, что еще немного и за мной будут ухаживать не только, как за девушкой, но и как за инвалидом.

Неизбежное падение и приземление с криком «Ой!», и Меня держали на руках, рядом валялась перевернутая табуретка, слетевший тапок, а сердце билось с такой силой страха перед болью, что даже сразу не поняло, что впервые не упало на пол. Впервые в жизни меня поймали в

момент неизбежного падения. Нет, я сейчас не лежу, изучая потолок, не плетусь старой каргой в сторону кровати, чтобы отлежаться, не ползу раненым бойцом в сторону комнаты, всхлипывая и проклиная производителей табуретки, не ковыляю юродивой, затаив злобу на закон подлости. Меня просто поймали... Я считаю удары сердца, пытаюсь успокоить его, но оно не успокаивается. Мне страшно даже обернуться, потому что я точно знаю, что оно сейчас может предательски дрогнуть.

– Что-то ты быстро решила выйти из игры, – усмехнулся демон, отпуская меня, пока я пыталась снова восстановить равновесие не только душевных сил, но и вестибулярного аппарата. – Рано, слишком рано...

– Слушай, – как-то неловко и неуверенно начала я, понимая, что мне хочется узнать кое-что очень важное. – А кандидатов на выбор точно двенадцать?

– И ни одним больше, – ответили мне, глядя в глаза.

– А нельзя как-то поменять договор? Например, дополнительное соглашение, – вздохнула я, почему-то стараясь отвести взгляд. – Ну, например, чтобы это были ... люди. Нет, я не расист, и понимаю, что они чем-то похожи на нас... Но есть момент, который меня смущает в каждом... Хвосты, клыки, уши ... Смущают... Очень...

– Поздно, – заметил демон, глядя на то, как я честно подписываю на подоконнике акты. – Мне пора. Встречай!

Стоило демону исчезнуть, как посреди коридора возник силуэт. Судя по виду со спины, дедушка решил тряхнуть стариной, недавно схоронив бабушку. И сейчас вакансия бабушки свободна. Это что? У меня теперь тут филиал дома престарелых? Нет, я понимаю, что любви все возрасты покойны... Тьфу ты! Покорны... Но в его возрасте стрела амура больше напоминает обширный инфаркт, а постель должна иметь стойкую ассоциацию с грелкой.

В тот момент, когда я надеялась, что не стану причиной рубца на чужом сердце, и прикидывала, как буду искать чужие очки по всему дому, пока рядом скрипучим голосом проклинаят маразм, дедушка обернулся.

Я бы ему дала... А впрочем, неважно. Но если так посудить, то раз... ой! лет тридцать пять с натяжкой... Кроме красивого лица меня радовало только то, что он уже седой ко мне попал. Так что совесть у меня будет чиста...

Глава седьмая. Ректальные кары

– Если что-то упало в кабинете ректора пусть валяется. Главное – не наклоняйся!

Разговор старшекурсницы и первокурсницы.

Я подозрительно присматривалась к кандидату на предмет милых атавизмов, которые имеют все шансы передаться по наследству. Ибо, судя по предложенным вариантам, в наследство им больше оставить нечего. Ни копыт, ни рогов, ни ушей, ни цветового разнообразия. Обычный высокий мужчина, приятной внешности стоял и осматривался в моем коридоре. Но сердце чуяло подвох.

– Какой курс? – прищурился гость, глядя на меня. Не хочу его расстраивать, но...

– Плохой. Все дорожает, – вздохнула я, чувствуя себя биржевым брокером. – Бензин уже вон сколько стоит! И еще расти будет!

– Средний балл? – прищурился уже седой жених, оглядывая мою квартиру.

– По шкале Рихтера? – горестно вздохнула я, стараясь не смотреть на орочки каракули на обоях, которые я еще не успела ободрать. Мы с демоном проклеили две стены. Осталось еще немного. Так что пусть в следующий раз захватит с собой стремянку и валик. Буду премного благодарна.

– А если я напишу твоим родителям, что ты ведешь себя безобразно! – брови гостя сдвинулись, а я посмотрела себе под ноги.

– погоди, сейчас найду почтовый индекс, – усмехнулась я. – А ты пока сходи на почту, купи конверты.

– Кто тебе дал право так разговаривать со своим ректором? – надменно произнес «жених», закладывая чинно руки за спину. – Или ты хочешь остаться после уроков? Я могу организовать. Будешь котлы мыть или выгребать опилки из-под мантикоры!

– А кто тебе дал право так разговаривать с человеком, у которого диплом бухгалтера с отличием? Сейчас возьмешь тряпку и будешь вытирать клей! – ответила я, вспоминая, как разговаривала с особо толковыми контрагентами.

– Сейчас я тебе выговор сделаю за такую дерзость! – вспылал мужик, который мне почему-то резко разонравился. – Тебя отчислят и сломают

твою палочку!

– Природа не предусмотрела у меня палочку, – фыркнула я, понимая, что не судьба от слова «совсем». Ну нет у меня палочки, чтобы мужественно стучать ею по столу в качестве последнего аргумента. Так что обычно я женственно это делаю папкой.

– Дерзишь? Надо тебя наказать, как следует! – меня взяли за лицо, надменно всматриваясь в получившуюся «рыбку». – Таким, как ты, не место в Академии магии! Позор! Студентка, которая смеет дерзить своему Ректору!

Полярная сова с письмом, видимо, потерялась по пути, зато ректор пришел лично, чувствуя, что мне очень срочно нужно магическое образование. Я представила себя среди малышни, которые боятся попасть не на тот факультет эдаким кукушонком – акселератом, возвышаясь над толпой как минимум на две головы. Судя по некоторым проводкам, меня сразу должны зачислить на пятый курс со словами: «Упс, нам кажется, что учить вас уже нечему!» и готовить диплом с отличием!

Мое лицо отпустили, самодовольно улыбаясь. Глаза у жениха были серые, холодные и какие-то мертвые. Он снова осмотрелся по сторонам, усмехнулся, одарив взглядом мои одуванчики, а потом шагнул в комнату.

– Покои, понятно, – рассуждал вслух жених. – Мне нужно будет место под лабораторию, под кладовку для трупов, отдельная комната для магических практик, личный кабинет и комната под библиотеку...

– Вам вернуть или с собой? – сардонически спросила я, понимая, что гостинная-зал-спальня и даже иногда столовая его совсем-совсем не устраивают.

– Что вернуть? – удивился гость, поглядывая на кухню.

– Губу! – фыркнула я, понимая, что ванная предназначена для грязных делишек, но не настолько! – Могу дать пакетик и салфетку!

– Мне нужен будет стол, чтобы работать, и инструменты! – заметил жених, который уже пугал меня своими наклонностями. – А так же лопата!

– Разгребать проблемы? – обрадовалась я, внезапно проникшись уважением к мужику, который не создает проблемы, а намеревается их героически решить.

– Потом узнаешь! – буркнул гость, решительно проходя на кухню. – Стол у тебя маленький. Плохо. Нужен будет новый, большой.

Я прислушивалась с явным интересом. Надежда, которая уже слегка завонялась, внезапно воскресла, пока мой взгляд упирался в спину на первый взгляд нормального, обстоятельного мужика.

– Так, мне нужна будет ванна. Большая, – деловито заметил жених,

разгуливая по дому. – Инструменты у меня, если что есть... А еще я собираюсь выйти на работу.

– А кем, прости, ты собираешься работать? – я боялась даже дышать в его сторону. А то вдруг его сдует с горизонта моего одиночества?

– Как кем? – удивился гость, глядя на меня, как на продукт жизнедеятельности. – Я – Энивальд Гектор. Ректор Академии. Заслуженный учитель, обладатель первой магической степени...

Ничего себе! Я сразу представила научный симпозиум специалистов, где я в вечернем платье аплодирую своему мозговитому супругу, который только что защитил очередную степень. Воображение разыгралось, как и аппетит, рисуя гения, который...

– ... по некромантии! – закончил участник предбрачной гонки. Торжественная пауза слегка затянулась. Аппетит взял отпуск за свой счет на неопределенный срок. Комочек тошноты доверчиво подполз к горлу и решил остаться там до выяснения обстоятельств. Мысли о том, что на моем кухонном столе будут собирать Франкенштейна, пока я буду крошить салатик и жарить котлетки из того, что не пригодилось, заставляли меня задуматься.

– А что это у тебя стол грязный? Крошки на столе? – сурово произнес некромант, глядя на меня серыми глазами и проводя пальцем по клеенке. – Я что? Должен учить тебя вытирать со стола? Бери тряпку и вытирай. Только тщательно. Три... Еще три... Вот теперь чисто. А почему здесь грязно? Никогда не думал, что моя будущая жена будет такой неаккуратной. На полу пятно... Неужели сложно вытереть? Ты здесь живешь! Я что? Должен учить тебя полы мыть?

Если в мире есть университет, где преподают дисциплины: «Почему у меня волос в супе. Я теперь его есть не буду!», «Почему не вытерла со стола?», «Почему полы помыла только второй раз за день?», «Почему вилка лежит не параллельно тарелке?», то я сейчас разговариваю с его лучшим выпускником, лауреатом специальной олимпиады: «Тебя что? Мама не научила...», дипломантом конкурса «Когда же я научу тебя правильно...».

– Послушай, командовать будешь в своей Академии, – нехорошо прищурилась я, понимая, что умывальников начальник и мочалок командир начинает меня сильно огорчать. «Да, мой господин! Ковер чистый!» – улыбаюсь я в его мечтах, собирая в кулачок ниточки и былинки. «Можете присаживаться, о, владыка!», – кротко замечаю я, протирая седельце унитаза спиртом три раза. «Кружка вымыта шесть раз!», – скромно улыбаюсь я, наливая чай.

– Что значит командовать в своей Академии? – внезапно взвился

коршуном некромант, оглядываясь по сторонам. – Да ты хоть знаешь, кому ты дерзишь?

Уважаемые экстрасенсы, медиумы и телепаты. Хватит телепаться где-то в тонких мирах. Я срочно отзываю вас из отпуска, чтобы вы собрались и быстренько вычислили, кто это у нас слегка огорчился! У кого скоро зачесется смертельная обидка?

– Да у меня в Академии всегда был порядок! Чистота и порядок! – горделиво заявил некромант, снова странно осматриваясь по сторонам. – Где в вашем мире я могу преподавать? Мне нужно отправить резюме, чтобы как можно быстрее приступить к работе!

Насколько я знаю, в соседней школе скоро освободятся вакансии трудовика и физрука. Эти милейшие педагоги проживают неподалеку и имеют смежные гаражи. Андреевич, мастер золотые – трясущиеся руки, однажды пытался починить мне дверь. В этот момент я точно удостоверилась, что у трудовиков есть свой божественный пантеон. Бог Дачтобтебя отвечал за то, чтобы хреновина держалась за фиговину. Бог Умля считался богом профессиональных неудач. Именно он решал вопросы падения молотка на ногу. Бог Итититьвоюмать был старшим божеством и руководил всем процессом.

Дмитрий Геннадьевич, заслуженный мастер спирта по фигурным рюмкам, любил ходить в поход. За третьей. Обычно он оставался возле гаражей с ночевкой. Прямо под звездным небом. Он любил петь песни и подкатывать к девушкам. Этот вонючий и старый клей был уверен, что склеит любую. Но пока что ситуация на лично фронте не менялась, и дома окосевшего фотографа, мастера «съема» ждала старая ревнивая супруга.

– В соседней школе наверняка нужен трудовик и физрук. Тебе осталось выбрать, чем ты лучше пользуешься. Свистком или молотком? И тогда вперед, преподавать, – едко улыбнулась я, чувствуя бурю негодования. – Станешь автором научного труда «Деткам о табуретках» и монографии «Задохлики и стометровка».

– Рот закрой! – сурово отрезал некромант, выставляя вперед руку. – Никто не имеет права разговаривать в таком тоне с Ректором Академии.

Я мысленно перебирала медицинский справочник, пытаясь отыскать диагноз «Ректор». Пока что я задумалась над словом «ректальный». Крепко задумалась.

Из пальцев некроманта вылетела черная веревка, которая связала меня по рукам и ногам.

– Слушай меня, девочка, – на надменном лице расцветала странная улыбка. – Я люблю воспитывать непослушных студентов. Я же сказал, что

дисциплина – превыше всего.

Еще не хватало, чтобы он сейчас учебное пособие из штанов достал!

На меня посмотрели взглядом, которым смотрят хозяева на арендаторов, задолжавшим квартплату. Спокойно и по-хозяйски некромант еще раз обвел задумчивым взглядом мою кухню.

– Для начала сойдет, – брезгливо усмехнулся он. – Не мой кабинет в Академии Дракона, не кабинет в Королевской Магической Академии и даже не мой кабинет в Академии Высших Сил. А сравнивать это с моим кабинетом в Академии Полукровок вообще кощунственно! Но с чего-то надо начинать...

Меня так и подмывало спросить, а трудовая книжка не треснет? С какой стати такой ценный специалист так часто открывал газетку «Вакансии»?

– А в чем же дело? – ележно поинтересовалась я, вспоминая приказы на увольнения, любовно сложенные по алфавиту в зеленой папочке «Кадры». Не хватало, чтобы адрес местной Академии Волшебства и Магии совпадал с адресом моей прописки. Чтобы у меня на кухне под чутким репетиторством детки обучались на некромантов, а потом дружно и с песенками шли в поход на кладбище за свежим пособием.

– Ты слишком много говоришь лишнего. И задаешь глупые вопросы, – усмехнулся некромант, проводя рукой по моей щеке, поглядывая на веревки. – Я вижу, что тебе это нравится... Я еще не встречал ни одной девушки из твоего мира, которой бы не нравилось это...

– То есть как это? – удивилась я, подозрительно глядя на жениха, у которого уже был опыт вступления в контакт с представительницами иных миров. Взгляд свидетельствовал, что контакт носил дипломатично-эротический характер. Спасибо, девочки! А я – то думала, что вы там учитесь!

– Ты хочешь сказать, что в нашем мире все такие? – обиделась я, вспоминая свои университетские годы бесконечной зубрежки.

– Почему бы и нет... – пожал плечами некромант, свято веря что в нашем мире диплом получают исключительно за особые заслуги перед ректором. – В Академии Дракона у меня была одна девочка в гареме из этого мира. Из-за нее меня уволили. Забеременела. В Королевской Академии тоже была девочка из этого мира... Вот стерва была... Не вылезала из моего кабинета. Сама за мной бегала. А в Академии Полукровок...

Некромант внезапно помрачнел.

– Попалась одна красавица, – надменно заметил «жених». Взгляд у

него стал нехорошим. – Я специально изображал равнодушие, чтобы она позлилась. Она бегала за мной, а потом... Потом она стала моей... Но вот тут незадача. Недавно выяснилось, что она помолвлена с оборотнем, и он узнал о ее похождениях. И очень разозлился. Так что теперь мне ну никак нельзя возвращаться обратно. Этот блохастый ревнивец приперся в Академию выяснять отношения. Нет, ну я все понимаю, но с нее же не убывало? Тем более, она сама напрашивалась! Я при чем? Но попробуй объяснить это оборотню!

– То есть, на тебя охотится блохастый жених девушки, которую ты соблазнил? – осведомилась я. Так вот как Достоевскому пришла в голову идея книги «Идиот». Поскольку основная книга была уже написана, а я на литературную премию не претендовала, то ограничилась лишь понимающей улыбкой.

Люблю мужчин, которые щедро делятся воспоминаниями о бывших. В этот момент чувствуешь себя тем самым Арлекино, которым «заполняют перерыв». Все бывшие по умолчанию лучше, чем ты. Все бывшие по умолчанию любимы больше тебя. По всем бывшим он страдал, страдает и будет страдать... И прямо сейчас всех бывших щедро размазывают по моей женской самооценке.

Ректор, исходя из биографии, держал всю Академию в страхе. Хотя, иногда буква «с» в слове «страх», была явно лишней. Через полчаса я понимала, что передо мной опытный мужчина, а вот уже через час пришло осознание, что в Академиях стоял не только учебный процесс и вопрос, кто еще не спал с Ректором, но и сам Ректор. Частично. В его кабинете лучше было ничего не ронять, чтобы, лишний раз не наклоняться. Спиной к нему тоже лучше не поворачиваться. А про разговоры, кроме: «Здравствуйте, уважаемый ректор!» вообще лучше не думать. Зато я теперь знаю, что у него есть любимая игра «Закрой глаза и открой рот», которая иногда перерастала в «Закрой рот и открой глаза», ибо опыт научил Ректора конспирации, а не контрацепции.

– И когда это в Академии учиться успевали? – поинтересовалась я, мысленно готовя жалобу в местное министерство образования. Я представила, как он идет по коридору, а все прекрасно знают, сколько сантиметров насчитывает его указка. И не просто на глаз определили, тихонько хихикая в кулачок, а опытным путем проверили и перепроверили. «У тебя с ректором сколько раз было?» – шушукаются на переменах девочки. «Два раза!», – вздыхает одна. «Недолюбливает он тебя!» – качают головой «долюбленные».

– Я что? Зря ректором устраивался? – усмехнулся некромант, разводя

руками. Повествование о победах на сексуальном поприще продолжалось, а я с удивлением обнаружила, что палочка не всегда стреляла в холостую и где-то есть заклинание «Ректорус эректорус!», которое перерастало в две волшебные полоски в аттестате учениц. Складывалось впечатление, что где-то по магическому, мне неведомому миру, местные паспортистки задолбались регистрировать Энивальдовичей и Энивальдовых. «Что опять? – вздыхали они, выучив отчество наизусть. – Да когда же он успеваешь?». «Он телепортироваться умеет!» – радостно сообщали счастливые выпускницы. Как это еще ревнивый гарем не запинал ногами самоуверенного султана, ума не приложу!

– Знаешь, крошка, – усмехнулся некромант, глядя на меня холодным и надменным взглядом. – Я понимаю, что ты упираешься, пытаешься корчить из себя недотрогу, но ... Я знаю, что ты сама ко мне придешь... Я даже прикасаться к тебе не буду.

Я с уважением посмотрела на мужика, который внес такую значимую демографическую лепту. Максимум, что я ему дам, так это премию «Отец – герой» и пуцу с миром по миру, орать под балконами любого роддома «Ну как?» и слышать стройный хор девичьих голосов, наперебой перечисляющих результаты прошедшей сессии.

– Ты сама ко мне приползешь, – на меня смотрели равнодушные серые глаза, пока я прикидывала, что меня уже считают змеей подколодной. Вербки с рук и ног спали. – Будешь умолять взять тебя...

– Куда? – мрачно уточнила я, понимая, что кто-то уже доползлся до ползунков.

– Будешь умолять меня... – самодовольно разглагольствовал некромант, явно представляя себя обладателем премии имени меня.

Предложение было настолько интересным и заманчивым, что я протяжно зевнула. В этот момент на меня посмотрели так, что срочно потребовался котенок, который сходит за меня на ковер к Ректору.

Еще разок протяжно зевнув, как бы вежливо подчеркивая, что мне безумно интересно, я поплелась спать.

– И чтобы я тебя не видел в моем кабинете без приглашения! – заявил вдогонку жених.

– Слышь, Ректор, – сонно заметила я, показывая рукой на туалет. – Вот единственный кабинет, который сдается в аренду. В краткосрочную. Это – мой дом. И я хожу там, где хочу.

Повалившись на подушку, я провалилась в глубины тревожного сна. Если раньше Мендельсон казался мне вполне неплохим композитором, то сейчас я начинала склоняться к Шопену. Среди мутного марева

отрывочных сюжетов, сквозила одинокая мысль – дочь здравого смысла: «Старой девой быть не так уж и плохо!». От котиков урон намного меньше, и в туалет нет мучительной очереди. Это с одной стороны, а с другой... Никто не принесет тебе завтрак в постель, ты никогда не уснешь на чужом плече, тебя никогда не согреют в объятиях. Пока я во сне высчитывала оптимальное количество котов, необходимых для замены одного мужчины в доме по количеству вырабатываемой любви ласки, наступило сонное утро. Разлепив глаза и мучимая жаждой, я услышала шум на кухне.

На моем столе на разделочной доске лежала курица и свиные ножки, купленные по уценке. Рядом лежал нож. Сердце слегка напряглось. Что-то в глубине души даже слегка расцвело. Некромант готовит завтрак. Это что-то новенькое!

Я вернулась в постель, сладенько подтягиваясь и обнимая подушку. Может, дать ему шанс? Он же, получается, как бы нагулялся?

Стоило мне только погрузиться в утреннюю дрему, спрятавшись в берлоге одеяла, как я услышала цоканье по ламинату. Что-то билось о кровать с завидным усердием.

Я открыла глаза, скинула одеяло и ... потеряла дар речи, пытаюсь подобрать слова и челюсть. У меня перед глазами что-то промелькнуло. Мне показалось, что это была моя жизнь.

Возле кровати радостно цокала свиными копытами куриная тушка, купленная мною по акции «Покупаешь курицу – яйца в подарок!». Самое страшное, что я уже предположительно понимала, что данное чудовище думало огузком, ибо ни головы, ни мозгов я не наблюдала.

Огузок мне почему-то обрадовался мне куда больше, чем я ему, пытаюсь на радостях снести если не яйцо, то несущую стену, сделав мне капитальную перепланировку. По примеру этого чудовища мне безумно хотелось найти этого Доктора Айболита, щедро раздающего вторые шансы тушкам из отдела охлажденки, и снести ему яйца.

Я экстренно вспоминала, что у меня еще есть в холодильнике, чтобы тут же успокоиться. Уровень сложность возрастает с каждой секундой, потому что в морозилке остался только фарш.

Сама судьба не рекомендовала мне вставать с постели, потому что Огузок бился об ножку кровати, потом переключился на остатки тумбочки, заставив меня вспомнить милого слабоумного принца добрым и ласковым словом.

Дождавшись, когда Огузок решит зайти с другой стороны, я резко вскочила, нацепила тапки и бросилась на кухню! Некромант сосредоточенно намеревался сделать то, что не удалось сделать даже

работникам супермаркета. Он тщетно пытался оживить фарш в пакетике. В мою ногу с разбегу врезался результат отсутствия мозгов, заставив вздрогнуть и заорать. Я схватила стул, пытаюсь повторно успокоить это чудовище, но озорные субпродукты решили максимально усложнить мне задачу.

– Не трогай моего фамилиара! – раздался голос позади меня голос некроманта, пока я пыталась ударами стула спасти мир от новой напасти. – Пока что обойдемся им! Где здесь ближайшее кладбище, чтобы я смог поднять несколько трупов? Быстро говори!

Ага, на радость родственникам.

– У тебя есть еще ножи? – хмуро бросил жених, колдуя над фаршем. На столе валялась этикетка: «Фарш домашний свин. с гов». Я предполагала, что получившееся нечто будет явно не диким, а очень даже домашним, похрюкивая от радости при виде хозяев. Но вот слово «гов.» намекало, что характер у животинки будет тяжелым. Пытливый ум требовал ответа на извечный вопрос по поводу чебуреков возле остановки. И ответить на него мог только капец с нежным именем «Энивальд» в случае, если я решу его угостить одним из них.

– Мне чего-то не хватает, – мрачно бросил некромант, поглядывая на меня оценивающе. Если что, я могу добровольно отдать только аппендицит и гланды. Большого не просите! Завещать свое тело науке я не планирую, так же как и становится ее очередной жертвой!

В меня опять врезалось чудовище, которое не снилось любителям пощекотать себе желудок. Гастрономический изыск был упрям, настойчив и требовал к себе повышенного внимания с моей стороны.

Уйдя от греха подальше в комнату, я сидела на кровати, подбирая слова и ноги, дабы выразить весь восторг от происходящего. Чудовище тем временем выбралось в коридор и притаилось. Потом раздалась какая-то возня и все стихло. Правильно, мы еще не готовы к домашним нелюбимцам!

Через час, я оторвала голову от статьи в интернете «Как объяснить мужчине, что он вам не подходит!», бросила взгляд на дверной проем, заслышав знакомое цоканье. В комнату, вальяжно цокая копытами, вошло то, что приснится шеф-повару экзотической кухни в самом страшном кошмаре.

– Рыбу он все-таки нашел, – проскулила я, обнимая подушку и глядя на то, как поверх куриного огузка красуется селедочная голова. Рыбка открывала и закрывала рот, как бы пытаюсь мне что-то сказать. Не нужно слов. Я все и так поняла. Это – капец!

Если бы я и планировала завести себе зверюшку, то взяла бы старую дубленку, обернула ею электрокамин, а потом сидела бы и гладила. Как вариант вполне сошла бы небритая нога, которую я бы задумчиво почесывала, рассказывая о тяготах одинокого женского бытия. А тут на меня смотрела мутными глазами «Уха и из петуха». И самое обидное, что она меня теперь видит!

Мне почему-то не очень хотелось давать этой просрочке имя. При мысли о том, что однажды придется ее звать, у меня по спине тек холодный пот. Однако, на языке вертелось «Огребублик», если это – самец и «Огребубля», если самочка. Согласна, я буду его слегка недолюбливать.

Огребублик был очень разговорчивым, пытаюсь сказать мне что-то важное, но тихо-тихо, уставившись на меня мутными рыбьими глазами... Пока я пыталась ногой отогнать его подальше, на кухне что-то громко замычало, вызывая у меня животный ужас.

– Не выходит! – раздался раздосадованный голос Энивальда. Никогда я еще так не радовалась чужим неудачам на профессиональном поприще. – А ну-ка еще раз!

Тем временем на столе зазвонил телефон. Огребублик почему-то сильно обрадовался и стал биться об стол. Я еще не видела, кто звонит, но звонили, как в последний раз. Когда мне так звонят, я сразу представляю телешоу, где на последнем вопросе, решили воспользоваться звонком другу. На кону был миллион, а абонент помнил наизусть только мой корявый номер.

Нет, тут что-то страшнее, ибо телефон не умолкал ни на секунду. Один звонок сменялся другим. Как будто где-то прорвало филологическую канализацию, или по новостям прошла информация, что я стала миллионершей.

Огребублик задорно гарцевал по моим тапкам, а я боялась даже спустить ногу, ибо этот суповой набор спал и видел, как проявить ко мне все самые светлые чувства.

Опять звонят! Да там что Дьявол пришел и заявил, что если за десять минут ко мне не дозвонятся, то он заберет душу абонента напрямиком в ад?

Я вскочила, устремляясь к телефону.

– Алло! – выдохнула я, отгоняя уцелевшим стулом новое домашнее животное. – Я оправила им документы! ... При вас же сканировала! Что значит, не получили? Да я два раза им письмо дублировала!... Пусть не рассказывают! Они уже отчетный период закрыли... Оплаты не было? Деньги на счет не поступили? Что значит... Или мне приехать к ним? Вы сами указали в договоре условия оплаты... Ай, скотина! Да что ты

творишь! ... Это я не вам! Простите, пожа... Ты что творишь, урод? Это... Это...

В голове мелькали названия всех возможных животных, пока Огребублик что-то мне суфлировал. Чтобы я обратила на него внимание, он разгонялся и шел на таран моей ноги. С каждым разом он брал все больший разбег, стуча копытами под ламинату.

– Да прекрати, урод! – возмутилась я, получил новый удар ниже пояса и колена и потирая место прямого попадания. – Я не вам, Геннадий Андреевич! Вы... эм... не урод... Я хотела сказать, что вы очень даже симпатичный для своего возраста... Да что ты творишь, отстань от меня! Хватит меня домогаться, извращенец! ... Это я не вам! Я не...

Последним, что я услышала в трубке, было рассерженное сопение. Сколько я ни пыталась перезвонить, трубку никто не поднимал. Несколько раз вызов сбросили. Есть у меня предчувствие, что скоро появится объявление о том, что нашей фирме в срочном порядке требуется главный бухгалтер, но мне можно не подавать документы.

Еще одно открытие этого дня! Теперь в туалет нужно ходить, вооружившись стулом, чтобы отбиваться от назойливой живности. Стоит потерять бдительность, как она уже тут как тут! Чего это ты, спрашивается, сидишь без дела? Твоя задача развлекать меня, иначе я примусь развлекать тебя!

– Пошел вон, холодец! – взвыла я, выставив ножки стула вперед и отмахиваясь от нового питомца, как от стаи голодных волков, которые решили отведать филея в ответственный момент. Никогда еще походы по нужде не были так увлекательны. Вертлявая тушка не сдавалась, не смотря на то, то я пугала ее стулом. Под конец я озверела, пытаюсь забить стулом это чудовище, но оно было куда ловчее, поэтому радостно скакало, уворачиваясь от повторного упокоения! И требовало добавки! Мое внимание ему крайне льстило!

– Да ты мне дашь нормально сходить в туалет? – взвыла я, одной рукой пытаюсь привести себя в порядок, а другой – защищаясь со страшной силой.

В комнате раздался звонок. Вызывали на работу. Пока я пыталась найти, что надеть, собирала сумку и отбивалась ногой от холодца-бройлера, меня трясло мелкой дрожью. «Приезжай. Немедленно. Сейчас будем решать!». Сомневаюсь, что руководство внезапно нашло сборник задач по тригонометрии и теперь всем коллективом ломают голову над очередным уравнением.

Единственное уравнение, которое любило наше руководство –

уравнение зарплаты. Пока наши зарплаты прикрывали фиговыми листочками «Объяснительных» свои урезанные премии, стеснительно интересуясь средним вознаграждением за посильный труд по регионам и стыдливо заглядывая в зарплатную ведомость, вся фирма стояла, понуро опустив головы. Недалеко от меня съежился наш юрист, рядом разглядывала свои лакированные туфли Леночка, возле окна изображала трясогузку начальница договорного отдела, а отдел поставок в полном составе жался друг к дружке, как пингвины на льдине, мол, давайте бояться вместе. Нежный запах «Вы что, не читали, что давали на подпись?», тонкая нотка «Да вы обанкротили фирму!», легкое послевкусие «Ничего не хочу слушать!» и флер вспотевшей рубашки при виде нулевого баланса на карточке, – все это составляло незабываемый аромат неприятностей.

Я добралась до дома ближе к восьми, бросила сумку на сломанную тумбочку, скинула туфли и привычным жестом водрузила ключи на гвоздик, который тут же отпал и упал на пол. Возле стены стоял розовый детский совочек с комьями песка. Я представила, как в песочнице на детской площадке сидит некромант и делает куличики, отобрав ведерки и формочки у малышни. «Приятно, когда за дело берется настоящий мужчина!» – восхитилась я, представляя эту милую картину, а потом подняла глаза и...

– А-а-а-а-а! – заорала я так, что где-то на другом конце страны должны были проснуться наши бессовестные поставщики и срочно оплатить тот злосчастный счет.

Передо мной стоял скелет в моем платье. Настоящий, пожелтевший от времени скелет с пустыми глазницами и без переднего зуба! Но самое страшное, что он был в моем выходном платье, которое я берегла для особых случаев. Скелет стоял передо мной, а я понимала, что анатомию кто-то явно прогуливал. Руки у скелета были перепутаны местами. Точно так же, как и ноги. Следом из кухни на раскорячку вышел второй скелет. Без рук. В моих спортивных штанах. Скелет в платье протянул руку, и попыталась поправить мою сумку, уронив на пол и рассыпав все ее содержимое. Вторым скелет почему-то развернулся ко мне спиной, присел и ... Я точно не уверена, что так было задумано природой, но руки у этого скелета росли прямо из того заветного места, в которое обычно выписывают путевки. Две конечности нащупали мои тапки, взяли их и протянули их в мою сторону. Я почувствовала, что туалет скоро переедет в коридор... Причем, скорее, чем я думала.

В дверях кухни, прислонившись к дверному косяку, стоял мрачный некромант.

– Стоять на месте! – скомандовал он, а скелеты застыли, как вкопанные. Тут мне навстречу выбежало то самое жизнерадостное чудовище, с разбега впечатавшись не только в мою психику, но и в ногу.

– Это он тебя так любит! – холодно заметил Энивальд, пока я пыталась отогнать от себя подальше любвеобильную рыбку третьей свежести. – Знакомься. Новые прислужники. Это – Косяпор. Она будет заниматься уборкой. Рукожоп – готовкой! Я освободил тебя от домашней работы! Цени!

Ага, пусть бейджик повесит каждому, чтобы я не перепутала!

– Марш прибираться и готовить! – приказал некромант, пока я отгоняла ногой Огребублика, который был так рад встрече, что уже успел набить мне внушительный синяк под коленом.

Время костями, скелеты разошлись по комнатам. На кухне тут же что-то грюкнуло, упало и покатилося по полу, звеня и подпрыгивая. В комнате что-то протяжно заскрипело, а потом с грохотом обрушилось на пол.

Я бросилась на кухню, увидела на полу кастрюлю, в которую Рукожоп пытался наощупь покрошить картошку. Он пытался повернуться в сторону основного действия головой, но у него получалось плохо, поэтому он присел в позе гордого орлана, удобряющего горную эмалированную кастрюльную вершину, и пытался сварганить ужин, роняя картошку и очистки вокруг кастрюли. Некромант восседал на стуле, задумчиво что-то чертя на моих черновиках.

В спальне что-то двигали, поэтому я бросилась туда. Рядом со мной скакал неунывающий Огребублик, питая ко мне безответную любовь. В комнате валялся перевернутый стол, а Косяпор воинственно размахивал веником так, словно сражался с полчищами невидимых врагов.

– Ты что творишь? – заорала я, глядя на то, как скелет в платье запутался в обгоревшей занавеске и ободрал ее вместе с карнизом. Карниз упал служанке на голову, но это не остановило воинственную домработницу, решившую истребить не только мусор, но и остатки моей мебели. На кухне послышался стук костей. Я уже смотрела, как сжимая кастрюлю в руках, Рукожоп пытается поставить ее на плиту, задорно подпрыгивая вместе с ее содержимым.

– У каждого уважающего себя некроманта должны быть слуги! – заметил Энивальд, бросая на меня ледяной взгляд бесцветных глаз. – Я жду благодарности за заботу!

Поскользнувшись на картофельной очистке, Рукожоп упал, обдав стену водой. На шум тут же прибежал Косяпор и начал размазывать веником воду по полу и по стене.

– Ты что? Издеваешься? – заорала я, пытаюсь выхватить веник из костлявых рук и мечтая отблагодарить весь персонал щедрыми пинками чаевых!

– Они скоро поймут, что к чему... – спокойно заметил некромант, снова погружаясь в свои расчеты. – Мне нужно двести зомби, чтобы завоевать твой мир... Двести умножить на двести... Это у нас сколько получается?

Ага, сейчас принесу калькулятор, дабы помочь бедолаге осуществить зомби-апокалипсис! Мир прогнил насквозь, так что не благодарите!

– Я, конечно, могу убрать их, но ты должна меня попросить, – усмехнулся маг, искоса глядя на меня.

– Пожа-а-алуйста! – гадко протянула я, глядя, как Рукожоп присаживается за кастрюлей и пытается собрать в нее картошку.

– Нет, не так... – отрицательно покачал головой Энивальд, холодно улыбнувшись. – Моя будущая жена должна понимать, с кем имеет дело.

Когда я буду с трагическим лицом говорить, что мой супруг – одно нехорошее слово на букву «м», то буду иметь в виду «маг». Но то, что подумают люди, тоже верно.

Кастрюля с горем пополам встала на плиту. Рукожоп все еще приседал, собирая очистки, и прочий мусор на полу, пытаюсь баскетбольным броском забросить в мое ведро. Я уже вспоминала все возможные диеты, думая под каким предлогом уйти нагуливать аппетит. И желательно подальше.

Стоило мне только зайти в ванную, как за мной устремилось все костлявое население моей квартиры, пытаюсь что-то на ходу помыть, как принимающая сторона перед важной дипломатической делегацией. Перевернув все флаконы, Рукожоп размазывал шампунь по полу моим полотенцем, проявляя такое усердие и старание, что мне стало грустно.

Купаться я передумала, поэтому улеглась на кровать и завернулась в одеяло. Воспаленные глаза смотрели в стену, а в ножку кровати всей куриной тушкой бился Огребублик, который вдруг показался мне таким милым, таким симпатичным, по сравнению с новыми «костербайтерами».

Некромант подошел к кровати, деловито расстегнул мантию, как бы намекая на то, что личная жизнь у меня решила наладиться без моего согласия.

– Ну? – спросил он, горделиво, пока я старательно изображала подгоревшую сосиску в лаваше, заворачиваясь в одеяло поплотнее.

– Пошел вон! – ответил хот-дог в моем лице. – Я не собираюсь пополнять ряды твоих студенток! У меня уже есть диплом!

– Я тут подумал, – холодно заметил некромант, глядя на меня

равнодушным взглядом. – А к чему церемониться? Мне нравится твой мир, возвращаться мне нельзя, так что все решено. Я остаюсь здесь. И ты выберешь меня. Без вариантов.

– Ни за что! – огрызнулся хот-дог, отползая гусеничкой подальше от любви и ласки.

– Подумай сама, – усмехнулся Энивальд, сощутив глаза и положив руки на пуговицы мантии. – Все может быть намного хуже. Знаешь, если студентка не хотела отвечать мне взаимностью, у нее начинались большие проблемы... Ее жизнь становилась невыносимой ровно до тех пор, пока она не соглашалась... Так вот, проблемы могут начаться и у тебя... Я же тебе по-хорошему предлагаю. Пока по-хорошему. Я должен получить гарантии того, что ты выберешь меня.

Могу написать гарантийное письмо, что его потребность в любви будет удовлетворена в полном объеме при первом же поступлении мочи в голову. Но пока что получалось благодарственное письмо судьбе, которое начинается словами: «Спасибо тебе, судьба, за то, что послала дебила. В следующий раз, когда будешь посылать очередного дебила, уточняй место посылки, а то они приходят ко мне!».

Некромант смотрел на меня так, словно я отказалась от многомиллионного Джек пота в пользу голодающих кошечек, я со своей стороны смотрела на него, понимая, что лучше отделаться деньгами. Где староста, которая собирает деньги на сессию, воровато оглядываясь в коридоре?

– Ну что? – поинтересовался некромант, самодовольно улыбаясь.

– А можно деньгами? – уныло спросил хот-дог, в тайне надеясь, что вполне получится откупиться. Тем более, что он не в курсе по поводу курса, так что копилка в банке из под кофе вполне сойдет за пещеру Али Бабы.

– Я хочу иметь гарантии, что ты выберешь меня. Мне возвращаться нельзя. Я перееду в этот мир, – холодно заметил Энивальд, скривившись. – Он, конечно, убогий... Да и ты – не красавица. Но мне в принципе все равно. Если вопрос встанет, то сойдешь. А если не встанет – я некромант, как-нибудь поставим.

Есть мужчины, которых хочется послать. Причем, не просто послать, а еще и мусор в руки дать. Что ж он в место назначения с пустыми руками собрался?

– Гарантии, – повторил некромант, снимая мантию и скидывая ее на пол. Черные веревки привязали меня к кровати похлеще несработавшего будильника.

– Чувствую, что здесь пахнет словом, которое заканчивается на «...туция». И хорошо было бы, если бы это была конституция. Иначе я негодую! – насмешливо заметил демон, глядя на эту картинку. Увидев его, я оживилась, дергая руками и умоляя меня освободить. – Художник, я тут хотел поинтересоваться. Мы оттенки, какого цвета тут искать собрались? Вообще-то я дальтоник, но вдруг найдем? Давай искать вместе.

Сообразим, так сказать на троих... Трудно сообразить на троих, если один вообще не соображает.

– Тебе что нужно, жалкий демон? – процедил Энивальд, выставя вперед руку. – Марш в свою преисподнюю. Авернисус Эрсусе Шаферениза...

Можно пока это не стало названием автомобильных марок и моделей телефонов, я немного этим поругаюсь? Уж больно хочется...

– Ай! – простонал демон, хватаясь за сердце. – Ой! Ах! Что ты творишь? Нет! Не надо! О, господин!

Я дернулась, видя, как демон, корчится в муках, но веревки не давали мне броситься на выручку.

– Повелеваю, – горделиво заметил некромант, вскинув голову. – Подчинись мне, демон! Выполни три моих желания!

– Три желания? – страдал демон, а я ничего не могла сделать, глядя на зеленые нити, опоясывающие друга. – Хорошо! Три, так три! И я даже знаю какие!

Я бы тоже послушала... Почему я не записывала волшебные ругательства? Вдруг бы три моих желания исполнилось? Раскатывая губу, я чувствовала, что трех, конечно, будет мало, но я постараюсь уложиться.

– Какие? – спросил Энивальд, а через секунду рука смеющегося демона сжалась на его горле. Хорошо, когда мужчина – хозяин положения. Даже неловкого. – Отпусти меня, исчадь! Не прикасайся ко мне! А ну слушай мой приказ!

– Отпусти, не прикасайся и слушай! Это – самые милые желания из всех, которые мне когда – либо загадывали, – умилился демон, отбросив с лица каштановую прядь волос. – Слушай меня внимательно. В твоём договоре написано, что близость бывает только по взаимному согласию. Я лично прописал этот пункт! Своими золотыми!

– Она согласна, – расписался за меня Энивальд, пытаясь освободиться и посылая серебристую молнию в противника. Так вот какая зараза подделала мою подпись на справках о доходах! Понятно!

– А ничего, что у меня есть одно единственное желание? – возмутилась я, взывая к чести доблестных рыцарей. Молния оцарапала

демону лицо, а тот удивленно провел рукой по царапине, разглядывая кровь на пальцах, а рана тем временем затягивалась. С этого все и началось! Пока один защищал мою честь, другой претендовал на мою часть! Не могу сказать, что на самую лучшую... Я ждала магического поединка со всеми спецэффектами, но вместо этого был вполне обычный мужской мордобой с явным перевесом на стороне сторонника конституции. Нет, если у меня возникнут проблемы на работе, я хочу такого юриста!

– А сейчас ты будешь выполнять мои маленькие желания! – мило улыбнулся демон, а потом помрачнел. Улыбка сползла с его губ, а брови нахмурились, когда некромант был пойман за горло.

Сначала Энивальд с хрипом хотел замещать на вакантной должности джина без тоника, но после того, как ему еще сильнее сдавили горло, где-то завоняло жаренной золотой рыбкой. Еще два удара об стену и некромант переквалифицируется в цветик – семицветик, которого будут удобрять из капельницы добрые садовники. Если устраивать чемпионат желаний, кому-то до конца жизни придется работать добрым волшебником.

– Развяжите меня! – заорала я, глядя на эпический поединок и взывая к совестям сражающихся. Пока одни девочки прячут в шкаф любовника, другие – мужа, я прикидывала, как в случае чего забраться туда самостоятельно, закрыть разбитые створки изнутри и пересидеть. Мимо меня пролетела вспышка зеленого света, разбившись искрами на стене.

– Сволочи! – завопила я, увернувшись от второй вспышки, пытаюсь называть вещи своими именами.

Некромант сдавал позиции, отбиваясь из последних сил. На помощь прискакали скелеты и Огребублик. Рукожоп всеми силами пытался подпрыгнуть и набить демону физиономию, однако в силу анатомических особенностей у него не сильно получалось. Косяпор постоянно промахивался. Не знаю, радоваться мне или какать, ибо скелеты разлетелись по комнате так, что костей не соберешь. Огребублик вполне оправдал свое имя, отгребая по полной программе.

– Пощади, – прохрипел некромант, прижатый к стене. Не могу понять, чем демон бьет некроманта... Какой-то трубочкой из бумаги...

Демон спокойно отпустил любвеобильного ректора, пока я приглядывалась к тетрадке.

– Вот – конституция, – заметил демон, глядя на тетрадку, а потом достал из нее молоток – а вот ее гарант.

Интересно, где здесь по близости продаются нервные системы? Я бы с удовольствием взяла запасную!

– Мне плевать, как ты собираешься завоевывать девушку, но я советую

начать с цветов, – гадко улыбнулся демон. – И комплиментов. Так что давай, любитель дохлятины, завоевывай!

Демон исчез, веревки развязались, а я осталась наедине со слегка растерянным некромантом. Посмотрев на меня с подозрительным прищуром, бывший ректор вышел из комнаты.

Я стряхнула с кровати чужие кости, размяла свои и улеглась спать, отделив себя от личной жизни одеялом. Над ухом раздался шелест. Я распахнула глаза и попыталась повернуться на другой бок. С меня что-то посыпалось. Я даже не поленилась посмотреть, что это.

Понимаю, что меня сложно найти, легко потерять и невозможно забыть, поэтому траурный веночек «помним, любим, скорбим» был как нельзя кстати. Серые от пыли и дождей розочки, искусственная елка и ржавая проволока всегда порадует любую спящую красавицу.

– Нравится? – самодовольно поинтересовался некромант так, словно притащил мне букет голландских роз, которые утренним рейсом привезли из страны произрастания. – Вот тебе конфетки. Кушай, любимая.

Мне высыпали на колени какие-то конфеты в потертых фантиках.

Какая прелесть! Это так мило, когда приносят гостинцы с могилы! Нет, с таким мужиком не пропадешь, с голоду не умрешь, Сегодня конфетки, завтра хлебушек. Все нормально! Выдаешь ему пакет и вуаля! В доме всегда есть сладенькое.

– Это еще не все, – многообещающе заметил Энивальд. Это была именно та завеса тайны, которую мне не хотелось приоткрывать. – Я сделал это своими руками!

«Он у тебя рукастый должен быть!», – всегда повторяла мама, глядя на кривую полку, которую два дня прибивал вместе с нашими нервами к стене гордый папа, а потом демонстрировал всем гостям, как основную достопримечательность квартиры, требуя похвалы и дифирамб.

В комнату вползло то, что в любом анатомическом театре потребуют на «бис». Почтите минутой молчания мои погибшие нервы. Я посмотрела на стену и мне грустно привиделась кривая полочка.

– Тут костей не хватало, поэтому пришлось... – гордо хвастался некромант, пока со мной ползло знакомится двухголовое, пятиное чудовище дистрофически-скелетной наружности из категории «Сяду на диету, хоть отъемся!». Пятая нога торчала у него из позвоночника, как боевое знамя.

– Познакомься, – произнес Энивальд, отгоняя муху, влетевшую в комнату. – Это – твой новый друг. Можешь сама придумать ему имя! Разрешаю!

Пока муха кружила над некромантом, намекая, что с этим человеком лучше не связываться, «новый друг», который лучше «прежних двух», твердо решил дружить. Я искала способа отклонить навязчивую заявку на дружбу, отбиваясь ногой и отползая подальше.

– Он хочет с тобой поиграть! – улыбнулся Энивальд, любуясь своим творением. – Поиграй с ним!

Глядя на это, мне на ум приходило лишь две игры: «Догони меня кирпич» и «шашки». Мне бы сейчас шашку наголо и кирпич в другую руку. В таких играх я не очень опытная, но, надеюсь, что они относятся к азартным, в которых новичкам всегда везет!

– Убери его от меня! – возмутилась я, отпихивая от себя это чудовище, претендующее на звание домашнего любимца. Где-то лаял соседский пекинес, который по сравнению с этим кадавром показался мне отличным вариантом.

– Можешь его погладить! – ласково заметил некромант. На меня пустыми глазницами смотрели сразу две черепашки, подковываясь поближе.

Ага, стулом! И почесать за ушком табуреткой... Я – очень нежная хозяйка. Огребублик, да упокойся он в супе с миром второй раз, показался мне образцом милоты! Я даже согласна была бы гладить его каждый день!

– У меня аллергия на ... кости! – взвыла я, отбиваясь от любвеобильного кадаврика, пылко и радостно проявляющего ко мне интерес.

– Тебе не угодишь! – обиделся Энивальд, скривившись от того, что я пищу не от восторга. – И в чем же она проявляется?

– У меня сразу начинают слезиться глаза, першить в горле, появляется кашель и желание быть подальше от аллергена! – выкрикнула я, понимая, каково это, когда тебя пытается обнять костлявенькая. Знаю, что рано или поздно у меня назначено randevu, на котором меня ждут с букетом и конфетами, поэтому меня радовало слово «задерживаюсь» и огорчало слово «опаздываю».

– Послушай, я тут ухаживать пытаюсь! Что тебе не нравится? Я, между прочим, никогда таким не занимаюсь! Это ниже моего достоинства бегать за женщинами! – вспылил некромант, исчезая. – Я тебе поесть приготовил! Приятного аппетита!

Я поплелась на кухню и увидела кастрюлю, крышечку которой любопытство требовало приподнять в срочном порядке. Внимание! Игра! Вопрос первый! Что у нас под крышечкой? «Супчик!» – сказали глаза. «А какой?» – поинтересовался сонный мозг. «Со свининой и курицей!», –

заметили глаза. «Уха!» – предположили обонятельные рецепторы. «Он съедобный?» – опасливо спросил мозг. «Сомневаюсь!», – простонал желудок, пользуясь поддержкой пищеварительной системы.

Крышечка снова упала на останки Огребублика, заставляя меня задуматься о вечности. Покойся с миром... Кадавр бегал по кухне и требовал, чтобы я с ним поиграла. И погладила сразу по двум головам.

– Погуляй с ним! – приказал некромант, появляясь из ниоткуда посреди кухни. – Не видишь, он на улицу хочет?

И что с того, что он на улицу хочет? Я тоже очень хочу на улицу!

– Учти, сбежишь – я тебя из-под земли достану! – пригрозил Энивальд. И самое интересное, что я поверила, представляя посмертное глумление над моими несчастными останками.

В моем взгляде читался весь драматизм большого театра. Прикинув, как обрадуются соседи, узнав о том, что я завела себе питомца, представив реакцию прохожих, я молча повязала поясok от халата на одну из шей кадаврика. Вторая голова у нас вольном выгуле и выпасе...

Кадаврик зашелся от радости, дергая меня к двери. В гулком подъезде было слышно, как гремят косточки. А теперь момент истины! Солнышко ярко ударило в глаза, заставив зажмуриться.

– Недокармливает собаку, – заохала Матвевна, всплеснув руками. – Так и знала, что живодерка! Посмотри, кожа да кости! А я-то думаю, что там по ночам воет!

– Вот кто мне всю клумбу обгадил! – заорала вторая старуха, поправляя платок. – Каждый день под моими окнами туалет разводят! Совести нету! Сруть и сруть! Шарятся и шарятся! Все георгины поломали!

Я что-то не помню, чтобы у нас тут под балконами был уютный сад. Максимум, что могло прорасти – это сорняки и окурки.

– Бессовестная! – охали старухи, пока кадавр тянул меня в сторону кустов. Не знаю, что он там собирался делать, поскольку пищеварительный тракт у него отсутствовал, однако кусты нас манили, как заговоренные.

– Хосю такую суюку с ба-а-антиком! – раздался плаксивый детский голос. – Ма-а-а! Суюку с бантиком!

– Не суюку, а шту-у-уку! – поправил женский голос.

Я обернулась и увидела карапуза, который тыкал пальцем в меня, пока его волокли в сторону магазина. На футболке у меня сзади красовался принт в виде банта. Да, малыш, ты прав. Я – не пушистый зайчик, а редкостная «сю-ю-юка», поэтому у меня не задерживаются ни мужчины, ни критические дни!

– Ну все! Подышал воздухом? – сардонически заметила я, понимая что

гостей ко мне дома больше не соберешь. – Теперь домой!

– Недокормыш! – охали бабки. – В милицию надо позвонить! Бедное животное... Как же оно настрадалось... За что ж ей такие мучения...

Это вы мне? Я не знаю за что мне такие мучения, но настрадалась я похлеще Нострадамуса.

Я упорно тянуло чудовище домой, оглядываясь в надежде, что мимо будет проезжать цирк и захочет забрать этого уроды за умеренную плату. С моей стороны! Да я даже кошелек готова вытрясти ему, лишь бы... Кадавр дернулся и натянул пояс от халата, не желая уходить в скучную и облезлую квартиру!

– Замучила бедную кошечку... – причитали бабки. – Поди ж совсем отошчала...

– Эй, ты хоть помяукай, ради приличия, – язвительно заметила я, глядя на две черепушки, которые никак не могли определиться, куда им идти. Одна голова настаивала на продолжении прогулки, другая срочно требовала домой.

– Помнится, была кошечка у меня, так померла, – вздохнула Матвевна, подводя вполне закономерный итог кошачьей жизни. – Я ее и рыбкой кормила, и пирожками, и суп варила из очисток картофельных, и молочка давала... А как заболела, так все таблетки на нее извела. И горчичники ей ставила, и банки, и таблетки от кашля давала, растирала барсучьим жиром, капала ей из пипетки марганцовку. Потом кричит, словно сердце схватило. Ну я ей корвалолу ... Лечила-лечила... А что вы хотели? Ветеринары нынче дорогие! Да и я бы свою Мурку этим живодерам не отдала... Видишь, здоровьем слаба была... Сроду. Сердце! Помучилась немного и померла... Молодая кошка была... Сколько ей было?... Три года... Кажись, три... Взяла бы я сейчас котенка, да здоровье уже не то.

Мне кажется, что в этот момент, даже кошки рожать перестали.

– Эх! – махнула рукой Матвевна, опершись на палочку. – Была ни была... Скучно мне одной. Светочка, когда котята будут, пойдешь топить, всех не топи! Мне одного оставь...

Нет, я лучше буду гуманистом. Нельзя его одного оставлять.

– Ты у нас кто? Мальчик или девочка? – поинтересовалась я, у твари, которая одинаково подходит под две пословицы «горе от ума» и «одна голова – хорошо, а две лучше!». Мне, разумеется, не ответили. В итоге головы посовещались и решили идти домой. Правда, мне пришлось слегка подтолкнуть их к правильному выбору. Ногой.

– Держи! – мне в нос ткнули букет облетевших цветов в шуршащей обертке.

Я даже боюсь их пересчитывать, глядя на их увядшие головки.

– Чего ты так на меня странно смотришь? Я тут за тобой ухаживаю! – нахмурился Энивальд. – Я сделал все, как нужно. Раздевайся!

Теперь я понимаю, что обручальное кольцо из золота мне до золотой свадьбы отрабатывать придется.

– Может, мне еще лечь, сложить ручки на груди и вывалить язык, чтобы тебе привычней было? – съехидничала я, бросая букет на пол и проходя в комнату. Я сидела, обтекала после скандальной попытки прорваться на кухню и налить себе чайку. «Это – моя лаборатория! Не мешай экспериментам!» – орал обиженный Энивальд, преграждая мне путь. Мне бы колбочку чая для успокоения, однако, нет, не положено! Идет эксперимент! И я сидела, злобно сопела и понимала, что страдания во имя науки и наука во имя страдания – это не совсем одно и то же!

– Сейчас будет романтика! – зловеще предупредил некромант, заглядывая в комнату. – Готовься...

Вот не надо мне тут, если что, тыкать своим приподнятым настроением. У меня и так настроение уже романтическое. Я изо всех сил расстраиваюсь и настраиваюсь на суровую романтику. Мне очень хотелось куда-то улизнуть по тихой грусти, поэтому я надела платье, туфли и только потянулась за ключами, как...

– Держи! – бросил Энивальд, глядя на темень за окном. В моей руке очутилась лопата. – Мы идем гулять!

Ура-а-а! Мы идем играть в песочек! Или к маме на дачу! Других вариантов у меня нет. Хотя, постойте...

Через минуту я не знаю как, но мы очутились на кладбище. В темном небе светила большая луна, листья на деревьях зловеще шелестели, где-то выла собака и гудела проезжая часть.

– Тебе здесь нравится? – поинтересовался любитель дохлятины. – Романтично тут, не правда ли? Тишина, спокойствие...

– Не правда! – поежилась я, прижимая к себе лопату и содрогаясь от суеверного ужаса. Где-то закричала ночная птица, шлепая крылья и слышался скрип дерева.

– Я приготовил тебе сюрприз! – хмуро заметил Энивальд. – Я думаю, он тебе понравится...

Неужели шведский стол на мраморной плите? Конфеты? Хлебушек? Печенье? Не может быть! Это так мило! Целый фуршет! А ничего, что я не по дресс-коду? А то гости... тьфу ты! кости будут меня обсуждать!

– Романтическую прогулку, – тут же развеял весь флер загадки мужик-спойлер. В моей жизни была романтика в районе городского пруда. Пока

один юноша считал себя поэтом, я считала убитых комаров. Комары, так же как и литературные потуги, не думали заканчиваться. И когда мне достали четвертую толстую тетрадь, исписанную мелким почерком непризнанного гения, я не выдержала и пошла домой убирать послевокские классиками.

Листья шелестели на ветру, памятники черными силуэтами вырисовывались во мгле, где-то истошно орала какая-то птица, на полставки подрабатывающая озвучкой в фильмах ужасов. Ветерок шелестел венками и лентами, размокшие от дождя дорожки чавкали под туфлями.

– Я люблю такие места... Они навевают мысли о вечном... О вечной любви, например... – некромант попытался меня обнять, но я скинула его руку. – Светит луна, горят звезды, тишина, очень романтично...

– Вообще – то я замерзла, – простонала я, растирая озябшие предплечья и стараясь не смотреть на фотографии.

– Поэтому мы и взяли лопату. Будет совсем холодно – покопаешь, согреешься, – пожал плечами заботливый Энивальд.

Лопатой, между прочим, можно не только согреться, но и огреть. Это я уточняю на всякий случай.

– Так мило... Так тихо... Давненько я не гулял, – вздохнул некромант, глядя на меня таким взглядом, словно вывез меня на дорогуций курорт.

– Кто здесь? – внезапно раздался сиплый голос, и в нас ударил слепящий свет фонаря. – Пошли вон отсюда! Я кому сказал! Сейчас полицию вызову! Кладбищенские вандалы! Еще и с лопатой! Тузик! Шарик! Белый!

Я уже насчитала трех собак, которые бросились в нашу сторону с лаем. Откуда-то с безвестной могилы на меня ломанулся откормленный блохастик размером с теленка.

– Малыш! Взять ее! – орал сторож скрипучим голосом, обращаясь к облезлому теленку. – Да, да... Они самые... Я мужика уже второй день здесь вижу!

А я вот почему-то мужика не вижу! Он только что стоял рядом, а сейчас его нет! Бросив лопату в сторону собак, Лара Крофт, местная расхитительница гробниц, дернула изо всех сил подальше от братьев наших меньших, искренне полагающих, что царь природы – не настоящий.

Если вы считаете, что кросс на каблуках – удел избранных спортсменов, точно так же как и фигурное катание на шпильках по гололеду, то смею вас огорчить! Если за вами гонится целая стая, отъевшихся на конфетках и печеньках, собачек, вы покажете мастер-класс даже на коньках по асфальту.

Перепрыгивая через оградки, спотыкаясь об гранитные цоколи, скользя на каменных дорожках, задыхаясь с непривычки и глядя сумасшедшими глазами куда-то вперед, я добралась до забора, через который перелезла так быстро, что даже сама себе удивилась. Счесанные руки, синяк на ноге, царапина на бедре от каких-то колючих кустов, сломанный каблук и трасса, которая тянется вдоль черной кромки деревьев – вот все, что я бы назвала таксисту, пытаюсь сориентировать, откуда меня забирать, если бы успела взять с собой телефон и деньги. На скорости мимо меня пронеслась какая-то машина, осветив фарами окружающие красоты. Краем уха я уловила пару аккордов песни и шелест удаляющихся колес, перед тем, как снова воцарилась тишина.

Где-то в глубине души теплилась надежда, что сейчас появится некромант и вернет меня домой, а я буду откисать в ванной, вслушиваясь в кипение чайника. Я даже оглянулась по сторонам, в надежде, что меня ищет не только наряд полиции, но и «романтик». Где же моя потенциальная поддержка и подпорка?

Мимо снова пронеслась машина, осветив меня фарами. При виде меня авто ускорило так, что еле вписалось в поворот. Ребята! А как же фильмы? Почему в них всегда подбирают странных девушек в грязной одежде со спутанными волосами, которые маячат на обочине возле кладбища? Где эти сердобольные люди, всегда готовые притормозить и спросить: «У тебя все в порядке?».

Еще одна машина пронеслась мимо меня, осветив круглыми фарами кладбищенскую ограду. Может, вернуться и сдать сторожу? Чтобы завтра в новостях промелькнула сводка о том, что главный бухгалтер с неустроенной личной жизнью, была поймана при попытке ее устроить с лопатой в районе кладбища? Хотя, могу сказать, что проведывала тех, кто не сдал мне в прошлый раз документы, но кто мне поверит? Фраза «Бухгалтер-некрофил» точно добавит шарма моей биографии, а однажды меня пригласят в студию, чтобы я на всю страну загадочным голосом объясняла, что знаю место, где можно откопать нормального мужика!

Я поборола гордость и стала робко голосовать, в надежде, что сердобольные люди все-таки существуют. В женском сердце, в самом укромном уголке, куда были собраны все девичьи грезы, вера в порядочность людей, мечты о принце на белом коне и прочая наивная ересь, тихо жила старушка-надежда. И прямо сейчас она рисовала мне то, как некромант появляется рядом, берет меня за руку и пудрит мне мозги тем, что отошел на минутку припудрить носик или решил полить кустик от переживаний, но потом вернулся, чтобы героически спасти.

Где-то на кровати валялся мой телефон, который к моему прискорбию, пока не научился предчувствовать беду и вызывать такси в нужное место самостоятельно.

Рядом со мной притормозила респектабельная машина, окно опустилось, выпуская в мир стриженную под ноль голову. В этот момент должна была содрогнуться даже самая непривередливая женщина, потерявшая последний шанс выйти не то, что замуж, но и в люди.

– Почему? – поинтересовался мужик, приглушая ревущую басами магнитолу.

– Что почему? – уточнила я, растирая озябшие плечи и чувствуя, как прогибается нога со сломанным каблуком.

– Хоккей с мечом! Я что? Тебя про семечки спрашиваю? – уточнил тип, критически осматривая меня. С такой рожей я бы дала ему лет пять, причем не условно. Или поставила бы генеральный директором ООО «Утюг и паяльник». – Сколько стоит стандарт?

– Стандарт из какой палаты мер трусов? – до меня доходило так, что если бы я жила в племени индейцев, то меня торжественно нарекли Света 32 мегабайта Оперативки. – Так! Я не по тем делам! Мне нужно в го...

Машина тронулась, стекло поднялось, а меня обдало выхлопными газами. Я побрела вдоль трассы, оглядываясь по сторонам. Было зябко, темно и страшненько. Провожая взглядом редкие машины, я искала глазами хоть какой-нибудь дорожный указатель, который бы помог топографическому кретину выбрать верное направление. Через полчаса прогулки, я увидела в зарослях табличку «Малая Попа...», а следом еще одну «Большая Попа...». Фары автомобиля осветили невинное название «Попановка», но я уже понимала, что двигаюсь туда, куда меня послала жизнь.

Ноги отваливались, супинатор окончательно полетел, а я присела на придорожный камень.

– Неужели нет нормальных? – прошептала я, чувствуя, как накатывает безнадега. – Почему я должна размениваться на моральных уродов? Понимаю, что не идеальная, но это же не повод хвататься за первый попавшийся шанс? Или мне нужно, едва завидев любого холостяка, тут же в два прыжка хватать его за причиндалы и делать из него властелина колец? А может мне еще и планочку требований понизить до «живой», чтобы все говорили, что у Светы наконец-то завелся мужик!

Щемящее чувство безнадеги нарастало, отдаваясь в груди беспросветной тоской. Неужели со мной что-то не так? Неужели все настолько плохо? Я не могу понять, почему кто-то находит свое счастье, а

мне не суждено? И был соблазн схватиться за первого встречного, вцепиться в него, аки клещ, отбивая от полчища голодных подруг по несчастью, сверкнуть обручальным кольцом и наслаждаться чужим храпом под боком, удовлетворенно кивая, мол, теперь можно спокойно есть после шести, отвоевывая жировыми складками все новые и новые просторы супружеского ложа и одеяла.

Я встала, поправила каблук и снова побрела, не разбирая дороги, представляя, как медленно истекает срок годности, который написало на мне общество. Неснимаемый венец безбрачия в свете последних событий стал казаться мне вполне приемлемой альтернативой. Набравшись мужества, вспомнив несколько экземпляров, к которым даже мухи подлетать бояться, лучших представителей местного бомонда, рассуждающих о том, что ищут свой женский идеал, по сравнению с которым меркнут даже голливудские звезды, я слегка успокоилась.

– Мне никто не нужен! – мужественно повторила я, растирая свои покрытые мурашками плечи и гордо вскидывая голову. – Я сама себя обеспечиваю! Я тоже умею разбрасывать носки! Я тоже иногда мою посуду перед едой! Я вполне могу сама валяться перед телевизором и заглядывать в холодильник! Я тоже мог...

Визг тормозов, ослепительный свет фар, который ударил по глазам, порыв ветра, и машина, которая в последний момент вывернула на встречу, пройдя боком и остановившись на расстоянии вытянутой руки.

Тишина. Я чувствовала испарину на лбу и ледяной пот, намертво приклеивающий футболку к телу. Оцепенев от ужаса, я застыла, как суррикат посреди дороги, боясь даже шелохнуться. Белесая дымка поднятой пыли стелилась в свете фар, черный капот отсвечивал слабыми бликами, а за машиной черными змеями ползли дорожки тормозного пути. Кто-то заглушил мотор.

Тонированное стекло слегка опустилось, я приготовилась слушать лекцию о правилах дорожного движения, которая обычно уместается в одну фразу: «Куда прешь, дура!».

– Девушка, а сколько вы стоите? – послышался насмешливый голос.

– Я – бесценна! – огрызнулась я, все еще отходя от пережитого. Ноги подгибались, в голове негодовал дядя Степа – светофор, а любители острых ощущений потирали лапки, в предвкушении свежей порции адреналина.

– А скидки есть? – поинтересовался голос, пока я пыталась заслонить рукой свет фар. – Или акции?

– Ага, беспрецедентная акция! Каждому второму – бесплатно! – фыркнула я, кривясь от яркого света.

– А я у тебя какой? – снова спросил голос, пока я с надеждой поглядывала в сторону обочины, прикидывая, как местное бездорожье уделает чужой внедорожник.

– Тебе повезло! Сегодня – первый и единственный! – осторожно ответила я, чувствуя, как шатается каблук.

– А если по знакомству? – осведомился голос, пока стекло медленно ползло вниз. – Так вот он какой – главный бухгалтер! Ай-я-яй! В машину, наказание мое! А то сейчас по дебету и кредиту получишь! Могу за сальдо ущипнуть!

Из машины вышел демон, улыбаясь мне так, словно всю жизнь мечтал меня увидеть меня озябшую на трассе после неудачного свидания.

– Мы что тут? Конституцией зарабатываем? – ехидно поинтересовался он. – Я тут как давно не практиковавшийся юрист интересуюсь, прибыльно или нет?

– Ты что? Хочешь сказать, что я тут в кустах баланс свожу! – разозлилась я, внутренне негодуя от таких подозрений. Да как он смеет!

– Я бы сказал проще – сдаешь отчетность! – демон тряхнул волосами и закусил губу, давая понять, что он шутит.

– Иди ты! – возмутилась я, хмуро глядя на пыль, которая все еще не осела. – Я тут гуляю, между прочим! Спортом занимаюсь! Я пообещала себе каждый день проходить пару километров.

– Но это был особенный день, поэтому для влюбленной женщины двести километров – не крюк, – демон закатил глаза, разглядывая мою «спортивную форму».

– А ты, я так понимаю, таксуешь? В свободное от работы время? – гаденько заметила я, смертельно обидевшись. – Молодец! Похвально! Ну, и сколько столько стоит добраться до адреса, который ты прекрасно знаешь?

– Не рассчитаешься, – расплылся в улыбке демон так, словно я предложила ему двойной тариф. – А сколько у тебя с собой? Ах, я так понял, что с собой ничего нет... Вот поэтому не рассчитаешься. Животные будут? Дети будут?

– Нет, – вспыхнула я, гордо вскидывая голову. – Я тут за фигурой следить решила! Так, все! Не мешай!

– А я бы мальчика хотел, – рассмеялся демон. – Не обращай внимания! Просто мысли вслух!

Я развернулась и резво пошла вдоль дороги, всем видом давая понять, что у меня конский паспорт. Машина поехала за мной, тихо шурша колесами. Стоило мне остановиться и оглянуться назад, как машина притормаживала.

– Я слежу за твоей фигурой, если что, – заметил фитнес-тренер, ослепляя меня фарами. – Даже подсвечиваю ее, чтобы лучше было видно!

– Я не понимаю, почему ты едешь за мной? – гордо заметила я, глядя на него в пол-оборота. – У тебя что? Других дел нет?

– Понимаешь ли, стар я уже, чтобы за девушками бегать, поэтому предпочитаю за ними ездить, – рассмеялись мне в ответ.

Я гордо шла, вслушиваясь в шуршание колес за спиной. Иногда даже нарочно замирала, слыша, как машина осторожно тормозит.

– Двести один километр! – ехидно заметил демон, высовываясь из окна. – Если ты медленно убегаешь, считай, что я тебя медленно догоняю...

– Иди ты на..., – с улыбкой огрызнулась я, чувствуя, что меня почему-то забавляет эта ситуация.

– Если меня посылают на ..., я, обычно, иду на рекорд! – послышалось позади меня. Мимо пролетали одинокие машины, освещая ночную трассу. – Ночная бабочка!

– Ты кого ночной бабочкой назвал? – возмутилась я, медленно поворачиваясь.

– Ночную бабочку, которая решила покончить жизнь самоубийством на моем стекле! – ответили мне, скребя дворниками. – Вон, смотри, какая моль ко мне тут приземлилась. А я только недавно стекло протер!

Я сделала шаг вперед и почувствовала, как лечу на землю, не ожидая огромной выбоины!

– Приятно, когда девушка при виде тебя укладывается штабелем! Неприятно, когда она это делает с криком: «Будущую свекровь твою!», – дверь машины распахнулась, пока я пыталась встать, проклиная себя за этот неловкий момент.

– Иди сюда, – меня подняли на руки и потащили к машине. – Попалась, которая медленно скрывалась...

Один туфель так и остался валяться на дороге, а я пыталась за ним вернуться.

– Туфелька! – брыкалась я, чувствуя, как в процессе похищения с ноги слетает левый представитель любимой обуви.

– Я – не принц, наказание мое! Я тебя в лицо запомнил! – задыхаясь от сражения со мной, смеялся демон, открывая переднюю дверь машины, пока я провожала взглядом четверть моей зарплаты. – На переднем сидении или в багажнике?

– Так! – напряглась я, нехорошо сощурившись и дернувшись, вспомнив страшные истории про путешествия наивных девушек

автостопом.

– Ты правила дорожного движения знаешь? – в голосе демона прозвучали нотки сомнения. Он снова посмотрел в сторону багажника.

– А тебе для чего? – сомнение, как выяснилось, – штука очень заразная. – Не читал, но осуждаешь? Никакого багажника! Меня в багажнике еще не возили! Я слишком стара, чтобы начинать!

Меня посадили на переднее сидение, закрыли дверь, а сами заняли водительское кресло рядом. Теперь я знаю, что слово «бардачок» произошло от слова «бардак». На зеркале болтался целый лес елочек – вонючек, к приборной панели были приклеены штук восемь разноцветных баночек – ароматизаторов.

– А куда мы собираемся? – поинтересовалась я, вытягивая пыльные ноги и рассматривая машину.

– Если не пристегнешься, то в ад, – улыбнулись мне, поправляя зеркало заднего вида. – Наказание мое, я предупредил!

– Ой, да ладно тебе, – пожалала плечами я, а через секунду поняла, что меня вдавливают в кресло. Если оценивать качество езды и соблюдение правил дорожного движения по шкале «водитель такси» до «пилот гоночного болида», то я бы, пожалуй, ввела новую номинацию «компьютерный автолюбитель с кучей сохранилок». Мамочки!

– Ты что творишь! А если нас тормознут? – взмолилась я, пытаюсь дрожащей рукой на ходу попасть ремнем в коробку. – Я сейчас рожу!

– Отлично! Если что, я скажу, что у меня жена рожает! – заметил демон, разгоняясь на трассе до скорости, от которой меня размазало по сидению. Где-то в недрах многочисленного божественного пантеона оживились все, прикидывая, чьим самым верным адептом я стану по доброй воле! Пока что лидировали безвестные божки культурно-отсталых племен, которые призывались криками: «У-а-а! А! О! Ё!».

– А ничего что мы по встрече! – заверещала я, повиснув на ручке. Скорость была ошеломительной, я даже не успевала ничего разглядеть, кроме обрывочных деталей, подсвеченных фарами.

– А я ведь еще специально спросил, про правила, наказание мое! – улыбнулись мне, глядя на меня с сочувствием. – И вежливо предложил багажник. Кстати, ручка для слабаков!

– На дорогу смотри!!! – молилась я, глядя на несчастный хвойный лесок ароматизаторов на зеркале.

– Так не интересно, – рассмеялся демон, еще притапливая педаль газа. Мы мчались на невероятной скорости, пересекали двойную сплошную, входили в поворот с таким заносом, что вот-вот проложили бы новую

трассу. Где-то от моих односложных молитв – восклицаний вздрагивал весь пантеон, пытаюсь вежливо уступить полномочия по спасению меня друг другу. В итоге спасти меня никто не планировал...

– Да ладно тебе, – меня миролюбиво похлопали по коленке. Нет, я конечно, заметила, что рука как-то на ней подзадержалась, но мне было не до этого. – Это я еще не разгоняюсь. Тащимся, как черепахи.

Внезапно рука полезла мне под попу, которая намертво обняла сидение и поклялась с ним больше никогда не расставаться.

– Ты что делаешь? – ойкнула я, глядя, как мы совершаем тройной обгон по встречке. Я едва успевала сориентировать в мелькании фар, сигналах и шуме за окном.

– Ничего– ничего, – заметил демон, пока я пыталась сглотнуть при виде фуры, которую мы обходили по встречной почти впритирку. – Проверил на всякий случай... Не отошли ли воды...

– Я слишком хорошо знаю правила дорожного движения, поэтому очень хочу в багажник! – икнула я, с мольбой глядя на водителя. – Мы что? На красный?

– Это – не красный, – сладенько заметил демон, когда перекресток остался позади. – Это – розовый...

– Да ты что творишь!!! – занервничала я, округлив глаза. – Двойная сплошная! Да тебя прав лишат! Тормози!

– Не лишат, – спокойно ответил демон, обходя на сверхзвуковой скорости какой-то грузовик. – Как можно лишит человека того, чего у него никогда не было?

– То есть.. Погоди!!! У тебя нет прав??? – инстинкт самосохранения зашелся в немом крике отчаяния.

– У меня есть только гражданские права... И гражданские свободы. Не забывай, я – юрист. Личный адвокат Дьявола, – демон встряхнул головой, а по губам поползла очаровательная улыбка.

Внезапно машина остановилась, как вкопанная, а я уговаривала свои пальцы разжать ручку, попу – отпустить кресло. У меня даже ноги свело от напряжения.

– И все-таки нужно было бы выбрать багажник, – заметил водитель со стажем, а я интенсивно закивала, пытаюсь прийти в себя.

Дверь открылась, я выползла, недоверчиво ощупывая ногами почву, а потом с рыданиями вцепилась в какое-то чахлое деревцо, украсившее собою безлюдную обочину.

– Приятно, когда девушка так любит природу, – умилился демон, пока я пыталась отойти от пережитого ужаса. Я готова была целовать землю за

то, что она есть и за то, что я еще не в ней. Сердце заходило в истерику, руки дрожали, обнимая тоненький ствол. – Не знал, что ты настолько романтична...

Отвечать ничего не хотелось. Почти минутой молчания мои нервы.

– А ничего, что у меня уже нервы сдают? – прохныкала я, пока меня пытались оттащить от дерева. – Ничего, что меня сегодня позвали на романтическую прогулку по кладбищу и бросили наедине со сторожем и собаками? Я слишком устала от этой игры... Ты подсовываешь мне какой-то брак!

– Наказанье моя, вся жизнь – это игра. Всю жизнь мы делаем ставки на что-то. Где-то выигрываем, где-то проигрываем, – меня погладили по голове, осторожно разгибая мои пальчики. – Ты сама просила брак, а брак – понятие растяжимое. Все дело в формулировках!

– Хорошо, – усмехнулась я, пошатываясь. – Давай сюда бумагу и ручку! Сейчас я вспомню формулировки!

Через две минуты я молча отдала ему заявление, написанное на капоте. А вы что думали? Я просто так зарплату получала?

– То есть, по закону, если брак, то я обязан предоставить замену на время свидания? – прищурился демон, подозрительно глядя на меня. – Я склоняюсь к аналогичной модели, но, поскольку свободных кандидатов нет...

Та-а-ак! Продолжай! Скромный бухгалтер зря старалась что ли? Вы слышите, как радуется во мне маленький юрист, посылая лучи добра курсам повышения квалификации!

– Сама виновата. Я хотел по-хорошему, – демон странно посмотрел мне в глаза и молча пошел к машине.

– Ну тогда – до свидания! – надменно бросила я. Да никуда он не уедет! Просто попугает и все! Сомневаюсь, что он бросит меня на обочине дороги ночью, в одиночестве! Так что все под контрол...

Ах, ты!

– Козе-е-е-ел! – этот крик был способен разбудить любую совесть, но машина уже скрылась из виду. На дорогу упала летящая вслед габаритным огням туфелька. Нет! Не докинула! А жаль! – Сволочь! Подлец! Мерзавец!

Унылые кусты, лесополоса и пустая трасса. Отлично! Просто замечательно! Если прислушаться, то можно услышать, как я разочаровываюсь в мужиках!

Я поковыляла вдоль трассы, проклиная весь несправедливый мир и скрипя зубами от досады. Свињи! Ненавижу! Презираю! Горе тому маньяку, который захочет познакомиться с одинокой девушкой, бредущей

босиком вдоль дороги!

Послышался шелест колес. Со мной медленно поравнялся черный капот, на котором лежал шикарный букет алых роз. Машина плавно ехала рядом, пока я краем глаза смотрела на невероятно красивые цветы и ажурную ленту.

Хотелось плакать и смеяться одновременно! Стоило мне притормозить, как машина остановилась. Розы смотрели на меня, а ветер шуршал кружевом, в которое их завернули. Это мне? Точно мне? Или здесь есть кто-то еще? Нет, ну просто... как –то непривычно!

– Ты же сама сказала, что у нас – свидание, – послышался коварный голос. – Или мне послышалось «до свидания»?

– Я тебя ненавижу! – процедила я, глядя, как цветы отражаются в идеальной зеркальной поверхности капота. – Учти, я беру эти цветы исключительно для того, чтобы убить тебя ими!

– Это будет сложно. Я вооружен бутылкой шампанского, – рассмеялся демон, выходя из машины и обнимая меня. – Начнем с банального. Привет? Как дела? Что делаешь? Ты сегодня такая красивая! Вижу, готовилась! А я-то думаю, почему ты опоздала? Ты просто готовилась со страшной силой! Я звоню тебе, звоню, а ты все не отвечаешь... Я уже думал, что ты не придешь! Красивое платье! Ой! Это же футболка с юбкой! Вот эта, кстати, тебе очень идет! А это – самая лучшая грязь, которую я когда-либо видел! Куда поедем? Может, в ресторан?

– В таком виде я хочу только на необитаемый остров! – я посмотрела на пыльные ноги и сдула прядь спутанных волос с лица.

– Как скажешь! – меня с цветами утащили в машину, которая снова понеслась по трассе. Я не знаю, что произошло, и откуда взялся этот туман вокруг, но через минуту туман рассеялся, и машина встала, как вкопанная. Мне вежливо открыли дверь и помогли выйти. Вокруг был песок и огромные валуны, которые смачно облизывали пенящиеся волны. Не помню, чтобы в нашем городе и в окрестностях самой востребованной профессией был моряк! Если к нашему городу внезапно и причалит чей-то флот, то исключительно по вине тех, кто не следил за исправностью канализации!

– Море! – ахнула я, протирая глаза. – Не может быть! Откуда у нас тут море? Да тут поблизости... погоди! А мы точно... Нет, такого не бывает!

– Да что ты говоришь, наказание мое! Хотя нет, ты права. Просто дождик был – осталась лужа! – заметил демон, пока я недоверчиво пропускала сквозь пальцы прохладный песок и ракушки. Раздался хлопок, и мне протянули бутылку шампанского, из которой вытекал ароматный

дымок.

– А где бокалы? – с укором спросила я. – Или пить из горлышка?

– Из горлышка, – растерли руками мои плечи. – «Так романтичней!» – хотел сказать я, но просто забыл бокалы. Вот такой я нехороший!

– А закусывать шампанское чем? – я сегодня была очень привередливой девочкой.

– Друг другом! – демон смеялся, пока я делала первый глоток. В носу защипало, я прокашлялась и отдала ему бутылку, вслушиваясь в шелест волн, которые подбирались все ближе и ближе к босым ногам. – Твоя очередь!

Мою пятку лизнула волна, которую я попыталась догнать, оставляя вмятины на мокром песке. Неужели это – правда? Неужели это все по-настоящему?

– За такое свидание, – усмехнулась я, делая большой глоток и глядя на демона. – Я готова была продать душу дьяволу! Слушай, а если я искупаюсь? Только у меня купальника с собой нет...

У меня была такая зарплата, что единственное море, на которое я могла рассчитывать – это не просыхающая лужа возле дома! А тут отпуск, море... Все, как у людей!

– Купайся! Я обещаю, что не буду смотреть на тебя, пока ты купаешься! – услышала я, глядя как демон отворачивается от меня вместе с бутылкой. Бутылку я отобрала, сделала глоток для храбрости и стала снимать с себя футболку и юбку.

Прохладная, соленая вода, чувство невесомости и волны, которые ублаживали меня, качая на поверхности. И тут меня внезапно схватили за ногу и потащили вниз. Сомневаюсь, что у судороги холодные большие руки. Через пару мгновений меня отпустили.

– А ты что здесь делаешь? – я увидела знакомое лицо в обрамлении мокрых зеленых волос, всплывшее рядом. – Ты выбрала меня? Я так рад! Надо познакомить тебя с моими братьями и сестрами! Эй, икра!

– Греби отсюда, – послышалось с берега. – Давай, давай, сборная по плаванию, иди на рекорд! И передай остальным шпротам, что пусть только попробуют ее тронуть. Тут будет не море, а бычки в томате.

– погоди! – возмутилась я, подплывая к берегу и глядя как ретируется Оху. – Ты же, как бы не смотришь!

– Ах да, я и забыл! – послышалось с берега. Я видела темный силуэт, стоящий возле машины, слышала, как на капот поставили бутылку шампанского. Еще немного поплавав, я вышла на берег, отряхиваясь и выжимая на себе мокрый бюстгалтер. Нет, ну ведь здорово!

– Так! А где моя одежда? – подозрительно осмотрелась я по сторонам в поисках юбки и футболки. – Я же ее здесь оставляла! Вот конкретно на этом месте! Куда она делась? Это уже не смешно!

– Воровство на пляже – обычное дело! Ходят тут всякие! «Пахлава! Семечки!». Ты же сама сказала не смотреть, вот я и не смотрел! – мне не глядя протянули бутылку шампанского. – И сейчас не сморю.

Я протянула руку, чтобы принять бутылку, а тут меня схватили, обняли и усадили на капот.

– Зря ты меня спросила, чем закусывать будем! – уголок его губ дрогнул вместе с моим сердцем. На меня накинули пиджак. – У нас ведь ничего нет... Нет ни коробки конфет, ни шоколадки... Надо как-то выкручиваться ...

Мое лицо приподняли, чтобы поймать губами мой нервный выдох. Легкий поцелуй со вкусом шампанского кружил голову так, что мне казалось, я сейчас растворюсь в воздухе. Если один поцелуй – это опьяняющий глоток шампанского, то за два часа мы с огромным удовольствием приговорили три бутылки. Я никому не скажу, что у него под расстегнутой рубашкой, спрятался мой нежный поцелуй. А чтобы одинокому поцелую было не скучно, я решила не останавливаться на одном. Демон тоже в долгу не остался, подлезая рукой под кружево и осторожно приспуская его. Но мы были очень скромными первооткрывателями, поэтому решили наслаждаться пока что разведанными просторами, изучая поцелуями все достопримечательности. Его поцелуи спрятались под кружевом, которое на мне аккуратно поправили, накидывая на меня свой пиджак.

– И попробуй только выкрутиться, – прошептал новый глоток. Ветер трепал мои мокрые волосы, заботливые руки оборачивали меня в пиджак, а я старалась не думать о том, что это – настоящий рай... Я уже не слышу, что он говорит. Меня штормит. В крови бушует шампанское, вокруг бушует море. Усилившийся ветер приносил соленые брызги, а рокот волн заглушал слова.

–... шторм, – задыхался демон, прижимаясь лбом к моему лбу. Меня звонко поцеловали в ухо. – Ты слышишь, что я тебе говорю? Шторм, говорю, идет... Буря. Держи, последний глоток!

– Я желание загадаю! – обрадовалась я, глядя на бутылку. – Ручка и бумага есть? Сейчас напишу! Сможешь как-нибудь затолкать пробку обратно?

– Пиши! – вздохнул демон, протягивая ручку и бумагу. Я придерживала бумагу на капоте рукой, пытаюсь быстро написать свое

желание. Что-то я была многословна, а ветер настойчиво вырывал у меня листок. Неровные буквы скакали, размываясь каплями воды. Свернув в трубочку листок, я протянула пробку и бутылку. Щелчок пальцев и пробка снова оказалась в бутылке! Не думала, что ему такое под силу! Я размахнулась и бросила свое послание в воду, глядя, как его накрывает волнами.

– Что загадала? – поинтересовались у меня, пока я таинственно молчала и загадочно улыбалась, кутаясь в чужой пиджак.

– Секрет, – сладко ответила я, садясь в машину. Дворники смывали брызги волн, на заднем сидении лежали цветы, а машина медленно отъезжала в туман. Через минуту мы с первыми лучами солнца были возле моего подъезда. На скамеечке сидела делегация по нравственному воспитанию молодежи, нахохлившись, как воробьи.

– Иди, давай, – заметил демон, глядя на меня с загадочной улыбкой, припарковавшись напротив моего подъезда. – Пиджак потом отдашь.

Конец Светы, а точнее ее репутации, наступил в тот момент, когда я вышла со счастливой улыбкой из красивой машины босиком, под утро, кутаясь в мужской пиджак.

– Вот! Я же говорила! – Матвевна покачала головой, словно застучала меня в процессе древнеримской оргии, проходившей официальненько, в количестве пятидесяти человек, среди которых я – была единственной женщиной. – Пропала девка!

Я принялась. Да, слегка пропала. Волосы пахнут морем, чужой пиджак пахнет сладким табачным парфюмом, а босые ноги были в песке. На губах все еще стыли сладкие поцелуи, а перед затуманенными розовым флером шампанского глазами, вставали невероятные впечатления.

– Пятый он у нее уже, – продолжала экскурс в мою биографию и в мои трусы Матвевна. – Кабы не шестой!

– Да восьмой он, восьмой! Как сейчас помню, как ее пьяную несли из машины! Орала так, что весь дом перебудила, – покачала головой бабка с соседнего подъезда, скорбно поджав губы.

– Зато теперь мы знаем, кто поджигает почтовые ящики и гадит в подъезде! – подвела итог Матвевна, поглядывая на меня всевидящим, но слегка близоруким, оком.

Я, вины за собой не чувствуя, поднималась на крыльях маленького женского счастья на свой этаж. Дойдя до двери, я увидела, что она закрыта. Ключей у меня с собой не было. Постучав и разглядывая свои босые ноги, я прислушалась. За дверью раздались шаги.

– Иди туда, откуда пришла! – послышался высокомерный и

недовольный голос. Нет, определенно так изящно мне не желали смерти.

– Открывай дверь! – процедила я, чувствуя, как холодит ноги пол подъезда. Я постучала еще разок.

– Проваливай, – слышался неприятный голос. – Мы с тобой только начали отношения, а ты уже всю ночь где-то шлялась.

– А ничего, что ты меня бросил посреди, так называемого, свидания? – возмутилась я, кутаясь в чужой пиджак. – И я пешком шла домой!

– Где твоя одежда? Почему ты в таком виде? – раздалось в ответ, а я поняла, что некромант постиг искусство заглядывания в глазок.

– Мне же нужно было как-то добраться домой! Одежду пришлось продать! – я забарабанила, что есть силы в дверь. Кто-то поднимался по лестнице, охая и кряхтя на все лады. На моей площадке появилась Матвевна.

– Дверь захлопнула, ключи забыла дома, – извиняющимся голосом заметила я, пытаюсь изобразить вежливую улыбку под названием «Все под контролем».

– Ох, нагулялась! Видала я твоего нынешнего! Позор тебе, муж дома сидит с детьми, а ты тут разгуливаешь с мужиками! Позор! Поделом тебе, изменщица! Правильно, не пускай ее! А дитям скажи, что загуляла мамка! Чтоб такими не были! – погрозила сухонький пальчиком Матвевна, с которой я бы в одной разведке не служила и на спецзадания не ходила. – Гулящая девка – горе в семье! Я же тебя оттакусенькой помню! Ладно-ладно, дам тебе запасные, что хозяин оставил. Еще раз загуляешь – ничего тебе не дам!

Через три минуты я открыла дверь, глядя на мрачного Энивальда, который стоял в коридоре, поджав губы и скрестив на груди руки.

– Значит так, да? Везде бардак у нас, везде пыль и грязь, а она где-то шляется! Ничего, когда мы поженимся, я тебя перевоспитаю! – впервые Мендельсон заиграл в голове как – то тревожно. Я была готова обложиться кошками и котами, чувствуя, что ни один мужик не подарит мне более теплую шубу, чем котики в период линьки!

– Где лопата? – внезапно и подозрительно поинтересовался некромант, прикидывая, куда я пристроила вверенный мне хозинвентарь. Уж не думала, что он подотчетный. – Ты что ее потеряла?

На секунду мне показалось, что именно отсутствие лопаты спасает жизнь кандидату на мою руку и сердце!

– Нет, я ее оставила, – едко заметила я, а потом пошла в контрнаступление, вспомнив про встроенную в каждую женщину «пилу». – Я хочу тебе сказать, отличное получилось свидание! Только не говори, что

ты вспомнил, что забыл дома что-то очень важное, при виде сторожа и бобиков? Ой, да нет же! Постой! Дай-ка угадаю! Тебя срочно вызвали на заседание! И выделили тебе отдельный конференц-зал, с вмурованным в плитку керамическим стулом? Хотя, постой! Я знаю! Ты решил вернуться за курткой для меня? Какой же ты заботливый!

– Рот закрой! – отрезал жених, которого смело можно называть котиком. Кто, как ни котик, дома ведет себя по-хозяйски? Но стоит вынести его на улицу, как приходится бежать домой за стамеской и отковыривать перепуганного зверя от асфальта, к которому он припал, выкатив глаза из орбит? – Я – ректор Академии. Я поступил абсолютно правильно. Меня не должны видеть на кладбище, ибо это сильно ударит по моей репутации! Ты должна это понимать! Люди не любят некромантов.

Я, кстати, тоже – не исключение! Некроматов мне на него не хватает!

– Проси прощения! – Энивальд высокомерно вскинул голову, глядя на меня, как на жалкую букашку. – На коленях! Жена должна беспрекословно подчиняться мужу! Ничего, я тебя перевоспитаю!

Я вздохнула, опустила голову, а потом одним прицельным движением ударила его ногой под коленку.

– Извини, пожалуйста, – елеиным голоском заметила я. – Теперь мне хотя бы есть за что извиняться!

Ошеломленный некромант осмотрелся по сторонам, в руке у него вспыхнул фиолетовый огненный шар. Я даже не поняла, что произошло, как в глазах все помутнело, а в голове затуманилось. Ленивые, как сонные мухи мысли перемещались, а потом раздался голос:

– Мой!

Мне в руки сунули тряпку и ведро. Я, сама от себя того не ожидая, присела на колени и стала что-то тщательно надраивать с усердием Золушки, которой пообещали целый гарем принцев, если пол будет блестеть, как у кота самомнение.

– Тщательней! – приказал голос. Я почувствовала себя пылесосом на голосовом управлении, перемещаясь с ведром по коридору. – И под плинтусом пыль протри! Я кому сказал! А теперь скажи мне, что любишь меня!

– Я тебя люблю, – тихо выдала я, сама от себя не ожидая этих слов. В голове стоял туман, сквозь который пробивались какие-то странные, бессвязные обрывки мыслей.

– А здесь, почему грязно? Оттирай! – снова приказали мне, пока я против своей воли ползала с ведром по коридору. Да, такой генеральной уборки у меня давненько не было. Судя по всему, даже тараканы под

плинтусом теперь чистенькие и пахнут лавандой.

– Мне нравится такая жена! Молодец, – меня потрепали по голове, как собачонку. – Заслужила! А теперь марш на кухню!

Дальше я плохо помню. Начала с подоконника, а очнулась, шаря тряпкой под кухонным шкафом. О! Макаронина! А это у нас что? Не может быть! Стратегические залежи риса! Я не знаю, сколько времени прошло, но руки уже отваливались не только по локоть, но и по плечи.

– И кто у нас тут такая хозяйюшка? – слышался голос, который показался мне смутно знакомым. – И кто это у нас такой чистюля? Наказанье мое, это я не тебе. Просто я планирую собственноручно кому-то что-то оторвать.

Раздался щелчок, и я очнулась с грязной тряпкой в руках. Через минуту, я ставила чайник, нежно поглаживая его ручку и украдкой глядя на демона, а по кухне с ведром в женском переднике ползал угрюмый некромант.

– Да как вы смеете! Я же ректор! – возмущался Энивальд, брезгливо держа тряпку двумя пальцами. – Это женская работа! Я, между прочим, мужчина!

– Ненадолго, – зевнул не выспавшийся по моей причине демон, размешивая свой чай. – Тебе еще унитаз мыть! Скрытый уровень! Бонусная игра! Видел я тот унитаз! Там отвертка нужна!

– Я туда рукой не полезу! – возмутился некромант, переключившись в сторону туалета. – Как мерзко! Фу!

– Возьми стамеску! С ней будет не так страшно! – нежно заметил демон, отставляя чай, и вкладывая в руку некроманта стамеску. – Теперь ничего не бойся. Мы с тобой! Не переживай! Мы для моральной поддержки постоим у тебя над душой. Если что-то оттуда вылезет и случайно тебя сожрет, будет кому рассказать о твоей безвременной кончине.

Энивальд сглотнул, посмотрел на меня взглядом, преисполненным ненависти, скривился, как косточка персика, и медленно стал засовывать руку в последнее пристанище пищи. Слышалось хлюпанье и робкие удары.

– Во глубине сибирских руд, храните гордое терпенье, – торжественно прочитал демон, пока некромант передергивало от увлекательного процесса. – Разницу между сталактитами и сталагмитами знаешь? Нет? Учи, пригодиться! Давай, гномик, не останавливайся! Если что-то блестит, это – не золото! Это – эмаль!

Демон наклонился, взял мои руки и поднес их к своим губам, пока

ректор занимался добычей бесполезных ископаемых в керамическом заповеднике, до которых у меня так и не доходили мои... мои... Я чувствовала, как целуют каждый пальчик, а сердце нежно ёкает, глядя на улыбку. Ну я так понимаю, что золотые... Ай! Кто меня за пальчик нежно укусил? ... золотые руки.

– Есть мужчины, которым от женщины нужны только рука и сердце, – усмехнулся демон, глядя на меня, а я бережно убрала с его лица прядь волос, чтобы как бы невзначай провести рукой по его щеке. – Потому что ее руки будут мыть, стирать, убирать, а сердце любить и прощать.

– А тебе что нужно? – негромко поинтересовалась я, глядя на свои руки в чужих руках. Мне совсем не холодно, а меня согревают.

– У демона и романтика есть много общего. Их интересует исключительно душа! – рассмеялся один дьявольский романтик, поцеловав мои пальцы. Раздался «хлюп!». Мы повернулись в сторону некроманта, который только что утопил стамеску. Демон потом бросил тяжелый взгляд на «шахтера», рассматривающего целый пласт. – Многоуважаемый археолог, не нужно делиться своими находками! Но если тебе так нравится, можешь взять себе сувенир. Разрешаю. Сделаешь дырочку и повесишь на шею. Ладно, мне действительно пора на работу!

– Поверь мне! Тебе это с рук не сойдет! У меня – длинные руки! – огрызнулся некромант, сдувая волосы со вспотевшего лица, когда демон исчез. Напоследок мне улыбнулись, показывая взглядом, что руки у кого-то не такие длинные, как язык.

Длинные – это хорошо! Значит, экспедиция под кровать, куда не ступала людская нога, куда не дотягивалась ни швабра, ни тряпка состоится! Ура, товарищи! Ура!

– Да я тебя прокляну за это! – бухтел под кроватью Энивальд, выгребая комья пыли. – Ничего, ничего... Я с тобой поквитаюсь! Недаром я – ректор Академии! Я на тебе отыграюсь!

Вообще-то я – не пианино, чтобы на мне отыгрываться.

– Воду поменяй, – вздохнула я, допивая чай и понимая, что счастье рабовладения, увы, – не вечно! Ровно в шесть часов от некроманта и след простыл! На полу лежала мокрая тряпка, стояло ведро, а в квартире была такая чистота, которой я отродясь не помню! Хозяин мне должен спасибо сказать, за такую генеральную уборку. Жизнь налаживалась, настроение поднималось.

– Он сейчас придет! – я расплылась в мечтательной улыбке. Но время шло, а демона все не было. Зато на кухне поверх закрытого ноутбука лежали акты, записка и конфетка. «Прости, я занят. У меня мало времени!».

Даже съеденная конфетка не могла растворить ту горечь обиды, которую я испытала, при виде этой короткой записки. Я молча выбросила бумажку, скатав ее в маленький нервный шарик.

Я сидела на стуле, чувствуя, как у меня дергается глаз. Часы отсчитывали последние минуты моей спокойной, одинокой жизни. Шкура с двери была снята, а коридор отлично просматривался.

Когда стрелки часов сошлись вместе на цифре «12», раздался такой пронзительный вой, словно внезапно возмужавшему соседскому пекинесу дверью резко и больно ограничили данное природой право иметь потомство!

– Где он! – слышался разъяренный рык. – Я его чую! Он где-то здесь! Ты от меня не спрячешься, жалкий чернокнижник! Я тебе отомщу! За все отомщу!

Кажется, я знаю, кто это...

Глава восьмая. Волк и жми на тапочки

– Не бойтесь! Пес кастрирован!

Мысль о том, что сейчас в моем коридоре сидит тот самый оборотень – рогоносец, меня сильно подбадривала сделать дырку к соседям и успеть смыться до момента незабываемой встречи. А ведь когда-то в глубоком детстве я слезно умоляла родителей купить мне «вот такусенького щеночка», но мама и папа были категоричны. Возможные лужи на полу их очень смущали. А вот теперь я чувствую, что скоро оборотня тоже будет смущать на полу небольшая лужа. Еще бы! Три кружки чая!

– Где ты, гнида! Р-р-разорву на клочки! Попадись ты мне, колдунишка поклятый! – рычал очень дружелюбный песик в коридоре, пока я прикидывала пути к отступлению. На данный момент был только один – на тот свет.

На кухню влетел крупный, свирепый мужик, обводя желтыми глазами мой кухонный гарнитур. Потянув воздух носом, он остановил взгляд на мне. Взгляд у него был тяжелый, но умный, лицо суровое и хищное, как будто его вытесали из камня. На щеке у гостя красовался старый шрам, словно однажды он предпринял отчаянную попытку искупать крупного и нервного кота.

– Где этот колдун? Отвечай! Я его р-р-растерзаю! – свирепо засопел оборотень, хищно осматривая все уцелевшие достопримечательности моей квартиры.

– Эм... Простите... – замялась я, не выдерживая свирепого волчьего взгляда и отводя взгляд. – У вас как бы была ... эм... невеста... У меня вопрос? Что вы здесь делаете?

– Была! – оборотень сжал кулаки и сверкнул глазами. Он злобно засопел, давая мне понять, что тема очень злободневная. – Уже нет невесты.

А вот это уже плохие новости. Чую, что Красная Шапочка не дошла до бабушки, а пирожки стали поминальными.

– Она сбежала к эльфам! Изменница! Я был с ней запечатлен, полюбил с первого взгляда! Твар-р-рь! – оборотень почесал гриву каштановых волос, достал из нее что-то, попробовал на вкус, а потом сплюнул. – Проклятые блохи!... А потом я узнал, что могу запечатлеться с любой девушкой из вашего мира. И вот я снова запечатлен. Теперь ты – моя будущая жена!

Решено!

– Что? – икнула я, поднимая брови и понимая, что у меня в ответ на предложение есть встречное, косвенно связанное с расставанием и путешествием. – Может быть, впечатлен?

– Запечатлен! – огрызнулся мужик, смерив меня нехорошим взглядом. – Я увидел тебя и понял, что ты будешь моей. И мне все равно, что ты об этом думаешь! Когда я не знаю, чего больше хочу – растерзать тебя или любить, это называется «запечатление».

Это называется «статья уголовного кодекса, которая тонко намекает местами не столь отдаленными, что насильно мил не будешь»!

– Я – Рудольф, альфа в своей стае, – обнюхали меня с прищуром, подходя поближе.

– А я, судя по отзывам старушек у подъезда, – местная лямбда, – ответила я, надеясь отбить у «впечатлительного волчка» любое желание кусать меня «за бочок». Даже нежно. Где-то в голове детский голосок читал с радостным захлебыванием и фефектами фечи стишок: «Я – жлой и штрафный шерый волк. Я в попаданках жнаю толк! Р-р-р!».

– Я вот не могу понять, либо мне показалось, либо этот помойный некромант был здесь? – подозрительно приняхивался оборотень, скривившись так, что я на всякий случай проверила антиперсперант. – Странный знакомый запах...

– Нет, я просто мусор забыла вынести, – осторожно заметила я, намекая, что лучший выход из любой проблемы – дверь. Никогда с таким энтузиазмом я не искала выход из сложившейся ситуации, вооружившись пакетом с мусором, но меня никуда не пустили, перегородив собой дорогу.

– Держи кольцо! – мне протянули какой-то старинный перстень с камнем, похожим на луну, который поигрывал на свету странным голубоватым отблеском. – Теперь ты – моя!

Как же так? Эстафета, а я не в кедах? Мне тут переходящее знамя «Теперь ты – моя любовь!» вручили, а торжественные фанфары так и не выдули ничего прилично-торжественного, хор мальчиков-зайчиков не запищал что-то бодрое и оптимистичное, зато где-то тоскливо заиграл одинокий скрипач, пуская скупую слезу.

– Эм... Мне как-то неловко принимать такой подарок... – заерзала я, чувствуя, что где-то на меня с прищуром смотрит Мендельсон. «Я тут тебя жду, ожидаюсь!», – кивнул композитор. А тетка из местного ЗАГСа уже позвонила своему парикмахеру и купила новое платье с розочкой, прокашливаясь и репетируя: «Светлана! Согласна ли ты...».

Один грозный рык ученого горьким опытом, и я почувствовала себя

самкой синицы в руках, которую поймали и окольцевали, пока где-то летал неокольцованный журавль.

– То-то же! Я же сказал, что мы запечатлелись! – произнес местный фотограф. – И попробуй только мне изменить! Я измену не прощаю!

А если я изменю не вся, а как бы по частям? Мне последнее время сильно изменяет нервная система и левый глаз с нервным тиком. Я проверяла. Это – измена. Станный запах неприятностей, следы предыдущих расстройств, задержки хороших новостей, оправдания несовершенству мира, бегающие глаза, дрожащие колени, – на лицо все признаки измены.

– Я уже научен горьким опытом! Я уже дал одной свободу! За что она так со мной? – взвыл рогатый Рудольф, пока я думала про то, что у каждого оленя Санта Клауса своя грустная история. – Магии хочу учиться! Ага! Видел я ту магию! Донесли мне, что она снюхалась с некромантом! Я сначала не поверил! Он же воняет трупами. А ведь она была такой красивой... Вы с ней чем-то похожи...

Оборотень проскулил, обхватил голову руками и посмотрел на меня взглядом побитой собаки. Я должна быть слегка польщенной, получив комплимент «повторного употребления»? Увы, я еще не настолько отчаялась, чтобы радоваться хриплому: «Вашей маме зять не нужен?», спешно проходя по темной подворотне.

– Запах у вас похож... Ты, конечно, не такая красивая, как она, но тоже ничего, – горестно вздохнул страдалец, снова разочаровавшись в моих внешних данных. – Я ее увидел однажды... В лесу заблудилась... И все! Сразу же запечатлелся! Длинные светлые волосы...

Я посмотрела на свои русые волосы, которые в последнее время решили покинуть меня на нервной почве, оставаясь целыми пучками в раковине и на расческе.

– Огромные, как бездонные озера, синие глаза... – проскулил оборотень – рогоносец, пока я подозрительно прищуривалась обычными, серыми. – Талия – ну просто рукой обхватишь...

Я попыталась втянуть живот, но тот запротестовал, мол, куда еще, намекнув, что однажды мы вместе с животиком проходили мимо спортзала и даже подумывали зайти и записаться, но потом он жалобно заурчал, и я его пожалела.

– Ноги – длинные, стройные... – продолжал добивать молотком мою женскую самооценку брошенный на произвол судьбы волчок.

Мои вполне обычные ноги, которые растут не из ушей, а из места стандартного и природой спроектированного, были поджаты под табуретку.

– Я помню, как зайчонок посмотрела на меня... Знаешь, у нее была такая привычка, проводить рукой по шраму... Ведет пальцами и смотрит в глаза, не отрывая взгляда... А еще Зайчонок любила, когда я облизывал ей руки... Она зарывалась ими в мой мех...

То, что именно этот мужик способен обеспечить мне свитерок и теплые носочки в период линьки, становилось понятно, когда я разглядела бурую шерсть на его одежде. Не каждый мужик может похвастаться тем, что из него можно вязать свитер! Далеко не каждый! А вот то, что из него можно спокойно вить веревки – это новость.

– Но больше я не допущу такой ошибки! Нет! – внезапно и очень даже темпераментно заявил Рудольф, ударяя кулаком по столу. – Я дал ей слишком много свободы, понимаешь? Я позволял ей слишком многое! Я – альфа своей стаи чуть не превратился в коврик для ее очаровательных ножек, которые так бы и целовал! Уууу! И где она сейчас? Снюхалась с ректором, потом с эльфом! Я р-р-решил начать все с начала с тобой! У нас все будет по-другому.

Отлично, он вполне может начинать новую жизнь, пока я буду спокойно продолжать старую. Пусть начинает ее сколько влезет! Со своей стороны в такое позднее время я могу послать его туда, откуда бедолага ее начал когда-то давным-давно.

– Ты куда? – глаза оборотня сверкнули, когда я встала со стула и направилась в сторону комнаты. С ним шутки были явно плохи. – Говори, куда идешь!

– Умыться и почистить зубы! – отозвалась я, запахивая халат и искоса поглядывая на гостя с матримониальными намерениями. Кольцо чуть не слетело с пальца, но в предвкушении неприятностей, я его удержала.

– Я пойду с тобой! – прорычал Рудольф, глядя на меня с таким подозрением, словно из унитаза мне помашет рукой любовник, мол, дорогая, все хорошо, я тут смылся по делам! По большим и малым!

– В туалет я могу сходить и одна! – настаивала я, но оборотень встал и последовал за мной, злобно и ревниво сопя.

– Нет! Я тебя никуда не отпущу! Рядом! – скомандовал он, ведя меня под конвоем в санузел. Не хватало еще живого коридора, отдающего мне честь, фанфар и барабанной дроби, чтобы прочувствовать всю торжественность момента! Раздайся грязь, Ее величество Светлана Вторая В Послужном Списке Оборотня решила освежиться!

Пока я чистила зубы, искоса поглядывая на ревнивца, он недовольным взглядом осматривал мои удобства. На всякий случай он заглянул в корзину для белья, проверил шкафчик для порошка и прочей дребедени.

Создавалось впечатление, что вот– вот на него выскочит стая голодных любовников!

– А как она пела... Зайчонок пела мне песни и играла с моим хвостом... – слышался мечтательный голос, который тут же стал суровым. – Достаточно! Ты уже и так долго тут возишься. Ни на минуту оставить нельзя! Я вас, женщин, знаю. Стоит отвернуться, как все! Уже с другим снюхались!

Я сплюнула зубную пасту, поглядывая на конвоира. На ночь я решила расчесать волосы по старой привычке.

– Зайчонок так улыбалась, когда я чесался, – задумчиво заметил Рудольф, закусывая губу, а потом поднял глаза на меня и взгляд у него стал суровым. – Ждешь, когда мне надоест, и я уйду? Не дождешься! Теперь мы вместе навсегда!

Слово «навсегда» меня пугало даже больше, чем слово "вместе". А в комбинации они производили непередаваемый эффект.

– Ты для кого это прихорашиваешься? – подозрительно спросил ревнивец, стоя у меня над душой, когда я наносила крем для лица и поправляла волосы. – Никаких ваших «красотулек»! Одна уже навела красоту! В Академию, в Академию! Да брось ты свои прихорашивания! Запрещаю тебе красоту наводить! А то потом мужики рядом вьются! Я кому сказал!

– Выйди за шкуру, я ... – сглотнула я, глядя на кристально-чистый унитаз. После долгих и мучительных уговоров, волк согласился, карауля меня за одеялами.

– Теперь спать! – приказал оборотень, когда я легла на кровать. – Не бойся. Мы с тобой поженимся в следующее полнолуние! Вот попробуй только мне изменить! Я тебя на кусочки разорву!

– А что у нас считается изменой? – поинтересовалась я, чувствуя себя после генеральной уборки не Красной Шапочкой, а натурально ее дряхлой Бабушкой, у которой спину ломит и кости гнет при одном упоминании о почетном физическом труде.

– Изменой считается все! Если я увижу тебя в объятиях другого – я перегрызу вам глотки! Если я увижу тебя рядом с другим мужчиной, и мне покажется, что ты на него посмотрела – это измена. Если ты подумаешь о другом мужике, будешь мечтать о нем – это тоже считается изменой! – сурово ответил, увы, не одинокий в своих суждениях волк.

Ревнивец – телепат, подозрительно прищурился на меня своими желтыми глазами, как бы сканируя мою ауру и чакры на предмет чужеродных мужских тел. Я даже, интереса ради, подумала о том, как

здорово целоваться, кутаясь в чужой пиджак, сидя на капоте чужой машины. Вспоминала я это очень детально, наслаждаясь каждым поцелуем со вкусом шампанского.

– Если я узнаю, что ты тайком с кем-то встречаешься, можешь мне ничего не говорить и даже не пытаться оправдываться! – грозно продолжал Рудольф. Я слегка успокоилась. Экстрасенс из него так себе... Можно мечтать дальше... Да, да... Я тебя внимательно слушаю.

– В полнолуние мы с тобой станем истинной парой! – резюмировал все вышесказанное жених, скрипя зубами от ярости.

– А можно вопрос? Что такое «истинная пара»? – поинтересовалась я, поджимая одеяло, как старенькая бабушка, которую очень хотят съесть. «Как волкам не веселиться, не грустить от разных бед. Ведь в желудке поселился замечательный обед!».

– Истинная пара – это любовь с первого взгляда. Те, кто предназначен друг другу с рождения! Первые друг у друга и единственные! Вместе навсегда! – отозвался оборотень, проверяя шкаф и заглядывая под кровать, а потом бросая косой взгляд в мою сторону.

– Почему под кроватью чисто? Любовник все вытер, не так ли? – наседал Рудольф, не веря в мои хозяйственные способности. – Я тебя предупредил! Попробуй только изменить! Я с тебя шкуру спущу!

Порадовать его очевидным фактом, что я у него далеко не первая, или огорчить тем, что он у меня в данный момент не единственный? С этими мыслями я улеглась спать, опасливо поглядывая на гостя, который ходил по комнате и что-то рычал себе под нос.

Проснулась я ночью от того, что кто-то воет, причем так громко и страшно, что у меня затряслись поджилки.

– У-у-у! – выл огромный волк, стоя среди комнаты и поднимая морду вверх. – У-у-у-у!

Ему подвывал соседский пекинес писклявенько и с твяканьем, намекая на то, что однажды один чахлый-чахлый и мелкий-мелкий волк нашел не менее чахлую волчицу и стал его прародителем. Где-то недалеко завыли все соседские шавки от мала до велика. Хор кабыздохов, исполняющих лунную сонату, решил повторять на бис каждое завывание. За стенами раздался сонный голос: «Да что ж такое!». Пекинес чуть не выбыл из игры, после встречи с хозяйски и писклявой партией. Сквозь шторы просвечивала почти полная луна, тревожно прячась за облаками.

Если бы можно было засунуть подушку в уши, я бы с радостью это сделала, а вот если ее можно было бы засунуть кому-то в пасть без риска для жизни, то за мной бы не заржавело. Меня почти час утешала пословица

«что-то в лесу сдохло», потому что вместо «что-то» я подставляла слово «волк».

– Она меня бросила... У-у-у-у! – выл оборотень, пока соседи тоже мечтали в него что-то бросить в качестве компенсации судьбы. Что-то увесистое и тяжелое. Нечто, что прекратит его страдания раз и навсегда.

– За что? У-у-у-у! – снова выл Рудольф, поднимая морду вверх. Соседи задавали примерно тот же вопрос, прикидывая у кого есть лицензия на ношение огнестрельного оружия и на отстрел диких животных.

– Это несправедливо! У-у-у-у! – горестно завыл жених. Соседи соглашались, что справедливости в этом мире уже нет, мечтая отвлечь его от страданий пинками и затрещинами. Помочь, так сказать, в меру своих возможностей.

– Я ведь так любил ее! Я был с ней добрым и отзывчивым! У-у-у-у! – причитал Рудольф, подвывая и скорбно опуская морду в перерывах. На счет добрым – не знаю, на счет любящим – сомневаюсь, а вот отзывчивый – это да! Я даже знаю, на какое слово нехорошее он скоро будет отзываться.

– Любимая! За что ты меня разлюбила! У-у-у-у! – выл оборотень, которого уже слегка недолбливают по причине вполне понятной. На лестничной клетке слышали шаги. Это означало, что в доме началась игра «Опустеет без тебя стояк!». И сейчас в рамках первого тура все пытаются выяснить, кто завтра вместе с чемоданами будет подыскивать недвижимость по объявлению, хотя некоторые криками настойчиво предлагали решить жилищный вопрос именным памятником из гранита. Шаги приближались к моей двери. Надо было что-то делать! В дверь стали барабанить, выясняя, когда это я умудрилась завести себе домашнего любимца. В коридоре звонко подтягивал пекинес, на которого все дружно шикали! На часах было пять утра.

Мне ничего не оставалось, как открыть дверь после криков: «А давайте мы ее выломаем!», опустить голову и тяжело вздохнуть.

– Простите, пожалуйста, – созналась я, всем видом каясь. – Мне вчера собаку из приюта дали на передержку... Нашли пса, больной весь, несчастный... В новостях про него писали недавно... А у приюта денег нет и мест свободных тоже... Я, между прочим, всегда помогаю этому приюту, поэтому...

Все собачники подъезда посмотрели на меня с уважением.

– Он был таким несчастным... Его выбросила на улицу предыдущая хозяйка... Предала, можно сказать... И вот я взяла его на три дня в свою квартиру... – вздыхала я, глядя, как у хозяйки пекинеса на глаза навернулись слезы. Мои губы задрожали. – Понимаете, он никого к себе не

подпускал... А меня подпустил... Я понимаю, что доставляю вам неудобства... Но поймите... Ему очень грустно и одиноко... Он очень несчастен... Его предал самый близкий и самый дорогой для него человек – хозяин...

– А как назвали? – спросила меня молодая хозяйка болонки, которая сидела у нее на руках и облизывала.

– Рудольф... Только на это имя и отзывается.... Еще раз извините, – я снова опустила голову. Возмущения в большинстве своем прекратились. Подъезд четко разделился на любителей кошек, любителей собак и любителей спать по ночам. Собачники дружно лаяли, кошачники шипели, а любители «нормально поспать» были прижаты к стенке, к которой лучше не прижиматься. Некоторых из них удалось загнать в угол, в котором прятались чьи-то мусорные пакеты прошлогодней давности.

– Только хозяину квартиры не говорите, что я взяла на время из приюта собачку... Он меня сразу предупредил, что никаких животных! – подлила я маслица в локальную междоусобицу. – Он их просто ненавидит!

В глазах подъезда хозяин превратился в тирана и диктатора, а я решила не останавливаться на достигнутом, поэтому периодически подливала отбеливатель в процесс полоскания своей репутации.

– Даже щеночка... Малюсенького, – всхлипнула я, показывая глазами на пекинеса. – Нельзя... А их столько бездомных и несчастных...

Мне кажется, что хозяин сейчас неожиданно для себя проснется в пять утра от того, что он – чудовище, черствый сухарь и сжечь его на костре за жестокое обращение с братьями нашими меньшими.

Стоило мне прикрыть дверь, дойти до комнаты, в которой продолжал страдать ну очень одинокий оборотень «на передержке», в дверь снова постучали. На пороге стояла делегация соседей.

– Вот у меня тут мисочка есть лишняя... Может, пригодиться... И вот коврик... Хороший... Вот здесь только зашитый. Шерсть хорошо собирает... – мне протянули жеваный кем-то мячик, подстилку, миску для корма, поводок и огромный строгий ошейник, способный удержать даже разъяренного медведя.

– Это мы для нашего Тусика брали, – скромно заметила хозяйка пекинеса. – А то он как рванет, как рванёт! Совсем от рук отбился! С ним опасно гулять стало! Бросается на людей, представляете? Еле удерживаю... Я понимаю, что он – дикий зверь, поэтому...

Пекинес мог спокойно пролезть в этот ошейник целиком, глядя на меня суровым взглядом настоящего волка...

– Спасибо, – благодарила я, изумляясь подаркам. Было даже как-то

неловко!

– Приходите завтра гулять к нам на площадку. В восемь мы ждем вас! Познакомимся с бедняжечкой... – умилились соседи, вручая мне даже початый пакет корма для стерилизованных собачек. Я клятвенно пообещала, что в восемь ноль-ноль буду, как штык, удобрять вместе с моим кобелем детскую площадку, чтобы детям к полудню было с чем играть в куличики и калачики.

Обещание я, конечно, выполнять не собиралась, но с утра меня разбудил странный шорох. В углу поднимал лапу огромный даже по волчьим меркам, мохнатый зверь. Я что-то не совсем поняла, что происходит, мечтая о том, чтобы это оказалось сном. Волк переместился в сторону моего шкафа, намекая поднятой лапой на то, что теперь это – никакой не сон, а совместно нажитое имущество!

– Ты что творишь! – заверещала я, вскакивая с кровати и от волнения попадая ногами в тапки не с первого раза. – Ты с ума сошел? Да кто тебе разрешал!

Волк невозмутимо продолжал оставлять метки, обнюхивая их и скаля на меня зубы.

– А ну быстро эволюционировал в человека! – возмутилась я, бросая в него подушку. – Ты что творишь!

Волк задержался и через пару секунд уродливой трансформации передо мной стоял озлобленный, лохматый и очень ревнивый мужик.

– Зверь метит территорию! Где стоит метка – его территория! Территория его стаи! Обязанность альфы защищать территорию! – рывкнули на меня. – Обязанность альфы защищать стаю!

Я зашла на кухню, видя, что в первую очередь будут защищать холодильник и стиральную машину. Еще бы! Они были такими беззащитными до момента прихода оборотня! Нет, ну со своей стороны, я бы порекомендовала в первую очередь защищать одну белую керамическую чашу, спрятавшуюся в маленькой комнатушке, но совет слегка запоздал. Охранное агентство «Блохи, Вздохи и Дела Плохи» решило, что какой-то там туалет защиты не заслуживает.

– Не бойся! Пока у тебя на пальце кольцо, мой зверь тебя не тронет! – самодовольно предупредил оборотень, обводя взглядом «свою территорию». – Я могу тебя тронуть, а он – нет. Он знает, что кольцо у тебя, что мы с тобой запечатлены. Так что можешь его не бояться. А теперь приготовь мне поесть! Да поживее!

Я прикинула, что приготовить ничего не успела, да и желания особого не было, зато на тумбочке вместе с кусанным кем-то мячиком лежала

большая пачка корма. Я невозмутимо прошла в свое стойло, взяла пачку, дабы не приучать к кулинарным изыскам потенциального супруга, и стала вчитываться. «Природа отняла одно, но дарит вам другое!» – прочитала я на упаковке, все еще сомневаясь в правильности своего решения.

– Что это? – спросил оборотень, с интересом принюхиваясь к специфическому запаху. – Тут что-то написано... Но я не понимаю... Какие-то странные буквы...

Это хорошо. Я бы сказала, что это – очень хорошо... «Для вашего кастрированного песика мы собрали самые лучшие ингредиенты!» – умилилась я, прикидывая, почему не выпускают корм для мужей? А ведь как здорово было бы! «Сбалансированный корм для лысых мужчин!», «Сбалансированный корм для импотентов!», «Сбалансированный корм для крупных пород мужиков!», «Сбалансированный корм для мелких мужиков!», «Сбалансированный корм для старых мужиков!», «Корм для игривых мужиков!»... Пока что изобрели только котлеты, но кулинарная наука не стоит на месте! И пусть на каждой пачке большими буквами напишут: «Приготовлен с любовью!». Чтобы не сомневался и не задавал лишних вопросов!

Я задумчиво вчитывалась в состав и эффект, доставая из мойки тарелку. «Мягкая шерсть, никакой линьки, крепкие зубы, здоровые десна. Ваш энергичный и веселый песик будет очень рад новому вкусу!». Гранулы застучали по миске, а я протянула ее моему «энергичному и веселому песику». Нечего его баловать! Того и глядишь – спасибо скажет.

– Кушай, милый... – вздохнула я, чувствуя себя хозяйшкой и хозяйкой. – Можешь вилочкой, можешь – руками. Как тебе удобно.

Запах оборотню понравился. Он еще долго принюхивался, а потом с удовольствием захрустел маленькими косточками и сердечками, вызывая у ленивой домохозяйки приступ умиления.

– Я решил, что назад возвращаться не буду. Там все напоминает о ней! Я начну новую жизнь здесь! Соберу свою стаю! И ты от меня никуда уже не денешься! Я буду контролировать каждый твой шаг! – хрустел оборотень кормом.

Я взяла ключи и собиралась утешить свою совесть хотя бы супчиком, но ...

– Ты куда собралась? – послышался грозный окрик. – Я не разрешал тебе уходить без меня! Волк хочет пойти с тобой. Волку нужна свобода...

Я уже поняла, что сколько волка не корми, все равно на улицу просится. Тем временем мужик прорычал и передо мной стоял огромный волк, глядя на меня, как на Красную Шапочку.

Волк обнюхал мою руку с кольцом, недоверчиво глядя на ошейник с шипами и поводок, которые я сжимала в другой руке. Через двадцать минут ошейник был водружен на животное. Я тащила упирающегося волка навстречу к свободе, но он что-то передумал «смотреть в лес» и решил остаться дома.

– У нас все волки ходят именно так. Пошли знакомиться с твоей новой стаей! – миролюбиво заметила я, открывая дверь и выпуская волка в подъезд. Я не знаю, кто придумал поговорку про братьев наших меньших. Может, у кого –то действительно – братья меньшие, но мне слегка не повезло. Пытаясь удержать волка и одновременно закрыть дверь, я выделяла такие цирковые номера, что в следующий раз в моем резюме будет весь цирковой набор: клоун – роняльщик, дрессировщик и эквилибрист. Ключи постоянно падали на пол, поводок путался, а волк рвался на волю! Волочась консервной банкой по ступенькам, я триумфально вылетела из подъезда, едва ли не потеряв кроссовок. И вот мне уже аплодировали стоя на упряжке чукчи – погонщики собак, видя, как я перепрыгиваю через четыре ступеньки.

– Ой! Собака! А можно погладить? – раздались наивные, писклявые, детские голоса, а в сторону отливающего под кустом волка потянулись вкусные детские ручонки.

– Ну, погладьте. Иди, гладь, не бойся. Собачка не кусается! Ав-ав!, – разрешила чья-то мамочка, а к нам тут же устремилась вся детвора. А что? Разве не у меня спрашивали?

– А вам что? Жалко что ли? Ну хочет ребенок погладить! – изумилась крайняя мамаша в клетчатом сарафане, глядя на мои молчаливые протесты.

– Вы что? С ума сошли? – возмутилась я, глядя на своего огромного и дикого теленка на поводке. – Собачка очень кусается! Я вам даже больше скажу...

– Раз кусается, то как вы можете с ней гулять! – заверещала женщина в комбинезоне. – Миша, не трогай! Она блохастая! Миша! Я кому сказала! Сейчас укусит!

– Нет, ну вы только гляньте! – разразилась скандалом блондинка с коляской. – Выгуливают кусачую собаку прямо на детской площадке! Вам мало случаев, когда собака бросилась на ребенка?

– Уберите собаку!!! – истерила ее соседка, размахивая руками и пытаясь нас отогнать. – Обгадили всю песочницу! Я лично видела, как вы здесь гадили вместе! Все окрестности обоссали!

– Ма, я пи-пи хосю... – проскулил малец в синих шортиках, теребя мужской инструментарий и дергая орущую на меня мамочку.

– Снимая трусишки, – мать прекратила орать и потащила мальчика за скамейку, пока остальные возмущались моей наглостью. Под кустами валялись памперсы и влажные салфетки.

Откуда-то из окон донеслось: «Все цветы мне потоптали! Бессовестные!» Волк дернулся и ломанулся сквозь кусты, волоча меня за собой в сторону спортивной площадки.

Я пыталась его одернуть, но бесполезно. Мы уже очутились на пустыре, миновав гаражи. Волк застыл в изумлении.

– Знакомься со своей новой стаей! – радостно заметила я, глядя на французского бульдожку в двух расцветах и экземплярах, одного чихухуа, двух той-терьеров, одну лохматую, как швабра болонку, спаниеля и знакомого пекинеса. Новая стая готова была принять не только удар судьбы в виде огромного, слегка офигевшего жоака, но и успокоительное, разражаясь пронзительным писклявым лаем.

– А Маринка чего? Все еще с Игорем? Он до сих пор там же работает? – интересовалась толстая тетка с химией на голове, поигрывая поводком-рулеткой, не замечая нас.

– Да все там же! Правда, она от него на стороне погуливает! – усмехнулась молодая блондинка, подзывая свою болонку и давая собачке лакомство. Я вежливо поздоровалась, чувствуя себя владельцем камаза на парковке с малолитражками.

– Так вот мы какой большой! – умилились собачницы, едва завидев нас. – Иди сюда, мы тебя не обидим... Ух ты вымахал! Прямо волк! А глистов давно выводили? Мы недавно тут дружно вывели! А где ошейничек от блох?

Волк смотрел на меня странным взглядом, пятясь подальше от протянутых к нему рук.

– У нас тут течка! – проинформировали меня, показывая на болонку – гвоздя собачьей программы. – Фу, Масик! Нельзя к девочке приставать! А ну слезь с нее!

Чихуахуа усиленно пытался устроить свою личную жизнь, пока рука хозяйки не стащила его с объекта обожания. Вот так всегда. На самом интересном месте!

– Ближайшая стая, как и обещала! Все равны, как на подбор! – умилилась я, пока волк тянул меня обратно. На него ерепенился тот самый неугомонный герой-любовник, пытаюсь пискляво отогнать его от своей лохматой зазнобы. Один рык с нашей стороны, и чихуахуа брыкнулся на спину, прикинувшисьдохлым.

– Девоньки, только что позвонили и сказали, что Горыныча вывели, –

тетка прятала в карман халата телефон. Все резко побледнели, глядя на нее. Судя по взглядам, там пахнет апокалипсисом. Некоторые хозяйки похватили своих питомцев на руки, боязливо прижимая их к себе. Я прислушалась, представляя, как на нас надвигается тяжелой поступью что-то очень большое и очень страшное. По коже побежали мурашки. Мне показалось, что даже ветер стих. «Девочки! Быстрее!», – кричал кто-то из хозяев.

– Накрылась прогулка! Да моя сладенькая? Не дают нам погулять! – всхлипнула симпатичная толстушка, прижимая слюнявую бульдожку к груди. Бульдожка радостно вылизывала лицо хозяйки. – Ой! Опять кошачьи какашки ела! Плохая девочка!

Где-то над городом нависла туча, отбрасывая злое тени на лица присутствующих. Страх и ужас сковал всю площадку. Кто-то уже поспешил домой, пристегивая и утаскивая с площадки своего любимца. Атмосфера была воистину жуткой. Воображение разыгралось не на шутку, представляя, как из кустов выползает голодный аллигатор с купированным хвостом. Наскоро прощаясь, соседки разбежались по домам, оставив меня вместе с упирающимся волком в одиночестве ждать того самого Горыныча, терроризирующего округу.

– Горыныч, сюда иди! – слышался громогласный мужской голос, пока я представляла капающую слюной пасть неведомого науке зверя. – А ну не вздумай никого кусать! Рядом, животное! Р-р-рядом! Куда ты меня тянешь, чудовище?

Кусты зашуршали, и на площадку вышел мужик. Поводок пока оставался в кустах, давая волю моему воображению, рисуящего то ли чужого, то ли хищника. Кусты снова зашуршали, и оттуда вышел злобный той-терьер с оранжевой резинкой на голове. Окинув царственным взглядом всю площадку, малютка засеменил лапками к хозяину.

– Горыныч! Рядом! Слушай сюда, изверг! – заорал мужик, воспитывая своего боевого пса. И тут Горыныч заприметил нас, изображая маленькую, но очень разъяренную крысу. Он с грозным писком ринулся в бой, заставив вверенного мне судьбой волка отшатнуться подальше от маленькой оскаленной пасти.

– Не бойтесь! Я его держу! – снисходительно заметил хозяин, наматывая поводок на руку. – Горыныч! Нельзя! Не трогай бедную собачку! Я кому сказал!

Мы с волком молча смотрели на то, как на поводке бьется в собачьей ярости трехсотграммовое тельце, захлебывается лаем и ненавистью, а потом поплелась домой.

– И что это мы, из дикого леса, дикая тварь, испугались? А? – поинтересовалась я, пытаясь осознать тот факт, что мне достался не самый смелый волк. Он явно сидел в кустах, в позе неудобной и смешной, выставив хвост свечкой в тот момент, когда другим волкам раздавали храбрость.

Услышав упреки, волк что-то буркнул, прижав уши, а потом встал в стойку, словно нас окружило полчище врагов, и он готов тут же всех растерзать. Но вокруг были только дети, одинокий кот, решивший стереть язык о бубончики, квохчущие на скамейке бабушки.

– Смотри, как нализирует! – усмехалась Матвевна, глядя на серого чистюлю. На скамейке уже не было свободных мест, а какая-то старушка принесла с собой стульчик, чтобы не отдаляться от коллектива. – Я в прошлый раз яйца по пииясят брала. Хорошие. Правда, пока донесла – разбила два.

Кот отвлекся, пристально посмотрел на бабушек и принялся вылизывать свою лапу.

– Лапки куриные брала. Пробовала сварить. Плохие, не бери! – покачала головой сухонькая старушка в цветном платке. Кот посмотрел на бабушек и опустил лапу, а потом, завидев нас, шмыгнул в траву.

Волк домой не хотел, поэтому замедлился настолько, насколько можно. Он обнюхивал каждую травинку, двигаясь со скоростью пять сантиметров в пять минут. Я попыталась утянуть его домой, но проще дотащить заядлого холостяка до ЗАГСа, чем это упрямое животное до квартиры. Такое чувство, словно веду бычка на убой, но после получасовой войны, я уже озверела настолько, что волоком тащила волка по лестнице на свой этаж, награждая его такими эпитетами, от которых одна половина соседей перестанет со мной здороваться, а вторая половина посчитает преемником того самого «сидящего марафонца» из квартиры сверху. Открыв дверь, впихнув волка, я едва успела закрыть дверь, как передо мной стоял самодовольный и грозный мужик.

– Он не испугался! – набросился на меня оборотень, сверкнув глазами. – Мы просто не трогаем щенков! Оборотни ничего не боятся! Запомни это на всю жизнь!

– Ага, – согласилась я, понимающе улыбаясь.

– Мой зверь ничего и никого не боится! – хвастался Рудольф, горделиво глядя на меня. – Он – моя гордость! Такого зверя ни у кого нет из стаи! Просто ты еще не видела его во всей красе! Ничего, как только мы поженимся в полнолуние, ты сможешь гладить моего зверя сколько угодно!

Эм... Мы точно сейчас о волке? Точно-точно?

– Слушай, а могу ли отказаться от свадьбы? – осторожно начала я, как бы намекая, что вовсе не прочь снять кольцо. В носу почему-то дико свербело, а на глаза выступили слезы. В последний раз это было тогда, когда я была в гостях у одного ротвейлера. Не знаю, как на счет владельцев недвижимости, но то, как фильтровал гостей на входе очень переборчивый пес, сомнений, кто в доме хозяин, не оставалось. – Понимаешь, такому зверю нужна волчица... Да. А я ... А что я? Я – не маг, не красавица, у меня вообще аллергия на шерсть! Апхи! Фу, ты! У меня действительно аллергия на шерсть!

Вот так и в прошлый раз. Сначала вроде ничего, а потом нос набух, глаза раскисли, заслезились и защипали, приводя мне в состоянии расклеенности.

– Не гладь против шерсти! – зловеще предупредил оборотень, беря меня за подбородок. – Ты же знаешь, что мы с тобой – истинная пара!

– Эм... Я не уверена в истинности нашей пары, – я чувствовала, как закладывает нос и становится трудно дышать. Глаза начинали чесаться, а мне неумолимо захотелось чихнуть. Где-то у меня были таблетки от аллергии. – Нужна... эм... экспертиза... На подлинность... Сам понима... а... а.... Апхи! .. ешь.

– Есть очень древний способ! Ты обязана почувствовать имя моего зверя! – произнес Рудольф, но пока что я чувствовала исключительно то, что у меня аллергия на некоторый тип мужчин.

–Мой зверь – жесток и беспощаден! Назови его имя! – понизил голос до угрожающего шепота оборотень, глядя мне в глаза, словно гипнотизируя. – Он настигает мгновенно, хватает в так, что ты даже сначала не можешь понять, что произошло, но потом становится уже поздно... Ты знаешь, что будет кровь! Много крови! Он вызывает мучительные спазмы жертвы! Ты знаешь, что один его укус, и ты станешь жаждать крови, жаждать жертвы!

Через пять минут я высыпала аптечку на стол, звеня блистерами и внимательно читая названия. Где-то в коридоре слышался пронзительный вой. Еще бы! Нормального волка ПМСом не назовут! Согласна, не очень приятно, что все ищут значение своего имени в справочнике имен, а он в медицинской энциклопедии.

Я терпеливо ждала, когда таблетка подействует, думая о том, что радость со слезами на глазах мне не нужна. Меня что-то кольнуло в ногу, я шлепнула по ней пытаюсь понять, какой бессовестный комар решил позариться на меня в такой момент. Может, это и есть совесть? Увы, не комар.

– Ты куда? – снова настороженно спросил меня конвоир, когда я решила сходить за хлебушком в соседний магазин, заедаемая чужими блохами и совестью.

– В магазин! – закатила глаза я, чувствуя, как разбухает мой нос, который нещадно свербит и намеревается расчихаться. – За хлебушком!

– Зверь пойдет с тобой! – рявкнул ревнивец, как будто меня там ждет похотливая очередь и уже нервничает, почесывая огурцы, колбаски и багеты, почему я не иду?

Отлично! Мало того, что у меня аллергия на шерсть, так еще и мужик-собака в одном флаконе! Я еще с волком по магазинам не ходила! Да он там взвоят! И вообще, могу смело называть его «мой кобель», причем говорить это ласково и нежно, вытирая сопли от аллергии. Мне можно, ведь мы тут «истинная пара», если что! Апчхи!

Волк, которого я снова пыталась затянуть в ошейник и намотать на поводок, рвался на улицу так, что чуть не вырвал мне руки. Шурша пакетом и ключами, я снова тарахтела по лестнице, молясь, не сломать себе ногу.

Как выяснилось, в магазин с собакой, мороженым, сигаретой и на роликах нельзя. Я прямо представила себя со всем вышеперечисленным, а доказывать, что у меня не собака, а волк было бессмысленно. Пока я стояла в очереди, поглядывая в окно, в магазине играл приемник на волне наивного позитива.

– ... гороскоп на сегодня! – радостно вещал женский голос. – Сегодня у нас первый день полнолуния. Итак, овны... сегодня у вас ожидается...

Дослушав до своего знака, которому сегодня звезды щедро сулили радостные события в виде очень тесного знакомства с потенциальной второй половинкой, флирт, романтику и любовь, вплоть до золотой свадьбы. Я выглянула в окно, поглядывая тоскливо на анонсированного мне судьбой поставщика этих удовольствий. Мысль о том, что сегодня мы сочетаемся законным браком, меня, мягко говоря, не радовала. «А теперь молодые могут обменяться блохами!» – радостно и торжественно заявил в голове женский голос. Увы, блохами я пока не обзавелась, поэтому в этих отношениях ничего предложить не могу.

Очередь двигалась медленно, зависнув, казалось бы, безнадежно, на привередливой и любопытной тетке с полосатой сумкой, которая поставила себе целью перепробовать весь ассортимент печенья. Привязанный к поручню волк уже нервничал, пытаясь освободиться. Надо что-то думать... Если бы в нашем городе был зоопарк, было бы намного проще. Погодите-ка! Измена! Он не простит даже попытки измены... Мои глаза уткнулись в

вялые и вяленые сосиски на витрине. Если оборотень поймет, что я – ничем не лучше его предыдущей, он от меня откажется. Демон! Вот только тут проблема. Я не знаю, как его вызвать или позвать. Номерок телефона он мне не оставлял...

– Нужно вызвать демона, – прошептала я, а очередь покосилась на меня, усомнившись в моем психическом здоровье. Я прищурилась на ценник колбасы и решила не щадить окружающих своими планами.

– Да, – я сладко улыбнулась, переводя взгляд на бутылки шампанского. Мой взгляд упал на леденцы и прочую дребедень. Кое-какая часть «дребедени» заставила меня покраснеть. То, что оборотень не простит измены, это я знала. Я тоже не прощу себе измены. С оборотнем.

«Сегодня мы поговорим об измене! Звоните, пишите, рассказывайте нам свои истории! Со мной мой соведущий Алексей Пятницкий. Алексей, ты когда-нибудь изменял?» – раздавался голос из приемника.

Волк на улице уже завыл от безысходности, а медленная, как стадо улиток очередь слегка поредела. Продавщица сонной мухой ползала по витринам и плакала весами.

«... с вами были Алексей Пятницкий и Алена Пятницкая! До новых встреч!»

Мы возвращались домой с покупками. Волк дергался, путался в поводке, заставляя меня тащить не просто пакет, но еще и животное. Не знаю, кто кого должен тащить волк меня или я волка, но пока что складывалось впечатление, что у волка появился ездовой человек с багажным отделением в виде второй руки и пакета. Внезапно неподалеку раздался взрыв петарды и детский смех. «Бежим, Русик! Давай!» – слышался топот ног, а за углом скрылись мальцы, у которых инстинкт самосохранения слегка запаздывал в развитии. Взрыв поверг волка в состояние «Караул! Хулиганы шкуры лишают!».

Может, наши люди в булочную на волках не ездят, но из булочной – то можно? Не вижу в этом ничего плохого, ибо домчались мы до подъезда с таким ветерком, что оставили бы позади запыхавшихся: страуса, гепарда и электрический разряд. Залетев в подъезд с диким воем, альфа стаи чуть не выбил мне входную дверь, скребя ее лапами так, словно пытался вырыть нору. Лес, в котором живет эта храбрая стая, априори безопасен.

Пока оборотень в человеческом обличье кушал свой корм, зачерпывая рукой гранулы и зыря на меня так, словно я о чем-то догадалась, я невозмутимо красила ногти, приводя в порядок себя так, словно действительно собираюсь на свидание.

– Ты куда это наряжаешься? – подозрительно спросил оборотень,

закончив с трапезой.

– Слушай, – миролюбиво заметила я, стирая неудачный штрих макияжа и вспоминая павшую в боях со злыми духами косметику. В носу свербело, но я пока держалась на таблетках. – А если девушка, например, любит другого? Нет, я не о себе. Ни в коем случае. А тут ты попался такой «впечатлительный». Ты говоришь, что она – истинная пара, а она, ну например, не хочет быть твоей истинной парой? Как ей быть?

– Что значит, не хочет? – натурально опешил оборотень. – Хочет! Она хочет быть моей истинной парой! Оборотень не терпит отказа! Раз я сказал, что она – моя истинная пара, значит истинная пара! И мне плевать, кого она там любила до меня! Теперь она – моя! И я не отступлюсь!

Тут он погрузился. Даже как-то осунулся и съежился.

– Зайчонок расчесывала волосы, а я любовался... Помню, как Зайчонок убегала от меня, когда мы играли в прятки... Я знаю, где она спряталась, а сам делаю вид, что ищу ее, не слыша, как она в кустах хихикает... – тоскливо заметил оборотень, совсем размякнув, но тут же его взгляд ожесточился. – Ты куда встала? Понятно! Хорошо, разрешаю. Только под моим присмотром! Знаю я вас, женщин! Стоит только отвернуться, как уже снюхались с каким-нибудь некромантом!

Он действительно думает, что у меня в мусорном ведре сидят все маньяки, извращенцы с цветами и букетами? Не знаю, что творится в его голове, но мне обидно, что приходится выгребать за какого-то Зайчонка!

Время шло, демон не появлялся, поэтому все мои ухищрения были напрасны, зато я теперь могу в два часа ночи, разбуженная сиреной и криками, с точностью до мельчайших деталей пересказать биографию Зайчонка и историю Великой Любви.

– Я тоже имею право быть счастливым! – в пылу заметил мой обонятельный друг, конвоируя меня по квартире, как особо опасную преступницу. Какая прелесть! Я – оружие мести! Гранатомет «Ревность», пистолет «Самомнение», автомат «Надежда». Несите патроны! Наш оборотень вооружен до зубов и очень опасен.

– Хорошо, а если Зайчонок одумается? – сладенько поинтересовалась я, глядя как на улице темнеет. – Вдруг она прискачет с криками: «Люблю, ошиблась, была не права!», меня пнут с дороги, мол, иди отсюда, девочка, не мешай великой любви?

– Нет. Мы с тобой будем жить, как жили! – отрезал Рудольф. Отлично! Самые отвратительные отношения начинаются с того, что в твою жизнь с ноги открывается дверь, тебе вручают огромный тяжелый чемодан Пустоты, затаскивают баулы обид, ссор, а потом два потных грузчика

вносят, матерясь, Опыт предыдущих отношений, которые как бы уже закончились, но как бы еще и нет! Тебе на голову срочно надевают чужую корону, подтирая наспех пальцем чужое имя, наскоро пишут твое и командуют: «Вот вся моя любовь! Разбирай, давай! Не будет же моя любовь стоять в коридоре?». А ты смотришь, а у него там столько обиды, что просто лужи на полу, открываешь баул, а оттуда воняет чужими грязными ссорами, опыт занял весь коридор, мешает пройти дальше, а в пакетах звенят сломанные воспоминания. Спрашивается, почему ты не выкинул все это по дороге в мою жизнь? Ответ прост: «Пригодится!». А как только начнешь разбирать, как станешь предлагать: «Может, выбросим воспоминания и заработаем новые? Опыт – дело наживное!» – в ответ разразится целая буря негодования. Ну и что, что Опыт неудачный? Его нельзя выбрасывать! И ведь кто-то соглашается на такие отношения...

– Кому ты лжешь? – усмехнулась я, глядя на оборотня и снимая кольцо. – Ты до сих пор ее любишь. И просто хочешь заполнить мной пустоту. Зачем тебе образцово-показательное счастье кому-то назло?

– А ну быстро надела обратно! – рявкнул оборотень, сверкнув глазами. Что-то с ним не так. Движения у него порывистые, в глазах появился странный блеск. На улице совсем стемнело.

– Знаешь, у меня вообще-то есть жених, – осторожно сообщила я, оглядываясь по сторонам и снова порываясь снять кольцо. – Правда мы тут с ним накануне поругались... Но у нас все серьезно. Извини... А ты появился здесь исключительно потому, что я хотела ему отомстить!

– Да как ты смеешь! – прорычал Рудольф. Вид у него был страшен. Его трясло, тело вкручивало, а сам он подергивался, как наркомана на деревенской дискотеке. – Я так р-р-решил! Сказал же не р-р-рыпайся!

Я потихоньку отступала к холодильнику, понимая, что с ним творится что-то странное. Медельсон и Шопен решили создать что-то совместное, а пока что застыли в ожидании вдохновения. Не думаю, что сосиска из холодильника отвлечет оборотня, решившего на мне жениться.

– Ты понимаешь, что я ... эм... не идеальна, – лепетала я, совсем не ожидая такого поворота событий. – Я плохо мою посуду... Не очень люблю готовить... А вообще я – трудоголик. Поверь мне, это хуже, чем алкоголик... Я буду плохой женой... Изменять тебе буду направо и налево, поэтому ты хорошо подумай над перспективами...

– Попр-р-робуй только! – прорычал зверь, теряя человеческий облик во всех смыслах. Его кожа покрывалась шерстью, челюсть удлинялась, а на руках появились огромные когти. – Мы истинная пар-р-ра!

– Нет, я серьезно! Я тут собираюсь тебе изменять со всеми! Да-да! Я та

еще лямбда! – убеждала я, понимая, что от свадьбы не отвертеться, а мне уже изменили колени, самообладание и неокрепшая психика. – Я буду дарить себя направо и налево!

Меня внезапно обняли за плечи, заставив вздрогнуть. Оборотень ревел и дергался, обрастая мехом, как некоторые кредитами.

– Знаешь, я тут подумал, – послышался знакомый голос за моей спиной. – Я могу подарить тебе insult, но ограничусь чем-нибудь приятным. Как на счет массажа? О! Наказание мое, ты собачку завела? Или это я ее завел? Впрочем, неважно. Хотя мне кажется, что собачка завелась не на шутку! Как зовут этого миленького песика? Иди сюда, малыш, поиграем! Только учти. Палку здесь бросаю я. Дама с собачкой – это так романтично!

– Рудольф, – выдохнула я, следя за ужасающей трансформацией, от которой нашего пушистого санитаря леса плющило так, что хотелось позвонить санитарам!

– Благородное имя! Кастрировала? Или у тебя на него планы? Мало ли, разводить будешь? – игриво поинтересовался демон, обняв меня за плечи, как родную.

– Я – не ЗАГС, чтобы разводить! – фыркнула я, глядя на человекообразного волка, который стоял на задних лапах и раздирал на себе когтями одежду. Остатки одежды ошметками висели, словно буквально пару минут назад его выбросило на необитаемый остров вместе с бревном, которое будет исполнять обязанности супруги долгие годы вынужденного одиночества.

– Смотри, какая умная собачка! Ты его дрессировала на стриптиз? – снова игриво поинтересовался демон, сдувая мои волосы со своего лица. – Как ты думаешь, я ему понравился? Ой, это он так хвостом виляет?

– Нет, – мрачно усмехнулась я, чувствуя, как полная задница превращается в полную безопасность. – Это у него лапа так дергается.

– Здоровый, сильный и крепкий пес! Игривый ласковый домашний любимец! – прочитал демон на пакете, глядя на тарелку с остатками еды. – Я бы, наверное, тоже слегка озверел, если бы мне кошачий корм в тарелку выдавливали со словами: «Ешь и не мяукай!».

Я даже смутилась от собственной прагматичности. Но больше всего меня смущало то, что огромный мохнатый зверь, размером с шифоньер, уверенной походкой шел в нашу сторону.

– Ладно, я вас проведаль, увидел, что все хорошо. С собачкой познакомился, – заметил демон, отпуская меня и потрепав по волосам. – Я побежал, наказание мое. У меня дела! Актик занесу!

Акт вандализма вместе с клизмой! Куда пошел? Я что? Тут одна буду разгребать свою личную жизнь?

– Ты... ты меня бросаешь? – удивленно спросила я, вцепившись в смеющегося демона. Впервые я так цеплялась за мужика после слов: «Я ухожу!». Но глядя на волосатую напасть моя гордость очень болезненно переживала расставание! – Не бросай меня!

– Я все понял, – мне прошептали на ухо, осторожно поглаживая за талию сквозь одежду. Ветерок его дыхания заставлял меня волноваться. – Ты напрашиваешься на еще одно свидание...

– А ты – на еще один звиздюль! Забери его или меня отсюда! – взмолилась я, глядя, как из оскаленной пасти зверя литрами капала слюна.

– Дай-ка я подумаю, – сладко заметил демон, глядя на меня красивыми глазами. – Кого бы выбрать? Наказание мое или ее очаровательную собачку? Пока что я склоняюсь в сторону собачки. Но у моего наказания есть шанс. Просто я подумал, кто первый меня поцелует, того, пожалуй, я и заберу!

Я не знаю, осталось ли у оборотня хоть какая-то человеческая извилина, либо он был еще тем лизуном, но с диким ревом он бросился к демону. В этот момент лизуном решила стать я, поцеловав демона в щеку и сплюнув на пол. Из вредности.

– Победителей не судят, – рассмеялся демон, дергая меня в сторону двери. – Сидеть! А ну быстро сидеть!

Ага, я прямо вижу, как оборотню дают лизнуть сахарок. А он выслуживается на задних лапках!

– Он не знает команд! – занервничала я, пробираясь в сторону двери, под прикрытием демона.

– Ну что ты такое говоришь! Команду лежать он точно знает! – улыбнулся демон в тот момент, когда оборотень бросился на нас, переворачивая кухонный стол. – Лежать, Лишай!

Один взмах руки, и оборотень с размаху лег на пол.

– А почему лишай? – поинтересовалась я, выглядывая из коридора.

– Видишь полянку среди шерсти? Лучше не спрашивай, что это. Пойдем, наказание мое. Выгуливать тебя буду, – меня поцеловали в висок. Я схватила ключи, накинула куртку и спешно закрыла за нами дверь.

Возле дома стояла припаркованная знакомая машина, заставив меня заранее вспомнить лучшие минуты жизни, когда мне гостеприимно распахнули дверь. В эту секунду сверху послышался звон разбивающегося стекла, рычание и жуткий вой. На небе заплывала сизыми облаками полная монетка луны.

– Быстрее! – взмолилась я, пытаюсь пристегнуться на ходу. Демон сел на водительское кресло, захлопнув дверь, а на капот приземлилась огромная разъяренная тушка.

– Трогай! – истерически завопила я, глядя в свирепые глаза оборотня.. – Да не там трогай! Убери руку с моей коленки, романтик хренов! С места трогай!

– Мы еще уйти не успели, а песик уже соскучился! – нежно заметил демон, вдавливая газ в пол и резко сдавая назад, а потом выкруливая. Оборотень слетел с машины, а мы помчались по ночному городу. Я ерзала и оглядывалась, сглатывая и еще крепче сжимая дверную ручку. Вроде отстал! В зеркале заднего вида было видно, как за нами на всех парах мчится огромная лохматая тварь. Оборотень стал отставать, а потом и вовсе потерялся из виду.

Нет, демон все-таки очень красиво водит машину. Лениво, вальяжно развалившись в водительском кресле... Даже в тот момент, когда за нами мчится голодный до ласки зверь.

– У тебя автомат есть? – успокаивалась я, глядя как сливаются в одну ленту фонари, как мы идем на такие обгоны, которые не снились формуле один.

– У меня – коробка автомат, – скромно усмехнулся демон, положив мне руку на коленку и развивая воистину дьявольскую скорость. – Ой, извини, все время ищу переключатель скоростей. Не привык еще...

– Прекращай свой аттракцион! – вопила я, глядя на то, как в нас ударяет свет фар бензовоза. Мы ехали даже по обочине, петляли между деревьями и пешеходами, вылетали пулей на красный свет, шли впритирку с грузовиком, лавировали между легковушками. Все сливалось воедино: шум за окном, хаотичный свет, отблески и томная музыка из колонок.

Перед нами сверкнули фары огромной фуры, которая шла нам навстречу, я зажмурилась, сжавшись в клубочек. Мы влетели в туман, а потом резко остановились.

– А что такое? – нежно поинтересовались у меня, когда я пыталась снова научиться дышать.

– Ты вообще умеешь нормально водить? – прошептала я, делая глубокий вдох и пытаюсь успокоиться.

– Только девушек и за нос, – меня взяли за кончик носа и слегка потянули. – Ну что ж... Сама напросилась на свидание...

– Так, послушай, нечистая сила! – возмутилась я, чувствуя, как меня ловят в объятия и утаскивают к себе поближе, предусмотрительно освободив меня от ремней безопасности.

– Между прочим, я сегодня был в душе и менял носки, наказание мое! – заметил демон, пока я гладила его сквозь рубашку.

– Так! А заявление на замену? – вьелась я заправским бюрократом в адскую систему.

– Хорошо! Пиши заявление. Мол, в связи с месячным циклом ... – диктовал демон, поглаживая меня по голове, пока я выводила у него на приборной панели свои каракули предоставленной мне ручкой на предоставленной мне бумажке, – ... жизнь оборотня была поставлена под угрозу! Бедный оборотень не ожидал ...

– погоди! Ты хочешь сказать, что я представляла угрозу для бедного, несчастного оборотня в связи с месячными циклами? – возмутилась я, бросая бумагу и ручку.

– Но ведь тебе так хотелось писать заявление, – рассмеялся демон, затаскивая меня себе на колени. – Я и предложил вариант. Ты еще конец не дослушала. Как тебе такая формулировка: «Не сошлись с оборотнем месячными циклами»?

Я фыркнула, вырвалась и вышла из машины. Вокруг было темно, тихо и почему-то пахло настоящей осенью. На горизонте вырисовывались какие-то странные силуэты.

– Это самое романтическое место, которое я только могла себе представить! – съехидничала я, кутаясь в куртку. – Если со мной захочет познакомиться маньяк, то я теперь знаю, куда приглашу его на свидание.

Демон рассмеялся, прислонившись к машине. Позади меня раздался щелчок пальцев, и вокруг все стало загораться огнями. Осенний, золотой лес, подсвеченный старинными фонарями, окружал настоящий полностью безлюдный парк аттракционов. Разноцветные лампочки горели, освещая карусели, качели и какие-то прилавки. Отовсюду на меня смотрели яркие вывески, приглашающие попробовать тот или иной аттракцион. Нет, это – явно не мой мир, потому что в нашем было лето, а здесь почему-то царила золотая осень, роняя монетки листы мне под ноги.

– Ты с ума сошел, – изумленно заметила я, рассматривая заброшенный парк, в центре которого застыло колесо обозрения.

– Тебе нравится? – поинтересовались у меня, пока я с детским восторгом пробегала глазами названия аттракционов. – Я вот думаю, на что тебя раскрутить?

Я молча смотрела на старинную вывеску «Комната страха», и понимала, что буква «с», отпавшая с названия как бы на что-то намекает.

– И на что же ты меня собираешься раскатать? – с явным интересом заметила я, снова косясь в сторону волшебной комнаты с заманчивым

названием.

– Поверь мне, я буду раскручивать так, как тебя никто не раскручивал, – игриво заметили мне, пока я смотрела на крытую карусель со зверюшками. – И раскачивать так, как тебя еще никто не раскачивал.

– Я, вообще-то, за возвышенную любовь. И раскручивать меня ни на что не надо. Знаешь, я, как приличная девушка, искренне полагаю, что, нам нужно узнать друг друга получше, перед тем как осуществлять сближение, – сладенько заметила я, вдыхая прелый запах взявшейся из ниоткуда осени, до которой по моему календарю было еще далековато. Стоило присмотреться получше, становилось понятно, что здесь протерлись буквы, тут отвалилась рука у клоуна, здесь он совсем облез, поэтому заброшенный парк выглядел мрачновато, если не сказать зловеще. Даже огоньки, которые освещали аттракционы, не спасали ситуации. Хотя, было что-то в этом странное, волнующее, интригующее и ... волшебное.

– Конечно, наказание мое. Как ты могла подумать, что я буду приставать к тебе с такими непристойностями? Кстати, хочешь опробовать позу наездницы? – украдкой спросил демон, обнимая меня одной рукой, а другой показывая на игрушечную лошадку, застывшую в круговороте веселого ушатанного зоопарка.

Я сидела на карусели, оседлав маленькую облезлую деревянную лошадку с веселыми глазками, а рядом, прислонившись к грустному верблюду стоял демон. Один щелчок пальцами и карусель начала вращаться. Сначала было забавно, словно в детстве. Под милую, скрипучую музыку, похожую на заевшую пластинку, карусель медленно набирала обороты. Обороты становились все интенсивней, карусель раскручивалась до такой скорости, что я намертво вцепилась в свою лошадку, которая скрипела подо мной на все лады.

– Так, притормози, – занервничала я, глядя, как вокруг мелькают огни. – Я прошу! Достаточно! Не надо так быстро! Все! Я схожу!

– Ой, наказание мое, – демон смотрел на меня с улыбкой. – Оно сломалось... Да, оно так не должно вертеться... Это же – детский аттракцион! Какой кошмар! Это же так опасно!

Я попыталась встать, но тут же меня отнесло порывом в сторону, в которой меня поймали и прижали к себе, обнимая, как маленькую девочку.

– Как ты можешь! Мы же тут боремся за высоту отношений, – заметил демон, не отпуская, а наоборот сжимая еще крепче. – А как же долгие разговоры о возвышенном? Как же пылкие признания? А? Я тут стою, робею, а низменный инстинкт бросил тебя в мои объятия!

– Не называй центробежную силу низким инстинктом! Она может

обидеться! – занервничала я, прижимаясь все крепче, чувствуя, как карусель набирает воистину сверхзвуковые обороты. Я начала паниковать, чувствуя, как все вокруг все сливается в длинную пеструю ленту, которая змеей обвивала нас, связывая воедино. Мне казалось, что вместе с каруселью с земли ворохом поднимаются осенние листья, образуют вихрь – дьявольскую воронку.

– Ну что ты так смотришь на меня, наказание мое? Плотноядно? Мы же изо всех сил боремся за ту самую высоту! За полет невероятных чувств! Или... – меня обняли так сильно, что я стала задыхаться, а потом склонили голову для поцелуя, нежно прикасаясь губами к моим губам. Я ловила его дыхание, впиваясь руками в его рубашку. Мне показалось, что я даже оторвала пуговицу, чувствуя, как мои пальцы жадно прикасаются к чужому телу.

– И что это ты творишь, наказание мое? – шептали мне, убирая мои волосы с лица и снова целуя в губы. Я уже не знала, кружимся мы или стоим на месте.

Внезапно мы остановились. Листья, повисшие в воздухе, опали вниз. Тишина. Никаких звуков, кроме нашего сбившегося после глубокого и сладкого поцелуя, дыхания.

– Ах! Как это не поэтично! Как же мы так можем, наказание мое? Сама говоришь о «возвышенных чувствах», а потом соблазняешь! –прошептал демон, коварно улыбаясь и целуя меня в лоб. – Я предлагаю настоящую высоту отношений!

– Может, не надо, – замялась я, с одной стороны понимая, что губы настойчиво просят продолжения банкета, не смотря на ранние заверения, а попа протестует против свежей порции адреналина.

– А как же наши с тобой драгоценные высокие отношения? – обнимал меня демон и показывая рукой на колесо обозрения. – А как же возвышенные чувства? Высокая любовь?

Колесо обозрения застыло в центре парка недвижимым скелетом с разноцветными кабинками. Оно горело огнями, светилось гирляндами, а скрипучая кабинка на двоих покачнулась в тот момент, когда меня в нее затаскивали, как упирающегося котенка навстречу «высоким чувствам».

– Люблю быть на высоте, – с усмешкой заметил демон, глядя, как я берусь руками за руль, при помощи которого вращаются кресла. Колесо медленно стало вращаться, скрипя огромными несмазанными спицами.

– Нет, я все понимаю, что любовь окрыляет, но... – занервничала я, глядя, как земля становится все дальше и дальше, а угол обзора все больше и больше. – Я высоты боюсь... Не отношений, нет... Просто высоты...

– Не бойся! – успокоили меня, глядя на меня красивыми глазами и отбрасывая непослушные локоны. – Все будет очень возвышенно и прекрасно. Я бы даже сказал – поэтично! Куртуазная любовь – наше все!

Я вцепилась что есть силы в руль, сидя на старом сидении. Да, я действительно оторвала ему пуговицу в порыве страсти, поэтому ворот был расстегнут. Стоило мне только посмотреть на этот красивый треугольник небрежный воротник, а потом поднять глаза, как на мой взгляд мне ответили вопросительной улыбкой. Кабинка поднималась, а я закрывала глаза, стараясь не смотреть вниз.

– Оп! – наигранно испугался демон в тот момент, когда мы зависли строго в самой высокой точке наших «отношений». – Мы, кажется, застряли на высоте! Выше наши отношения уже быть не могут!

– Где? – запаниковала я, одним глазком выглядывая из своего уютного убежища «ничего не вижу, ничего не слышу, забила воображение коваными сапогами!». Парк внизу покачнулся и стал расплываться.

– Тише, тише, наказание мое, – сладко заметил демон, откидываясь на спинку кресла и заставив старую кабинку со скрипом покачнуться. – Я тут как раз стихи хотел тебе почитать...

Кабинка еще раз со скрипом покачнулась на ветру, заставив меня взвизгнуть резвым поросенком и вцепиться пальцами в металлический круг.

– Не раскачивай нас, – взмолилась я, осматривая верхнее крепление. – Я не хочу проверять фразу: «Любовь дарит нам крылья!».

– Но ведь это же так романтично, – демон снова качнул кабинку, даря мне шикарную улыбку, а потом на секунду задумался и выдал пафосно-поэтично. – Им открывалась высота ...

– Ыыыы! – взмолилась я, тихо постанывая и сжимаясь в комочек страха и ужаса.

– Внутри себя, как безграничность... – продолжал демон, наслаждаясь моим плачевным положением. – Та, что не ведала преград, ни ликов форм, ни их различий.

– Зачем ты это творишь? – нервничала я, пытаюсь отдышаться и заставить себя не смотреть туда, где по золотому лесу струилась белесая мгла. – Я за приземленные отношения! Очень приземленные!

– Нет! Так нельзя! А как же высота чувств? Высота помыслов? – притворно вздохнул коварный демон, беря меня за руку и робко целуя. Вот не знаю, чего мне больше хочется? Свести счеты с жизнью, или с одним конкретным «поэтом». – Посмотри, как все у нас возвышенно... Романтика... Как там говорили великие поэты? Пять секунд – полет

нормальный? О, нет... Это слишком приземленно. Я образ нежный сохраняю, как самый сладостный момент. Но страсть меня не окрыляет. И как поэт я – импотент! Ну-ну!

– Вот зачем ты так, а? – простонала я, чувствуя, что сейчас буду молиться Шиву на предмет лишних конечностей, чтобы уцепиться ими за все, до чего дотянусь.

– Ах, – демон снова качнул кабинку. Я чувствовала, как при взгляде вниз, у меня начинают дрожать колени. – Я готов подарить тебе звезды и алмазное небо в душе! В ресторан не пойдем, уже поздно... Я без денег сегодня ваще... По-моему, романтично?

– Да что ж такое! – хныкала я, понимая, что кабинка раскачивается на ветру. Пальцы побелели от напряжения.

– погоди-погоди! Сейчас-сейчас! – с придыханием заметил демон, закусив губу, а потом тут же расцветая похлеще яблонь и груш. – Я бы нежно тебя целовал, обнимал и прощал прегрешения, только есть между нами провал и ... давай хором! Возвышенные отношения.

– Прекрати издеваться, – стонала я, снова ловя себя на мысли, что смотреть вниз было очень плохой идеей. Я пыталась закрыть глаза и расслабиться, представляя, что никакой высоты нет.

– Но она, увы, не поцелует, не обнимет, не вопьется в грудь, – продолжал раскачивать кабинку демон, улыбаясь так сладко, что вся сгущенка ему завидовала. – Потому что...

Короче, рифмы мне узнать не удалось, ибо нервы не выдержали раскачивания и зловещих скрипов, а я метнулась к нему, вжимаясь изо всех сил.

– Ты вовремя! – порадовали меня, нежно приспуская мою куртку и целуя шею и плечи. – Я просто дальше не придумал!

Кабинка медленно двинулась дальше по кругу, пока я вплетала пальцы в его волосы, сидя на коленях и боясь оторваться от губ. Стоило мне только оторваться, как колесо замирало, и кабинка начинала угрожающе раскачиваться.

– Ну почему ты дрожишь, а? – целовали меня. – Не переживай, я держу тебя. Так что если упадем, то вместе...

Спустившись на землю, я недовольно засопела и пошла в сторону машины, слыша, как позади меня смеется очаровательная нечистая сила.

– Я бы тебя пристрелила! – буркнула я, снова надевая куртку на плечи и откидывая волосы назад.

– Здесь есть тир! – порадовали меня, показывая направление. Нет, ну тир – это интересно! Я когда-то неплохо кидала дротики, да и вообще на

меткость не жаловалась!

– Давай пари! – меня обняли рядом со старинным ружьем, которое было нацелено на картонных зайчиков. – Промахнешься – придется целовать меня. Ну как?

– Так, – я потеряла руки, чувствуя азарт. – А если попаду, то... То... Я загадываю желание! Идет? По рукам?

– Наказание мое! Я, между прочим, не добрый джин с тоником, не старик Хоттабыч и так далее... И даже не золотая рыбка... – усмехнулся демон моей наглости. – Хотя... Давай! По рукам!

Мы звонко сцепили руки, а я с коварной улыбкой разбила нашу договоренность, тут же схватившись за ружье, прицелившись, чувствуя тяжесть игрушечного оружия. Маленькие картонные кролики зашевелились, забегали, как живые...

– Так нечестно!!! – возмутилась я, прищуриваясь в прицел и пытаюсь уследить хотя бы за одним. – Требую три выстрела!

– Ай-я-яй! – заметил демон, стоя позади меня. Зайчики замельтешили так, что проще было бы накрыть их гранатой.

Первый выстрел удивил своей отдачей, едва ли не заставив меня бросить ружье.

– Мимо, – меня обняли, коварно шепча на ухо, что у меня тут вырисовывается кредиторская задолженность в целовательном эквиваленте. Мне даже вручили огромный леденец – сердечко. – Следующая попытка!

Я долго выслеживала розовую заразу, которая пряталась в деревянных кустах, а потом спустила курок, снова шарахаясь от отдачи.

– Ой, не расплатишься, наказание мое, – снова прошептали мне на ухо. – Два поцелуя могут быть равны одному...

Я азартно повела плечом, выстрелила еще раз и...

– Попала! – я сама удивилась, присматриваясь к пробитому насквозь кролику, к которому подбегали картонные собраты, заставив меня почувствовать себя настоящей живодеркой. Ага, еще и снежинки мне припомните, которые я с усердием маньяка вырезала в детском саду!

– Ну-ну, – усмехнулся демон, обнимая меня. – Что загадываешь?

– Хм... Я приберегу желание! – ответила я, понимая, что поцелуи я все равно проспорила и долг платежом, не только красен, но и вкусен. Аттракционы менялись, мой долг рос как на дрожжах, курс поцелуя переплюнул курс доллара, едва ли не заставив меня объявить целовальный дефолт. Судя по всему, я все губы сотру, пытаюсь вернуть хотя бы часть долга, а те, кто пишут цитаты про «миллионы поцелуев», обречены гореть

в аду. Оставался последний аттракцион. Перед нами стояла каретка с широким, оббитым красным бархатом диваном, а рельсы уходили в зияющую оскаленную пасть комнаты страха и ужаса.

– Ха! Скелеты из пластмассы и куклы-убийцы меня не напугают, – заметила я, чувствуя, как каретка тронулась по рельсам. – Но вот если мне покажут договор с фирмой однодневкой, на которую перевели пару лямов, то тогда я еще подумаю. Или на меня вместо вампиров на меня выскочит камеральная проверка уполномоченных органов и мне придется есть все документы?

– Документов нет, придется есть меня! – скромно заметил демон, обнимая меня в тот момент, когда мы въезжали в темноту, щедро и густо обвешанную искусственной паутиной. На нас вылез вампир, смахивающий на моего генерального после новогодних праздников, вылетела стая летучих мышей, раскатала губу и бинты игрушечная мумия трудоголика, которому не дают больничный, вставая из красивого саркофага. Но нам было уже совсем не страшно, потому, что рубашка расстегнута, куртка валялась в ногах, а платье собралось гармошкой на талии. В абсолютной темноте, я целовала обжигающие губы, а мне отвечали с таким же дьявольским порывом. Мне организовали камеральную проверку, заставив меня обрадоваться тому, что у меня с бухгалтерией все абсолютно гладко. Но я в долгу не оставалась, требуя показать удостоверение личности и уверяя, что красивый пиджак и белая рубашка не дают ему право вот так вот просто проверять мою бухгалтерию! Я отодвинула ногой сброшенный на пол пиджак, пока юрист не успокаивался, изымая у меня по очереди все кружевные активы. Мой долг существенно сокращался, а в тот момент, когда его рука потянулась лишить меня последних активов и удовлетворить требования проверяющего органа, даря сладкий и глубокий поцелуй, в крошечной темноте раздался жуткий вой.

Нет, все понимаю, что для бешеной собаки восемьсот километров – не крюк, но как он здесь очутился?

– Тихо-,тихо, – прошептал демон, прижимая меня к обнаженной и исцелованной мною же груди, пока у меня колотилось сердце. Его рука легла мне на голову и провела по волосам. – Я тебя отобью. Если не всю, то хотя бы по частям! Ладно, шучу... Помни, у нас контракт.

Вой снова разорвал тишину, заканчиваясь разъяренным рыком ревнивого чудовища. Не знаю, как на счет любовников в шкафу, но я бы сама орала «Подвинься», если бы вышла замуж за оборотня. Витязь на распутье с ужасом включил правый поворотник.

– О – оборотень. Р – ревность, – сардонически заметил демон, пока я

терлась об его грудь, замирая и сглатывая. – И ведь нашел же все-таки. Не люблю, когда мне мешают.

Голос в этот момент стал очень зловещим, а я почувствовала, что самое страшное в этой комнате страха сейчас обнимает меня одной рукой, а собачка просто, прибежала, обнюхала, вильнула хвостом и пошла по своим собачьим делам. Внезапно на вагонетку что-то прыгнуло, пронзительно воя и злобно рыча. Рядом со мной мелькнула лапа с когтями, которые оцарапали бы меня, если бы меня не прикрыли.

– Твар-р-рь, – прорычал оборотень, но его тут же отмело невидимой волной. – Р-р-разорву! Загр-р-рызу! Р-р-растер-р-рзаю!

Еще один рывок, а я почувствовала, как меня со всей силой прижимают к себе, отбивая удар и отбрасывая ревнивца в сторону.

– Послушай, контрацептив, – раздосадовано заметил демон, а я понимала, что в чем-то он, несомненно, прав. – Сдуйся отсюда! Повторяю первый и последний раз. Больше повторять не буду! Не твое собачье дело, чем мы тут заняты!

– Она – моя! – мчался на нас оборотень, пока все одинокие девушки скрещивали пальцы и мечтали, чтобы именно с таким усердием их тащили в сторону узаконенной бытовухи. – Р-р-руки пр-р-рочь!

– Тут вообще-то не руками, ну да ладно! – усмехнулся демон, отбрасывая локоны за спину и натягивая рубашку. – В сторону. Достал. Наказанье мое! В сторону! Стоять позади меня!

– Р-р-разлучник! – рычал оборотень, прыгая на демона и отлетая в гости к графу Дракуле. – Р-р-разор-р-рву!

Демон стоял на рельсах, а на него всех парах неслось чудовище. Шаг вперед, взмах руки и в сторону ревнивца отлетела вагонетка, завалившись на семейку зомби. Осиротели сразу два зомбаренка. Каждый шаг демона сопровождался такими разрушениями, от которых хотелось застраховаться не только имущество, но и жизнь. Невидимая сила корежила рельсы, швыряла вагонетку и антураж, отбрасывала оборотня при каждом его рывке, но тот упрямо вставал и снова мчался разбираться с разлучником.

– Наказанье мое, мы тут поиграем с собачкой, – процедил демон, но оборотень не унимался. Одна стена вылетела, оставив просвет, через который выскользнул блохастый собственник. Раздался скрип искореженного металла, в проеме мелькнула спина демона в развевающейся на ветру рубашке.

Я бросилась за ними, понимая, что в последний раз за меня дрались в школе. Ну, не конкретно за меня, как за девушку, а за право сидеть рядом со мной из соображений практичных и отнюдь не романтических.

Снова раздался грохот, пронзительный рев, перерастающий в визг. Посреди огромной воронки разрушений стоял демон. Его волосы неестественно поднимались вверх, рубашка трепетала парусом в невидимом порыве ветра, который шел откуда-то из-под земли. Земля вокруг него потрескалась, а в трещинах загорались магматические всполохи. Трещины разрастались, превращаясь в разломы, искореженные аттракционы, сорванные крыши торгового ряда, дополняли антураж того самого филиала ада. С грохотом в огромный разлом проседало колесо обозрения, поперек разлома застряла карусель с той самой милой лошадкой, которая недавно меня катала. Черт, а мы с ним обои клеили... вспомнились конфетки, обои, отчеты, а мне стало не то, чтобы неловко, но и как-то страшновато.

Оборотень выбрался из груды обломков, отряхнулся, раздирая когтями лохмотья навеса, и пронзительно завыл, раскидывая вокруг себя остатки цветного дерева, скалясь и прижимая уши.

– Сидеть! – приказал демон, а оборотня ударило об землю. – Я кому сказал! Сидеть!

Оборотня снова шмякнуло об землю, а я чувствовала, что в этом поле чудес мне уже все по барабану!

– А теперь лежать! – оборотня вдавило в землю, и как не пытался лохматый подняться, у него не получалось. – Лежать! Голос будешь подавать тогда, когда я тебе скажу!

Но оборотень сдаваться не собирался. Один рывок, и он уже был на ногах. В него тут же полетела металлическая балка.

– Ой, промахнулся, извини, – нехорошим голосом заметил демон, одним движением отправляя еще одну по тому же адресу. Оборотень, видя преимущество на стороне соперника, тут же поменял точку зрения на мужскую солидарность. Дескать, не виноват демон. Это не он – коварный соблазнитель, а я – еще та, почетная лямбда.

– Р-р-разорву! – чудовище понеслось в мою сторону со скоростью хорошего автомобиля.

Демон попытался отбросить зверя, но тот уже понял принцип «шерше ля фам». И пока «ля фам» шуршала в сторону, пытаюсь укрыться, тварь в четыре прыжка, уворачиваясь от металлических осколков, способных остановить не только танк на полном ходу, но и ракету на взлете, настигла меня и бросила на землю. Кольцо с руки соскользнуло и отлетело в сторону.

– А вот за это я тебе ноги повывергиваю! – послышался голос, пока на меня раскрывали слюнявую и зубастую пасть с горячим желанием заполнить в гастрономическое пользование и руку, и сердце.

Оборотня с меня снесло мощным порывом, оставив на мне слюни и несколько царапин. Пока я пыталась нашарить кольцо среди сухой травы и листьев, меня резко поставила на ноги и схватила за горло мохнатая лапа.

– Гер-р-ройствуешь? – прорычал голос над ухом, а возле моего уха клацнули внушительные челюсти, пуская прямо мне на плечо порцию слюны. – Попр-р-робуй, тр-р-ронь! А ты не р-р-рыпайся, р-р-развратница! И не вздумай ор-р-рать, как в тот р-р-раз!

Зайчонок, если тебе интересно, идея сбежать была правильная, но выбор я не одобряю.

– И что ты мне сделаешь? – на меня капнула еще порция слюны. Лохматая и когтистая ручища держала меня за горло. – Мы – истинная пар-р-ра! И умр-р-рем в один день!

Что-то я пересмотрела свое видение детских сказок, особенно оптимистичный финал «умрем в один день». Есть у меня подозрение, что красавицы могли бы пожить слегка подольше... И не просто могли, а очень хотели.

– Дур-р-рак! – рассмеялся хриплым смехом оборотень, еще сильнее сжимая мое горло. – Слабак! Тр-р-рус! Ну? Удар-р-рь меня!

– Любимой женщиной нужно не прикрываться, а укрываться, – со вздохом заметил демон, глядя на нашу «любовь до гроба». – Странное у вас понятие «истинная пара». Ладно, мохнатый, постараюсь запомнить твою морду такой, как сейчас.

– Она сама р-р-рада отдать за меня свою жизнь! – прорычал оборотень, а я случайно вычислила того, кто расписывается за меня при получении почты. – Потому что мы – истинная пар-р-ра!

Меня схватили, как котенка, закинули на плечо, скалясь и хрипло смеясь, а потом я почувствовала, как мы несемся с огромной скоростью. Если бы деревья или кусты просто мелькали – было бы здорово, но они цеплялись за меня, расцарапывая руки и лицо. В кармане платья зазвонил телефон: «Моя мама – лучшая на свете...», и я поняла, что есть у мамы предчувствие, что любимая дочурка забыла пригласить ее на свадьбу. Нет, судя по тому, что меня нещадно кусают блохи, гостей со стороны жениха будет много!

– Все! Тормози! – взмолилась я, телепаясь оторванным ранцем на плече у пушистого соискателя моей конечности. – Хватит! Прекрати!

Но мы неслись сквозь туман и ветки, каждая из которой считала своим долгом оставить на мне какой-то след. Через полчаса меня сгрузили на какой-то камень и пронзительно завывали. Вой разносился по окрестностям, а ему эхом вторили чужие голоса. Оборотень снова завывал, а кусты вокруг

зашуршали. На меня из темноты смотрели горящие глаза.

– Ты вер-р-рнулся... – прорычал хриплый голос. – Кто это?

– Это Зайчонок Два, – прорычал Рудольф. Про Терминатора Два и Брата Два я слышала. Но никогда не думала, что вляпаюсь в историю кинематографа, схлопотав главную роль в продолжении чьей-то мелодрамы. Извините, тут замена актрисы на роль невесты! Ничего страшного! С таким характером можно смело замахиваться на одноименный сериал.

– Ты вовр-р-ремя, – заметило еще одно чудовище с проплешинами, после созерцания которых, напрашивалось знакомое слово «лишай». – Мы тебе давали ср-р-рок до конца этого полнолуния! Если ты не возьмешь жену, мы выбер-р-рем нового вожака!

Отлично! Прошу добавить в графу «семейное положение» пункт «схватили и утащили». Я буду выбирать его всякий раз при устройстве на работу.

– Сестра наша меньшая! – поприветствовали меня оборотни. Нет, я тоже немножко оборотень. Утром веду одну бухгалтерию, а вечером совсем другую, тихо воя на луну, но это не значит, что меня тут братья мои большие должны причислять к своей пушистой семье!

Я попыталась улизнуть с жертвенного алтаря, но меня тут же схватили за горло и вернули обратно.

– Где кольцо? – жених дышал на меня таким запахом, словно собачка на прогулке решила полакомиться продуктами чужой жизнедеятельности, а потом решила выразить всю слюнявую любовь к дорогому хозяину. – Чего молчишь? Ты его потеряла?

Я посмотрела на свои руки, понимая, что хороших новостей у меня нет, а преподносить плохие я еще не научилась. На властелина колец оскалилась вся многочисленная стая, брызгая на меня слюной.

Внезапно лес осветился ярким светом, а сквозь толпу вековых деревьев пробился свет фар, заставив братьев моих больших шарахнуться по сторонам. Визг тормозов, машина идет дрифтом, разбрасывая вокруг колес шишки, ветки и землю.

– Успел! – обрадовался демон, вылезая из машины и наигранно хватаясь за сердце. – Ребята! Думал, не успею! Я тут за колечками для новобрачных мотался! Дарю вам совет да любовь! Примите всю мою любовь и совет...

Лицо демона омрачилось, а обратной от меня невидимым взрывом.

– Не ругаться со мной впредь!

Меня втащили в машину, хлопнули дверью и дали по газам, резко выворачивая руль. Резкий рывок, заставивший меня вжаться в сидение, пытаюсь нащупать ремень. В кармане звонил телефон, срочно требуя меня. Но меня срочно требовала не только мама, но и целая стая оборотней, которая мчалась за машиной. Я никогда не видела, чтобы так водили, выворачивая руль и минуя деревья. В бок машины кто-то наподдал, заставив меня вздрогнуть. На капот попытался запрыгнуть еще один любитель острых ощущений. Сквозь ветки мелькал желтый диск полной луны, стыдливо прячась в облаках.

– Главное, когда водишь, – смеялся демон, снова выворачивая руль – не задавить оборотня. Пока ты доказываешь ДПС, что собачка сама бросилась под колеса, тебе в лицо тыкают вполне человеческим телом.

Нас снова крутануло, демон вдавил педаль газа, и мы погнали по какому-то полю. Жесткий кустарник скребся по машине, местные ямы радовались нашим колесам, а тот самый подлый диск луны, коварно улыбался сумрачным ликом из-за растрепанных облаков. Вокруг нас слышался многочисленный вой и шорохи десятков лап.

– Четыреста лошадок против тридцати пя... – заметил демон, а мы подпрыгнули на какой-то кочке. – Хотел сказать пяти, но уже четырех... Жаль...

Вокруг все расплывалось, туман становился гуще, молочной дымкой застилая весь обзор. Внезапно мы резко остановились.

– Тихо, – прошептал демон, поправляя зеркало заднего вида и делая резкий поворот в сторону. – Все, теперь погнали.

– Я маме позвоню, – чирикнула я, ужасаясь количеству пропущенных вызовов и пытаюсь не вспоминать математику. – Алле мам, у меня все хорошо... Да, мам... Почему не звонила? Забыла маму? Да нет, не дома... Мы тут гуляем... Как с кем? Ну... Мы в машине едем! Нет не пропил! Нет, не воровал! Да что ... Мама!

Я даже слегка покраснела, глядя на красивые руки, которые нежно гладят руль. Мама выводы сделала и положила трубку. Мы мчались по трассе, а в приоткрытое окно задувал предутренний ветер. Где-то вдалеке брезжил рассвет, малиновой акварелью расцветив краешек неба.

– Не переживай. Если лишай вернется, то завтра ничего не вспомнит. Держи, – мне на колени опустилось кольцо. – Подарок на память.

– А я уже подумала, что ты мне предложение делаешь! – съехидничала я, глядя на кольцо потемках и пряча его в карман.

– С подлежащим у нас сегодня не вышло, поэтому довольствуйся сказуемым, наказание мое! – так же ехидно ответили мне, набирая

скорость.

Бабушки на лавочке многое повидали в этой жизни, и кое-что даже в моем исполнении. Но когда дверь машины открылась, а я выползла оттуда как со съемок «Пятидесяти оттенков садомазо», придерживая руками разорванное платье, бабушки уронили вставные челюсти.

– Любовь – зла, – вздохнула я, дефилируя в одной туфельке в сторону подъезда. Перед домофоном, я обернулась на взволнованный шепот и нежно добавила. – Зато мне будет, что вспомнить, сидя на лавочке.

Ничего-ничего, скоро соседи будут вешать на мою квартиру табличку: "Сдается недвижимость девушке без оборотней, вампиров, драконов и прочей нечисти. Второй такой раз мы не переживем!".

Дома я увидела разодранные обои, остатки мебели, разбитый стеклопакет, сломанный стол и любимую кружку с отбитой ручкой, которая валялась на полу вместе с чайником и сахарницей. Присев на чудом уцелевший стул, я полезла в карман за телефоном. По кафельной плитке что-то звякнуло. Я наклонилась и подобрала черное кольцо с ярко-алым камнем в грубой огранке. Камень был покрыт какими-то символами. То есть – это не кольцо оборотня?

Глава девятая. Серпентарий единомышленников

Хищный и мудрый... Аааааа!

Оборотень так и не появился. Я его ждала, как девушка ждет своего парня из армии, понимая, что письмо, которое начиналось словами: «У меня появился другой! Давай останемся друзьями!» и пропажа солдата и автомата, как –то связаны.

Я опасливо прислушивалась к шорохам в ночной тишине и трусливо поглядывала в обтянутую полиэтиленом раму, а когда у соседней что-то падало, у меня тут же падало настроение и сердце в пятки. Где-то колосось предчувствие, что следующее объявление о сдаче малогабаритной недвижимости в аренду будет гласить, что сдается квартира без мебели, стеклопакетов, дверей и обоев под капитальный ремонт. Одиноких женщин, мечтающих устроить свою личную жизнь – просьба устраивать ее где-нибудь в другом месте. Писать в камеру, арестант номер такой-то, мотающий срок за убийство в состоянии аффекта.

Ничего, сейчас поднакоплю денег, куплю мебель, сделаю ремонт... Если раньше мысль о новом женихе вызывала желание купить мужские тапочки, то сейчас я предпочла бы белые, женские, универсальные. Демон после испорченного вечера не появлялся, чем меня очень сильно огорчал. Я вертела на пальце перстень, поглядывая на красивую и зловещую вязь из символов, пытаюсь понять, в чем причина? У нас же все было хорошо? Так в чем же причина?

Квартира напоминала обитель любителей горячительных напитков, хостел для всадников апокалипсиса и конференц-зал для шабаша, и выглядела так, что при мысли о полуночи, у меня, как у порядочной Золушки, возникали мысли сразу же надавать по тылке, оторвать орешки и намекнуть ему, мол, «Зая, бал!».

Сбежав на почту, я получила посылку от мамы, в которой обнаружила сомнительные мужские штаны на вырост и пару почти новых кроссовок. О том, что они – почти новые, намекал запах нафталина. Я осмотрела их со всех сторон. Теперь я точно знаю, что однажды в них играли в футбол, копали картошку на даче и даже сдавали в долгосрочную аренду какому-то косолапому на левую ногу товарищу. А что? Идет друг на свидание – держи

кроссовки! Судя по запаху, девушки падали штабелями сразу на подступах к соискателю. Ладно, выдам одежду следующему жениху. А то вдруг он на себе будет майку рвать, мол, люблю-обожаю и штаны, намекая на то, что любовь у нас отнюдь не платоническая?

Ровно в полночь я стояла в коридоре, вслушиваясь в шорохи. Позади меня пряталась подарочная сковорода, которой я планировала нанести превентивный удар. Если жених подумает, что ему подмигивают, то придется сразу пояснить, что это – не тонкий намек на толстое обстоятельство. Если у всех нормальных девушек после женихов остаются красивые часики, а у меня просто нервный тик, у моих подруг – расшатанная кровать, а у меня – расшатанная нервная система, у счастливиц – новый ремонт, а у меня – предвестник выселения.

Время шло, стрелочки медленно двигались к следующему соискателю, которого я уже мысленно нарекла вандалом. Ровно в полночь в коридоре все потемнело. Мне показалось, что даже пространство свернулось, а потом развернулось, выплевывая на мой вздутый ламинат очередного соискателя моих конечностей.

– Не смотри на меня! – раздался мужской голос. – Закрой глаза!

– Открывать рот не буду. Мало ли, – ответила я, слегка прищуриваясь и пятясь в сторону санузла.

Неужели все настолько страшно? Или нет? Не помню, чтобы указывала в анкете, что я – психиатр? Я не по тем делам, чтобы выковыривать из мужика комплексы маленькой чайной ложечкой. На счет мозгов – вопрос спорный.

– Я предупредил! Не смотри на меня! – снова послышался голос, а в коридоре вырисовывался силуэт. – Отвернись! И глаза закрой!

Нет, ну я в своей жизни повидала мужчин, которые проиграли обезьяне в конкурсе красоты. Хотя, а вдруг он голый? Мало ли, в какой момент его выдернули на свидание? Вдруг он купался, а тут внезапно призыв? Я краем глаза увидела обнаженный торс...

– Штаны и кроссовки на тумбочке. Специально для тебя, – заботливо соврала я, вспоминая, что до помойки их так и не донесла. В полумраке послышался треск рвущейся ткани.

– Ладно, смотри, – мрачно заметил Квазимодо с комплексами, пока я снова пыталась реанимировать включатель и ужаснуться. На всякий случай, я представила себе пару чудовищ. Если свет некогда и озарил чью-то больную душу, то в моем случае это была целая туша!

Прямо в коридоре, сжимая в руке кроссовок, стояло нечто, что ни в сказке сказать, ни с пересохшим от страха горлом описать. Обнаженный,

красивый, как мраморная статуя мужик с большим, я бы даже сказала, огромным... х... хвостом. Чешуйчатым хвостом змеи вместо ног. Глаза у мужика были завязаны тканью штанов. Я понимаю, что не мисс Вселенная, но не настолько же!

– Раз... Два... Три... Четыре... Пять... – прошептала я, желая сыграть в прятки как можно скорее. Если что я – в сейфе под замком.

– Можешь смотреть, – великодушно разрешило мне пресмыкающееся, подползая ко мне с вытянутыми руками. Его рука легла мне на лицо и стала его интенсивно ощупывать. Еще немного и мне пальцем попадут в ноздри.

– Красивая, – постановил жених, продолжая нащупывать нить будущего романтического разговора. Ну да! Нос на месте, глаза в нужном количестве, рот тоже не на боку – просто богиня! – И даже волосы есть! И нос!

Какая прелесть! Вот это – комплименты! Если наличие волос и носа делает меня завидной невестой, то другим соискательницам я не завидую! Надо было ему вместо лица что-нибудь другое подставить и заодно проверить рекламу «Лицо, как попка младенца!».

– Я – василиск, – представился кандидат, проводя контрольные ощупывания. Я перевела взгляд на хвост и чуть не преставилась. Бррр!

– Вася? Очень приятно, – сдавленно заметила я, чувствуя, как пальцы чуть не попали мне в рот. В моем послужном списке не хватало только питона Васи. Нет, ну судя по тому, куда опускаются его руки в процессе, он еще тот гадюк!

– Эй! – возмутилась я, глядя на черную и непроницаемую ткань на глазах Чингачгука Большого Змея. – Понимаю, что ты – слепой, но чувствую, что шарящий и настырный.

Я посмотрела на плавный переход человеческого тела в чешуйчатый хвост и поняла, что как-то не сложатся у нас паззлы. При всем желании...

Внезапно в коридоре раздался хлопок и появился еще один силуэт в молочной дымке клубящегося тумана. Так! А вот это уже интересно! Я гарем не заказывала! Раздался звук детской погремушки и возмущенное шипение.

– Сыночек! – прошипел расстроенный женский голос под аккомпанемент погремушки. – Ты где, сыночек? Мамочка пришла! Ползи ко мне, родной! Я так переживала... Так переживала...

– Мама! – обрадовался питон Вася, демонстрируя мне счастливую улыбку и махнув рукой куда-то позади себя. Гадюка Ивановна? Анаконда Петровна? Гюрза Степановна? – Красавица, познакомься! Это – моя мама!

– Вы не переживайте, девушка. Мама вам мешать не будет. Мама в

уголочке посидит, – заметила мама, подползая к нам и близоруко щурясь змеиными глазами. На ней было столько украшений, что я удивляюсь, как ее не утащила сорока. Пока мне озвучивала два имени, от которых в ответ зашипел любой уважающий себя кот, я поняла, что имена у них не просто уникальные, но и неповторимые. Лично для меня. Так что для удобства буду называть их «Вася» и «Медуза Горгоновна».

Медуза Горгоновна осматривала меня со всех сторон, как машину на авторынке перед покупкой. Разве что с фонариком под капот не залезла. Ее очень интересовал мой пробег, скорость рождения внуков и километраж, который я в случае чего готова наматывать вокруг ее ненаглядной кровиночки. Взгляд у нее был таким пронизательным, что тут же захотелось потребовать справку о флюорографии и рентгене.

– Мам, она хоть красивая? – с надеждой спросил Вася, снова протягивая руку в мою сторону.

– На любителя, сынок, – фыркнула Медуза Горгона, пока я с интересом и отвращением рассматривала «потенциальную свекровь». Ее лицо напоминало отчаянные попытки угасающей звезды вернуть себе былую юность, а волосы – городскую легенду, что иногда обычная краска для волос – становится зеленоватой по независящим от производителя причинам.

– Ну что тебе сказать, сынок! Глаза могли бы быть и побольше, нос поменьше, подбородок поуже, губы попухлее... Но я не вмешиваюсь! Ваша жизнь – вы и решайте. Мама вмешиваться не будет... Но ты хоть о себе расскажи, сынок. Пусть знает, кто решил ее осчастливить! – заявила мама, которая собиралась молча посидеть в углу. Наш герой гордо вскинул голову и изрек:

– Я – василиск. Мой отец был василиском. Я – на половину наг. Мама – наг, а папа – василиск! – сообщили мне, пока мама стояла и чинно кивала, соглашаясь с тем, что мне несказанно повезло.

– Я могу убивать одним взглядом! Испепелять и обращать в камень! – хвастался мне потенциальный уж. Мама тем временем, шурша погремушкой на кончике хвоста и звеня драгоценностями, осматривала мой коридор с дотошностью будущего жильца.

– Мы – очень древний народ. И живем больше двух тысяч лет, – продолжал питон Вася, положив мне руки на плечи, явно, чтобы я не сбежала.

– И сколько тебе лет? – я поинтересовалась исключительно ради приличия, ибо Медуза Горгоновна уже критично рассматривала кроссовки, поднимая их за шнурки.

– Мне – восемьсот, – улыбнулся Вася. Мама, звеня браслетами, стала изучать содержимое моей сумки, методично перерывая пудреницу, блеск для губ, влажные салфетки, визитки.

– А маме? – на автомате спросила я, глядя как из сумки извлекают чехол для зонтика.

– Вот, ползуночек мой, и эта туда же, – вздохнула Медуза Горгоновна, бросая его обратно в сумку. – Я хоть и обещала не вмешиваться, но так и быть отвечу! Не дождетесь, девочки! Все-все-все, сыночек. Я не вмешиваюсь. Считайте, что мамы здесь нет...

– А что вы ищете там? – поинтересовалась я, глядя, как рука Медузы Горгоновны открывает шкаф.

– Ничего-ничего, – заметила Медуза Горгоновна, улыбаясь мне. – Вы там шипите себе, а я тут посмотрю.

Хвост мамы скользнул под тумбочку и извлек оттуда внушительный ком пыли. На меня посмотрели, как на свинью, хрюкнувшую из лужи.

– Я спать, а вы как хотите, – зевнула я, глядя как следом за комком пыли кончик хвоста выудил монетку. На меня бросили взгляд, как на жену олигарха, привыкшую сорить деньгами. Нет, рассказ про папу василиска очень интересный, но время уже второй час ночи, а уборка меня изрядно вымотала.

Запахнув халат, отнеся сковородку на кухню, я пошлепала к своей кровати, натянула на себя одеяло и уснула. Проснулась я неожиданно для себя, от громкого шипения.

– Лежи-лежи, ползуночек, – раздался ласковый голос, преисполненный скорбной горечи. – Это же ваша кровать... Мама здесь, на полу переночует... Свернется клубочком и переночует... Померзнет мама, ну ничего страшного... Ну негде матушке спать... Не позаботилась невестка...

Ну да, не достроила еще одну комнату для мамы. Как я могла?

– Мам! – прошипел Вася, пока мать горестно вздыхала. – Ложись ... Будешь спать с нами...

– В качестве кого? – я окончательно проснулась, даже привстала, откинув стеснение и одеяло. – В качестве участника, тренера, судьи или независимого консультанта – свечкодержателя? Мне просто интересно. Если что – свечка в столе, спички на кухне!

– Вот, видишь, ползуночек... Мама на коврик, как собачка поспит... Выносила, выкормила, а ты весь в папу, гад ползучий... – бухтела Медуза Горгоновна. – Куда же ты смотрел, сынок, когда на эту соглашался? Где же твои глаза были?

– А у тебя нет второй кровати? – встревоженно спросил ползунок,

пытаюсь нашарить первую. – Или еще одних покоев для мамы?

– Ой, простите, – ехидно ответила я. – Не успела достроить! А раз мама умеет так хорошо строить всех, то пусть она будет так любезна построить себе дом и жить отдельно!

Интересно, я правильно намекаю на то, что не собираюсь в срочном порядке арендовать двухкомнатную квартиру ради трехдневного визита чужой мамы?

– Обычно женихи как-то самостоятельно справлялись, – улыбнулась я, даже не собираясь двигаться. – Спокойной ночи...

Я снова накрылась одеялом. Проснулась от того, что меня сдвигают на край кровати.

– Уговорил. Так и быть. Мамочка на краюшке поспит, – раздалось шипение в темноте.

Судя по тому, насколько меня сдвинули, мама заняла весь плацдарм, оставив потенциальной молодой семье уютиться над пропастью. Послышался звон браслетов и шипение.

Я снова выплыла из мира грез, от того, что по моей ноге скользит змея, а меня кто-то нежно поглаживает по спине рукой. Если я сейчас обернусь и увижу потенциальную свекровь, то ... Хотя нет, не свекровь.

– Я не поняла, что это за поползновения! – прошипела я, жадно сгребая свою подушку и ревниво оберегая свое одеяло. – Ты что? Озабоченный?

– Да, я озабоченный тем, что маме холодно. Я отдал ей свое одеяло, но ей все равно холодно, – шепотом заметил жених. Судя по охам, ахам и вздохам, на том конце кровати ему рожали братика или сестричку. Причем, я подозреваю, что отцом на этот раз был ежик.

– Не мои проблемы, – зевнула я, слушая как ахи, охи, стоны и вздохи становятся на пару децибел громче. Уснуть под такие крики долго не удавалось.

– Что ей нужно? – процедила я, хватая покрепче свое одеяло, которое пытались утащить и спасая свою родную подушку от участи стать «гуманитарной помощи замерзающим».

– Забыла я дома свой чехольчик для хвоста, – охала мама на весь дом. Я встала, таща за собой подушку и одеяло, включила свет, глядя, как мама работает пособием по всем болезням мира, имитируя то инфаркт, то инсульт, то лихорадку с ознобом. И тут меня осенило, что в шкафу валялся пыльный чехол от старой искусственной новогодней елки. Зелененький, длинненький, брезентовый. Как чувствовала, что пригодиться!

– Держите, мама, – ласково заметила я, протягивая ей подарок,

оставшийся по наследству от предыдущих квартиросъемщиков.

Мама перестала охать, глядя на мой скромный и скромный презент.

– Ну, натягивайте, – заботливо заметила я, глядя как мама стала пялить его на манер носка. Чехол пришелся маме впору. Через минуту я всеми силами пыталась удержать всхлипывания от смеха. На кровати лежала мама, обвешанная драгоценностями, как новогодняя елка, а на хвосте растянулась надпись: «С новым гадом! ... это – семейный праздник!». Не знаю, какая зараза исправила фломастером надпись, но я обещаю, что разыщу ее и пожму руку. Мама повернулась на другой бок, обнажая плохо-пропечатанное стихотворение, до акта вандализма подразумевавшее елочку: «Ах у телки, ах у телки два больших шара! С новым гадом, с новым счастьем! Ура!». Я не знаю, кто пишет стихи для открыток и поздравлений, но это – лучшее, что я читала за всю свою жизнь.

Отвоевав себе место, я уютилась на подушку, завернулась в одеяло и тихо сопела от негодования, глядя как луч фонаря, бьющего в окно очертил светлую полосу на обоях. Тяжело вздохнув, я уснула.

Проснулась я от того, от чего просыпаться не люблю. Гортанный храп, намекал на то, что развратница Света где-то нашла трех пьяных трактористов и дотащила до своей кровати. И теперь они в раскатистый унисон радуют ночной руладой все уже не спящие окрестности. Параллельно шуршал брезент и звенели мамины украшения. Я все понимаю, что каждый ищет свое место под солнцем, однако на моем одеяле были изображены цветы, поэтому то, что сейчас вползает под мою полянку, меня конкретно настораживает. Я хотела громко и больно возмутиться, но мне тут же зажали рот рукой.

– Мама уснула, – прошептал на ухо нежный голос, пока холодный хвост обматывал мои щиколотки.

– Ты что творишь? – прошипела я, чувствуя, как ладонь ослабла, а меня разворачивают лицом к себе.

– Только тихо... Пока мама спит. У мамы сон очень чуткий, – едва слышно прошептали мне, убирая волосы с моего лица и пытаюсь наощупь найти место для поцелуя. Отлично! Пока мама заливисто поет прокуренным соловьем на том конце кровати, сынок предлагает ей сделать подарок в виде внуков? Стисни зубы, партизанка. Ни всхлипа, ни стоны! Как разведчица на боевом задании. Мне кажется, что где-то в резюме на вакансию разведчицы обязательно есть пункт: «Проживали ли вы с супругом больше года в однушке со свекровью и другими родственниками?». И, как мне кажется, на основании этого пункта диплом разведшколы дают без экзаменов!

Меня снова попытались поцеловать, сдавливая хвостом мою талию.

– Мы быстренько, пока мама спит, – страстно шептали мне на ухо, снова пытаюсь найти мои сжатые губы для поцелуя. – Только тихо, а то проснется... Не шевелись...

И тут любитель ночных поползновений застыл, словно каменное изваяние, зажав мне рот рукой. Мама на том конце кровати охнула, переворачиваясь на другой бок, сонно бурча и звеня своей бижутерией.

– Тссс! – заметил шепотом питончик Вася, прислушиваясь и пытаюсь нащупать границы моей ночной рубашки, пока я остервенело выкручивалась. – Тише...

– Ползуночек, а ты кончик перед сном мыл? – послышался хриплый и сонный голос мамы. Я внимательно посмотрела на обладателя грязного кончика. – Или опять, верх помыл, а кончик хвоста грязный остался?

Нет, я все понимаю, что она выносила его, чтобы мне потом было что выносить, но меня это категорически не устраивает!

Я отвернулась, скинула с ног грязный кончик и уснула. Проснулась я от того, что на кухне что-то грюкает, причем так, словно там протекает семейный скандал в семье начинающего музыканта, решившего освоить железные тарелки. Отсутствующий слух, голос и инстинкт самосохранения, не мешали энтузиасту осваивать музыкальную грамоту, поэтому он изо всех сил пытается доказать семейству, что они ничего не понимают в музыке.

– Ползуночек проголодался, а невеста спит! – послышался голос Медузы Горгоновны. – Он же слепой. Сам приготовить ничего не может.

– И не говори, – раздался еще один женский голос, а я почувствовала себя фокусником, которому предстоял смертельный номер – вернуть съеденное одеяло. – Хорошо, что мы подросли.

После слова «мы» я слегка встревожилась, приподнимаясь на руках и шаря в поисках тапка. Что это за дружественный десант? Откуда? Мне одного жениха обещали! Я кому-то оторву голову! Это что еще за...

На кухне расположилось сразу четыре змеи. Один Ползуночек сидел на стульчике, а остальные ползали рядом. Медуза Горгоновна кормила сына с ложки, утирая рукой его подбородок. А рядом ползали еще две змеи – немолодая блондинка и немолодая брюнетка. Одна держала стакан с водой, который кочевал ко рту Ползунка после каждого нечленораздельного мычания, а вторая держала в руках тарелку.

– О! Явилась, не простудилась! Не простудилась и не умерла! – недовольными голосами заметил слегка раздутый штат родственников со стороны жениха.

– Пожнакомься, это – мои тети... – начал мистер жевательный мускул, а мне уже по взглядам было понятно, что передо мной Гюрза Горгоновна и Гадюка Горгоновна. – Фас еще бабуффика...

В коридоре раздалось шипение и оханье, а на не предназначенную для такого количества народа кухню вползла толстая и огромная старая змея с седыми космами волос, морщинистым лицом. С такой внешностью можно смело играть морскую ведьму в любом спектакле по мотивам «Русалочки».

– Она? – в меня вопросительно ткнул толстый палец с тремя блестящими кольцами и уперся тяжелый хмурый взгляд «и кто тут посягнул на мою кровиночку»? Было у меня неуютное чувство, словно только что в песочницу спустилась тетя Зина, сжимая за руку косолапого рыдающего Петеньку, и стала устраивать дознание, кто отобрал у Петеньки совочек? Так и хотелось захныкать и сказать, что это – не я, а какая-нибудь другая девочка, но других вариантов не было.

Старая Анаконда Горынышна горделиво посмотрела на меня взглядом-ренгеном, а за столом послышалось: «Я больше не бубу!».

– Ешь, богатырем вырастешь! – вмешалась Гюрза Горгоновна, выхватывая ложку. Ну да, два метра – не потолок. – Ложечку за матушку...

Выражение «единственный мужик в семье» стало приобретать второй, пугающий смысл.

– Плохо, что у нее ноги, – вынесла вердикт Анаконда Горынышна, покачав седой головой и позвякивая золотыми украшениями. – Ой, плохо.

Где-то русалочка предложила мне обмен, но я категорически воспротивилась. Голос, пожалуй, возьму. Надо же чему-то прорезаться, глядя на этот произвол!

Тетки шарили по кастрюлям, кривились, поглядывая на меня с укором общества по защите прав маменькиных сынков. Чешуйчатый матриархат устроился на моей кухне, глядя на меня, как на плесневелую колбасу на полке.

– Мне кажется, что она старовата, – скривилась Гадюка Горгоновна, сощуриив змеиные глаза. Я не знаю, кто тут староват, но разница в возрасте в пару сотен лет в пользу жениха как бы намекает на то, что он мне годиться в те самые родственники, которые с упреком смотрят с фамильных портретов. А его бабушка вообще ни к ночи будет помянута.

– Что такое ноги? А ничего! – кивнула Анаконда Горынышна, сверкнув глазами, пока я пыталась подобрать челюсть и слова. Если в аду кому-то икнулось, то я даже знаю кому. – Две уродливые подпорки. А если детям передадутся по наследству? Что тогда? Будут прыгать и бегать! Позор! Позор для семьи!

В клубе «Единственный мужик» по традиции есть свой генетик, который на глаз определяет набор твоих хромосом, прикидывает, на какие хромосомы ты хромаешь, и тут же прогнозирует в кого пойдет потенциальное потомство.

– Я ей ребенка своего не доверю! – возмутилась Медуза Горгоновна, а мне прекрасно было видно, как шевелятся ее волосы при виде моего вчерашнего супа. Бросив на меня перекрестные взгляды, словно автоматные очереди, серпентарий единомышленников, продолжи держать семейный совет.

– Девушки, бабушки и женщины, – усмехнулась я, поднимая брови и глядя, как падает на пол крышка от кастрюли. – А теперь слушайте меня внематочно. Мне нужно сильно плечо, на которое я могу опереться в трудную минуту, а не зеленая сопля, которая мажется об мою жилетку. Мне нужен мужик, который не умрет рядом с холодильником от голода и которого не надо кормить с ложечки и утирать ему ротик. Так что ваш сын, племянник и внук мне не подходит!

– Что??? – взвизгнула Медуза Горгоновна, хватаясь за сердце. Ее сестры поддержали ее, пока жених нудил, чтобы его отвели по мужским делам... Ну да, прямо бизнесмен, который не может повернуть грязное дельце без поддержки, помогающей ему правильно сесть и решающей вопросы с бумажной волокитой.

– Ты ему хвостик поддержишь? – перешептывались сестры.

– Пустите! – взмолился питон Вася, пытаясь нашарить ближайшую родственницу.

– Сиди! Тут твоя судьба решается! – отрезала Анаконда Горынышна и грозно щелкнула хвостом, как кнутом. – Тут тебе такую невесту подсунули! Просто ужас! Мало того, что хвоста нет, лентяйка, вид у нее нездоровый!

– Нездоровое здесь только чье-то любопытство, – ядовито ответила я, претендуя на очковую кобру, потому что не в меру любопытные потенциальные родственники уже обшарили всю мою кухню! Ага, срок годности на мне уже истекает, лежу я себе на полке старой колбасой с налетом горького опыта, об которую ломают зубы.

– Ничего, перевоспитаем! – дала мне шанс Медуза Горгоновна, видимо, вспоминая мой щедрый подарок.

– Я хочу ... – начал питончик Вася, но на него тут же зашипели. У четырех нянек дите слепое! И скоро сделает лужу.

– Чем болела в детстве? – спросила голосом прокурора Анаконда Горынышна. – Полностью все, чем болела. Учти, мы хотим здоровое потомство.

В этот момент меня осенила мысль, что если я прикинусь самым больным в мире человеком, они дружной уползут обратно, забрав с собой своего единственного мужика в семье.

– Ой, – всхлипнула я, вспоминая вполне обычное детство. – Страшно говорить. Была ветрянка, корь, краснуха, чесотка, экзема, мокнущая и обычная, ангины постоянные, грипп сезонный, свинка, синдромы всякие... Как говорила моя мама – век живи, век лечись.

Я даже почесалась, для убедительности, разразившись натужным кашлем.

– Так что здоровьем я слаба, – вздохнула я, снова кашляя. – Мне не журавль в небе, и даже не синица в руках, а утка под кроватью и голуби на памятник светят.

– Это – не страшно. Нам это не передается. Вот, например, ползунок постоянно в детстве болел. То чешуя отваливалась, мы травами мазали, то в глаза капали. Помню, как купаем мы его, а у него на паховой пластине чешуя отваливается...

– Ну мам, не надо! – возмутился жених, пока я гипотетически пыталась выяснить что такое паховая пластина. Мне уже однажды рассказывали семейную историю болезни, пока мы сидели за столом с потенциальным ухажером. Цвет какашек, температура, все простуды, странные сыпи – через сорок минут я знала о возможном кандидате больше, чем его лечащий врач. Половина диагнозов была несовместима с жизнью, другая половина с супружеским долгом. Так вежливо мне еще никогда не намекали, что я слегка не подхожу.

– Помнишь, как мы его в травах вымачивали? – стали вздыхать тетки, переглядываясь. – А как хвост посерел? Почти весь облез. Снова травами мазали... А как линял в первый раз? Шкурка слезает, а он рыдает! Ему лет триста было...

Я посмотрела на питончика так, словно он уже – не жилец.

– Сковыривали коросту, дули на хвост... – продолжали тетки, пока я прикидывала, что кушать уже не хочу. Совсем не хочу... – И кончик выпаривали... Пока вся чешуя не слезла... Жиром мазали, компрессы на паховую пластину... Да...

Теперь я понимаю, что значит выражение «трудное детство». И как же ты выжил, бедняга с такой заботой?

– А помните, – оживилась Анаконда Горыньшна. – Как у него болямба вскочила? Гнойная? Как мы ее давили всей семьей...

Избавьте меня от подробностей!!! Оставьте их для районного терапевта! Триллер «В семье потомственных целителей родился ребенок»

продолжался битый час. Под конец мне захотелось обзавестись респиратором, костюмом химзащиты, святой водой и хлоркой! Со характерным «швырк-швырк» любитель играть в больничку почесал руку, вызывая у меня желание отрезать ее и сдать на экспертизу.

– Он у нас – очень нежный, – умилительно заметила Медуза Горгоновна, поглаживая по голове питончика, который уже сползал с бабушкой на «бизнес встречу». – Поэтому нам нужна девушка, которая все время будет следить за ним.

Ага, одну минуту. Бегу за подозрной трубой! Настраиваю систему слезки. Первый-первый! Я – второй! Ты поел? А в туалет сходить не забыл?

– Мне скучно, – надул губы единственный мужик, играя хвостом. – Мама, так я женюсь или нет?

– Тише! – прошипели на него телокормители и телохранители. – Сиди и молчи. Тебя это вообще не касается! Нельзя доверить ребенка этой! Чует сердце! Ему уже отдохнуть пора после еды! Ползи спать! А мы тут с твоей невестой поговорим!

Что-то это прозвучало как-то угрожающе. Будущий Уж пополз в комнату, а на меня посмотрели так, как наверняка смотрели злые сестры на бедную Золушку.

– Не внушаешь ты доверия, – процедила Анаконда Горынышна, всей змеиной тушей плюхаясь на стул. – Ой, не внушаешь... Мы решили, что такое счастье, как наш дорогой ползуночек, тебе не светит! Мы поищем кого-нибудь другого!

Трудно делать трагическое лицо, когда тебя распирает от радости. Скатертью дорожка из битого стекла! Я уже заготовила прощальную речь, как вдруг послышался голос.

– А я не спал. Я все слышал. Она мне нравится. Я хочу на ней жениться! – на мои плечи легли руки, заставив меня съежиться. Еще бы, когда переписывали его детскую карточку, врачи с грустью смотрели на все тома «Войны и Мир». А летописцу выдали посмертную премию. – Мне кажется, что я в нее влюбился!

В этот момент на меня посмотрели такими взглядами, что инквизиция скромно отошла в сторонку. На меня загремели сразу все хвосты, а я поняла, что детский сад с погремушками закончился. Начинается суровая школа жизни.

– Ну хорошо, сыночек, – процедила ревнивая мать, глядя на меня змеиными глазами, мол, ничего-ничего, сейчас-сейчас. – Если ты решил, то посмотрим... Мы так рады, что она тебе понравилась...

Тетки улыбнулись зубастыми улыбками, переглянулись и зашипели. Анаконда Горынышна смерила меня очень многообещающим взглядом.

Я только протянула руку, чтобы налить чай, как Гюрза Горгоновна попыталась выхватить у меня чайник.

– Мы с тобой почти родственники, – елеино прошипела она, вырывая у меня чайник. – Дай-ка я себе водички плесну из кувшинчика... Ой, какой у тебя горшочек славный! Ой! Какая я неаккуратная! Разбился такой красивый горшочек! Ай-я-яй! Но ты не расстраивайся, милая... Новый купишь...

Я смотрела на разбитую кружку и на чайник, который сумела отбить у этой гадюки... Раздался еще один «дзень», и на пол полетела тарелка.

– Ой! Как же так! Я случайно хвостиком задела, – состроила самое грустное выражение лица Гадюка Горгоновна, пока я смотрела на осколки суповой тарелки.

Змейка бежала, хвостиком махнула...

– Вы что творите! – возмутилась я, прищурившись и понимая, что это было объявление войны!

И тут из комнаты выползла Медуза Горгоновна в моем платье.

– А это что за новости!!! – заорала я, пытаюсь собрать с пола осколки моей посуды.

– Как тебе не стыдно... Твоя будущая мама захотела померять платье... Просто померять, а ты тут раскричалась, словно она его себе заберет! – расстроено прошипела Медуза Горгоновна, поправляя рукава. – Какое славненькое, мне так идет... Да, сестрички?

– Ой, – вздохнули змеи, зеленея от зависти. – Просто сидит, как влитое! Как по тебе шитое, сестра! А цвет! Ну просто в тон твоих глаз! Неужели твоя будущая дочка не подарит его тебе?

– Нет. Не подарю! Это – мое платье! – заорала я, пока Золушка, глядя на меня, радовалась, что у нее всего лишь три родственницы!

– Ну ты и чудовище! Зачем расстроила женщину, которая искренне полюбила тебя, как родную дочь? – зашипели на меня сестры, утешая бедную «маму». – Как тебе не стыдно! Она же просто померяла!

– Мама! Я слышу, что ты плачешь! Что случилось? – вполз по стеночке «жених», – Кто обидел мою мамочку?

– Никто, ползуночек... Мамочка платье увидела красивое у твоей невесточки... Не удержалась и померяла, – всхлипывала мать, пока сестры театрально ее утешали. – А она кричит на меня! Слышал, как кричат на твою мамочку! Чуть ли не воровкой выставила! Без спросу взяла... Да подавись ты своим платьем! Не нужно оно мне! Я же просто померять

хотела...

– Зачем ты кричала на маму? – расстроено спросил мой слепой кандидат. – Она же просто померяла! Она столько для меня сделала!

Тут к вою присоединилась бабка. Подвывала она громче всех...

– Мамочка! Теточки! Бабушка! – метался наш слепой герой, пока его свита изображала плакальщиц на похоронах моих нервов. Траурная процессия несла мои нервные клетки в сторону кладбища. Пока питончик Вася утешал мамочку, мамочка поползла в комнату, чтобы прилечь и отдохнуть от нервного потрясения...

– Моя невеста просто пошутила, – оправдывался за меня питончик Вася, глядя маму хвостом. – Может, у них здесь так не принято...

После этих слов воздушная тревога показалась мне писком помирающей от голода мыши.

– Ну неправда она была! Не должна была она на тебя кричать! Я ей выскажу! – успокаивал Василий ревевшую белугой мать. – Я поговорю с ней!

Тетки уже лезли в разбитый шкаф, вытряхивая все, что там есть.

– Вы что творите! – разозлилась я, пытаюсь отогнать «родственниц» от шкафа с моими вещами. – Я вам не разрешала трогать мои вещи!

– Как не разрешала? Ты же только что сказала, что можно! Она говорила? – всхлипнула Гюрза Горгоновна. И все змеи дружно подтвердили. – А еще она сказала, что можно брать все, что понравится! Мы же родственники?

– Да не говорила я такого! – я пыталась собой подпереть створку шкафа и отогнать настырных змей подальше от моего гардероба.

– Вот зря вы на невестушку наговариваете! Совести у вас нет, девочки! – внезапно взяла мою сторону бабка. – Не жадная она, хорошая... Гляньте, что она нам подарила! Какой подарок! Просто загляденье!

Тут даже мать забыла о слезах, приподнялась, а хвост бабушки держал мою шкатулку, которую я прятала под матрасом. Там лежали колечки, бусики и немного золота.

– Ой, как мы были неправы! – покачали головой тетки, глядя завидующими глазами на бижутерию и ювелирку. – Да она – просто золото! Прости нас, пожалуйста!

– Положите на место шкатулку! – я попыталась вырвать шкатулку у Анаконды Горынышны, которая уже примеряла колечко, подаренное мне на совершеннолетие и любовалась сиянием маленького камушка. – Я кому сказала!

– Ой, какая красота! Не может быть! – шептала тетка, примеряя на

себя нитку речного жемчуга, который достался мне от бабушки. Вторая тетка уже меряла сережки, которые я себе купила на день рождения. – Какой чудесный подарок!

– Доченька моя, – фальшиво выдавила мать, таща себе серебряный перстень с гранатом. – Ну это же такой дорогой подарок! Зачем же ты нас так балуешь!

Попытки приблизиться к серпентарию закончились потасовкой.

– Слушай, дорогой! – процедила я, бросаясь в питончику, который глупо улыбался и прислушивался. – Я им ничего не дарила, и дарить не собиралась. Они сами берут без спроса мои вещи. Бери своих тетушек, мамочек и бабушек и выметайтесь из моей квартиры! Немедленно! А то я вам таких ибабушек покажу, что мало не покажется!

Бабка едва заметно кивнула, пустая шкатулка полетела на пол, а эти сволочи расползлись по квартире. На кухне слышался звон бьющейся посуды и приторные извинения. Цыганский баран и его табор развлекались, как могли!

– Тетушки никогда не умели готовить. Ты прости их. Мы же почти одна семья, – гладил меня по плечу несостоявшийся и несостоятельный уж. Где-то в ЗАГСе репетировали речь: «Объявляю вас ужем и не ной!», пока я негодовала, пытаюсь спасти свое имущество.

– Я только померяю! Ты мне разрешила! – твердила бабушка, доставая наперебой с матерью остатки моего гардероба. – Ой! Порвалось! Что ж ты так плохо шила! Руки у тебя кривые!

На пол летели рваные лифчики, белье, кофты и даже штаны. Вот конкретно сейчас краснеет очень известный дизайнер и целый модный дом. Все, что не налезало или не нравилось, рвалось цепкими руками, пока я мчалась на кухню, глядя, как сестры сметают хвостами осколки: «Извини, милая! Мы все уберем!».

Я снова бросилась в комнату, где довольные мать и бабка, держали в руках все самое пестрое и красивое, словно только что урвали модную коллекцию на распродаже, хвастаясь находками. Что-то я не помню, чтобы объявляла о распродаже личных вещей в связи с закрытием квартиры! Попытки отбить любимое шоколадное платье, закончились для меня плачевно. Мощный удар хвоста бабки оттолкнул меня в сторону стены, знатно припечатав к стене.

– Ой, извини, милая. Ты не ушиблась? – проворковала бабка, пока мать улыбалась и беззвучно смеялась, разрывая мое белье. – Как же так! Прости старенькую... Не заметила...

– Ты не ушиблась? – заботливо поинтересовался ужик, сидя на

кровати. – Бабушка иногда бывает очень неловкой. Но она не желала тебе зла... Не обижайся на нее! Вы же точно не хотели ее обидеть? Не обижайте ее, мне она очень нравится... Я думаю, что встретил ту, единственную, на которой хочу жениться.

– Конечно, ползуночек! Как я могу пожелать зла твоей избраннице! Она же почти член семьи! А мы тут с мамочкой твоей прибираемся! – заметила бабка, расправляя мою трикотажную кофту с розой, которая должна быть в гардеробе любой бухгалтерши за тридцать и которая сменится на свитер – ангорку с бусинками, когда владелице стукнет сорок пять.

– Сыночек, я люблю ее, как родную дочечку! – проворковала мать, разглядывая полпустой флакон моих «вечерних духов».

– Положите на место, змеи! – взорвалась я, бросаясь на мать.

– Ой! Перехвалили! – покачала головой бабка, нагребая себе тряпья, пока мать рассматривала красивую застежку на джинсах. И тут Анаконда Горынышна бросила взгляд на мою руку и обомлела. Мать тоже присмотрелась.

– Возвращай колечко, что ты брала у меня померять! Все, поносила, теперь возвращай, – ко мне протянулась рука Медузы Горгоновны. – Не идет тебе! Как ни крути! Велико!

– Это – мое кольцо, – прошипела я, пряча за спиной подарок демона.

– А! – заорала бабка, словно я вынесла ей не только мозг, но и тележку не на той остановке. – Воровка! Украла матушкино любимое кольцо! Украла колечко! Мы ей померять дали, а она его возвращать не хочет!

– Как? – удивился слепой уж. – Неужели ты забрала любимое мамино кольцо! Как ты могла? Верни маме колечко! Мама свои колечки бережет! Это ей папа подарил!

– Ага, сейчас! – фыркнула я, готовясь держать глухую оборону. С кухни, отряхивая руки, на шум приползли тетки. – Это – мое кольцо!

– Какая прелессссть! – шипели тетки, увидев, как оно мелькнуло на моем пальце в тот момент, когда бабка пыталась хвостом поймать мою руку. Где-то меня морально поддерживал Голлум.

– Не было у нас в семье воров! Не было никогда! – причитала бабка, надвигаясь на меня всей тушей. – Стыдно тебе должно быть!

– Мое колечко! Сыночек, скажи ей, чтобы колечко вернула! – притворно всхлипывала мать, глядя вставшего с кровати сына по плечу. – То самое, с камушком... И ведь попросила же просто померять! Говорит, просто посмотрю, уже больно красивое! Ну я и дала ей! Она же родная нам! И глаза у нее – честные!

Вот как раз к честным моим глазам тянулись руки, с явным желанием выцарапать их.

– Ой, пригрели змею на груди! – причитали тетки, пока я прятала одну руку за спину и отступала в угол, обороняясь другой рукой. – Змея настоящая! Как ни стыдно!

И тут мне на пути подвернулся стул, который я тут же схватила в качестве союзника. У стула было мозгов больше, чем у «жениха», который умолял меня вести себя благоразумно и вернуть мамочке любимое колечко. С такими талантами можно смело идти работать мировым судьей. Спиной я уже чувствовала тот самый угол, в который загнала меня жизнь.

– Не ходите ко мне! – шипела я, а змеи шипели в ответ, стараясь держаться на расстоянии стула. Табор явно решил отправить меня в небо на разведку.

– Вот зачем ты так себя ведешь? – причитал уж, разочаровываясь во мне чуть медленней, чем я в нем. – Как тебе не стыдно! Одумайся! Прошу тебя!

Кольцо слетело с пальца при попытке отбиться от Анаконды Горынышны, решившей зайти сбоку. В тот момент, когда кольцо упало на пол, змеи бросились к нему и тут же отпрянули.

– Наказанье мое! Сразу скажи, что ты ни дня без меня не можешь прожить! – усмехнулся демон. – А что это у нас тут за табор?

Судя по его взгляду, табору пора собираться в небо. Причем всем и дружно.

– Ты кто такой? – возмутилась Анаконда Горынышна, звеня украшениями и ставя пухлые и дряблые руки в боки. – Чего приперся? У нас тут семейный разговор! Посторонних нам не надо! Мы тут сами без тебя разберемся! Не лезь в чужую семью! В семье бранятся – только тешатся!

– Вижу, что вы затеяли генеральную уборку, поэтому я решил устроить генеральную проверку! – ядовито заметил демон, глядя на остатки того самого белья, которое в прошлый раз пытался снять. Вот эту вот часть гардероба, он успел снять, а вон ту – нет.

– Какое ты имеешь право! – переглянулись сестры. Блондинка сузила глаза, а брюнетка нехорошо улыбнулась.

– А ничего, что я – владелец этого жилья? – демон подмигнул мне, мол, подтверди. Я закивала так, словно действительно рассчитываюсь с ним ежемесячно через банк.

– Да, это – владелец дома! Я просто тут живу за деньги! Ой, в этом месяце не получится вовремя заплатить, – сразу же изобразила я

жалостливую физиономию. – Я попозже! Как только, так сразу! Извините за беспорядок! Я приберусь! Не знала, что вы придете с проверкой! В прошлый раз вы приходили в середине месяца!

– Вы же знаете, что я занят! – так же официально парировал демон, снова подмигивая мне. – Вы мне еще за тот месяц должны!

– Ой, я же обещала расплатиться! – притворно вздохнула я, снова глядя на разорванное кружево, подметающее пол. – Как только, так сразу! Но тут ко мне родственники приехали! Жених с родственниками!

– А кто из них договор с тобой подписывал? – прошептала я, прячась за «хозяина».

– Это – не мои клиенты, – прошептали мне в ответ. – У нас тут замена... Распоряжение из небесной канцелярии... В последний момент подсунули эту семейку...

– Я еще так нагрешить не успела, чтобы мне такое подсовывали! – шепотом возмутилась я, пока змеи пытались доказать, что находятся здесь на законных основаниях.

– Если что, я тебе помогу нагрешить, – закусил губу демон, проводя рукой по моей спине.

Под шумок скандала Медуза Горгоновна подползла к кольцу и попыталась украдкой его поднять хвостом, но от наших взглядов это не ускользнуло.

– Положи на место! – демон заметил маневр, наступив на чешуйчатый кончик хвоста. – Не твое – не протягивай хвост!

– Ай! Обижают! – громко заорала Медуза Горгоновна. – Как больно! Как тебе не стыдно обидеть слабую, беззащитную женщину! Да какой ты мужчина после этого?

– Мама! Я тебя спасу! – бросился питончик Вася, сдирая с глаз повязку, едва слышав горестные крики матери. – Он сейчас окаменеет!

– Не надо, миленький! – заволновались тетки, бросаясь на племянника. – Успокойся! Не снимай повязку! А вдруг маму заденешь! Все хорошо!

– Нет! На этот раз точно сниму! – повязка слетела с лица под страшный крик: «Окаменей!». На нас с демоном смотрели зеленые змеиные глаза с напряженным прищуром. Тетки медленно отползали в сторону коридора. Бабушка ползла вместе с ними. Мать отползти не могла, ибо ее хвост был зажат ногой в дорогом туфле.

– Я сказал «окаменей»! – закричал питон, подслеповато щурясь и гипнотизируя нас взглядом. Хм... А где результат?

– Погоди-погоди! Сейчас! – заметил демон со смехом, занимая какую-

то очень солидную позу. – Давай, пробуй еще раз! Я давно говорил, что мне памятник пора поставить за терпение! Да! Именно так! Наказанье мое, у меня достаточно трудоголический взгляд? Мешки под глазами есть? Я тут передовик, можно сказать! Меня обещали на доску почета повесить!

Я тихо потухла, с одной стороны понимая, что что-то тут не так, а с другой стороны, глядя на мужественный профиль страдальца от работы, я понимала, что именно так должен выглядеть памятник истинному трудоголизму!

– Окаменей! – снова закричал Вася, уставившись на демона и на меня. – Вы что? Не поняли? Я кому сказал! Ка-ме-ней!

– Нет, так не пойдет! – произнес демон, покачав головой. Он тут же занял задумчивую позу. – Уважаемый скульптор! Лучше остаться для истории великим мыслителем, чтобы все смотрели на мою статую и думали, о чем же я таком задумался? Пусть ломают головы историки, какие же такие думы посетили мое каменное чело! Если что, наказанье мое, я подбираю синонимы к слову «сволочи».

– Окаменей! – снова произнес уж, тужась изо всех сил. У него сейчас глаза из орбит повылазят, если так будет продолжаться и дальше. – Приказываю! Окаменей!

– Нет, я передумал! Мы же шедевр из меня создаем на века? – закусил губу демон. – Давай, я лучше буду героем-любовником! Сейчас, погоди, как бы так эротичней встать, чтобы дать фору Казанове! Я достаточно соблазнителен? А если рубашку еще немного расстегну! Ой, не поверят! Есть, конечно, вариант, чтобы бабушкам сумки было удобно вешать, но наказание мое еще одетое! Стоп! Я придумал! Если увековечивать меня, то не одного! Уважаемый скульптор, тариф тот же? Наказанье мое, иди сюда! Сейчас будем позировать! Итак, мы – Бонни и Клайд! Сделай пальчики пистолетом! Не хвост, а пальчики! И не к виску! Вот, наказанье мое! Я тоже так сделаю.

Я смеялась и не могла остановиться, делая пальцами пистолет и приваливаясь к спине демона, который смотрел так, словно только что отстрелялся!

– А теперь спина к спине и взгляд спецагентов на боевом задании! Ну-ка! Вот! Отлично! Увековечьте нас, уважаемый, как вас там по батюшке? – развлекался демон, пока остальные змеи дезертировали в коридор с ворохом моих вещей. Кольцо осталось лежать на полу, и это меня утешало. – Нет! Мне не нравится! А вдруг подумают, что мы действительно преступники? Что скажет твоя мама? Давай что-нибудь героическое. Ты побеждаешь демона. Я тут корчусь со страшной силой...

Давай я на колени встану, как бы умоляя тебя пощадить меня? Хотя нет! Мы сейчас изобразим семейную идиллию. Как будто мы только что поженились... Иди ко, наказание мое...

Меня обняли, пока питон Вася тужился и не сводил с нас взгляда, шепча, что у него не получается исключительно по той причине, что мы не можем постоять ровно.

– Вот! – заметил демон, целуя меня и обнимая. – Смотри в покрасневший объектив. Судя по потугам, сейчас вылетит какое-нибудь слово нехорошее, когда наш скульптор осознает, что его всю жизнь обманывали близкие и родные ... змеи.

– Окаменей! – требовал Вася, тужась так, что по его виску стекали капли пота. – Ну же! Каменей! Ка-ме-ней! Я – василиск! Я приказываю! Каменей!

– А я – ангел, – рассмеялся демон, когда я уже понимала, что фотосессии не будет. Пленка кончилась именно на нас! – Ладно, пошутили и хватит. У меня работы – море. Держи колечко, мне пора. До встречи.

И тут я поняла, что это – развод. Скульптура «Счастливая семья» превратилась в памятник одинокой женщине. Рядом с раскрытым шкафом была куча моих вещей. Интересно, куда делись мои платья, и откуда, интересно знать, взялись эти тряпочки? Перепись одежды показала, что те трусы, что сейчас на мне, нужно беречь со страшной силой! Ибо они у меня остались одни! Прямо представляю, как буду сушить их феном, бережно развешивать возле вентилятора, сидеть в одном халате и нетерпеливо ждать, когда они высохнут.

– Я пить хочу, – прошептал Васенька, лупая глазенками. – Пить....

Ну так сползай! Я тебе что? Мешаю?

– Принеси мне попить, – Васенька смотрел на меня большими глазками и ковырял хвостиком вздутый ламинат. – Я не умею... У меня хвостик...

В кармане пошел вибровывоз, а на экране высветилась тревожная, как у бульдога перед броском, фотография генерального директора.

– Как заплатили, а денег никто не получил? Когда платили? А платежка есть? – нервничала я, слушая, как тихо нудит ужик, а в трубке бубнит генеральный. – А банк что? Что значит ехать и разбираться? Нет, я не поеду! Пусть... А Лена что? Не может? Так! Я не поняла! И карточки зарплатные забло... что? Вы издеваетесь? А договор у нас с ними до какого?

Люблю, когда диалоги заканчиваются фразой: «Вот это все ты и выясни!». Осмотревшись по сторонам, я присела разбирать завалы вещей, в

надежде, что там хоть что-то можно зашить. Красная кофта – ангорка с бусинками а ля «первые заморозки», штаны от спортивного костюма «классика подворотни» – это единственное, что подлежало ремонту. Известные модельеры потеряли руки, предвкушая мой выход в свет. Я стала искать туфли, но даже туфель не было! Два кроссовка мужских отечественных, три пары туфель импортных, куртка замшевая. Одна. Все, что нажито непосильным трудом!

– Так, милый, – спортивные штаны придавали мне плюс сто пятьсот к борзости. – А где твои мамы-бабушки и тети? А? А ты не в курсе, что они меня обнесли? Слегка ограбили, если можно так сказать?

– Они не могли, – твердо сказал ужик, все еще умирая от жажды. А через минуту он скукожился и ... заплакал: «Мамочка, ты где? Забери меня отсюда!». Я в надежде, что материнское сердце дрогнет, осмотрелась по сторонам.

И тут я увидела пакет, до которого добраться не успели. После трех узлов и «мать твою!», адресованного несостоявшейся свекрови и остальной родне с глазами видющими и руками загребущими, я сумела вытащить на свет божий девятисантиметровую шпильку. Я точно помню, что обувала ее один раз в жизни. Один. Незабываемый и забываемый. Раз. Каждый шаг давался мне с трудом, а походка требовала, чтобы нашелся герой, который возьмет на себя заботу о девушке – паралитике. «Девушка! Давайте еще потанцуем?» – приставали ко мне весь вечер, пока я пыталась своей унылой хореографией намекнуть на то, что меня нужно носить на руках.

Нацепив все уцелевшее под монотонное нытье: «Я голоден! покорми меня! И пить хочу! Принеси мне водички!», я посмотрела на себя в зеркало. Может, присесть, приличия ради? Отличные спортивные штаны изумительно сочетались с каблуками и кофтой. «Ну что ребята? Где деньги?» – присела я на корточки, пытаюсь удержать равновесие. Не знаю, как банк, но теперь не мужики у меня, а я у мужиков могу спокойно просить телефончик. Причем, не номер, а аппарат. Зачем мне просто номер? Номер мне не нужен!

Ко всему этому безобразию отлично походила красивая сумка. Под окном парковалась машина, откуда заунывный голос под однообразные аккорды вещал о воровке, которая спуталась со служителем порядка. Ладно, попробуем позвонить и узнать что там с нашими деньгами!

– Алло, здравствуйте! – прокашлялась я, поглядывая на горячую линию нашего банка, найденную в интернете.

– Банк Возрождения Ежиков слушает вас! – вежливо заметил мужской голос. – Чем могу вам помочь?

Так, у меня нигде не завалилсядохлый ежик? А то мало ли! Погодите! Одну минутку! Я всячески пыталась взять себя в руки.

– Банк Возрождения Ежиков слушает вас! – настаивал на моей душещипательной потребительской истории оператор Евгений Ежиков. Я была красноречива, как никогда. – Я только что проверил! Мы отправили платеж! Деньги должны были уже прийти! Всего хорошего!

Отлично! Где этот счет на корпоративной почте? Какого числа его отправляли?

Я вытащила тарелку из микроволновки, положила ложку перед страдальцем и продолжала выяснять методом: «подождите, я вас сейчас переключу на...», кого еще возрождает банк кроме ежиков, комаров, котов. На стульчике в смиренной позе ожидания с открытым ртом кукушонка сидел и гипнотизировал тарелку питончик Вася. Я тоже честно ждала, когда картошка научится сама прыгать в рот. Мясо еще не научилось, но надежды мы не теряем.

– Алло, здравствуйте, – зевнула я, чувствуя, как меня дергают за ангорку, требуя, чтобы я взяла ложку и принялась кормить удава.

– Банк Развития Козлов! Чем могу вам помочь? – выдохнул мне голос, пока я глазами искала умственно отсталого козла отпущения, чтобы хоть как-то сдвинуть процесс обучения хотя бы с «Бе!» на «Вэ». Я снова описывала историю, пока бедный жених орал, что вот-вот уписывается голодной смертью.

– Нам платеж не приходил! Спросите у своего банка! Еще вопросы есть? – равнодушно ответили мне, пока мне очень хотелось задать насущный вопрос кадровой службе с отменным чувством юмора. Я снова набрала наш банк, слыша, как нитье рядом переросло в скулеж. И снова изложила свою историю новому оператору. История стала немного длиннее и слегка красочней. Меня обещали перевести на службу безопасности, если я переживу двадцать минут отвратительно музыки, разрывающей барабанную перепонку и динамик.

Несостоятельный и несостоявшийся уж начал орать, что я его голодом морю, пока мое ухо терроризировали хрипловатой классикой! Пришлось взять ложку, мысленно прося прощение у всех соседей.

– Горячее! – скулил Васенька, кривясь так, словно я засовываю ему в рот не ложку, а раскаленную плойку.

– Банк Возрождения Носков! – мрачно заметил голос после того, как я пережила двадцать пять минут концерта Рахманинова с моими нервами, запихивая еду в горло прожорливому удаву.

– Я еще не прожевал! – возмутился он с набитым ртом и чинно

выложенными на коленочках руками, пока я пыталась загрузить свежую порцию еды в переполненный рот, обдувая каждую ложку.

После пятиминутного разговора выяснилось только одно. Белый и пушистый банк, в котором работает бригада почетных реаниматоров, все провел и все послал. А теперь рад послать меня, но лишь чувство врожденной интеллигентности, приправленное «в целях повышения качества обслуживания все разговоры записываются», мешали выдать мне карту, резиновые сапоги и фонарик.

– Слишком горячее, – скулил хвостик, теребя меня за рукав так, словно я предложила ему первому лизнуть горячую сковородку. – Я обжегся!

Через полчаса я выяснила, что фирма – контрагент поменяла реквизиты, а мы оплачивали по старым. Шерлок Холмс решил уйти на пенсию.

– Слишком холодное, – всхлипывал питон, проглатывая следующую ложку, которой я уже норовила выбить ему зубы. На меня смотрели жалобно-жалобно, явно ожидая, что во мне проснется материнский инстинкт.

Напряженные нервы, которые проклинали все ежиных некромантов вместе взятых, начали потихоньку приходиться в себя. На экране высветилась СМС-ка от подружки: «Светочка, давай встретимся сегодня вечером? Сходим куда-нибудь!». Я еще раз посмотрела на себя со стороны, понимая, что сходить мы можем только в подворотню.

Где-то прорвало трубу с приглашениями! Меня активно звали на Дни Рождения, прогулки и даже свидания, ментально чувствуя, то мне нечего надеть, а зарплата нескоро.

Питон Вася с открытым ртом сидел и ждал, когда у меня в очередной раз проснется совесть, пнет жалость и та донесет до открытого рта ложку. Глядя на такого мужика, мне должны давать пособие как матери-одиночке! С туалетом у нас возникли проблемы, решать которые самостоятельно он отказался. Причем, категорически, давая всем страдающим видом понять, что в этом вопросе я должна иметь максимальную заинтересованность.

Истерики, слезы, шлепанье хвостом по полу, обиды и крики свидетельствовали о том, что его «по его маленькому» нужно мне, а не ему, что я – злая, жестокая и бессердечная женщина, у которой нет сердца. В итоге он справился самостоятельно, а через час меня уже пытались обнять с определенными намерениями, как бы намекая, что мне пора бы иметь ребенка. Со своей стороны, я понимала, что мне категорически нельзя иметь чужих детей.

К вечеру, когда мне на почту, чтобы я не скучала, сбросили месячный

объем работы, Васенька ползал вокруг меня и рыдал, что ему скучно, требовал, чтобы я спела ему песенку, рассказала сказку и так далее. Стоило отойти на минуту сводить баланс и фирменные концы с концами, как раздавался такой грохот, что приходилось бежать обратно. Обычно в этот момент на кровати сидел обиженный Васенька, на полу валялось что-то сломанное, а питончик бубнел: «Это не я! Оно само!».

Когда в очередной раз разобиженный питон приполз на кухню с закономерным требованием кукушонка, я поставила тарелку, положила вилку, взяла ноутбук и ушла в комнату, слушать радио-пьесу «Я такое не ем!». Гад ползучий возомнил себя пупом земли. Мужские рыдания пупка оглашали всю кухню, сотрясали стены. Соседи были уже в курсе, что у меня завелся очередной мужик, которого я, проклятая гестаповка, не кормлю! Мало того, что не кормлю, а еще и бью, мучаю и заставляю! В итоге принципиальный принц, мучаясь на котлетой, завопил еще громче: «Меня заставляют! Я не хочу ее!».

С улицы слышались одинокие мужские крики:

– Да не бойсь! Будь мужиком до конца! – советовали соседи из мужской солидарности, которые очень любят устраивать посиделки под моими окнами, пока я сидела на диване и пыталась провести поставку от шестнадцатого числа, а по номенклатуре у меня не сходилось.

– Не бубу! – хныкал питончик еще громче, сообразив, что у него появились заинтересованные слушатели, готовые в любой момент стать группой поддержки.

– Что? Не встает? – оживились невидимые мужики. Васенька выглянул в мою комнату, поджал губки и горестно заметил, что «Нет!». С каждой минутой мух и котлету будет все сложнее и сложнее разделить.

– Ну, значит баба виновата! – согласились мужики, заочно переваливая вину на меня.

– Да! – проныл ужик, умирая над котлетой. Он все-таки взял в руки вилку, тыкая котлету вилкой и с надеждой глядя в сторону окна. – Я ее тыкаю-тыкаю, а она никак!

– А ты погладь ее! Они это любят! – посоветовал один эксперт по поеданию котлет, заставив меня тихо застонать от смеха. «Многоуважаемая котлета, не согласитесь ли в стать моей?» – страстно шепчет едок. Но наивная котлета не знает, что наступит утро – расставания.

– Погладил! – всхлипнул удавчик, прислушиваясь к ответам. – Она никак! Не хочу эту! Хочу другую!

– Ты, это, поосторожней там! – предупредили мужики, чем-то звеня, а потом шурша. «Ну ребята! За встречу!». – А то эта тебе голову оторвет!

Потом, пока она не видит, можешь другую, а так ни-ни! С этой совсем не получается?

– Совсем! – вздохнул Вася, ерзая на стуле. Мужская поддержка в этом сложном, щепетильном вопросе поедания котлеты была очень важна для него.

– Ну ты ей ласковое что-нибудь скажи! – предложила техподдержка, чем-то журча. – Они это любят! Сказал ласковое – сама к тебе прыгнет!

Я даже отложила ноутбук, умоляя кого-то принести мне поп-корн! Правильно! Доброе слово и котлете приятно!

– Хорошая... – проговорил Вася, открывая рот в ожидании, когда совет подействует. – Красивая...

– Молодец! Давай еще! – почти хором прониклась нашим горем местная богема. – Нежное что-нибудь! Покажи, что ты – мужик! Скажи, что женишься на ней! У меня прокатывало!

Я разучилась дышать, предвкушая, как стану свидетелем на это гастрономической свадьбе.

– Я на тебе женюсь! – вздохнул Вася, присматриваясь к результатам. Котлета пока взаимностью отвечать не хотела. Видимо, думала над таким предложением. Еще бы! Это – очень серьезный шаг для нее!

– Она большая! – заметил ужик, жалуясь дальше и снова с грустью поглядывая в сторону окна.

– Насколько большая? – оживились мужики не очень трезвыми голосами. – Совсем большая? Большая – это наоборот хорошо! Прижмешься – перезимуешь!

Я не могу! Представляю, как Вася зимует с котлетой. Три месяца с одной котлетой! И главное, никакой ипотеки!

– Ладно, – усмехнулась я, проходя тихонько на кухню и ставя на стол ноутбук. – Я закончила! Слезай!

– Ну вот! – обрадовались мужики результату, найдя новый повод выпить!

К вечеру нежданно-негаданно явился демон. Пока Васенька пытался интеллектуально осилить детскую раскраску с легким оттенком пессимизма, ибо я сумела найти только черный и зеленый фломастер, передо мной стоял красавец – юрист, в новеньком костюме с игривым белоснежным воротничком. Он улыбался загадочной улыбкой, обнимая меня за талию.

– Приглашаю на свидание в хороший ресторан. В качестве компенсации за причиненный ущерб! – с усмешкой заметил демон, глядя на меня карими глазами.

– Какое свидание? Да в таком виде меня даже на свидание к заключенному не пустят! – возмутилась я, понимая, что злодейка – судьба в очередной раз решила приколоться надо мной. – Ты издеваешься? Да? Мне надеть нечего!

– Это хорошо, наказание мое, – заметил Демон, обнимая меня. – Меньше снимать придется!

Я стояла, как самая несчастная женщина возле шкафа и всхлипывала, что надеть нечего. Если раньше после этого всхлипа, я раскрывала створки, и мне на голову вываливался целый ворох тряпья, то сейчас, максимум, что на меня вылетит – осиротевшая и голодная моль.

– Мне действительно нечего надеть, – душераздирающим голосом заметила я, вспоминая про единственные трусы.

– Наказание мое, – демон приблизился ко мне и посмотрел тем самым лучистым взглядом, от которого в душе становилось светло и тепло. – Я так понимаю, что это – просто предлог, чтобы не идти на свидание. Если бы ты действительно хотела, то пошла бы в драном халате и тапках. Или ты боишься, что о тебе скажут люди? Ну что ж...

– А ты не подумал, как женщина будет чувствовать себя в тот момент, когда идет в тапках и халате рядом с мужчиной мечты в дорогом костюме? – парировала я, понимая, что разочаровываюсь в нем со скоростью звука его голоса. – Конечно, прекрасный принц решил выгулять свою Золушку! Чтобы маленькая нищенка в тапках оттеняла его красоту. Мол, смотрите все! Я соизволил, осчастливил, облагодетельствовал! Собаке плевать, как она выглядит, когда идет гулять с хозяином, а женщине – нет! К тому же меня нет денег! От слова «совсем»!

– Теперь я понимаю, наказание мое, почему ты до сих пор одинока! Акты занесу на днях, – демон разочарованно щелкнул пальцами и ... исчез.

Неужели он... После вспышки наступил нервный озноб осознания того, что только что было. Я думала, что он – особенный ... Нет, я не плакала. Меня переполняло гадостное разочарование, словно тебе подарили красивый торт, который ты разрешила, стала есть, а там – кусок картонки вместо вафли. Если еще вчера я готова была бить себя пяткой в грудь и орать на каждом углу о том, что наконец-то встретила настоящего мужчину, сегодня я медленно пила кофе со вкусом горького разочарования, хмурясь при мысли о том, что век живи – век разочаровывайся. Да чтобы я? Плакала из-за какого-то мужика? Да никогда! Они не стоят слез!

К вечеру меня просто отключало, как из розетки, я, покачиваясь, поползла в сторону кровати, все еще чувствуя глубокое разочарование в том, кого почти полюбила. Я уже почти уснула, сжимая подушку и

укрываясь одеялом с головой. В теплое местечко, в мою маленькую пещеру страданий вползла холодная змея, прикоснувшись к моим теплым ногам.

– Знаешь, я хочу по-маленькому, – заметил питончик Вася, навалившись на меня и пытаясь меня сожрать.

– Ну так ползи! – огрызнулась я, снимая с себя чужой холодный и грязный хвост и отталкивая его наивного владельца.

– Нет, я хочу сейчас! – заметил уж, подползая ближе. Мысль о том, как я буду объяснять хозяину происхождение огромного пятна на матрасе, плавно переходила в три варианта: плохой сон, чай разлила и куплю новый. – Хочу по-маленькому!

Я уже чувствовала себя храбрым мангустром Рики Тики Тави, готовым сражаться с огромным змеем ни на жизнь, а наспех, ибо зевота меня одолела настолько, что глаза закрывались от усталости.

– Неужели ты не хочешь по-маленькому? – ласково шипел оживившийся соблазнитель котлет, почетный пикапер полуфабрикатов, Казанова от сосиски и романтик от фарша.

– Нет, по маленькому я не хочу! – огрызнулся злобный мангуст, натягивая на себя одеяло.

– То есть ты детей не хочешь? А я мечтаю, чтобы у меня было много детей, – вздохнул питончик, пока я медленно накрывалась одеялом с головой, стараясь не смотреть в сторону того, кому не с кем играть. Пока мне рассказывали все прелести будущего отцовства, которые сводились к приятному конкретному процессу минут на пятнадцать и большому-большому абстрактному счастью на всю оставшуюся жизнь, я отчетливо видела, как рыдающий отец ползет ко мне жаловаться, что дети отобрали у него игрушки и не хотят отдавать!

Я отползла подальше от счастья материнства, пригрозила пожизненным лишением права отцовства и уснула, зарывшись лицом в подушку. Ночью я проснулась от того, что на меня резко упал потолок. Сердце заходило в бешеной истерике, я попыталась вскочить, но меня уже стягивали с кровати чьи-то руки. Я пыталась дать отпор, задыхаясь от внезапного испуга. Сопротивление, оказанное мною, было напрочь проигнорировано! Такое чувство, словно, табор приполз обратно, случайно услышав краем уха, что у меня золотые зубы! Мне удалось вырваться, вскочить на ноги, надеть тапки и броситься к двери, но меня подхватили на руки, вынося в коридор.

Мои ключи звякнули на тумбочке, пока меня тащили, завернутую в одеяло куда-то в сторону лестничной клетки, на ходу захлопывая входную дверь. Гулкие шаги похитителя раздавались в полутемном подъезде, в

котором пахло картошкой, пирожками, луком и ароматом не просыхающей канализационной реки. Железная дверь с домофоном пропикала и открылась, а я почувствовала свежесть ночи. Я пыталась вылезти из одеяла, но меня завернули так, словно сейчас орущую вынесут родителям и заявят, что у них – девочка! Очень плохая девочка!

Меня бросили на что-то мягкое и скрипящее, и пока я пыталась выбраться из двуспального кокона, раздался звук стартера.

– Ты с ума сошел!!! – заорала я, даже закашлявшись от негодования и понимая, что тапки потеряла в подъезде.

За рулем сидел демон, глядя на меня с усмешкой. Пока авто набирало сверхзвуковые скорости, он невозмутимо и элегантно крутил руль, сохраняя тревожное и обиженное молчание.

– Сохраняй спокойствие, наказание мое. Это похищение, – с едва заметной улыбкой Джеймса Бонда выдал «похититель», бросая на меня терпкий взгляд. Отлично! Может, его расстроить? Меня никто выкупать не будет! Даже родители. Мама и папа, увидев эту машину, будут за ней бежать с криками: «Спасибо, можешь называть нас мамой и папой!».

Мы резко остановились. Я попыталась что-то рассмотреть за окном, но единственное, что бросалось в глаза – старинная вывеска «Цветы».

– Выходи с поднятыми руками, – усмехнулся демон, а я уперлась не только рогом, но и босыми ногами в чужой коврик. – Давай, наказание мое!

Надеюсь, что в магазине кроме продавца никого нет. Просто магазинчик выглядел так интересно и необычно, что у меня возник соблазн посмотреть, что внутри. Вокруг витрины порхали разноцветные светлячки, складываясь в слова: «Порадуй любимую!», «Подари букет!», «Цветы, которые она никогда не забудет...». Видимо, в полку светлячков ubyло, но как же чудно они порхали, рисуя невероятные светящиеся в воздухе розы.

Мне предложили руку, чтобы помочь выйти из машины. Галантно и безупречно, улыбаясь при этом странной улыбкой.

Я вышла из машины, сбрасывая одеяло и кутаясь в халат. Светлячки тут же полетели в мою сторону, заставив почувствовать себя королевой. К моему удивлению, они окружили меня светящимся роем, пока я пыталась разглядеть хоть один из них вблизи. Дверь передо мной галантно открылась, прозвучал мелодичный колокольчик, а светлячки упорхнули, напоследок сложившись в сердечко.

– Добро пожаловать, – пропела маленькая пестрая птичка с длинным сверкающим хвостом, слетая с букета дивных цветов. А нам навстречу высунулась улыбочивая продавщица, одаряя нас таким взглядом, словно ждала только нас.

На полочках, на полу стояли букеты, при виде которых сглотнули бы даже учительницы, собирающие на первое сентября полную цветочную кассу. Стоило мне наклониться к шикарному букету из голубых цветов, которые слегка шевелились, как на меня вспорхнула стая голубых бабочек, закружившись вокруг меня, оставляя белоснежный букет, украшенный нежнейшим кружевом и шелковым бантом.

– О! – улыбнулась продавщица, глядя на меня странными глазами. Что-то не то, было с ее глазами. Они были большими, зелеными и настолько яркими, что мне показалось, что такие глаза не могут принадлежать человеку. – Это – букет сюрприз. Если вы что-то хотите сказать, но все никак не решается, бабочки сделают это за вас!

На соседнем букете развернулась огромная бабочка, заставив меня выдохнуть от удивления. Прямо на ее крыльях было написано: «Я тебя люблю!»

– Мужчины сейчас очень робкие, – улыбнулась фея, поправляя маленький букет, который раскрылся после того, как она к нему прикоснулась. – Им все сложнее делать первый шаг! Я еще удивляюсь, как они умудряются жениться!

Я любовалась корзинкой, в которой две розы обвивали друг друга, превращаясь в один огромный цветок невероятной красоты.

– Какие цветы предпочитаете? – спросили у меня, пока я присматривалась к ценникам. Не нравились мне суммы, очень не нравились. Не знаю, в какой валюте все это считалось, но либо здесь уровень инфляции зашкаливает, либо ...

– А ...эм... мне кажется, что я все понимаю и без букета, – занервничал мой внутренний бухгалтер, оглядываясь по сторонам в поисках стандартного венка из хризантем а ля «первый раз в первый класс». – Просто, не хочу, чтобы ... Ой! А тут еще один ноль? Ничего себе!

– Да, у нас самый дорогой цветочный магазин во всех мирах, – улыбнулась продавщица, тряхнув белокурыми буклями. Мне казалось, что вот – вот за ее спиной появятся крылья феи, она взмахнет волшебной палочкой и ... Что произойдет, я не знаю, но что-то чудесное и волшебное. Дебет обнял Кредит, и они дружно затряслись, когда мой взгляд упал на невероятный букет из нераспустившихся голубых роз, на каждой из которых была надета сверкающая золотистая коронка. Мое замешательство было замечено, а я лихорадочно пыталась выбрать что-нибудь скромненькое.

– Могу предложить вам королевскую розу, – улыбнулась девушка, которую иначе как феей не назовешь. – Она расцветает только в руках

настоящей королевы. Внутри нее спрятан сюрприз!

Ага, представляю, как она вянет в моих руках. Мне предлагали цветок – гадание, цвет лепестков которого можно узнать только после того, как он распухнет. Некоторые девушки умудряются по цвету лепестков определять чувства дарителя. К цветку прилагалась книга со всеми толкованиями, от которых переедет в психбольницу любой дизайнер.

– Выбирай, наказание мое, – усмехнулся демон, обнимая меня. – Или я выберу сам.

В местной флористике я была редкостным крокусом, поэтому смотрела, как из десятков цветов тонкими ручками феи составляется удивительная композиция. Пахли цветы так, что у меня начинала кружиться голова от умопомрачительного и сладкого запаха, с которым могут посоперничать только очень эксклюзивные духи.

– Хорошо! – заметил демон, склоняясь к продавщице и что-то ей шепча. Та улыбнулась и бросилась собирать букет из одиннадцати роскошных алых цветов.

– Это тебе, наказание мое, – демон вложил в мои руки роскошный букет, украшенный черным кружевом и алыми лентами.

– Ты что? – нервно съязвила я, разглядывая каждый лепесток. – Зарплату получил?

– В том то и дело, что нет, наказание мое, – заметил демон, подталкивая меня к двери. Я опомниться не успела, как меня волокли к машине, под крики продавца: «А кто платить будет?». Какой ужас! Это что получается... Машина уже завелась и на сверхзвуковой скорости дернула по автостраде, рассекая клубы тумана.

– Тормози! – возмущалась я, глядя на букет с омерзением. – Ты с ума сошел! Я на такое не подписывалась! Останови машину! Надо вернуть букет!

Машина резко встала на обочине, а я со стыдом и возмущением бросилась на самого отвратительного мужика на свете.

– Да как ты мог! – задыхалась я, сражаясь с ним и сгорая от стыда. – Да как тебе не стыдно! Да ты вообще, ду...

– Попалось, наказанье мое, – меня поймали, пока я брыкалась и требовала, чтобы мы вернулись обратно. – Ну все, все... Чего ты? Что тебе не понравилось? Ну украли букетик? И что? Все, наказанье мое, хватит брыкаться...

Меня зафиксировали в железной хватке, вытащили из моих рук трофейный букет, а потом стали целовать, не давая мне сказать ни слова, как бы я не ерзала и не вырывалась. Стыд смешивался с адреналином,

негодование с каким-то волнением, и пока в моей крови плескалась эта гремучая смесь, меня настойчиво целовали, не давая даже вдохнуть или выдохнуть.

– Наказанье мое, – со смехом прошептали мне на ухо, пока я трясла головой. – Это была шутка. Я все оплатил заранее... Могу предоставить чек. Он там, в букете... А с продавщицей мы договорились...

Я все еще задыхалась, впиваясь пальцами в его рубашку и не зная, отталкивать его или притягивать.

– Ну надо же было начать наш вечер как-нибудь интересно, не так ли? Наказание мое? – меня поцеловали в нос, заставив его сморщить.

– Совести у тебя нет! Я перенервничала, а ты... – задыхалась я, пока меня нежно успокаивали и целовали, поигрывая пояском моего халата.

– Перенервничало, мое маленькое наказание? – рассмеялись мне на ухо. – И что мне с тобой делать? Я вот тут как мужчина слегка запутался в твоём халате и в одном вопросе. Мне хочется одновременно и раздеть тебя, и одеть...

Я представила, тихо выдыхая, как в шапке ушанке, с трех свитерах, в шерстяных носках, которые через месяц носки станут валенками, в рейтузах с начесом, в зимних гамашах лежу рядом с демоном, который: «Да, милая, да... Оденься еще теплее! Да, наказание мое, еще шубу в трусы заправь... Все, иди сюда, моя маленькая фантазия!». И наивная чукотская девушка в сорокоградусную жару понимает, что означает «потеть рядом с мужиком».

– Ась-ась? – переспрашиваю я, приподнимая одно лохматое ухо.

– Интересно, что же мне хочется с тебя снять? – игриво продолжал демон, придерживая меня рядом и поглаживая пальцами мое плечо. – И во что мне хочется тебя одеть?

– Давай, не ерунди! – возразила я, чувствуя себя крайне неловко. Меня отпустили, подарив нежный поцелуй все еще пылающей адским пламенем щеки, и потерлись носом об мою макушку. – Я потом, когда зарплату получу, я тебе все отдам...

Машина уже мчалась по трассе, развивая скорости, граничащие с безумием! Мы влетели в облако тумана, разрывая клубы мглы. Через минуту мы тормознули посреди оживленной улицы. Ночные фонари со светлячками освещали огромные витрины, волшебные вывески и гирлянды.

– Ничего себе! – у меня перехватило дух, когда я смотрела на первую вывеску, где продавались знакомые бренды по ценам, от которых тут же захотелось отвернуться. Мысль о том, что цены в волшебных мирах куда

выше, чем в нашем, заставляла меня задуматься о клетчатых сумках, в которых я честно тащу из нашего мира добро на продажу в волшебном.

Меня галантно завели в первый попавшийся магазин со сверкающей люстрой, похожей на многоярусный торт. Эта красота отражалась в начищенном полу и десятке зеркал в золотых рамках – вензелях, которыми были украшены стены, и блестящих перекладинах витрин, где висели удивительные наряды все стилей и цветов. Я подошла, украдкой осматриваясь. Скромная зарплата бухгалтера нервничала на карточке, которую здесь наверняка не примут. Она не нервничала только в недорогих магазинах, в которых были распродажи. Вот такая она у меня нервная. А все почему? Потому что еще маленькая! С такой зарплатой можно чувствовать себя королевой исключительно в магазине ношенной одежды.

– Не туда смотришь, наказание мое! – заметил демон, пока я вертела в руках ценник от черного платья.

– Я смотрю, кто изготовитель, – соврала я, понимая, что, судя по цене, его шила сама Коко Шанель на старенькой швейной машинке, зубами откусывая нитку за неимением ножниц. Мой взгляд скользнул по витрине и упал на зеркала... Со всеми этими чудесами я совсем забыла! Мое унылое отражение в зеркале, в стареньком домашнем халате с гнездом на голове и мутным блинчиком вместо лица на фоне дорого интерьера смотрелось настолько убого, что я нахохлилась, как воробей и потянулась в сторону выхода, в надежде, что никто меня не видел.

– Нет, так дело не пойдет! – усмехнулся демон, тормозя меня. Меня взяли за талию, пока я упиралась босыми ногами.

– Пусти меня! – шептала я, чувствуя, как меня крепко держат. – Не надо! Я не хочу в таком виде... Мне неловко! Стыдно!

– Стыдно, когда видно, наказание мое! – шутливо ответили мне, придерживая меня, чтобы я не сбежала и запахивая мой халат так, словно меня собирают в экспедицию по тундре. – А когда не видно...

Мне на глаза тут же легла черная повязка. Это было так неожиданно, словно я ослепла! Я ощупывала повязку, пытаюсь снять ее с лица, но она плотно закрывала глаза и не хотела сниматься.

– ... не стыдно, – прошептал демон, обнимая меня. Ну все, теперь у меня есть мужик-поводырь! – Итак, правила игры такие. Я выбираю тебе одежду на свой вкус и твой страх и риск, лично надеваю ее на тебя, а если мне нравится, как ты выглядишь, то покупаю! Потерпи немного, наказание мое. Ах да, если тебя расстраивают цены – у меня есть роскошная скидочная карта...

– Отлично, – буркнула я, в надежде, что мне быстренько кинут какие-

то тряпки, я переоденусь, повосхищаюсь обновками для вида. Тем более, у него тут скидка...

– Карточка, правда, дома осталась! – рассмеялся демон. – Поэтому мы пойдем, в самый дешевый магазин. Здесь все слишком дорого!

– Да! – согласилась я, но в душе меня что-то кольнуло. Странный парадокс! Мне неловко, что на меня тратят деньги, но когда мне предлагают сэкономить, становится почему-то обидно.

Меня взяли на руки и куда-то понесли. Я слышала, как хлопнула дверь, как в лицо ударил свежий воздух. Мы минут пять шли, пока я краем уха прислушивалась к гулу толпы.

– Вот, отличное место, – вздохнул демон. – Унылая конура под названием «На тебе, боже, что нам негоже!». Тут продаются всяческие обноски, которые выбрасывать жалко.

Ко мне что-то приложили, пока я переминалась босыми ногами на полу, пытаюсь по звуку определить ту сторону, где находится выход. Ко мне снова что-то приложили шуршащее. – Не переживай, наказание мое! Я выберу самое-самое ужасное и самое дешевое, что только можно найти. Девушка! А есть у вас еще размеры этой драной половой тряпки? Или она у вас одна?

– Ты что? – задыхнулась я, слыша чьи-то шаги и пытаюсь содрать повязку. – С ума сошел?

– Да, да... Как вы думаете, налезет ли эта половая тряпка на мое наказание? – поинтересовался демон, чем-то шурша. – Не переживай, я тут подешевле ищу! О! Смотри-ка! Почти бесплатно!

– Нет... кхе... кхе.. – прокашлялся женский голос неподалеку. – Боюсь, что эта...кхе... половая тряпочка у нас ... эм ... в эксклюзиве.

– А вы поройтесь еще, может, кто-нибудь выбросил что-то похожее? – рассмеялся демон, взяв меня за руку. Я возмущалась, вредничала и требовала вернуть меня домой. – Мы берем еще это платье из туалетной бумаги! Главное, чтобы под дождь не попасть, а то совсем раскиснет! И, пожалуй, вот это из полиэтиленовых пакетов! И можно вон то нищенское рублище! И хламидку с пятном на груди!

Спасибо! Туалетной бумагой я могу обмотаться и сама! У меня есть шесть рулонов! Хватит на целый модный дом «Оригами»! А по поводу целлофановых пакетиков, почему вы думаете, я их собираю? Может, я тут не стратегический запас на случай, когда закончатся мусорные пакеты, а будущую модную коллекцию складирую!

Меня снова взвалили на плечо. Судя по тому, что я нащупала плотную ткань, это была занавеска примерочной.

– А халатик придется снять, – руки скользнули по моим плечам, чтобы осторожно развязать пояс, вызывая у меня волны странного озноба. Я почувствовала теплые руки, которые плавно снимали с меня халат, опуская его на пол. На всякий случай я прикрыла грудь руками, понимая, что после нагретого халатика мне становится как-то зябко.

– Тебе холодно? – прошептал демон, прижимая меня к себе, пока я пыталась снять повязку. – Неужели холодно, наказание мое? Бедная моя девочка... Совсем замерзла...

По моей шее скользила рука, а чужие губы терпко приоткрыли мои губы, чтобы подарить глубокий медленный поцелуй. Я целовала в ответ, пытаюсь нащупать точку опоры в кромешной темноте повязки.

– Это я мерки снимаю, – прошептал демон, проверяя нежными прикосновениями объем груди, талии и бедер. – Думаю, что размер тебя не разочарует.

Меня приподняли, чтобы посадить на что-то мягкое, осторожно разводя руками мои ноги. Я тревожно сжала колени, а потом почувствовала, как мне бережно надевают на ногу что-то шелковистое, расправляя и не давая мне прикоснуться к чулку, чтобы на всякий случай проверить, что в нем было раньше? Лук или картошка?

– Так, – задохнулась я, понимая, что чулки – вещь парная, поэтому еще один чулок, сопровождающийся нескромными поцелуями, и я развернусь и уйду! Я пыталась нащупать халат, чтобы прикрыться, но его отодвинули подальше.

– Тебе что? – усмехнулся демон, поглаживая результаты. – Руки связать? Я же тебе сказал, наказание мое, ничего трогать нельзя...

– А можно я тебя за душу потрогаю? – взмолилась я, чувствуя, как мою коленку целуют. – Сними повязку, а? Я тебя по-хорошему прошу!

– Не переживай, – усмехнулся демон, приподнимая меня и даря поцелуй в шею. Я почувствовала, как его волосы щекочут мне лицо и обнаженное плечо. – В них раньше носили лук! Только вытряхнули! Я сейчас все расправлю...

Нет, ну это... ни в какие ворота! Чулки, вообще-то ниже... Меня снова поцеловали в губы, все что-то расправляя и расправляя. И то «что-то» было явно не чулками! Я нервно дернулась, слыша легкий смех, который спрятался поцелуем в моей груди.

– Какая разница? Тут кружево, и там кружево... Я плохо разбираюсь в кружевах... Не могу понять, почему они постоянно отгибаются? Так задумано? – последние слова утонули в нежном, скользком по губам поцелуе. Я могла бы ответить на вопрос, почему кружева постоянно

отгибаются, даже прочитать многочасовую лекцию на эту тему, но было как-то слегка неудобно. – Я вообще далек от моды... Я как фотограф. Умею только снимать.

Еще немного и я расправлю невидимые крылья, впиваясь руками в плечи и чувствуя шелковистую ткань дорого костюма. Было у меня чувство, что в детстве он на куклах тренировался, но интересоваться, как именно, не хотелось.

– Натянуть? – поинтересовался демон, чем-то шурша и продолжая поглаживать мою спину. – Через голову или через ноги?

Авторы древнего пикантного трактата переглянулись. Один даже отвесил другому подзатыльник, мол, как мы могли забыть такую позу! Комиссия циркового училища очень заинтересовалась моими акробатическими возможностями, прикидывая, смогу ли я в случае чего заменить бегемота на роликах или лучше всего направить меня на распил?

Мне на голову обрушился какой-то мешок, который на мне расправляли с таким усердием, что становилось понятно: с таким мужиком и утюга не надо! По моей спине медленно скользила холодная молния, которую подтягивали наверх, положив мне подбородок на плечо и убирая мои волосы с траектории движения. После того, как мне на ногу стали надевать туфли и завязывать ленты на щиколотках, я понимала, что если это – и вещи бомжей, то исключительно с Рублевки.

Что-то с хрустом оторвали, бросив на пол, а потом послышалось шуршание коробочек.

Мои волосы стали расправлять по плечам, расчесывая их по всей длине.

– Сойдет! Бедненько, но чистенько, – усмехнулся демон в тот момент, когда я намекнула на то, что не мешало бы снять с меня повязку. – А теперь раздеваемся, наказание мое.

Я чуть не потеряла равновесие, понимая, что раздевает он куда более профессионально, чем одевает. Мои обнаженные плечи покрывали поцелуями, осторожно приспуская платье на бедра. Я старалась стоять и дышать так ровно, как только можно, думая о том, что мы – не единственные покупатели в этом магазине. Да, я даже слышу голоса, которые интересуются у продавца эльфийским шелком. Меня посадили на мягкий пуфик, стягивая платье через ноги.

– Не переживай, наказание мое. Если что-то замерзнет – говори, – послышался голос демона, который настолько увлекся поцелуями, что слегка подзабыл о платье. – Я тебя туда поцелую...

Судя по его поцелуям, моя грудь покрылась коркой льда, скрывающей

взволнованное сердце. Прагматизм настаивал на ногах, но пока что у меня мерзла грудь и покрывались изморозью плечи. Живот вообще замерз бедненький настолько, что снег впору стряхивать.

На меня снова опустили платье, направляя мои руки в рукава...

– Я вот не знаю, – прошептал демон, ставя меня снова на ноги придерживая меня за то место, откуда растут не только ноги, но и проблемы. – Мне... кажется...

Ну да, опять кружево нужно расправлять. Надо было надевать утягивающие штаны с начесом, так сказать, это зимний эротический вариант.

– ... разрез у юбки слегка... волнующий, – я ловила его слова губами, пока его губы едва касались моих. – Не знаю, я плохо разбираюсь в моде... Меня он смущает... Исключительно, как ценителя моды...

Хм! Меня он не смущал до того момента, пока его не стала проверять нежная и теплая рука.

– Думаю, что нужно все проверить, – шептали мне на ушко. Ревизоры покраснели и отвернулись. Модельеры переглянулись и взяли в руки ножницы, увеличивая разрез еще на высоту ладони.

Наряды менялись, менялись туфли, а я понимала, что еще немного и мне будет откровенно плевать, что там происходит в магазине.

– Это еще не все, – прошептал демон, поцелуями изучая мое декольте в очередном платье. – Это был только магазин верхней одежды. Сейчас мы пойдем выбирать тебе нижнее белье.

Меня взяли на руки, резко отрывая от земли, пока кто-то учтиво шуршал пакетами, интересуясь «половую тряпочку» складывать в коробочку с бантиком или можно положить в фирменный пакет?

Через минуту меня вынесли из примерочной, поставили на пол, заставив покачнуться на тонких каблуках. Как бы я не пыталась удержать равновесие после головокружительной примерки, у меня ничего не получалось. Я чувствовала, как продавщицы тихо хихикают, пока я старалась не качаться, как осинка на ветру.

– Туфли на каблуках, наказание мое, – вздохнул демон, придерживая меня одной рукой, – я так понимаю, придумали женщины, чтобы их носили на руках! Вот что с тобой делать? Сама же выбрала туфли?

Я? Да я их даже в глаза не видела! Меня взяли на руки и понесли по улице. Я вращала головой, пытаюсь по звукам понять, где я. Попытки под шумок снять повязку успехом не увенчались. Чем больше, я пыталась ее содрать, тем сильнее она впивалась в глаза.

– Не ерзай, наказание мое! – меня перехватили другой рукой. Дверь

машины открылась, прошуршал букет и пакеты, а потом дверь глухо захлопнулась. Меня снова куда-то несли, заставляя намертво вцепиться в чужую шею.

– Не переживай, наказание мое, – прошептали мне, открывая какую-то дверь и придерживая меня.

– Ага, – прошептала я, прислушиваясь. – А вдруг ты меня бросишь?

– Чтобы девушку бросить, нужно для начала ее поднять, – рассмеялись мне не ухо, спуская на пол. – Итак, какое здесь все интересненькое...

Нет, ну обидно, что эти волшебные магазины я видела только одним глазком! Представляю, сколько здесь всего интересного!

– От нашего ассортимента, – послышался красивый, чуть приправленный хрипотцой, женский голос, – глаза разбегаются. Выбирайте!

Ага, особенно у меня! Максимум, что я могу – это протянуть руку и попытаться что-то пощупать.

– Вам помочь с выбором? Вам на кого? – поинтересовалась девушка, пока я представляла себе очаровательную блондинку – продавщицу и демона в лифчике.

– Образец у меня с собой, – рассмеялся демон, придерживая меня.

– Так вам что-то показать? – снова оживился женский голос. – Я могу все показать! Любую модель!

Девушка, я все понимаю, но показывать тут ничего не надо! Тут и так все видно! Художник – ревность уже рисовала в красках картинки, на которых роскошная блондинка устраивает показ нижнего белья перед клиентом, разрешая «проверить качество».

– Я могу показать вам отличную модель! Посмотрите, она на мне отлично смо... – снова продолжила девушка, искренне полагая, что я не только слепая, но и глухая. – Могу оказать услуги по подбору белья... Я – немного модельер. Совсем чуточку...

– Кхе-кхе, – прокашлялась ревность. – А я немного парикмахер. Совсем чуточку...

К моей груди что-то приложили, целуя меня с придыханием в висок. Я подняла руки, ощупывая. Нда...

– Что-то ты меня недооцениваешь, – заметила я, чувствуя пальцами кружево, приложенное поверх платья и вспоминая свой первый школьный поролон. Судя по размеру, набор должен называться «Принцесса и горошины».

– Я просто недостаточно разобрался в этом сложном юридическом вопросе. Почти не ознакомился с телом, – усмехнулся демон, задумчиво

мыча. – Так, что бы выбрать?

– А ты тело мелком обведи, юрист, – парировала я, понимая, что в этом магазине попираются права потребителей на личную жизнь.

– Я думаю, что мы как-нибудь назначим экспертизу, – ответили мне шепотом на ухо, убирая это миниатюрное произведение кружевного искусства. – Я планирую детально ознакомиться со всей папкой...

Меня слегка погладили по чему-то очень созвучному.

– А вот тут ты меня переоценил! – заметила я, понимая, что с такой грудью, для которой предназначен этот комплект, можно даже не писать резюме при приеме на работу. Нечто огромное и кружевное явно налезло бы на глобус, обозначая как северное, так и южное полушарие.

– Мне не нравится этот магазин, – через пару минут фыркнул демон, чем-то шурша. – Давай зайдем в другой!

Меня снова взяли на руки и понесли. Не знаю, что в этот момент думали о нас люди, но, обнимая чужую шею, вдыхая запах чужих волос и тая от поцелуев, подаренных украдкой, я больше всего на свете хотела прекратить игру. Я нашла! Я действительно нашла то, что искала! Хватит с меня женихов! С другой стороны что-то меня смущало. Какой-то необъяснимый страх, что как только стрелки волшебных часов сойдутся на двенадцати, сделав полный оборот, исчезнет все. И он исчезнет тоже... Я не представляю, что рядом кто-то другой, не могу представить, как выхожу замуж за кого-то, кто не называет меня с придыханием: «наказанье мое», за кого-то, у кого не такие мягкие волосы и губы, не такой жесткий воротничок рубашечки, уголочек которой щекочет мне руку. Я не могу это представить. И не хочу представлять. Даже в самом страшном сне.

Судя по звуку, открылась какая-то дверь.

– Будьте так добры, – вежливо заметил демон, пока я слышала, как закрывается дверь за нашими спинами. Меня поставили на пол, заставив прислушиваться к звукам вокруг. – Где у вас тут примерочная? Там? Спасибо! Ну надо же! Какой большой магазин! А какой ассортимент. Так! Мне нравится вот эта модель, вот эта... и, пожалуй, вот эта... Ух-ты! Боюсь что такую модель придется поправлять очень часто... И боюсь, что наказанье мое само не справится...

Я повела головой, слыша шуршание. Ко мне даже что-то приложили, заставив слегка смутиться. Я ощупывала кружево, пытаюсь понять, мой размер или нет...

– Так, мне это надоело! – капризно заявил демон. – Наказанье мое, я очень плохо знаком с телом, поэтому придется положиться на...

– На что? – вздохнула я, понимая, что нижнее белье на восьмое марта я

заказывать не буду.

– На прилавок, – шепнули мне, беря на руки, приподнимая меня и усаживая на что-то прохладное и гладкое, на ощупь, напоминающее столешницу. С моего плеча предательски поползли бретельки платья, а им помогли теплые, нежные руки, едва касаясь моих плеч.

– А до примерочной потерпеть никак? – испуганно прошептала я, нервно оглядываясь по сторонам. В магазине тихо играла музыка.

– Не понимаю, наказание мое, а что тебя так смущает? – заметил демон, едва касаясь губами моих губ, дразня меня и тихо посмеиваясь. – Господа, отвернитесь! Мы тут будем мерять не отходя от кассы!

– Ты что!!! С ума сошел!!! – взмолилась я, пытаюсь стянуть руками на груди платье, которое с меня настойчиво снимали. – Здесь же люди!!!

– Я им сказал, чтобы они отвернулись, – рассмеялся демон, целуя меня в шею, пока я, сглатывая, пыталась надеть платье обратно. – Если что, мы потом извинимся!

– Простите, – занервничала я, ерзая на прилавке и осматриваясь по сторонам. – Извините... Прощу тебя, не надо! Я... Ты что делаешь?

Платье с меня почти содрали, заставив закусить губу от ужаса.

– Расслабься, наказание мое, – прошептали мне, проверяя кружево и сбрасывая мое платье на пол. – Думаешь, нас не поймут? Конечно, поймут.

– Пожалуйста, – молила я, прикрывая грудь руками. – Зачем? Давай хоть дойдем до примерочной!

Я представляла, как вокруг нас собралась целая толпа зрителей с отпавшими челюстями.

– Ты не боишься, что нам сейчас будут давать советы все, кому не лень? – проскулила я, заходя с другой стороны. В крови плескался адреналин, чувство жгучего стыда обжигало вместе с настойчивыми и далекими от целомудрия поцелуями.

– Тихо, тихо, – шептали мне, пока я понимала, что мне уже все равно. Повязка медленно скользнула с моих глаз. Я зажмурилась, чувствуя, как дьявольски колотится мое сердце, а потом открыла глаза, видя комнату, объятую полумраком. В комнате кроме нас никого не было. Я сидела на большом письменном столе, а рядом лежало невероятно красивое платье с расстегнутой молнией.

– Так вот она какая? Тряпочка половая? – спросила я, чувствуя, как у меня от пережитого волнения дрожат руки.

– Тряпочка – да, – закусил губу демон, а потом осторожно сдвинув рукой платье на самый край, прижимая меня к себе. – А вот так – половая, наказание мое!

Я все еще пыталась понять, что происходит, пока меня долго и нежно утешали, заставляя кусать губы.

– Почему... – задыхаясь, прошептала я, приоткрывая чужие губы и собираясь подарить свой поцелуй в ответ. – Ты называешь меня «наказанье мое»?

– Потому... – шептали мне, целуя меня как в последний раз, – что меня... тобой... наказали... Я даже в отпуск... заслуженный не пошел...

– Не могу ... понять... – задохнулась я, когда мое лицо взяли в свои руки, пока мой затуманенный от нежности взгляд, ласкал в полумраке любимые черты. – Я – суровое ... наказание? Или ... мягкое?

– Хм... – меня поцеловали в кончик носа, а я понимала, что справлять уже нечего. – Как ты думаешь, наслаждаться наказанием – это мазохизм? Сейчас все узнаем. Учти, амнистия будет только утром.

Глава десятая. Конь в пальто, или где сядешь, там и слезешь

Черепай меня большая покатаха!

Мы ехали в машине, пролетая мимо светофоров и мастерски рассекая огромные пробки. На моем колене покоилась чужая рука, нежно поглаживая гладкий черный чулок. Изредка на меня бросался взгляд, после которого перед глазами вырисовывались сцены, от которых я прикусывала губу и отворачивалась к стеклу, даря своему отражению улыбку коварной обольстительницы и соблазнительницы. Не могу сказать, что чувствовала смущение, вовсе нет. Машина остановилась, заставив покачнуться на сидении. На мою щеку легла рука демона, нежно разворачивая мое лицо к себе и поглаживая пальцами мой подбородок, изучая его маленькую волевою ямку. Я никогда не видела такого взгляда. Он был похож на темный мед, который медленно, соблазнительно, как рекламе, густо тек по моей душе сладким трепетом, заставляя вздрагивать и чувствовать, как пересыхают губы, когда я мысленно приоткрывала чужие губы для поцелуя. Прикосновение, которое, словно электричество заставляло слегка вздрагивать и замирать. Я прожила тридцать лет, но такое в моей жизни случилось впервые.

– Так! Я вообще-то за кофе собирался! Наказание мое! – опомнился демон, подарив теплый и нежный поцелуй. – Тебе какой?

Я сидела в машине, со скучающим видом следя, как за окном мелькают проезжающие машины, как горит лента фонарей, все еще освещающая предутренний сумрак, и вертела на пальце тяжелое кольцо с древними рунами и демоническим камнем.

– Ай! – возмутилась я, когда кольцо слетело с пальца и с глухим стуком упало на коврик. Я наклонилась, шаря руками по полу в надежде найти кольцо раньше, чем вернется демон. В голове вертелся автомойщик, который растерянно протягивает демону кольцо. Мои пальцы нервно шарили по коврику, а я прислушивалась, не откроется ли дверь, застав меня в столь интересной позе за столь увлекательным занятием.

Кольцо было найдено, а я выдохнула с облегчением, резко подаваясь вверх.

– Ой! – я стукнулась головой о приборную панель, потирая место

ушиба. Бардачок распахнулся, обнажив приличный барадак. Из него посыпались какие-то бумажки, выкатилась ручка. Я выглянула в окно, не заметив знакомого силуэта на горизонте и принялась со взглядом нашкодлившей кошки, быстро и в меру аккуратно складывать все обратно. Это у нас какая-то ерунда... Это у нас какой-то договор. Мне стало безумно интересно, как же зовут моего демона. Понимаю, что на «черт побери!» он не откликается, но у него должно быть имя, которое я имею право знать. Сколько я не спрашивала, сколько хитростью не пыталась его выудить, в ответ лишь получала улыбку. И пока все вращали барабан, предлагая весь алфавит и передавая приветы родственникам, я понимала, что лучшей возможности у меня может и не быть. И вот я добралась до какого-то мятого свитка. Судя по виду, это был очень важный документ, раз был небрежно свернут в трубочку! «Договор», – прочитала я, глазами пробегая реквизиты.

«Дамиан обязуется стать идеальный мужчиной, о котором мечтает Светлана (далее Обреченная)».

Либо в слове «обрученная» кто-то допустил ошибку, либо ... Мои глаза жадно пробежали строчки первой страницы.

«Он обязуется вести себя так, как это подобает мужчине ее мечты».

Интересно, а как он узнал, о каком мужчине я мечтаю? «Ага! – кивнули стереотипы. – Мы же мечтаем о почетном алкоголике нашего района, которого будем днем с огнем искать по забегаловкам, а ночью с матом – перематом – под заборами? Нам нужен прохиндей, который вынесет мозг и все из дома? Или альфонс, который тихонько присосется к нашему кошельку? Или стоит попробовать маменькиного сынка, который пускает зеленые, пузырящиеся сопли и боится занести себе ложку в ухо? Или скупердяя, который будет жаться за каждый рубль и требовать чеки за покупку хлеба?»

Да. Смешно получается. Я читала договор дальше, боясь, что сейчас дверь откроется и мне принесет кофе мой «идеал». По договору, разумеется. «Вы получаете свой процент только в случае, если ваши усилия оказались не напрасными и вместо предложенных женихов в конце игры Обреченная предпочтет Вас! В случае, если Обреченная предпочитает Вас, ее душа принадлежит Аду на условиях пункта 13.1 в ее договоре, заключенного от тридцатого дня рождения Обреченной, при условии, что 12-тым женихом ...»

Я видела, как трясутся листочки в моих руках, как перед глазами скачут красивые буквы. Неужели у меня дрожать руки? Я нервно осмотрелась по сторонам, пока в голове проворачивалось прочитанное.

Получается, что вот эта вся романтика – фальшивка? Кто-то зарабатывает себе премиальные?

Я отдышалась, снова перечитывая начало договора, но хитрые буквы расплывались, не давая мне прочитать все условия. В голове пульсировала мысль о том, что женихи из серии – «третий сорт – не брак», которые разнесли мою квартиру, это – просто ширма, отвлекающий маневр! По сравнению с нытиками, нудотиками, маменькиными сынками и обычными козлами, он выглядит действительно идеальным. И устоять невозможно, особенно, когда у тебя мажет соплю по котлете очередной «принц» с серьезными, как намерения, тараканами.

Хлопнула дверь, а по машине потек аромат кофе. Я подняла взгляд, глядя, как на приборную панель ставят два горячих стакана.

– Дамиан, – усмехнулась я, чувствуя, что дрожат не только руки, но и голос. – А ты мне ничего не хочешь сказать?

– Хочу, – усмехнулся демон, беря свой кофе. – Лазить по чужим бардачкам, наказание мое, не самое милое времяпровождение и к тому же уголовно-наказуемое!

– То-то вижу, что мне на ногу упал уголовный кодекс, – огрызнулась я, глядя, как у меня ловким движением руки вырывают договор.

– И что же мы там вычитали? – рассмеялся демон, делая глоток кофе.

– Я вычитала там то, что все, что ты делаешь, ты делаешь не потому, что я тебе нравлюсь, а потому что это твоя работа! – глухо ответила я, не притронувшись к своему стакану.

– Наказание мое, послушай меня внимательно, – тяжело вздохнул демон, глядя, как запотеваает от моего кофе лобовое стекло. – Веками мы практиковали стандартный договор – выполнение желания в обмен на душу. Но небесная канцелярия настаивала на том, что в этом договоре должна быть прописана возможность для идиота избежать расплаты. Не буду вдаваться в подробности, скажу так, что если со стороны человека, искренне любящего идиота, будет принесено в жертву самое дорогое, что у него есть, то договор считается недействительным. И последнее дело по такому договору я проиграл. Я уверял, что это был акт идиотизма со стороны родственников, а небесная канцелярия посчитала это высшей формой любви. Пока мы обменивались бумажками, наш дорогой идиот тихо дожил до старости и скончался, попав в конкурирующую фирму. И меня, в качестве наказания отправили туда, где справляется любой инкуб. Все женихи – это фикция для отвода глаз. Игру ведет инкуб – демон обольщения и соблазнения.

– То есть, игры нет? – задумчиво спросила я, глядя в глаза демону. –

Она заведомо проигрышная?

– Нет, почему же? – усмехнулся он, делая еще один глоток. – Есть те, кто влюбляются ни на жизнь, а на смерть в очередного «жениха», выходят за него замуж без возможности расторжения брака. Но чаще всего игра выглядит так: пара-тройка дней, пара-тройка кандидатов и вуаля! Инкуб обольщает девушку, она произносит заветные слова, а ее душа отправляется по условиям договора в Ад.

– В ад... – эхом повторила я, чувствуя, что все внутри сжимается. – А как ты попал в игру?

– Небесная канцелярия настояла на том, чтобы я, тварь бессердечная, стал участником этой игры. Либо я доказываю, что любви не существует, либо... А, впрочем, неважно. Пей кофе, пока не остыл.

Я молча вертела кольцо, боясь задать самый важный вопрос. Он вертелся у меня на языке, но у меня не хватало духу нарушить все это волшебство самых прекрасных отношений в моей жизни.

– Что будет, если я выберу тебя? – глухо спросила я, уткнувшись взглядом в свой цветной стаканчик. Стаканчик молчал, улыбаясь радостной мордашкой смайлика «на позитиве». «Выбирайте наш кофе каждое утро!» – гласила размашистая надпись, опоясывающая одноразовое удовольствие. Я тоже выбираю «каждое утро». Я выбираю «каждый вечер», выбираю глоток нежности при расставании, и глоток радости при встрече. Выбираю теплоту, которая разливается по душе, когда вижу улыбку. Выбираю сладость встреч и горечь расставаний, терпкие поцелуи и жаркие объятия.

– Я не знаю, наказание мое, – меня потрепали по волосам и сунули в руки кофе. – Просто наслаждайся каждым днем, проведенным вместе, как это делаю я. Что еще нужно для счастья? Хороший кофе, нежный поцелуи, идиот рядом, который всем доказывал, что любви не существует, причем делал это профессионально много лет подряд, а теперь смотрит и думает, что ...

– Скажи честно, ты в нее поверил? – с предательской надеждой спросила я, делая глоток и судорожно проглатывая странный комок боли вместе с горечью не размешенного до конца эспрессо.

– А можно отсрочить заседание, уважаемый судья? – на меня смотрели карие глаза с такой мольбой, что пронеслась мысль, о том, как выигрывается половина дел. – Я обещаю предоставить доказательства моей непричастности к этому великому и светлому чувству на следующем заседании!

– Понятно, – тяжело вздохнула я, уставившись на пластиковую крышечку, которую нервно обводила пальцами.

– Если таковые найдутся в моей душе, что мало вероятно, – усмехнулся демон, глядя мне в глаза.

– Тебе не надоело притворяться? – горько усмехнулась я, снова уставившись на крышечку кофе. – Помнишь, ты меня спрашивал, почему я одинока? Наверное, потому, что просто не умею и не люблю притворяться чьим-то идеалом.

– То есть, ты думаешь, что я притворяюсь? Почему ты не подумала, что мне действительно хочется казаться лучше, чем я есть на самом деле, когда ты рядом? Почему тебе в голову не пришло, что мне это может нравиться? Интересно, от чего же ты не допустила возможности того, что во время своей работы я придумываю, куда бы и под каким предлогом тебя сводить? – мне на колено легла рука, на которую я задумчиво смотрела, не отрывая взгляда.

Я сжала стакан с кофе, чувствуя, как с него слетает крышка. Еще немного, и оно бы расплескалось на новое платье.

– Ты – действительно мое наказание... Ты – хитроумно расставленная ловушка, в которую я сам не заметил, как попал, – меня поцеловали кофейными губами, а я чувствовала, что панически боюсь того момента, когда поцелуй закончится. – Ладно, поехали, наказание мое, я отвезу тебя домой.

Когда я выгрузилась с пакетами, бабушки у подъезда громко засопели, близоруко прищуриваясь в мою сторону.

– Ох, батюшки! – шарахнулась Матвевна, кутаясь в недоеденную молью шаль. – Неужто, Светка? Всю жизнь, сколько себя помню, в лохмотьях ходила! Страшная, зачуханная, как пугало! Помнится, бывало, идет, а я думаю, что попрошайка.

Спасибо, буду знать! Я тут, оказывается, не на работу, а на паперть иду!

– И ведь скромницей была! – вздохнула бабка с соседнего подъезда, потирая укутанную поясницу. – А теперь что? Вырядилась! Глянь-ка платье, как подстреленное! И чулки видны! А побрякушек сколько! Слышь, ненаглядная! Все мужу расскажу! Совсем стыд потеряла!

Я поцокала каблуками в сторону двери, проверяя ключи. Поднимаясь по лестнице, я нашла свой правый тапок, который сунула в пакет. На улице, сквозь открытое окно раздались голоса:

– Твою вон привезли только что! На крутой машине! – докладывали кому-то бабки. – Вся такая из себя, не здороваается! Всю ночь со своим хахалем каталась, пока ты на смене был!

Я ради интереса даже выглянула, чтобы узнать, за кого меня тут заочно

выдали замуж. На ступеньках стоял уставший мужик с сумкой. Насколько я знаю, он живет на четвертом или на пятом этаже. Видимся мы редко, поэтому даже не здороваемся.

– Идет такая, нос воротит! А мы ей такие: «Все мужу скажем!» – кивала Матвевна, голося на весь двор. – Хоть бы деток пожалела! стыдоба! Только – только ее привезли, бесстыдницу! Муж тут работает, работает, семью содержит, а ее на крутых машинах катают!

Через минуту мимо меня вихрем промчался рогоносец, добегая до своего этажа и колотя в дверь: «А ну открывай, потаскуха! Мне все про тебя рассказали!». Сонный женский голос отдавался эхом в гулкой тишине подъезда: «Ты что? С ума сошел? Да я не...». Довершилась картина детским плачем и криками: «Вон отсюда, потаскуха!». Да, дружный у нас подъезд. И местные спецслужбы с ревматизмом работают, не смыкая глаз.

– Так то ж, кажись, Светка была! – внезапно громко с улицы заметила Матвевна, пока с пятого этажа слышались такие крики, что дело пахло разводом.

– Ничего, милый бранятся – только тешатся! – охнула соседка, поглядывая в сторону компании, идущей по дороге. – Вот они! Те, кто в песочнице гадят!

Дальше я слушать не стала, дойдя до своей квартиры. Сколько времени прошло с момента моего похищения, я точно не знаю, но сладкая зевота и таинственная улыбка свидетельствовали, что прошло оно не даром.

Ключ повернулся в замке, я вошла в то, что осталось от прихожей. На новых обоях были детские каракули, по полу были рассыпаны макароны. На кухне послышалось ... цоканье.

– Где моя невеста? – поинтересовался игривый мужской голос с кухни. И снова послышалось цоканье, заставившее меня насторожиться.

– Коня сразу в стойло! – устало рявкнула я очередному принцу. – Если твой конь надумает мне тут гадить – отдам в общество по защите животных!

Вдруг из кухни, из убитой, коненогий и хромой вышел в коридор ... кентавр, об косяк и головой! Хлоп! Я даже сморщилась, глядя, как он потирает шишку на голове.

– Меня зовут Бейлис из Шардоне! – радостно представился принц и конь в одном флаконе, пока я прикидывала, кто раньше уведет его? Местная красавица или цыгане?

Сверху это был красивый, накачанный как тяжелоатлет, мужчина с невероятным взглядом темных глаз, украшенных роскошными ресницами. Его длинные темные, отливающие на свету бликами волосы, произвели бы

впечатление на любого парикмахера, а рельефный полуголый торс на любую барышню вне зависимости от ее семейного статуса. А вот то, что было ниже, меня слегка смущало. Ниже был встроенный конь, коричневый с хвостом, который перебирал мускулистыми ногами, топчась на одном месте. Судя по оживленному взгляду, он всеми мускулистыми руками и четырьмя ногами «за» наши отношения, с восторгом оценивая мой внешний вид и одаряя меня самой заинтересованной улыбкой.

Где-то в душе заливался народный ансамбль песни, пляски и повизгивания. «Ой, мороз-мороз! Не морозь меня! Не морозь меня-я-я» – я смотрела на голый торс бодибилдера, спускаясь взглядом все ниже и ниже. «Моего-о-о коня-я-я!», – уныло закончил ансамбль, поглядывая на копыта и хвост. «И мужик в доме!», – закивала половина народного ансамбля. «И конь в хозяйстве!», – закивала вторая.

– И где восторг? Где «это же он!»? Неужто ты обо мне не слышала? – прищурился на меня парнокопытный, внимательно изучая меня взглядом. – Не может быть! Не верю! Не верю, чтобы кто-то не слышал о Бейлисе из Шардоне! А как же: «Стучи копытами любовь, стучи скорей среди полей! Я точно знаю, будешь вновь... Моей...»

Его голос даже как-то сник, пока я задумчиво пыталась представить, как любовь стучит ко мне копытами. Лучше бы шуршала крышками, честное слово!

– Ты шутишь! – покачал головой Бейлис, скиснув, как суп недельной давности. – Да что ты, в самом деле? Ах, как я разочарован! Я думал, что моя будущая невеста любит поэзию, знает все мои стихи наизусть, а она... Точно не знаешь? Даже это? «Я овладел тобою нежно... Мы вместе встретили рассвет... Наутро взял тебя небрежно, а ты мне сделала... Букет! Я грудь твою ласкал так долго...» Ну же? Неужели ты настолько необразованная?

И тут он запел: «Моя жена...увы-ы-ы, – невежда! Меня не ценит вновь и вновь! Но вот она сняла оде-е-жду! Лю-ю-ю-ю-любовь!»

Где-то переглянулись хоры, причмокивая, прокашливаясь и поглядывая на потенциального солиста, способного их переорать в два счета. Оперные певцы схватились за горло, ибо громкость исполнения была такой, что я мысленно искала встроенные в коня колонки, чтобы убавить шарманку, извиняясь перед соседями. С каждой руладой парнокопытного, с каждой нотой, ко мне приходило осознание, что если случайно найду его трек среди других, я его пролистаю, предварительно поинтересовавшись, кто исполнитель, чтобы в следующий раз не нажимать кнопку «Прослушать».

– Что-то я сегодня не в голосе, – покачал головой конный ансамбль песни и встряски в одном лице, театрально распеваясь. – Иго-го-го-го! Кхе! Кхе! Иго-го-го-го! Кхеу! Так, что с моим голосом? Он должен звучать в три раза громче!

Ох, мамочки! У меня и так оставшиеся стекла только-только перестали дребезжать. Пел он откровенно отвратительно. Даже не зная партитуры, я понимала, что процент попадания в ноты равен моим шансам попадания в журнал «Форбс». Голос то съезжал, то срывался, а я чувствовала, что с такими талантами, приемная комиссия музыкальной школы посовещалась и остановила свой выбор на трубе, флейте и шотландской волынке. «Лишь бы рот был занят!», – согласились суровые музыканты, пуская скупые слезы после припева.

– Любо-о-овь копы-ы-ытами промчалась! Лягни меня, красавица, лягни! Со мною многое случилось! Но вот остались мы одни-и-и-и! – пытался сразить меня наповал непризнанный и непризванный гений. – Соски, упруго затверде-е-ели!

Не знаю, как в моем побледневшем лице, но в лице любопытных соседей он нашел преданных поклонников. Кончились их славные деньки тишины и благодати, изредка нарушаемые втаскиванием новой мебели под аккомпанемент мата. Кончилась относительная тишина, изредка нарушенная семейными скандалами! «Как же нам не веселиться, не грустить от разных бед! В нашем доме поселился очень творческий сосед!».

– Моя будущая жена должна обожать мой голос, мои стихи! – постановил парнокопытный друг, тряхнув роскошной гривой и изобразив копытами нечто похожее на лезгинку. Звучало как-то тревожно. – Моя жена должна во всем поддерживать меня, вдохновлять на новые песни...

Отлично, я буду продюсером восходящей парнокопытной звезды. Первый альбом мы запишем на телефон, иллюстратором возьмем того таинственного художника, который разрисовывает подъезд непристойными рисунками, вгоняя в краску дам и в комплекс неполноценности мужиков, а в качестве группы поддержки позовем глухих бабок. Я уже видела себя на конференсе этой звезды, которой мечтают зазвездить все в радиусе километра. «Выступает!», – прокашливаюсь я, выглядывая из-за занавеса, понимая, что в случае чего придется уклоняться от летящего мусора. – «Выступает наш партизанско-вокальный отряд на передовые чартовые позиции!». Да. Контракт – не антракт!

– Плохо, когда невеста не разбирается в искусстве! – вздохнул разочарованный мною потенциальный супруг, глядя на мое скептическое

выражение лица и не видя буйного восторга от его вокальных способностей. У меня уже не только глаз отбивает морзянку, у меня еще и бровь дергается. – Ну вот нельзя же такой быть! Неужели тебя не тянет к прекрасному? Ах, как же грустно, когда вместо родственной души встречаешь черствую и очень некультурную девушку! Я же просил девушку, тонко чувствующую музыку, девушку, которой нравится, когда мужчина умеет петь!

А я думала, что просто кровожадное искусство потребовало жертву!

Я отправилась на кухню, чтобы поставить себе чайник, пока за мной цокал непризнанный лично мною гений, рассказывая, насколько ценят его искусство там, и насколько не ценю я его здесь.

На полу кухни было целое биеннале. Я бы даже сказала – выставка авангардного искусства, которую впору огораживать красными ленточками и звать высококультурных критиков, дабы они оценили не только размах души, но и желудка потенциального соискателя моих ушей.

– Послушай, – сглотнула я, понимая, что тут нужна совковая лопата! – Высококультурный мой, сейчас я покажу тебе волшебную дверь и волшебное ведерко, у которого есть волшебная кнопка смыва! Цокай сюда!

Да, женихи и туалет у нас – отдельная сказка. Я провела экскурсию по ванной комнате, а мой голосистый друг внимательно прислушался.

– Какая здесь акустика! – восхитился он, пробуя свое «Иго-го-го!» и наслаждаясь кафельным звучанием. – Нет, ну ты только послушай! Прискакала к нам любовь! Прискака-а-а-ала! И ее нам мало! Грациозные копыта, длинный хвост!»...

Меня попытались обнять, но я хрипло закончила, понимая, что судьба и конь только что повернулись ко мне крупом: «Но трогать меня не могли за мой малый рост, малый рост!».

– Хорошо, – уязвленно заметила творческая натура, глядя на керамическое изделие. – Я попробую! Так и быть, сделаю одолжение!

Меня попросили покинуть помещение, а пока я доставала железную кружку – единственную, которая уцелела после ужика и его родни, кипятила чайник, в ванной послышался звук, который не предвещал ничего хорошего. Я бросилась туда, увидев, что раковина валяется на полу разбитая вдребезги, а под конским сидалищем лежит треснутый бачок. Кто ж меня за язык тянул? Нет, чтобы предложить газетку! Нет! Я как культурный человек... Ой! Копыта ерзали по мокрому полу, на полу валялись полотенца, моя зубная щетка и перевернутый хвостом шампунь для тонких и ослабленных волос. В этот момент я поняла, почему крышечки нужно завинчивать плотно! Белое содержимое флакона, на

который наступило огромной копыто, струей брызнуло на мокрый кафель. Нет, я вполне отдаю себе отчет, что талантливый человек талантлив во всем, но мне кажется, еще рановато вводить в олимпиаду новый вид спорта – фигурное катание на коньках с конем. Пытаясь ухватиться за стены, принцеконь, ругался ровно до тех пор, пока не пробил копытом унитаза, поскользнувшись на коврике.

– Это возмутительно! – орал он, пытаясь собраться с мыслями и четырьмя ногами на скользком кафеле. Я согласилась, понимая, что теперь минимум до следующей зарплаты придется изображать птичку на проводе, дабы острый край не вошел в нежный филей. Вода хлестала из шланга, поливая гостя и стены. Капли застывали на упругом торсе, мокрые, растрепанные волосы эротическими сосульками падали на крепкие плечи. «К туалету приучен!», – кивает сердобольная бабушка, раздающая котят возле остановки «Центральный рынок». А я жалобно заглядываю в коробочку, пытаясь удержать скупую слезу умиления!

Нет, это был не любитель моей сантехники! Это был профессионал! Я выгребала тряпками воду, сливая ее в ванну, утирала пот и собирала осколки, пока на кухне раздавалась серенада о любви, далекой от платонической.

– ... и отдал в твои руки..., – развернулся в силу своих легких певец, пока я прикидывала, где находится ближайший Театр Оперы и Балета, дабы отвести туда будущего солиста на собеседование. Я представила сцену, которую посыпают бутафорским снежком, а на ней стоит конь в пальто и поет, протягивая руку в сторону зрителей. На афишах красуется «Ария Коня в Пальто и мюзикла «Конь в Пальто»! Если не возьмут в оперу, придется идти в балет, чтобы играть роль принца! А что? Реквизит уже встроенный!

– ... мой мускул воспаленный! Трепещущий при виде красоты! – закончил кавалерист, пока пехота выжимала тряпку. Не хочу знать, что там с мускулом, и почему он воспален! Вот не хочу и все! Но эту песню мы побережем для корпоратива проктологов.

Итак, что мы имеем? Есть песни для корпоратива маммологов, проктологов, кардиологов и венерологов.

– ... мое сердце, которому нужна только ты-ы-ы! – закончил сольник кавалерист, аккомпанируя себе копытами. Отлично, еще один кардиологический шлягер. Я считаю, что плитка на кухне тоже должна иметь свою долю от гонораров!

В дверь позвонили, причем так, словно вместо звонка выдавливали мой дергающийся глаз. Непрерывная тревожная трель звонка и гул на

лестничной клетке свидетельствовали, что пришли радостные фанаты, дабы в полной мере обласкать своего кумира, вручить ему букет звиздюлей и порвать на сувениры. Я бы и сама наладила выпуск сувениров, глядя на санузел, застывший в тревожном ожидании «следующего культурного похода».

Открывать дверь и приоткрывать занавес своей личной жизни я не решилась, тихо отморожившись от настойчивых пинаний моей двери. Если что – все ушли на фронт! Добивать раненых бодрыми песенками!

Я сидела на последнем стуле, пила чай, пока Бейлис прогонял свой репертуар по пятому кругу, застыв конной статуей в центре кухни. Где-то неподалеку была круглосуточная аптека, в которой продавались затычки для ушей. Если природа обделила меня серными пробками, то придется выкручиваться.

– Знаешь, – я поставила кружку на стол, тихо зверея. – Кроме пения ты что-нибудь умеешь? Мне просто интересно.

Если он помимо пения увлекается танцами, то я сразу пишу себе эпитафию, скручиваю ее на манер свечки и жду, когда мне выломают дверь.

– А зачем мне что-то уметь? Знаешь, талант – это дар, который боги посылают избранным, – горделиво заметил жених, глядя на меня с высокомерием человека, который имеет дело с неучем, путающим Пушкина и Гоголя. – Видишь, ты талантами обделена, поэтому ты должна восхищаться теми, кто ими наделен!

Я всю жизнь была уверена, что у меня нет никаких талантов, но последний месяц показывает, что талант все-таки есть. И не один! Талант влипать в неприятности и железные нервы, чтобы отдирать эти неприятности от того места, которое на них регулярно запрашивается.

– Ничего, если я буду тебе петь целыми днями, – постановил гений от музыки, глядя на меня, как Моцарт на «Собачий вальс», – ты поймешь великую силу искусства! Голос – это самое ценное, что у меня есть!

Отлично. Жених с голосом! Может голосить и голосовать!

– Послушай, – умоляюще взглянула я певца после получасового концерта в мою честь, который я, к чести своей, выдержала на ура. – Ну нельзя же петь целый день. Передохни... Не надо напрягать голосовые связки. Ты можешь охрипнуть!

– Знаешь, ты не разбираешься в искусстве, поэтому помалкивай, бездарность, – горделиво ответил «конепринц», вскидывая голову. – Я понимаю, что не всем дано. А раз тебе не дано, то сиди и молчи! Внимай! Кто же тебя еще познакомит с волшебным миром музыки!

Внутренний инженер сидел и прикидывал, что еще немного и наш

герой будет царапать короной потолок. Через час я, не выдержав пытки музыкой, вернулась из аптеки, неся в сумке блистер от головной боли и резиновые затычки, которые я экстренно засовывала себе в уши в подъезде. Все! Теперь изображение есть, а звука нет! Я видела, как открывается рот, как меняется выражение лица певца, когда он самозабвенно выводил партию, протянув руку вперед, словно взывая к моим чувствам. Я подарила ему искреннюю улыбку, спокойно созерцая эту пантомиму.

Вот! Вот! Отлично! С лицом, словно его кукожит не по-детски кентавр что-то пел, пытаюсь вырвать сердце из груди, а у меня в голове почему-то промелькнула песенка: «Маленькой елочке холодно зимой!». Вон, как сердце из груди вынимает! Совсем замерзла несчастная, околела в своем лесу, а мы бессердечные все ждем Нового Года, чтобы сначала спилить ее, а потом спилить на ней деньги...

Кентавр взмахнул волосами, сделал самое соблазнительное выражение лица, словно вытесанного искусным мастером из мрамора, провел рукой по рельефной груди и подарил мне томный взгляд из полуопущенных ресниц, шлепая губами, как в немом кино. «На медведя я, друзья! На медведя я, друзья! Выйду без испуга!» – мысленно пропела я, глядя на то, как певец обнимает себя и расчесывает руками. «Если с другом буду я... Если с другом буду я... А медведь с подругой!».

Никогда не думала, что можно просто наслаждаться тишиной. Кентавр повеселел, что-то пел и нес мне что-то невидимое и пульсирующее! Какая прелесть! Заверните мне пять штучек!

– Почему ты меня не встречаешь... – донеслось до меня сдавленное, пока четвероногий певец заглядывал мне в глаза. Нет, пробки, конечно, спасают, но смотрю, что герой распелся не на шутку.

– Чай не новый год! – я одарила его улыбкой преданной фанатки, сохраняя в папку документы с почты. Нужно написать, что не хватает еще двух фактур, поэтому я не могу провести операцию. В ушах гудело, поэтому я украдкой вынула затычки и вставила вакуумные наушники, слушая прекрасную музыку из своего трек листа на максимальной громкости, периодически улыбаясь в сторону поющего кентавра. Впервые фраза «задолбет одним аккордом» оказалась руководством к действию. Наушники отходили, поэтому я ковыряла ими в гнезде, словно неумелый мужчина штопором в пробке вина.

– Это что? – раздался ужасающий крик. Кентавр подлетел ко мне и заглянул мне в лицо. – Ну-ка! Музыка? Чужая музыка? Ты слушаешь чужую музыку в тот момент, когда я тебе пою?

Я сняла наушник, понимая, что с моим треклистом он уже слегка

ознакомился.

– Фу! – ревниво скривился гений, слушая отрывок из мюзикла. – Какой ужас! Да они совсем петь не умеют! Какой позор! Если не умеют, то пусть учатся! И вообще! Моя жена не имеет права слушать чужую музыку! И чужое пение тоже!

– Они хотя бы в ноты попадают, – огрызнулась я, понимая, что кто-то должен был это сказать много лет назад после фразы «Я тут подумал, а почему бы мне не стать певцом?».

Сначала певец дулся на меня, а потом на тарелку с овсянкой, которую я по доброте душевной решила пристроить в чужой желудок. Я честно обещала себе с первого числа для поддержания форм и настроения каждое утро съедать тарелку овсянки. Шестьдесят девятого числа я поняла, что формы спокойно поддерживает бюстгальтер, настроение – кофе, а жизнь и так накладывает полную тарелку неприятностей, поэтому спокойно перевернула календарь, закинув пачку каши в дальний угол шкафа.

– Фе! – еще сильнее скривился гений, вслушиваясь в чужие голоса и ставя на стол пустую тарелку. – Бездарности! Нет, ну я могу им только посочувствовать! Голоса у них слабые! Давай на чистоту, ты меня и так не достойна, но я готов сделать исключение. Понимаешь, путь к сердцу гения лежит через восхищение! Мне нужна та, которая будет мной восхищаться, избавит меня от домашней рутины, не будет от меня ничего требовать... Я подумал, что простоватая, слегка ограниченная девушка, как ты, тоже может составить мое счастье, но при условии, что она действительно будет мной восхищаться!

«Простоватая» в выражениях и «ограниченная» в средствах девушка снова засунула в уши пробки и стала самым преданным фанатом чужого творчества, параллельно проверяя документы и делая пометки в блокноте о наличии документов.

В дверь отчетливо и громко постучали. Я притаилась, пытаюсь заткнуть рот певцу. Постучали еще раз, а потом голос, не терпящий пререканий и возражений, заявил: «Откройте, полиция!».

Пока я экстренно соображала, кто у меня дома – домашний любимец в виде коня или все-таки мужик, мне стуком как бы намекали на то, не мешало бы проявить уважение к закону. Быстро порывшись в шкафу, я достала старый, страшный, испачканный краской мужской плащ, на который не позарились ни родственники гада ползучего, ни моль. Прямо вижу, как моль брезгливо смотрит на «первопроходца», который покусился на это шедевр малярного искусства. «Фи!» – морщится моль – гурман, глядя на голодного собрата, решившего перекусить по-быстрому.

– Сидеть! – скомандовала я, толкая коня к ноутбуку и воровато оглядываясь. – Положил руки сюда! Да садись уже! Иначе сядем все! Молча делай то, что я говорю!

Нижняя часть кентавра опустилась на пол. Я накинула на него плащ, подгрребла под него хвост, сбегала за покрывалом и прикрыла копыта.

– Молча!!! – предупредила я певца, погрозив ему пальцем. – Если пикнешь – тут же какнешь! Ты меня понял?

Расправив плечи, прокашлявшись, я открыла дверь, глядя на усталого участкового, за спиной которого маячили бабушки во главе с Матвевной, которая куталась в самодельный халат и подслеповато щурилась в мою сторону.

– Мужика мучает, – закивала Матвевна, глядя на меня с презрением гуманиста. – Кричит, бедный. Совсем худо ему. Весь день кричал. А потом притих... У меня бессонница. К доктору вчера ходила. Таблетки прописал. Хорошие. Дорогие. Я вот думаю, что зашибла его, небось, насмерть. Но таблетки хорошие. Импортные. Но дорогие, зараза! Так я в социальную аптеку, а их тама нет! Говорят, что...

– Обязан отреагировать, – вздохнул участковый, закатывая глаза к лампочке на потолке, вокруг которой кучковалась разнокалиберная моль. – Следую букве закона.

Судя по его вымученному лицу, буквы закона сейчас складываются в слово на стене, которое заслонила собой соседка снизу, крайне заинтересованная наличием или отсутствием у меня личной жизни.

– Гражданочка, вы проживаете одна или с кем-то? – достал бумажку и ручку представитель порядка. Я, как представитель местного хаоса, слегка засмузилась, пока соседи наострили локаторы в сторону свежих подробностей моей личной жизни.

– Проживаю одна, – ответила я, заслоняя вид квартиры дверью и улыбаясь.

– Гости часто бывают? – подозрительно сощурился участковый, на которого наседали любопытствующие.

– Ну... – я закатила глаза, изображая святую невинность. – Иногда бывают... Редко... Вообще-то я не очень гостеприимна!

– Да что ты рассказываешь! – в меня ткнулся костлявый палец Матвевны. – Водит к себе всяких алкашей! Гульбенят до полуночи! Постоянно мужики у нее! И ведь не один не задержался!

На меня посмотрели такими взглядами, словно мы тут изо всех сил боремся за звание дома высокой культуры, а я всячески тяну команду назад своим аморальным поведением.

– Послушайте, – холодно произнесла я, глядя на соседей. – Мне тридцать лет. У меня есть право на личную жизнь. И вас, господа, она не должна касаться никоим образом! Разговор окончен!

– Пойдите, гражданочка, – участковый схватил дверь, которую я пыталась закрыть. – Должен проверить помещение по поступившим жалобам. Процедура такая.

Гости ломанулись в квартиру так, словно я стояла с табличкой «провожу экскурсию по местным достопримечательностям»!

– Граждане! Вхожу только я и двое понятых! – заявил участковый, потрясая бумажкой перед моим носом. Никогда не видела, чтобы соседи чуть ли не подрались за право быть понятыми! В итоге победила Матвевна, триумфально выступая вперед, и соседка снизу Зинаида Павловна.

Я открыла дверь, тяжело вздыхая. Эстафета по тяжелым вздохам тут же перешла к соседям. «Ба-а-атюшки!», – охнула Матвевна, разглядывая мою квартиру.

– А ничего, что у меня ремонт? – отбивалась я, пока участковый заглядывал в спальню и подозрительно осматривал разбитый шкаф.

– Ой-е-е-ей! – качала головой Зинаида Павловна. – Все пропила! Вот что женское одиночество творит! Вот не верила, что бомжей водит... До конца не верила... Сколько ее знаю, интеллигентная женщина.

– Иго-го-го себе! – обрадовался кентавр с кухни, куда я тут же метнулась.

– Так, а это у нас кто? Пусть готовит документы! – слышался позади меня голос участкового. – Мужчина, это вы кричали: «Помогите! Спасите! Убивают!».

– Не правда! – обиделся конь в пальто. – Я пел! Пел! Помогите мне найти любовь! Спасите меня от одино-о-очества! Убивает меня эта боль! Оседлать тебя очень хочется!

Спасибо, воздержусь. На мне еще конь не катался! Как ни крути, из нас двоих, на нем кататься должна я. У меня есть справка со школьных времен о том, что у меня сколиоз, поэтому таскать мужиков на плечах мне противопоказано!

– Я бы быстро тобой овладел! Ты проржать подо мной не успела... – пел кентавр, находя в лице участкового преданного поклонника творчества. Понятые оживились. Зинаида Павловна бросила задумчивый и очень грустный взгляд туда, где пряталась тушка коня под плащом.

– Замечательно! Браво! Мужик живой, – вздохнул участковый, пока я мысленно добавляла «пока еще»! – Что и требовалось доказать. Распишитесь в акте. А у меня еще вызов.

– Хорошо поет, – расстроено вздохнула Матвевна, растрогано сложив руки на груд. – Правда, я глухая на левое ухо, но хорошо! Как по телевизору! Баян бы ему!

Участковый и понятые двинулись к выходу из кухни, а наш герой резво вскочил на копыта и бросился за ним. Я думала, что можно обойтись без баяна, ну раз он такой козел, то почему бы и нет!

– Прекрати! Сиди смирно! – взмолилась я, но великая сила искусства несла кумира на всех копытах к восторженным фанатам. Нет, я не хочу стоять в зрительном зале в тот момент, когда кентавр берет разбег, чтобы прыгнуть на руки будущим покойникам!

– Я еще могу спеть, если вам так понравилось! – заорал он, пытаясь содрать с себя плащ. Глаза его горели счастьем признанного гения!

Участковый обернулся, на пол упала папка. Матвевна схватилась за сердце, а Зинаида Павловна раскрыла глаза так, что мне показалось, они вот-вот выпадут. Шлепая губами, как аквариумная рыбка, она пыталась подобрать слова.

– Хоспади! – послышался старческий шепот. – Чур, меня, окаянный! Нечистая сила! Батюшки светы!

Внезапно возле моего уха раздался щелчок пальцев, и все действующие лица замерли на месте. Участковый с отпавшей челюстью, пытаясь поймать лист, зависший в воздухе, Матвевна с таким лицом, словно яйца подорожали на десять рублей, а коммуналка – на три, Зинаида Павловна застыла конной статуей без лошади, побледнев и прищурившись так, словно поняла, что искала всю жизнь нечто похожее, чтобы перепахивать десять соток за городом.

– Превосходно, – послышался нежный, сладкий и абсолютно незнакомый мужской голос с придыханием. – Великолепно. Не находишь, девочка?

Я обернулась и увидела мужчину такой красоты, что от нее живообписался любой живописец. Я никогда в жизни не видела ничего подобного!

– Фотошоп меня побери! – изумилась я, рассматривая незнакомца. А смотреть было на что! Идеальные черты лица, кожа без единого изъяна, шикарный разлет бровей, от которого екает что-то внутри, прямой нос, после созерцания которого, вешаются женские носы, пуская розовые сопли, мягкие, чуть припухлые губы и бездонные озера голубых глаз. Мягкие кудри цвета спелой ржи с золотинкой, спускались нежным каскадом на плечи. Венчали весь образ: белая рубашечка с белоснежным отутюженным воротничком, изящный галстук и пиджак, заливчатски

закинутый на плечо и придерживаемый пальцем за петельку, идеальные стрелки на брюках и удушающе сладкий запах дорого мужского парфюма.

– Вы кто? – недоверчиво спросила я, глядя на немую сцену. Кентавр простирает руку к фанатам, открыв рот так, что любой стоматолог, проходящий мимо, заинтересовался бы и дареным конем, и его зубами.

– Я – твой новый куратор, – улыбнулся ослепительной белизной гость, пока я нервно вдыхала сладость чужого парфюма. – Тебе просто заменили куратора. В договоре это прописано, так что ничего страшного. Вижу, что тут у тебя возникла проблемка. Ничего, девочка, сейчас все решим.

Как заменили? В груди что-то подпрыгнуло, а я вцепилась в кольцо на пальце, сжимая его до боли. Не может такого быть! И Дэм согласился? Почему он ничего мне не сказал? Не предупредил?

Новый куратор подошел к кентавру, захлопнул ему рот, а потом двинулся в сторону участкового. Одно движение руки, похожее на жест фокусника, и трое почитателей принце-конного ансамбля песни и встряски как-то обмякли и зашевелились.

– Вижу, что все в порядке, – спокойно заметил участковый, явно не замечая огромного кентавра, который возвышался над ним. Он поднял бумаги, застегнул молнию на папке, бросил взгляд на мою квартиру и двинулся к выходу. – Ложный вызов.

– Ой, – опомнилась Матвевна, оглядываясь по сторонам и бросаясь вслед за участковым. – Почудилось! Хоспади, что только старой не примерещится! Но ведь надо было позвонить, сообщить... Мало ли! А то тут недавно всю семью прирезали! Поэтому я и бдю! А Нинкин муж лапочку в подъезде выкрутил! Это же хулиганство! Занесите в протокол!

– Вот дергают, почему зря, – ворчала Зинаида Павловна, упорно не замечая парнокопытного маэстро. – У меня там стирки – вагон! И на завтра готовить!

– До свидания, гражданка, – заявил участковый, выходя на лестничную клетку. – Служба такая. Радуйтесь, что обошлось! Лучше уж такие вызовы, чем трупы.

Я сглотнула, закрывая за ними дверь, пока сердце стучало так, словно пыталось достучаться до кого-то очень важного и получить один единственный ответ. Руки дрожали, пытаюсь повернуть собачку замка. За дверью расходилась разочарованная публика, обсуждая увиденное в моей квартире «Видели? Ремонт затеяла! Деньги, видать, лишние появились!». «Этот хахаль ее на машине ремонт ей оплатил!» – завистливо вздыхали добрые соседи.

– Не могу понять, – прошептал вкрадчивый голос, а чьи-то руки

обняли меня за плечи. – Почему такая красивая девушка так расстроилась? Неужели есть повод? Я вот думаю, что повода для слез нет... За жениха не переживай. К утру заклинание спадет... Он вообще-то детей хотел. Таких же талантливых, как и он сам... Это я тебе по секрету сказал.

– Убери руки! – огрызнулась я, дернув плечом и тяжело вздыхая. – Я прошу тебя, по-человечески! Нет, спасибо тебе, конечно, за то, что избавил меня от проблемы, но ...

На меня ласково смотрели глаза нового куратора. Неземные, прекрасные, как на рисунках, выразительные и бездонные, как горные озера на фотообоях. Представляю, сколько девушек при виде таких озер, снимают с себя одежду и бегут купаться в этой синеве, с каким восторгом они ныряют в них, а потом не хотят вылезать на берег. Но, увы, я была из тех, кто молча прошел мимо, вздохнул, а потом устроился на берегу, грустно бросая камешки в хрустальную воду.

– Я не понимаю, как такая красавица может быть до сих пор одинокой? – прошептал новый куратор, с восхищением глядя на мою уставшую физиономию.

Я даже опомниться не успела, как слушала о том, что такие красивые глаза, как у меня, ни в коем случае не должны плакать. По мнению нового демона, за такой как я, вскорости выстроится очередь из мужиков, трижды опоясывающая весь земной шар. И будут там и арабские шейхи, мечтавшие пополнить гаремы скромной бухгалтершей, и одинокие миллионеры, которые при виде меня тут же откажутся от разврата, развлечений и прочих радостей холостяцкой жизни, ради того, чтобы я «посчитала их миллиончики», и даже принцы всех стран и возрастов от младше-горшкового до старчески-маразматического. Все они уже бегут в сторону моей скромной персоной, тряся суповыми наборами.

– Не понимаю, как тебя угораздило дожить до тридцати в одиночестве с такими выдающимися внешними данными? – с придыханием шептал демон, намекая на то, что меня каким-то чудом еще не заметили модные журналы! А ведь где-то уже ищут для меня роли известные режиссеры, художники готовят кисточки и мольберты, чтобы увековечить мою красоту!

Пока меня убеждали, что никак не могут понять причину моего одиночества, ко мне украдкой тянулся какой-то шланг с перевернутым сердечком на конце. Я подозрительно следила краем глаза за тем, как это сердечко медленно ползет к моей груди. Тем временем новый куратор пылко клялся, что портрет Афродиты из пены морской, рисовали с меня. И все известные картины тоже!

– И даже Рубенс рисовал с меня? – поинтересовалась я, вспоминая средневековый боди-позитив.

– И даже он, – сладко ответили мне, пока я с грустью осознавала, что пора садится на диету.

– Так, – я, словно очнулась, и тут же попыталась отодвинуться, глядя на сердечко, которое чем-то мне напомнило жало скорпиона. Это был демонический хвост! – Это что еще за...?

В этот момент сердечко меня хищно кольнуло. По телу пробежала теплая волна, а следом за ней холодная, вызывая легкий озноб.

– Я не могу подобрать слов, чтобы описать твою красоту! – с придыханием заметил новый куратор, хватая меня за руки и поглаживая их.

Не знаю, как он, но я слова подобрала быстро и тут же просклоняла «хвост» по всем падежам, творчески добавляя к нему нехорошую отглагольную отсебятину. Кольцо на пальце стало ледяным, приводя меня в чувство!

– Ты – самое прекрасное, что я видел в этой жизни, – вкрадчиво прошептали мне на ухо, обвивая мою талию рукой. Да, жизнь, ты была к нему сурова! Может, он близорук? Минус десять на одном красивом глазу и минус пятнадцать на другом, и «О! Ты – самое прекрасное расплывчатое пятно, на которое я когда-либо прищурился!»?

– Убери руки, – процедила я, пытаюсь снять чужие конечности с себя. Я была решительно расстроена и настроена на сопливое уединение с подушкой. – Я кому сказала! Иначе будешь вспоминать свою мужественность в прошедшем времени!

На меня смотрели с таким изумлением, словно только что подмешали в чай все афродизиаки, чтобы в ближайшем обозримом будущем пустить меня по колесу зодиака, начиная и заканчивая раком. Во взгляде читался весь ужас известного голливудского сердцееда и секс – символа по совместительству, которому отказала дородная и уставшая продавщица картошки средних лет, хриплым, вороньим голосом намекая на то, чтобы «челодой моловек» не задерживал очередь!

– Что? – едва слышным шепотом переспросил демон, глядя на меня растерянно, как будто только что на последние деньги арендовал ресторан и яхту, а после услышал незабываемое: «Что-то у меня голова разболелась!».

Сердечко еще раз кольнуло меня, но я ничего не почувствовала, кроме легкого укола.

– Слышишь, хватит мне тут эрекцию Манту делать! Привил уже, достаточно! – огрызнулась я, понимая, что если мы и будем играть в

доктора, то исключительно патологоанатома. Причем, им буду я. Хвост с сердечком на конце обессиленно лежал на полу, мол, сделал все, что мог! «В районе – эпидемия! Срочно всем прививки от ящура!». Может, попросить его расписаться в карточке, мол, девочка привита, все нормально?

Мне удалось вывернуться, и отойти на безопасное расстояние, недоверчиво поглядывая на любителя прививок. Хватит! Жизнь и так уже привила меня от идиотов! Сказала, не мочить! А очень хочется!

Демон смотрел как-то озадачено, я бы даже сказала с удивлением. Так обычно смотрят автомобилисты, когда на третьем СТО подряд им разводят руками, мол, все нормально, а почему не заводится – черт его знает! Я почувствовала духовное родство с ржавой папиной тарантайкой, которая даже после слов: «Ну, давай, хорошая моя!», глохнет прямо на светофоре.

На меня снова смотрели взглядом брошенного миллионера, которого пять минут назад послала куда подальше нищая провинциалка.

– Не может быть, – прищурился демон. Так и хотелось крикнуть: «Тихо! Идет мыслительный процесс!». – Знаешь, ты мне действительно очень понравилась... Мы, демоны, не верим в любовь. А уж тем более в любовь с первого взгляда...

Ага, зато в нее верят венерологи...

– Ладно, – красиво улыбнулся новый куратор, а потом взял мою руку и поцеловал. – До встречи. Вижу, женишок потрепал нервы. Ничего, пускай пока побудет статуей. Поставь его в уголок, чтобы никто не уволок, а сама отдохни...

Он исчез, подарив мне напоследок воздушный поцелуй.

Памятник нерукотворный «Принцеконю» занимал половину кухни. Он так и стоял, простерши длань в сторону уже благополучно сбежавших зрителей. Произведение искусства застыло с открытым ртом, вокруг которого летала большая муха. За мухой следили зрачки его глаз.

Я решила поставить его в коридор, двигая в сторону двери, пока не раздался глухой стук. Голова кентавра нежно соприкоснулась с дверным косяком. Ничего, на пару дней в хозяйстве пригодится! Я снова впряглась в коня, попыталась его слегка наклонить, но встреча с дверным косяком оказалась неизбежной! Бамс! Да! Случай тяжелый, клинический. Пока я возилась с конной статуей, в дверь позвонили, заставив меня прислушаться.

– Открой, Светочка! Это мы! – раздался знакомый голос. – Светочка, золотко, открывай маме дверь!

Я поплелась в коридор, на всякий случай, привстав и заглянув в дверной глазок, где отражалось расплывчатое лицо мамы и слышались

детские голоса.

– Светочка! – потребовал мамин голос, а я с тяжелым вздохом щелкнула замком. В мою пострадавшую от личной жизни прихожую ввалилось мое семейство, включая мать и тетю Зину с выводком малолетних отпрысков.

– Вот, решили к тебе заскочить! Проездом! Какой кошмар! – ужаснулась мама, всплеснув руками, пока я пододвигала на видное место рулончики обоев и слипшуюся кисть, мол, я тут ремонт затеяла... Не обращайтесь внимания...

– Так я и знала! Все пропил! Все из дома вынес! – тяжело вздохнула мать. – Какой кошмар! Угораздило же тебя! Нас Свиридовы позвали в гости! Ну я сразу сказала, то ты с нами не поедешь! Папа тоже отказался, а я вот думаю, почему бы и не съездить! Сто лет уже не виделась! Да и к тебе заедем, проведем!

– Мама, мама! Там конячка! – радовалась малышня, уже успевшая добраться до кухни. Пока я объясняла, что купила статую кентавра в полный рост «на подарок», дети его уже оседлали и с криками: «Иго-го!» и скакали на нем по всей кухне, пребывая в уверенности, что все подарки положены только им.

– И где же твой алкоголик? – вздохнула мама, осматривая квартиру и проходя в спальню. – Где этот изверг? Нет, ну надо ж было! Вот пусть только придет! Я ему устрою! Вот все выскажу!

– Ма-а-ам! – раздался топот детских ножек. – А где у тети Светы ножницы?

– А зачем тебе ножницы? – поинтересовалась я, но ножки уже убежали на кухню, пока родительница щедро делилась опытом совместного проживания с алкоголиком и многолетним стажем выведения из запоя.

Еще полчаса мне рассказывали, что он мне – не пара, не давая даже вставить словечко. Мне щедро сыпали примерами из жизни, рассказывали про каких-то далеких родственников с недалекими потребностями, в красках повествовали о судьбе какого-то водопроводчика Витеньки, который «мужик хороший, но» не очень стойкий к искушениям, особенно в день зарплаты.

– Ма-а-ам! – снова раздался топот детских ножек. На кухне что-то грюкнуло. – Я ему прическу сделала! А Славик отковырял...

– Ябеда! – донеслось обиженное с кухни, а ножки с возмущением убежали обратно.

– Выгнала я своего алкоголика, – буркнула я, пытаюсь прорваться на кухню и попытаться отбить кентавра у ребятишек.

– Как? – почти хором ужаснулась мама и тетя Зина. – Как ты могла? Мужика выгнала? Да ты что! Посмотри на себя! Тебе уже тридцать! Где ж ты себе мужика–то найдешь теперь! А тут хоть какой-никакой мужик был!

– Так, я иду на кухню! – занервничала я, слыша как что-то гулко упало и послышалось: «Отрезай! Не видишь, болтается! Да режь! Ему не больно! – визжала Он же игрушечный!»

Что-то мне подсказывало, что и певцу, и танцору мешает одна маленькая деталь, а к утру меня разбудит высокий и пронзительный голос ангельской чистоты.

– Мы с тобой еще не договорили! – мама перегородила дорогу, а с кухни слышался детское капризное: «А я все маме расскажу! И тете Свете! Да! За то, что вы оторвали у него...». На этом тревожном моменте я стала прорываться на кухню со страшной силой, в надежде, что если не коня, то хотя бы часть принца удастся отбить, но мама всем своим телом и видом давала понять, что разговор не окончен!

– Да пусть играют! – миролюбиво заметила тетя Зина, махнув рукой в ответ на мои претензии. – Дети, что с них взять? Покатаются немного! Не убудет! Вот когда свои будут, вот тогда и будешь мне рассказывать, как воспитывать!

– Ма-а-ам! Я хочу стать парикмахером! Мам! Я сделаю из него принцессу – поняшку! – воскликнула детская курносая мордашка, появляясь в дверном проеме, который загородила моя мама. «Дай мне покататься! Ты уже три раза катался!» – слышалось с кухни. Раздался грохот, а потом возня.

– Это ты сломал! – звонко кричал детский голос. – Ты! Ты сломал! Я все маме расскажу! Ай! Маринка, ты чего! Ты что? Ему хвост подстригла? А ну дай-ка я!

– Ладно, мы поехали, у нас автобус через час! Рады, что увидели! Но ты на счет алкоголика своего не горячись! – заметила тетя Зина, будучи экспертом во всех животрепещущих для меня вопросах. – Ты точно с нами не поедешь?

– Зиночка права. Тебе деток пора уже, – вздохнула мама, ласково глядя меня по голове. – Дети – это радость! Нет большего счастья, чем деточки!

– Мама-мама! У него сопли! Дима пальцы ему в нос засунул, а там сопли! Сейчас Славик ему глаза проверяет! А то они текут! Мы в доктора играем! Лошадка немного болеет! Мам! А можно мы его с собой возьмем? А? Ну, мам! – как-то очень радостно доложили нам, снова убегая на кухню.

– Так, – возмутилась я, прорываясь через маму на кухню.

– Славик, Дима, Марина! Давайте, собирайтесь! Лошадку мы не

берем! – быстро одевала деток тетя Зина, пока мама выкладывала мне на тумбочку завернутые в газету банки с огурчиками-помидорчиками. – Ничего не забыли? Ты где колготки испачкала?

– Мам! Она плачет! Лошадка плачет! Хочет, чтобы мы его забрали себе! Он будет у меня принцессой! – всхлипывала маленькая Марина, пока мама надевала ей на спину розовый ранец. – Пусть тетя Света нам его отдаст!

Рыдания «Хочу лошадку!» раздавались по всему подъезду вместе с убеждениями взрослых, что лошадку никто не отдаст, но они все удалялись, удалялись, пока не стихли. Я сглотнула, глядя на ножницы, брошенные на тумбочку, с которых свисали длинные волосы.

Я прошла на кухню, боясь даже смотреть в сторону несчастного. Кентавр стоял, привалившись к стене, глядя на меня такими глазами в которых читалась вся любовь к детям. Безграничная родительская любовь. Даже скупая слеза, текущая по щеке смотрелась очень кстати. От роскошной гривы волос осталось плешивое воспоминание. Теперь он выглядел, как жертва лысого садиста, который пошел учиться на парикмахера исключительно, чтобы мстить всем волосатым. Огромные, выстриженные газончики, локоны, которые валялись по всей кухне, открывали новые перспективы трудоустройства в переходе с лежащей на земле шляпой. Причем, подавать будут не только для того, чтобы заткнуться, но и из жалости. Покрасневший глаз, который немигающим взглядом смотрел в стену, пустил еще одну слезу. Прямо на лбу у него было нарисовано сердечко. То, что осталось от хвоста, можно было смело собирать в газетку. Маленькая пушистая кисточка, похожая на старый папин помазок для бритья, обнажала мускулистые задние ноги. Подвернутое левое переднее копыто и несколько внушительных синяков на торсе давали понять, что чужой цветник развернулся на славу. На спине у героя фломастерами был нарисован цветочек-татуировка, рядом красовались домик и кудрявое деревце. Таким татуировкам позавидует не только стоялец, но и сиделец. Какой-то треугольник с ручками и ножками украшал внушительный бицепс героя, а на груди было написано «Славик дурак!». Осталось заглянуть под коня, чтобы проверить свои самые грустные догадки, но было как-то неловко...

Я набралась смелости, понимая, что надо проверить дареного судьбой коня на предмет природой данных причиндалов, но меня привлекло что-то белое на полу. Осколок? Хм... Я наклонилась и подняла... зуб. Неподалеку лежали еще два. Стиснув свои зубы, грустно глядя на жениха, я пошла за табуреткой, дабы сделать то, что крайне не рекомендуют делать с дареным

конем. Осторожно заглядывая в открытый рот, подсвечивая себе карманным фонариком, я поняла, что Шерлок Холмс из меня неочень, и где-то на полу лежит еще пара-тройка подарков для зубной феи. Хотя... Мне кажется, тут и до меня кто-то пытался прицельным ударом копыта поиграть в доктора. Судя по масштабам, ближайшее время работать я буду исключительно на стоматолога, причем года три не разгибаясь. Нужно было сказать что-то ободряющее, что-то хорошее, доброе...

– Эм... – смутилась я, глядя с жалостью на жертву детской любви, по чьим щекам текли слезы радости от возможного отцовства. Сразу видно, мужик уже готов. – До свадьбы заживет! Не волнуйся... Без зубов тоже поют... Правда, первый куплет все пытаются догадаться на каком языке... Если что – говори, что поешь на иностранном! Какие языки у вас там есть?

Как-то так. Чем могла, тем утешила. Тяжело вздохнув, я достала конфетку и положила ее кентавру в рот. Очнется, рассосет и хоть немного порадуется. Надо же как-то приободрить несчастного?

Я наскоро искупалась и обессиленно упала на кровать, уткнувшись в подушку. Не могу принять тот факт, что теперь вместо «наказание мое» я слышу насквозь фальшивые дифирамбы. Кто-то выгуливает дежурные комплименты, запаривая меня очередной порцией лапши.

Я лежала и с дрожащей улыбкой вспоминала, как Дамиан закатывает глаза и выдыхает: «Наказание мое!», как улыбается, как золотыми искрами невидимого костра вспыхивают его глаза в этот момент. И я точно знаю, что он что-то придумал. Что-то интересное и незабываемое. Я навсегда запомню пляж, поцелуи со вкусом шампанского, парк аттракционов и гонки по ночным дорогам... Дамиан... Никогда бы не подумала. Интересно, а есть ли у тебя сокращенное имя? Коротенькое и нежное, чтобы его можно было выдохнуть на ушко и закончить поцелуем. Маленькое имя, в которое можно вложить всю нежность? Может, Дэм?

Я шмыгнула носом, спрятала свое горе в подушку, роняя слезы и тихонько всхлипывая, проваливаясь в черную бездну снов и всякой сумбурщины, которая роилась вокруг меня неумолимым вихрем, оставляя пустоту и тревогу.

– А! – я дернулась, отпрянув от подушки в тот момент, когда мне приснился огромный, пушистый комар, у которого вместо хоботка было нечто похожее на шланг от пылесоса. Одна затяжка, и получай, история, готовую мумию для археологов. Где-то грустно подпирали стенку Дракула и весь кровососательный народ, причмокивая и понимая, что пока они розницей балуются, вокруг меня роится матерый оптовик. В тот момент, когда я устала отбиваться и убегать от огромного жужжащего, как древний

пылесос, чудовища, оно настигло меня и решило вкусить на пробу пару литров моей кровушки.

– Ааааа! – орал донор, отбиваясь от внепланового забора анализов и задыхаясь от кошмара.

– Тише, девочка, тише, – меня прижали к себе и стали гладить по голове, пока я вздрагивала и пыталась успокоиться, уткнувшись в чужое плечо. Щелкнули пальцы, и комнату озарил мягкий свет свечей.

– Свет выключили? – зевнула я, сонно глядя на нового куратора и на свечи. – Опять? Вот сволочи! Да достали уже отключать! Будь другом, позвони на горячую линию! Там, по-моему, пять – пять – десять ...

– Хм... Чувствую, не дадут, – как-то задумчиво, грустно и негромко заметил новый куратор, глядя на всю эту аварийную романтику.

– А вот это ты зря! Дадут, дадут! Куда денутся! Звони, там тетка сидит такая противная! – закатила глаза я, снова плюхаясь в теплые недра подушки. – Я что? Зря налоги плачу? Да за те налоги, которые мы платим, они всем горсветом дать должны, включая начальника.

Я протяжно зевнула и снова накрылась одеялом, надеясь, что на этот раз мне во сне выдадут дихлофос и фумигатор.

Свечи погасли, а я обняла подушку, пытаюсь хотя бы во сне еще немного побыть чьим – то наказанием.

Мне снилось, что я – ведьма! Рядом терся большущий черный кот, в руках была метла, а вокруг – осенние листья. Я даже попыталась взлететь, предвкушая ощущение полета, пыталась колдовать, размахивая метлой и пугая кота, пока во сне не послышался голос: «Светлана! Вы когда-нибудь начнете убирать двор или нет? Вам за что зарплату платят?». Что-то коснулось меня, я дернулась и увидела свою комнату, усыпанную лепестками роз.

– Это для тебя, – прошептал мне вкрадчивый голос, пока я стряхивала с себя лепестки.

– До утра подождет? Сейчас подметать не буду, – буркнула я, тяжело вздыхая о том, что не купила пылесос по скидке. – Хотя, сам нагадил – сам убирай. Веник на кухне, совок в столе...

Я снова провалилась в сон, в котором почему-то у меня был черный пояс не только по вынесению мозга, но и по неведомым единоборствам. Самое обидное, что так считали все вокруг, радостно желая проверить силу моего удара. Пока ко мне спешили записаться в ученики, я щедро раздавала первые «пробнички» уроков.

– Эм! – раздался голос над ухом, заставив меня снова встрепенуться и сонно осмотреться вокруг. На кровати сидел мой новый куратор, глядя

куда-то себе на штаны, на которых в ключевом месте темнела лужа. В руках у него был бокал.

– Ай-я-я-яй, – сонно пробурчала я. – Такой большой мальчик и в кровать! Фу! Пить меньше на ночь надо!

– Это было шампанское! – тоскливо заметил инкуб, показывая внезапно опустевшие по моей вине бокалы. Я уныло посмотрела на часы. Четыре утра.

– Шампанское по утрам, – зевнула я, взбивая руками подушку и снова падая в нее лицом и сплевывая заблудившийся лепесток. – Пьют только аристократы и денегераты. Определишься, кто ты, разбудишь!

Видимо, определился, потому что меня разбудило нежное поглаживание. Я простонала, открывая глаза.

– Да отстань ты от меня! – со стоном вздохнула я, снимая чужую руку с себя. Но рука все тянулась ко мне.

– Я пришел к тебе с приветом, – нежно улынулись мне, даря лучи «с добрым утром».

– Рассказать, что что-то встало! И на пару сантиметров приподняло одеяло, – огрызнулась я, пытаюсь скинуть со своего одеяла одного посидельца с закосом под идеального мужика. Я и Доброе утро – две вещи чаще всего не совместимые. Нет, на выходных мы иногда с ним встречаемся, но это бывает очень редко, когда в гости заходит хорошее настроение. – Загляни ко мне в палатку одинокая туристка. Ведь походному оркестру позарез нужна флейтистка...

– Эм..., – заинтересовался местным фольклором мой новый куратор, явно предполагая другую реакцию.

– С одеяла слезь! – пробурчала я, пытаюсь укутаться потеплее.

– Ну что ты делаешь! – изумился демон, когда я бесцеремонно выдернула из-под него одеяло. – Я тебе вообще-то кофе принес в постель! Французский!

Я посмотрела на перевернутую кружку и огромное пятно от кофе. Запах был, конечно, божественным, навевая мне мечты о Париже. Пятно тоже выглядело, как произведение ночного Пикассо, который обпикассил почти новый матрас. Вот теперь мне интересно, является ли хозяин ценителем искусства, или он будет первым человеком на моей памяти и совести, который выскажет свое «фе!» при виде коричневого авангарда. В этот момент мне как никогда хотелось быть подальше от искусства, я даже готова была прослыть очень неотесанным, необразованным и бескультурным человеком.

– Девочка моя, – меня погладили сквозь одеяло. – Я не хочу, чтобы ты

расстраивалась... Понимаю, что ты переживаешь. До меня дошли слухи, что он сам захотел, чтобы его отстранили от работы...

Я приподнялась, чувствуя, что впервые в жизни мое сердце просто взвыло.

– Я понимаю, что тебя бросили... Не оценили, – меня нежно гладили по голове, а спутанные волосы, цеплялись за чужие пальцы. Ласковые глаза нового куратора смотрели на меня с нежностью. – Знаешь, я предлагаю...

Он приблизился ко мне, так словно мечтает поведать тайну мирового заговора.

– Отомстить ему, – на меня снова смотрели заговорщицким взглядом. – А для этого нам нужно...

– Знать его номер телефона! – согласилась я, глядя на идеального мужчину, который украдкой пытался сократить дистанцию между нами. – Мы разместим объявление: «Отдам почти даром детские вещи!». Этого будет вполне достаточно, чтобы ему пришлось сменить сим-карту и вздрагивать после фразы: «А бесплатно можно?», «А сами привезете? Просто у меня дети маленькие я даже на почту не могу выйти, а у вас машина и полторы тысячи километров на ней – пара пустяков!».

– Я не про это, девочка моя, – ласково улыбнулся демон, пытаясь приблизиться, словно для поцелуя. – Есть более интересный способ мести...

Я попыталась отстраниться и запахнуть халат, в кармане которого шуршал пакетик. Откуда он там взялся, я не помню. Кажется, это было очень вкусное печенье.

– Я предлагаю, – новый куратор подарил мне незабываемую улыбку влюбленного по уши мужчины. – Я предлагаю тебе очень страшный и при этом сладкий способ мести... Но, поверь мне, он его никогда не забудет...

– Значит, нам нужен адрес, – усмехнулась я, стараясь убрать свою руку подальше от чужой руки. – Ночью мы крадемся к его двери и высыпаем содержимое пакетика, который ты заранее заготовишь...

К моему лицу тянулась рука, а взгляд пытался растворить меня в нежности.

– Держи пакетик! Твоя задача – наполнить его! – я вынула из кармана дырявый целлофан. – Будет полный – скажешь. Пойдем мстить! Мстят наша будет очень страшна! Мы еще в почтовый ящик засунем половину! Пусть знает, как бросать девушку!

Нет, я прекрасно поняла мужской маневр. Где-то витает в воздухе гениальная идея, которая частенько ударяет в головы брошенцам и брошенкам. «А почему бы и нет? Я ведь ого-го! А меня не ценили! Ну я

сейчас докажу, что в отношениях я – очень востребованный специалист! Настолько востребованный, что меня прямо сейчас кто-нибудь возьмет и востребует! Иди сюда, страдалец от френдзоны! Мстить будем! Пусть ревнует!».

– Да что ж такое! – взмолился демон, глядя на меня глазами побитого щенка. – Вот объясни мне! Я стараюсь тебя поддержать, стараюсь помочь тебе... Понимаю, как тебе тяжело...

– Тяжело мне было, когда сумки из магазина тащила с десятью килограммами картошки, – я бросила взгляд на нового куратора, который смотрел так, словно в моей квартире проходит конкурс пострадавших от моего произвола мужиков, а он – претендент на первое место. – Нет, ты главное, не расстраивайся. Понимаю, это – твоя работа... Но я слишком стара для таких пометов... Извини, полетов. И сейчас мне просто хочется побыть одной. Я догадываюсь о твоей профессии, поэтому держи свой профессионализм подальше от моей догадки.

– Ты о чем? – спросили меня нежно и честно сделали вид, что впервые слышат, как его почетно записали в почтенные представители древнейшей профессии. – Знаешь, я тут слегка переусердствовал с заклятием, которое наложил на твоего ... хм... жениха. Он еще немного постоит так, ты не против? ... Ладно. Да, сознаюсь, я – инкуб. Но... когда на тебя не подействовали мои чары, даже укол хвостом, я понял простую истину... Ты мне очень нравишься, девочка. Настолько, что я готов сделать тебе подарок!

А на табуретку лезть не надо? А то мало ли? Я могу и стишок рассказать, причем такой, что сразу в качестве подарка мне выдадут веревку с мылом! Пожалуй, обойдусь без подарков! Хотя нет, постойте! Подарите мне крепкие нервы! Они мне очень пригодятся. И, если не затруднит, сердце, которое не умеет любить, не умеет болеть и страдать. Я даже сделаю вид, что мне очень понравился подарок.

– Но взамен, ты подаришь мне поцелуй, – с улыбкой прошептал инкуб, осторожно потянув поясok моего халата в свою сторону. Торг, надеюсь, уместен? – Как на счет одного поцелуя? Как на счет любви и ласки?

– Хм... Я предпочитаю надежду и норку, – грустно ответила я, а потом улыбнулась. – Хорошо, я согласна... Люблю, когда целуют спинку... Только нежно...

– Договорились, – страстно прошептали мне, лаская пальцами мою руку. – Договорились, моя девочка...

В глазах инкуба летели лепестки роз, гремели фанфары, горели вражеские знамена. Крепость пала! Ура, товарищи! Ура!

С дьявольской улыбкой, распространяя головокружительный запах сладкого томления, он закрыл глаза. Я отвернулась, даря ему нежнейшую улыбку из всего кокетливого арсенала, которым можно накрыть любую вражескую позицию, и подол от халата, который инкуб тянул на себя.

– Но только спинки! – прошептала я, чувствуя, как рука нежно убирает мои волосы, а кроватные скрипы намекали на то, что один марафонец пытается сократить дистанцию до расстояния вытянутых губ.

– Я думаю, – коварно шептали мне сладко-сладко, приспуская с моей спины халат. – Поцелуем спинки мы не ограничимся...

– Ну... – томно протянула я, закусывая губу, чувствуя, как мне наглаживают коленочку, полируя ее до блеска лучше любой бритвы с тремя лезвиями.

Упс! Я резко отклонилась, а спинка кровати подставила лакированную доску в предвкушении целовательного экстаза! Такого трогательного и неожиданного поцелуя я не видела даже в мелодрамах! Спинка кровати смутилась, заскрипела, мол, сударь, как вы могли, а я снова натянула халат, потуже затягивая пояс.

– Итак, поскольку поцелуем спинки мы не ограничимся, как на счет поцелуя ножек? – игриво заметила я. – У меня еще много мебели осталось нецелованной! Не умирать же шкафу девственником? Ты как считаешь?

Так тонко я еще никогда не намекала мужику на то, что он – дятел. Кровать под инкубом жалобно заскрипела, мол, куда же ты, любимый, но он встал и исчез, оставив ее в расстроенных чувствах. Она ведь действительно верила, что у них все только начинается! А тут «прости, прощай!». Неблагодарный дятел улетел, но обещал вернуться.

От нечего делать я встала, заварила кофе, посмотрела на статую кентавра, об которую споткнулась раза четыре, и поняла, что ей здесь не место. Ну не по фень-шую! Мало того, что она загораживала стратегически важный шкаф с остатками посуды, так еще и ...

Хлоп!

Я зажмурилась, глядя на лежащего, на полу кентавра, которого случайно задела дверцей шкафа. Рядом с ним валялся вылетевший зуб. Я осторожно подняла зуб, достала из шкафа суперклей и предыдущие зубы, спрятанные на всякий случай, заглянула в пасть дареному коню и стала бережно приклеивать каждый. Нет, ну а вдруг потом претензии ко мне будут? Мало ли? В суд подаст за тяжкие душевные и тяжкие телесные? Я сейчас не настолько богата, чтобы выплачивать моральную компенсацию!

Завинтив крышку от клея, я потащила кентавра в коридор. Не с первого раза, но раза с третьего, методом проб и падений, я сумела

вытолкать его в «стойло». Осталось выбрать место, где будет стоять мой конь в пальто до тех пор, пока заклинание перестанет действовать, или срок свидания не подойдет к концу.

Пока дизайнеры интерьеров доставали блокноты, ручки и альбомы, внимательно следя за тем, как правильно размещать статую кентавра в полный рост в интерьере современной хрущевки, я, потея и сопя, устанавливала дареного коня между тумбой и шкафом. Протянутая рука со сломанным пальцем, почему-то навевала мне соблазнительную мысль о том, что вешалки бывают разные и расколдовывать его вовсе не обязательно. Я поправила пальто, застегнув его на все пуговицы, чтобы бедняга не мерз, подперла его тумбочкой и полюбовалась на свою работу. На фоне недавно поклеенных обоев, похожих на цветочную полянку стоял мужественный конь в пальто. По-моему, миленько получилось. На его руке висела старенькая ковровая дорожка, которая была извлечена из шкафа для прикрытия вздувшегося пола в стиле «Дорогая моль, кушать подано!».

Пока привередливая моль грустно воротила нос от этого доисторического и плешивого ковра-самолета, я понимала, что в моей жизни еще не было никогда такой мощной поддержки в такую трудную минуту.

На руке кентавре уже побывало ведро, тряпка. Он даже успел поработать памятником всем дворникам, протягивая миру старый веник. Но карьерный рост на этом не закончился. Бейлис пошел на повышение, и решил возглавить профсоюз уборщиц, сжимая в руке швабру. Судя по взгляду, он призывал «подметалиев» всех стран объединиться против тех, кто любит ходить по свежевывытому и, в качестве наказания, вырвать им ноги по самые подмышки.

В шкафу была найдена пыльная и старая лампочка, которую я решила ввинтить в коридоре, вместо той, которая переедет на кухню. Пока я возилась с табуретками, лампочка мне категорически мешала. Она норовила скатиться вниз с тумбочки, поэтому я прикидывала, куда бы ее засунуть, чтобы потом было легко взять. Открытый рот кентавра как бы намекал, что место я выбрала удачное.

– Подержи пока, милый, – запыхавшись, попросила я, засовывая лампу ему в рот и карабкаясь на шаткую табуретку. – Так, что у нас тут?

Я стала осторожно вывинчивать старую лампочку, пряча ее в карман, а потом потянулась за новой...

– Отдай! – настояла я, пытаюсь вынуть из чужого рта злополучную лампочку, но чужие челюсти ее не отдавали. – Я кому сказала! Плюнь!

Судя по глазам жениха, он очень хочет побыть холостяком. Да что там!

К его обету бесплодия добавился обет безбрачия. Я вздохнула, предпринимая еще одну попытку вытащить лампу из чужого рта.

– Да ладно, не переживай! – я слезла и ободряюще похлопала по крупу хозяйственного мужика, прикидывая, где у меня лежит хозяйственное мыло.

Я мылила лампочку, пыталась хоть немного разжать челюсти, засовывала мыльные пальцы и осторожно тянула хрупкое стекло на себя.

– Потерпи, – я закатала рукава халата, понимая, что пена, стекающая по уголкам рта несчастной жертвы хозяйственного произвола и бешеные глаза, которые сошлись на переносице, навсегда останутся на моей совести.

– Одну минутку! – я снова пыталась ободрить страдальца, который судя по красноречивому взгляду, решил, что гений должен быть одинок. – Это будет не больно! Я постараюсь осторожно!

В моих руках уже были старые, ржавые щипцы, найденные в шкафу. Гений уже твердо решил остаться одиноким до конца своих дней, а судя по ужасу, застывшему в глазах, скоро он станет классиком.

Впервые попытка и пытка стали почти синонимами. Я осторожно вытерла пену вокруг рта «группы поддержки» и ввинтила старую лампочку обратно, украдкой бросая взгляды на новый торшер. Вот он, первый мужик, который мне реально светит! Причем, в буквальном смысле.

Умаявшись за день, я легла спать, обнимая подушку и вспоминая, как однажды проснулась от нежного поцелуя. Этот поцелуй все еще таял, словно первый снег на моих губах, заставляя меня стиснуть зубы от душевной боли. Если бы я знала, что это была наша последняя встреча... Если бы кто-нибудь мне сказал, что мы видимся в последний раз, то я бы... Я бы не отпустила его руку. Я бы держала ее. Вцепилась бы и держала. Молча... Просто держала бы его за руку, чувствуя тепло его ладони. Даже если бы нас растаскивали все демоны ада, я бы держала, потому что не хочу его отпускать, потому что не хочу его терять. Даже если он храпит по ночам, как паровоз, раскидывает по комнате носки, сидит в туалете часами... Я бы держала. И нас бы не разлучили. Ведь разлучить людей можно только тогда, когда один разжимает руку.

Снился мне чудесный сон, как будто в полной темноте меня нежно целуют, слегка приоткрывая мои губы и страстно обжигая прерывистым дыханием. Нежные руки прикасаются ко мне, вызывая мурашки по коже от каждого прикосновения. По щекам текли слезы, которые осторожно стирали теплые пальцы, словно уговаривая меня больше не плакать. Я соглашалась, понимая, что плакать уже нет смысла, но по щеке снова катилась холодная слеза, которую ловили теплым поцелуем, успокаивая

меня со всей нежностью, которой мне так не хватало.

Я чувствовала, как ко мне прижимаются щекой, приподнимая скользящим движением по моим ногам подол халата. На моем колене запечатлели поцелуй, заставивший меня свернуться клубочком. Я понимаю, что это – всего лишь сон, поэтому не хочу, чтобы он заканчивался. Мне нужна эта нежность, о которой никто никогда не узнает. Тайна, которая растает с первым солнечным лучом. Моему плечу дарили поцелуи, заставляя ненадолго забыть о моей боли.

– Что ж ты делаешь? – шептала я во сне, чувствуя, как слезы снова и снова катятся из моих глаз.

Сон стал приобретать краски, расцветая изысканными шелками и трепетными свечами, которые освещали теплым светом роскошное ложе, имеющее мало общего со старой двуспальной кроватью, собранной из двух односпальных. Вместо моих простыней в ляповатый цветочек тело ласкали мягкие шелка. На столике стоял натюрморт, достойный кисти великого художника. Спелый виноград сочился сладким соком, огромные аппетитные персики, которые продаются с комплиментами от продавца, не умеющего ни склонять слова, ни девушку к сожительству, манили мой авитаминозный организм вкусить свежую порцию витаминов.

Нет, мне в жизни снилось много приятных снов. Почему-то их периодичность их иногда совпадала с моими опозданиями на работу, но это был особенный сон, такой уютный и теплый, наполненный нежностью и любовью.

В комнате никого не было, а я чувствовала, как меня снова обнимают, нежно, словно порывом ветра, укладывают в постель, даря невидимые и сладкие поцелуи. Время тянулось медленно, словно мед, струящийся с ложки, дурмящий запах благовоний кружил голову, опьянял и не давал вздохнуть. Невидимая прелюдия собиралась перерасти в нечто большее, как вдруг... раздался такой грохот, словно на меня обвалился потолок. Я встrepенулась, чувствуя, что поцелуи прекратились. Послышался топот копыт и мычание.

Интересный поворот сюжета! Это только у меня во сне посреди постельной сцены появляется буренка? Или это намек, что пора брать быка за рога?

– Ыыыы! Ыыыы! – где-то мучилась бедная коровка, внезапно решившая, что эротический сон – это то самое место, в котором она непременно должна быть главной героиней. – Ыыыыы!

Дверь распахнулась, свечи погасли, я дернулась, чувствуя, что отталкиваю кого-то вполне телесного и слегка возмущенного моим

внезапным порывом.

Я бросилась к выключателю, пытаюсь на ходу завернуться в простыню, включила свет и увидела интереснейшую картину. Посреди комнаты стоял кентавр с лампочкой во рту, издавая такие звуки, что все коровы тихо помиралы от зависти, а одинокий бык с надеждой посмотрел в нашу сторону, радостно сообщив, что нашел свою невесту. На кровати спешно пытался одеться мой новый куратор, бросая на меня странный, задумчивый взгляд, как будто в разгар любовной сцены я шепнула на ушко, что венерических уже не боюсь, ведь твоя зараза к моей заразе вряд ли прилипнет. На моей руке горел странным светом перстень, заставляя щуриться и разглядывать с удивлением, проступившие неведомые письмена.

– Ыыыыы! – с негодованием промычал Бейлис, как бы намекая, что в чужом хозяйстве он уже пригодился, и хочет убраться отсюда подобру – поздорову, переживая за свое, родное.

Вот не могу понять, что его больше огорчило? Лампочка во рту или невеста с другим?

– Ыыыыы! – снова разошелся Бейлис, пуская мыльные пузыри.

– Чего ты пенишься? – усмехнулся новый куратор, бросая злобный взгляд на «А что это вы тут делаете?». – Держи от меня подарок, идиот!

Один щелчок пальцев, а голове страдальца появились вполне себе роскошные оленьи рога, которые чуть не процарапали мне потолок.

– Это тебе маленький подарок, – усмехнулся инкуб, а потом посмотрел на меня, застегивая рубашку. – Ну что ж... Испытание ты прошла! Молодец! Не ожидал!

– Слушай, я – не оргазм, чтобы меня испытывать! И не атомная станция! – возмутилась я, неприязненно глядя на ловеласа и чувствуя, что меня передергивает. – Я хочу прекратить игру! Мне уже надоело! Я согласна на венец безбрачия! Согласна, что от меня мужики будут шарахаться! Никого я не буду выбирать. Хватит! Я устала! Я уже всех посмотрела, и мне никто не нравится.

– Нет, не всех, – заметил инкуб, улыбаясь. – Знаешь, девочка моя, я действительно должен был тебя соблазнить, но, как видишь, ты устояла. Не знаю, каким чудом...

– Ыыыыы! – подало голос чудо природы, ощупывая переизбыток кальция в организме и ужасаясь. Зря он переживает! На рогах поместится даже не венок, а целый лавровый куст!

– Значит, он сделал правильный выбор. Понимаешь, – мой куратор присел на кровать, глядя на меня с уважением, – демоны влюбляются редко, а ценными специалистами в аду не разбрасываются направо и

налево. Но раз ты прошла испытание, ты заслужила свое счастье. И следующий жених...

Мое сердце сделало несколько глухих ударов, прежде чем послышался конец фразы.

– ... тебя не разочарует, – усмехнулся новый куратор. – Пойдем, олень. Или ты все-таки надумал жениться на этой прекрасной девушке?

– ЫЫЫ! – кентавр округлил глаза, икнул и показал пальцами на лампочку, а потом растворился в воздухе вместе с инкубом, оставив меня с маленьким огоньком надежды, который вспыхнул теплотой в моей груди.

Глава одиннадцатая. Ежик в тумане

«Брак у нас бывает часто!»

Женская фабрика иллюзий «Надежда»

Ни что не согревает так, как надежда. Ни один камин, калорифер, батарея, костер, одеяло не сумеет согреть лучше, чем маленький огонек надежды, который зажигается после неосторожного слова и таинственного взгляда. В такой момент кажется, что можно бежать босиком по снегу и не замерзнуть, идти под проливным дождем без зонта и не простудиться, сидеть в холодной квартире и не подхватить воспаление легких... Некоторые мужчины не идут встречать любимую, забывшую зонт и экономят на женских зимних сапогах исключительно потому, что где-то работает фабрика женских иллюзий «Надежда». Она наладила несколько конвейерных линий: «Он изменится! Вот увидите!», «Рожу, и он изменится!», «Любовница – не тот свет! Вернется!», «Жена – не стенка. Подвинется!», «Принц на черном мерседесе обязательно приедет!». Эти линии работают без страйков и перебоев уже много столетий. Раньше они обеспечивали Сену и другие водоемы утопленницами, сейчас тормозят статистику разводов и улучшают демографию.

Я, как и миллионы женщин, подрабатываю, правда, на полставки, на этой фабрике чесальщицей чувства мужской гордости и мотальщицей мужских нервов, смотрю на вновь прибывших мечтательниц грустными глазами и провожаю на пенсию разочарованных реалисток. И пока руководство клеит лозунги: «Всем по принцу! Даешь еще иллюзий!», честно кормит в столовой обещаниями, устраивает корпоративные посиделки с котиками, мои коллеги – бухгалтера выдают нам авансы контингентом, далеким от венценосного. «Вы потерпите немного! Скоро все наладится!», – кивают они, когда ты расписываешься в зарплатной ведомости под названием «Несостоятельность». «Кто еще не расписался за женатого любовника? А вот здесь, напротив ленивого идиота, кто будет ставить роспись?» – кричат они, пока мы стоим в очереди за личным счастьем.

Недавно я уволилась. По собственному желанию «в связи с разбитыми иллюзиями!». А теперь мне звонит родная бухгалтерия, отдел по сведению концов с концами, в свое время научившая меня считать... причем, сразу всех мужчин козлами, и говорит, что без моих соплей ничего не клеится, а

норматив по слезам в подушку никак не выполняется.

Я посмотрела на часы, чувствуя, как мне подсовывают заявление на прием на работу. Стрелочки медленно ползли, а в груди робко пела маленькая, нахохлившаяся птичка. Я уже почти занесла невидимую ручку над невидимой бумагой, пока сердце сжималось от предвкушения радости от события, которое еще не произошло, но вот-вот произойдет.

– А можно я вам просто так помогу с нормативом по слезам и соплям? – выдыхала я, кусая губы, чувствуя, как по щеке скатывается слеза. – Мне не сложно... Не нужно меня снова принимать на работу. Я не хочу терзать сердце ложной надеждой.

Десять часов одна минута... Где-то под окнами послышался шелест колес. Сердце замерло, забилося и тут же бессильно рухнуло вниз. Сосед.

Три минуты одиннадцатого.

Теперь я понимаю, в чем причина моего одиночества. У меня есть своя планка, через которую я не перетаскиваю, кряхтя и оглядываясь, первого попавшегося под руку мужика, глядя на то, как соседская кошка недавно принесла десяток альтернативных «утешений старости». Те, кого мне присылали, просто ждали чудес в лице накачанной родными мадемуазели с исходящим сроком годности, пребывающей в последней стадии отчаяния. Не они мне, а я им была не нужна.

Пол одиннадцатого.

Глупо выбирать тех, кого будет легче тащить на своих плечах в сторону указателя «Идеальные отношения 1000000000 км», учитывая, что земля круглая, а у мужика тяжелая рука и характер. И страшно в какой-то момент очнуться после долгого пути и осознать, что никогда не была нужна этому человеку, иначе бы он нес тебя на руках весь этот долгий путь. Или хотя бы шел на своих двоих, держа тебя за руку.

Одиннадцать.

Вы думаете, что мне никогда не дарили цветы и дорогие подарки? Не катали на машине? Не устраивали свидания? Не помогали с работой? Не читали стихи? Ошибаетесь. Все это было, но не было этого теплого ощущения нужности. И пока где-то кричат: «Выбирай, либо принципы, либо принцы! Выбирай быстрее, а то тут очередь!», пока все роются, как базарные бабы в ящике с гнилыми помидорами, я просто ищу своего человека.

Без двадцати одиннадцать.

Даже если сейчас появится не он, а кто-то другой, я выберу венец безбрачия. Я пронесу сквозь всю жизнь маленькое воспоминание о том, как однажды была кому-то нужна, и о том, этот кто-то был нужен мне. Чувство

нужности дарит почти осязаемое тепло, поэтому я буду знать, что однажды согрела чужие руки, чувствуя, как они согревают меня.

Без десяти одиннадцать.

Наверное, в старости, я буду приходить в парк аттракционов, садиться на лавочку и смотреть, как вращается чертово колесо и улыбаться самой себе, оживляя перед глазами воспоминания. В них я снова буду молодой, снова буду прижиматься к чужой груди, снова буду целовать любимые губы, как однажды где-то в другом мире. И слезы – благодарности судьбе спрячутся в морщинки. Я буду улыбаться влюбленным парочкам, прорисовывая всеми красками нежности лицо того, кого любила... Я буду вязать салфетки, прислушиваясь и всегда выглядывая на улицу, когда за окном послышится шуршание колес. Я буду улыбаться чужим детям, думая о том, что у нас тоже могли быть дети. Я не буду ненавидеть этот мир, как делают это многие, проклиная его за то, что он однажды отнял любовь. Я буду любить и благословлять мир за то, что однажды подарил.

Одиннадцать.

Сердце колотилось так, словно внутри меня невидимые строители решили разбить отбойными молотками все стереотипы, а по щекам текли слезы нежности. Сердце начинало биться так сильно, что я еще и удивлялась, как это соседи не выбегают на лестничную клетку, уточнять, кто же так и к кому же так громко стучат? По щекам текли слезы, забитый нос шмыгал, а я улыбалась самой себе. Мне жаль тех, чье сердце никогда не стучало в чью-то душу, не плакало на пороге чужой души, разбитое о пуленепробиваемую дверь, не бросалось в распахнутые двери и не натыкалось на кирпичную стену непонимания. Мне жаль их... Искренне жаль...

Полдвенадцатого.

Есть люди, которые ненавидят мир из-за одного человека, а я буду любить его по той же самой причине. Мир, которые однажды, пусть ненадолго, подарил мне: «Наказание мое», заслуживает любви. Я буду смотреть, как год за годом за окном облетают листики, как тает корка льда на моем подоконнике, как на соседнем дереве поют птицы и расцветают цветы в моем палисаднике. Я никогда не буду высовываться из окна по пояс и гневно орать: «Не топчите! Не вы сажали!», как только кто-то подойдет к моей «клумбе». Я буду с умилением смотреть, как детская рука срывает мои цветы, чтобы подарить их маме: «Ты нужна мне, мама!», буду с улыбкой смотреть, как влюбленный, у которого нет денег, охапками рвет их, чтобы кто-то улыбнулся: «Мои любимые!». Я каждый раз буду вспоминать тот самый букет, который лежал на заднем сидении машины.

Без десяти минут двенадцать.

Я не стану никого выбирать, не смотря на то, что у меня остались попытки. Я не хочу лишать их этого чувства «нуждаться и быть нужным». Я выбираю венец безбрачия, чтобы в старости сквозь пелену слез от чужого счастья, видеть в других парах наши с ним силуэты.

Стрелки подошли к полуночи и сомкнулись, аккуратно в тот момент, когда по моим щекам скатились слезы.

Я закрыла глаза, чувствуя, как слезы все катятся и катятся по щекам, вымывая всю грязь, жестокость и ненависть к миру. Я никогда не смогу возненавидеть мир, который однажды подарил мне его ...

– Наказанье мое, – обняли меня, заставив задохнуться и заплакать, как та маленькая девочка, глотая воздух и не веря своим ушам. – Ну что ж такое...

Я сидела на стуле, задыхаясь от молчаливых рыданий, положив свою руку поверх его руки, глядя ее и кусая свои губы, а потом потерлась мокрой щекой об его руку и неумело, с глупой улыбкой сквозь слезы даря ей трепетный и задыхающийся поцелуй счастья. Ты нужен мне... Нужен... А я тебе нужна? Нужна?

Меня обняли... Нужна? Точно нужна? Ты не обманываешь? А потом меня поцеловали в мокрую щеку, нежно-нежно, прижавшись к моей щеке. Нужна... Я нужна... И не кому-нибудь, а тебе...

– Чай будешь? Давай чай попьем? – сбивчиво прошептала я, положив свои руки поверх его рук и шмыгая носом.

Никогда я не чувствовала столько радости, когда мне дышали в висок, умоляя не плакать. Как же не плакать, если ты нужен мне, а я нужна тебе? Как же не плакать от счастья, когда тебя обнимают родные руки? Как же не плакать, когда тебя целуют губы, за которые ты готова отдать жизнь ...

Чайник дрожал в руках, когда я набирала воду, закипал так долго, что мне казалось, я раньше состарюсь, чем он закипит. Я бережно размешивала чай в железной кружке, нежно предупреждала, что горячее, вкладывая ее в теплые руки, и чувствуя, что уже слегка обожглась.

– Никуда не годится, наказанье мое, – рассмеялся Дэм, глядя, как я стою рядом, понимая, что кружка у меня одна. – Это называется «попью чай», а не «попьем». У меня есть предложение...

На меня посмотрели карими лучистыми глазами, заставив сердце ёкнуть. Благодарить небо за демона это совсем неправильно?

– А почему бы нам не пойти на свидание? – предложили мне, вытирая мои слезы, пока я смотрела и не могла насмотреться на любимый профиль, на каштановые волны кудрей, расстегнутый воротничок и место для моего

будущего сладкого-сладкого поцелуя.

– Ну... Не знаю, – начала я, делая вид, что предложение застало меня врасплох, вытирая заплаканные глаза. – Ну... Если ты хочешь...

Меня поймали в объятия и не выпускали, а я чувствовала, что зря роптала на судьбу. Вот то чудо, от которого хочется смеяться и плакать. Я держала за руку свое чудо, боясь, что он исчезнет. По щеке снова текла предательская слеза, срываясь, когда я кусала губы от счастья. В такой момент меня просто обнимали и прижимали к себе, а я ковыряла пуговку, терлась щекой и снова ревела. Я даже не могла найти в себе силы оторваться. Ноги меня не слушались, не давая мне встать...

– Я не могу встать, – шептала я, трясая головой и снова расправляя воротничок его рубашки, даря поцелуи треугольнику, который он обнажал.

– Так, наказание мое! – меня закинули на руки, вынесли в коридор, взяли мои ключи, закрыли за нами дверь и понесли прямо по лестнице, сунув мне мои ключи в карман нового платья.

– И что это было? – шепотом спросила я, потершись носом.

– Я буду носить тебя на руках, пока на шею не залезешь, – ответили мне, пока я в сотый раз прижималась к любимому, не веря своему счастью.

Машина была припаркована во дворе, а меня сгрузили на переднее сидение. Я тут же пристегнулась, глядя на свои колени, а потом провожая встревоженным взглядом фигуру Дамиана, обходящего машину спереди и открывающего водительскую дверь. Я заглянула ему в глаза, осторожно взяла его теплую и большую руку, положила ее себе на колено и свою руку поверх нее. Я нежно гладила пальцами его пальцы, рассматривала его белоснежный манжет. Гладить нужно каждый пальчик. Чтобы каждый пальчик знал, что я его люблю...

– Наказанье мое, – усмехнулся Дамиан, заводя одной рукой машину. – Никогда не думал, что вот так вот попадусь.

Мы тронулись с места, но как-то осторожно, словно, неуверенно. Я посмотрела на него с опаской, как инструктор по вождению на новичка, который невзначай поинтересовался: «А права просто так не продаете?». Мы ползли неуверенной улиткой, осторожно обруливая каждую придомовую яму. Фигурная езда по двору закончилась один ноль в нашу пользу. Медленно, но верно, мы продолжали наш путь в сторону автострады. Если бы у машины были ноги, то она закатала бы кузов, приподняла его и шла бы намного быстрее.

Мы застряли на выезде на дорогу. Мимо нас пролетали машины, не давая нам ни единого шанса высунуть капот.

– Эм... – заметила я, глядя на Дамиана, как инструктор по вождению

на робкого и пока еще очень вежливого новичка: «Проезжайте-проезжайте!» и «Счастливого пути!» Когда мир уже слегка начинал казаться несправедливым обычно звучит: «Может, кто-нибудь нас пропустит? Есть же вежливые водители!». Через полчаса мир сгущал краски: «Эй, сволочи, пропустите!». До профессионального жаргона: «Куда прешь!» было еще далеко, но где-то уже просился в корзину нецензурный словарь автомобилиста.

– А что это мы так ездим? – поинтересовалась я, глядя на мелькающие перед нашим носом машины.

– Как так? – усмехнулся Дамиан, ложась грудью на руль и высматривая просвет. Нет, я тоже когда-то училась в автошколе, но потом поняла, что с такой зарплатой, как у меня, велосипед – непозволительная роскошь. Волшебный «Пешкарус» исправно довозил меня до остановки и обратно, причем, бесплатно.

– Как будто экзамен в автошколе сдаем, – усмехнулась я, глядя на профиль любимого и вспоминая, как провалила первый экзамен. За второй нужно было платить деньги, а тут грянул кризис, заставивший выдохнуть пешеходов с облегчением.

– Самое ценное везу, – нежно ответили мне, поглаживая меня по коленке. – Я много думал по поводу нас с тобой. И теперь понимаю, что зря рисковал твоей жизнью.

Нет, ну это, конечно, приятно, но такими темпами свидание превратится в доброе утро. Ничего, утром на дороге машин меньше!

– Ну же! Он далеко! – заметила я далекие фары приближающейся машины.

– Не стоит рисковать, – покачал головой Дамиан, тяжело вздыхая. Наконец-то все вокруг вымерло, и мы осторожной черепашкой выползли на дорогу. Ехали мы так, словно под каждым кустом сидел служитель закона и дорожного порядка, на каждом столбе висела камера, права лежали дома на тумбочке, а до зарплаты был еще месяц. Я утешала себя тем, что панику нужно колотить тогда, когда тебя обгоняют пешеходы.

Нажав какую-то серую кнопочку на приборной панели, мы въехали в серый туман, включив противотуманки. Я вообще раньше не догадывалась, что здесь есть ближний свет, дальний свет, противотуманки и какие-то скорости, кроме трехзначных, а тут такое чувство, словно меня в роддом везут, причем с временным запасом в неделю. Пока доедем, пока воды отойдут, пока схватки начнутся... Все нормально! Семья черепях мчится со страшной скоростью...

– Мне кажется, но ты преувеличиваешь степень опасности, – заметила

я, глядя, как прорезают клубы тумана свет наших габаритов. Может, тест купить? Мало ли... Вдруг там двойная сплошная, а я не в курсе?

Мы плелись робкой и закомплексованной черепахой, осторожно выруливая из тумана. Нет, я понимаю, что не дрова везешь и не девушку в дрова, но есть у меня подозрение, что в постели я все-таки бревно, которое везет старенький грузовичок.

– Я же сказал тебе, – усмехнулся Дэм, осторожно выруливая из тумана. – Я понял, что действительно люблю тебя. И понял, что вел себя, как последний дурак.

Колеса тут же погрязли в песке, а я увидела темную полосу роскошного моря и огонек одинокого и очень красивого домика. Шум прибоя и морская пена навевали воспоминания о самом сладком шампанском, которое я пила, сидя на капоте этой машины.

– Мне кажется, – по моей щеке скользнули пальцы, а приближающиеся для поцелуя губы подарили мне коварную улыбку, – что это самое романтическое место на свете.

Я улыбнулась, целуя любимые губы и сладко вздыхая запах моря, который врывался порывами ветра в приоткрытые окна машины. Шелест волн, белоснежная пена и урчание, с которым море лизало гальку, заставляли меня чувствовать себя самой счастливой на свете. Я сняла туфли и шла по песку босиком, рассыпая песок вокруг и наслаждаясь каждым шагом. Мы шли в обнимку по той самой грани волн. Я попыталась отбежать, когда одна настырная волна лизнула игривым щенком мою пятку. Меня поймали, приподняли, а потом поставили на мокрый песок. И вот я уже со смехом пряталась за любимого от следующей волны, а меня ловили и поднимали, пока я спасалась от прохладных брызг.

Маленький домик с террасой для двоих, освещенный волшебными огоньками выглядел воистину самым романтичным и сказочным местом, словно сошедшим с поздравительной открытки. Теперь я знаю, где черпают вдохновение художники. И не просто знаю. Я была там...

– Закрой глаза, – прошептали мне, а я послушно закрыла, чувствуя, как морской ветер целует меня капельками соленого моря. – Не открывай, пока я не скажу... Все, теперь открывай!

Я осторожно приоткрыла один глаз и увидела огромное сердце из свечей, вложенное на песке. Внутри все было устелено лепестками роз, которые ветер поднимал и нес над морем в сумрачную даль звездной ночи.

Волна лизнула берег, вынося водоросли и перебирая влажную гальку...

– Я люблю тебя, – прошептали мне, обнимая и целуя. – Но, помнишь,

что было в договоре? Выбор делаешь ты... Мы прямо здесь будем соблюдать формальность или ...

Меня приподняли над землей, а я уже целовала любимые губы, глядя волосы и задыхаясь от счастья. Моя юбка была приподнята теплыми руками, которые осторожно изучали недавнюю покупку.

Мы уже валялись на песке, смеясь и целуясь, пока теплые, как выяснилось, волны облизывали наши тела. Пиджак чернел слева, расстегнутая рубашка была мокрой от воды, мое платье валялось неподалеку, а я со смехом мешала снять с себя последнее кружево, чувствуя, как волна нежно ложится мне на спину. Соленые брызги, соленые губы, соленый ветер и мокрые волосы, которые застилали глаза... Долгий соленый, словно слезы, поцелуй, нежные объятия и ...

– Что это? Твердое? – удивилась я, проводя рукой по мокрому песку. Из песка торчало закупоренное горлышко бутылки из-под шампанского, увитое гирляндой водорослей.

– погоди, – прошептала я, раскапывая вынесенную на берег бутылку, не веря в то, что это именно та самая бутылка с тем самым заветным желанием, написанным на акте оказанных услуг, свернутым в трубочку...

– Ты только посмотри! Узнаешь? – я отряхивала бутылку, пока ее не обмыло волной. – Нет, ты в это веришь?

– Узнаю. Конечно, узнаю, – рассмеялся Дэм, принимая у меня из рук бутылку. – Наше признание в любви... Я помню, как мы с тобой написали его и бросили в воду, чтобы любить друг друга всегда...

– Не совсем, – покачала головой я, глядя на бумажку внутри. – Это – мое желание...

– Ах да, я заработался... Совсем забыл, – меня обняли, притягивая к себе.

– А помнишь, – ласково спросила я, поглаживая пальцами его лицо. – Как в тот день, мы с тобой катались на лодке? Ты еще говорил: «Наказанье мое, тебе не то, что штурвал, тебе весло доверять нельзя!».

– Вот это помню, – улыбнулись мне, снова целуя. А я вот не помню. И это очень плохо. Я ответила на поцелуй с прежней нежностью, осторожно дотягиваясь рукой до его пиджака.

– А помнишь, – шептала я, нежно целуя чужое лицо, а сама параллельно играла в карманника, – Как ты подарил мне букет из моих любимых, белых роз? Это было так неожиданно... А потом мы гуляли с тобой по лесу, держась за руки и слушали пение птиц... Это был самый лучший день моей жизни...

– Ну вот зачем ты спрашиваешь? Конечно, помню, – обнимали меня, а

я уже нашла ключи от машины.

– Слушай, у меня для тебя есть подарок, – прошептала я, нежно целуя чужие губы и поглядывая в сторону черного силуэта машины. – Только я его оставила в машине... Погоди немного...

Я поцеловала его в нос, чувствуя, как руки не хотят меня отпускать. Я бы взяла платье, но было бы подозрительно. Я послала воздушный поцелуй, отвернулась и тут же помрачнела. Холодный, липкий песок, казался мерзким и отвратительным, морской ветер, который дул мне в спину чудился промозглым и колючим. Я дошла до машины, открыла пассажирскую дверь, захлопнула ее, переползла на водительское сидение и вставила ключ зажигания.

Не знаю, кто это, но подозрения есть. Это – не Дэм. Это – не он, хотя играет так, что ему аплодировали бы стоя все кинокритики мира. Если это – не Дэм, то моя попа с прилипшим песком уже нашла такие неприятности, о которых можно писать мемуары!

Машина завелась, я босой ногой вдавила педаль газа, резко дергаясь вперед, а потом тут же нажала на тормоз, чувствуя, как колеса вязнут в песке.

– Стоять! – закричал голос, заставив меня выкрутить руль влево до упора и снова вдавить газ. Машина дергалась, а я умоляла ее не буксовать. – Я кому сказал!

Точно не он. Даже не голос не его.

Давай же, миленькая, заводись... Понимаю, что без прелюдии, но что поделаешь! Я закрыла двери и газанула вперед, набирая скорость. Машина мчалась по песчаной отмели.

– Давай, детка, – шептала я, пытаюсь включить фары и вспомнить все, от чего седел инструктор по вождению. – Давай, не подведи меня! Я стряхнула песок с рук, всматриваясь в темноту. Машина набрала скорость и наехала на камень. Заставив меня вспомнить про ремень безопасности. Увидев просвет между деревьями, я въехала в лес, дрифтуя так, что казалось вот-вот перевернусь. Ничего страшного, будет новая трасса. Ай! Деревце! Ну какого черта? А? Могло бы ты расти в другом месте? Крыло помяла, ничего страшного. Да что ты будешь делать! Опять дерево! Одна фара? Пусть думают, что я – мотоцикл! Удар был такой силы, что меня тряхнуло. Открылся бардачок и оттуда на пассажирское сидение выпала бумажка. Пока я пыталась дать заднюю методом научного тыка, моя рука нашарила записку.

«Наказанье мое! Если ты читаешь эту записку, то, я так понимаю, где-то гаденько потирает лапки СТО. Молодец, что додумалась, умница, что не

повелась. Машину у меня временно отобрали. Подчеркиваю слово «временно», поэтому постарайся ее сильно не поцарапать!»

Я посмотрела на единственную, оставшуюся в живых фару, смятое крыло и поняла, что предупреждение слегка запоздало.

«Ладно, черт с ней с машиной. Главное, выберись из ловушки. Серая кнопка возле руля – переход между мирами. Вот инструкция к настройке! Дома, в диване лежит еще одна записка. Главное, не разбейся. Люблю. Даже за разбитое крыло, люблю. Дэм».

Я выбралась на какое-то поле, а какое-то подлое дерево оставило еще одну вмятину на машине. «Крылья нашей любви» срочно требовали СТО. Интересно, а за фару меня будут любить еще сильнее? Я остановилась и по инструкции пыталась настроить переход.

Я дернулась вперед, набирая скорость и увидела клубы тумана. Так, как тут он дальше писал? Газуем... Оп! Ничего себе! Самосвал!

Я дернулась на обочину, пропуская несущуюся машину мимо и чувствуя, как дрожат руки на руле. Дэмочка, я понимаю, что ты очень предусмотрительный, но мог бы и каблучок приклеить. Мало ли?

Я попыталась выехать, но машина подалась вперед и встряла в кусты, с поднятым багажником. Все мои попытки сдать назад заканчивались провалом. Я открыла дверь, вылезла, ругая колючую траву, одернула кружевной лифчик-корсет, поправила кружевные трусы и поняла, что у меня есть выбор. Либо голосовать, либо голосить. Ну есть же в мире мужчины, которые остановятся при виде полуодетой девушки возле дороги и торчащего в кювете авто класса люкс?

Несколько машин пронеслось мимо, а через две минуты ко мне подъехала раздолбанная девятка. Вид у девятки был доисторический, словно она сбежала со свалки. Тонированное окно открылось, из салона послышалась ругань. Женский голос ревниво орал:

– Олег! Какого черта ты остановился! Мы что? У каждой шалавы останавливаться будем? Ехай, давай! – истерила невидимая мадам, а мне навстречу высунулась небритая физиономия водителя.

– Машина застряла, – всхлипнула я, глядя, как водитель открывает дверь и прищуривается на мое транспортное средство.

– Конечно, помогу! – обрадовался водитель, глядя на меня с куда большим удовольствием, чем на иномарку. – Я сяду за руль, а ты, девушка, будешь снизу толкать. Только помаленьку...

Я, конечно, понимаю, что у него это – единственная возможность посидеть за рулем иномарки, но, пожалуй, толкать я ничего не буду. Максимум, что я толкну, так это речь, адресованную его супруге.

Девятка обиженно уехала, а вместо нее остановилось сразу две машины. Из них вывалилась компания шашлычников.

– Что, почему? – оживились ребята, изучая мое белье.

– По морде кирпичом! Машина застряла, а сейчас муж подъедет. Так что одежду я сразу оставила в машине, – нагло соврала я, вспоминая о записке.

– О, курица за рулем! Ха! Обезьяна с гранатой! – ржали они, пытаясь сфотографировать меня на телефон. Понимаю, что очень хочется снять, но я не снимаюсь!

– Дебилы! – две девушки отобрали телефон. – Могли бы и помочь! Вы что? Не мужики?

«Не мужики» почесались и решили быть «мужиками». Через десять минут моя машина стояла на обочине. Спасибо, девочки, а тот тут есть слишком много желающих не только войти в мое положение, но и периодически выходить из него, чтобы снова войти.

Я залезла в машину, тяжело вздохнула. До моего города оставалось девяносто километров. Крутанув стартер, я резко дернулась и осторожно поехала. Ехала я медленно, а вокруг меня периодически образовывалась такая воронка, ибо разбитая машина и моя физиономия за рулем, навевала на других автомобилистов некоторые переживания относительно моей школы вождения. В бардачке я нашла немного денег, на которые решила купить кофе и шоколадку.

– Девушка, в купальнике нельзя! – закричала продавщица.

– Я не в купальнике. Я просто в нижнем белье, – устало заметила я, дожидаясь, когда автомат выдаст мне эспрессо. Записка. Он меня любит... Я все сделала правильно... Пока я сидела в машине, криво припаркованной на какой-то пустой стоянке и пила горячий кофе, перечитывая записочку и впиваясь глазами в слово «люблю», в моем сердце жила такая надежда, что даже если завтра меня покажут по телевизору, мне будет не стыдно и не страшно. Я поставила стаканчик с кофе на приборную панель и полюбовалась им. Люблю... И я тебя люблю, Дэм...

Я пару раз чуть не попала в ДТП, несколько раз нарушила все правила дорожного движения, один раз чуть не потеряла зубы на лежащем полицейском, и вот я въезжаю в родной двор, собирая все ямы по дороге. На улице было уже светло.

– Ба-а-атюшки! – всплеснули руками старухи, увидев, как я вываливаюсь из водительской двери. – Уже подарил, а она тут же разбила!

– Да он ей такую и подарил! На тебе, боже, что нам негоже! Бедный муж! – причитала Матвевна, охая и качая головой. Я затребовала запасную

пару ключей, открыла дверь под поучительную лекцию о том, что приличные девушки так себя не ведут, захлопнула ее и бросилась к дивану. Действительно! Записка! Дрожащими руками я развернула ее и прочитала.

«Выходи замуж за дракона. Так ты закончишь игру. Люблю. Дэм».

За кого? За дракона? Я мысленно перебрала всех, кто был, но огнедышащего и крылатого ящера среди них не числилось! Было нехорошее предчувствие, что на меня действительно припасли реликтовую ящерицу с матримониальными намерениями. Я уныло попыталась соизмерить мою крохотную зарплату и огромного зубастого гада. Потом еще раз мысленно сопоставила размеры дракона и зарплаты. Никогда я еще так грустно не сводила дебет с кредитом, понимая, что обращение «дорогой» будет как нельзя кстати. Воображаемый дракон грустно заглядывал вместе со мной в мой кошелек и понимал, что я могу обеспечить ему только достойный уход в лучший из миров, где много девственниц. С такой зарплатой и квартплатой прожорливый хомячок – непозволительная роскошь!

«Ползернышка в день!» – отрекламировалась в голове Дюймовочка, пока я осматривала однушку, понимая, что предыдущие женихи готовили ее к дракону, последовательно и маниакально, уничтожая «лишнюю» мебель.

«Нумерация комнат начинается с хвоста дракона!» – гундосно заявила девушка, которая работает диспетчером. Пока в голове вертелись мысли о том, что придется брать кредит для того, чтобы прокормить дракона коллекторами, послышался стук в дверь.

Припав к глазку, как снайпер к прицелу, я внимательно рассматривала лестничную площадку, на которой стояла ... моя мама.

– Светочка, – послышался мамин голос. – Открой.

Я открыла дверь, впуская маму с сумкой.

– Ох, Светочка. Беспокойно мне за тебя, – вздохнула мама, поднимая на меня глаза, пока я искала халат. – Вот чувствует мое сердце, что у тебя не все в порядке... Оголодала совсем!

Когда мама говорит, что ты оголодала, это означает, что сейчас тебе сварят лапши. Главное в этот момент, не подставлять уши.

– Послушай, Светочка, тебе уже тридцать лет! В твои года, я матерью была! – причитала мама, бросая первую горсть земли на мою личную жизнь. – Ты только вдумайся! Тридцать лет!

– Да, мам, – согласилась я, делая глоток чая.

Я вдумалась, глядя на собственную одинокую могилку среди берез, на которую падает сухой листик. Ей было тридцать лет. Это как раз то время,

когда пора начинать откладывать деньги на похороны, ибо с такой зарплатой и с такими расценками, к столетнему юбилею я как-нибудь накоплю нужную сумму.

– Ну хоть сходила бы! – взмолилась мама, глядя на меня с такой надеждой, словно я в туалет все собираюсь, но никак не соберусь.

– Да, мам, – согласилась я, грустно улыбнувшись. Сходить я могу и в туалет, если что.

– Отметилась бы! Для галочки! – погрустнела мама. Извини, птичка, даже ради тебя я не смогу. Как бы я не уважала маленькую черную птичку, замуж ради нее не пойду.

– Нет, ну а что сидеть? – разглагольствовала мама, вздыхая так, словно мы тут за чашкой чая дружно хороним мою ушедшую... ой, усопшую молодость. – Чего высиживать? Тридцать лет! Еще немного и все, старость! А детей когда рожать? Вон, посмотри, все с колясками, счастливые, радостные! Понимаю, что у тебя не складывается, но ты сложишься как-нибудь...

Отлично, я – женщина с компактными потребностями. Где-то на одинокой могилке среди берез была гравировка: «Загубленная молодость».

– Вот чуёт мое сердце, что он тебя бросил. Но ты присмотришься. Мало ли, вдруг у него друг есть? Холостой! Молодой! Красивый! Если есть – бери, хватай, тащи в постель, а там, разберемся! – вздыхала мама, вспоминая инстинкт холостяков собираться толпами и держаться вместе, чтобы никакая предприимчивая барышня, рыскающая в окрестностях не отбила от стада изголодавшуюся по борщам и ласке особь и не утащила в ЗАГС.

– Да, мам, – согласилась я, внимательно глядя на родительницу. – Ты все сказала?

– Да нет, доченька. Ты ведь сама понимаешь, что это – твой последний шанс, – меня ласково погладили по голове, пока я вертела в руках телефон.

– Да, мам, – я опустила глаза и улыбнулась. – Ну кто ж меня еще жизни научит, как не моя дорогая мамочка... Кто еще передаст мне бесценный опыт... Я попрошу тебя, дорогая мамочка, вместе с опытом передать мне искусство телепортации или умение пешком преодолеть четыреста километров за пару часов, потому что ты мне три минуты назад отписалась, что доехали отлично, встретили прилично, и вы решили остаться в гостях еще на неделю.

– Я что-то не поняла, – заметила мама, глядя на меня со знакомым выражением лица. – О чем ты?

– Да так, о своем. Я обязательно выйду замуж, причем как можно

скорее! И если даже не выйду, то прыгну в постель к первому встречному, дабы забеременеть, – я с усмешкой посмотрела на маму. – Не хочу, чтобы на тебе закончился талант набирать мне сообщения, положив руки на стол. Вдруг он передается через поколение? Нельзя так рисковать!

Глаза матери округлились, я моргнула, а мамы уже не было. Чудеса. Ни мамы, ни печенья, ничего. Я молча переоделась, взяла деньги и пошла за хлебушком и сахаром.

– Бриллиантовая моя, – игриво заметил голос, когда я, шурша пакетом, вышла из магазина. – Давай погадаю! Всю правду скажу!

На меня смотрела седая цыганка, кутаясь в старую куртку, накинутую поверх грязного платья. Она внимательно изучала меня глазами-маслинами, притаившимися на смуглом, изборожденном морщинами лице.

– Ай, всю правду скажу! Денег не возьму! – акция невиданной щедрости в лице древнейшего кочевого народа, меня слегка смутила. – Ну-ка, милая, покажи мне свою ручку! Всю правду расскажу!

Я молча достала из сумки старенькую шариковую ручку, которая даже слегка подтекала. Судя по полустертой надписи, я сперла из какого-то банка в процессе заполнения документов.

– Держите! – я мило улыбнулась и протянула ей ручку, которую давным-давно собиралась выбросить. – И? Что скажете?

Цыганка смотрела на ручку, потом на меня.

– Как у меня там с судьбой – то моей? – поинтересовалась я, глядя на нее, как на доктора и усмехаясь. – Жить-то хоть буду? И каковы шансы встретить личное счастье? Очень важный вопрос, между прочим!

– Жить будешь долго, – заметила цыганка, и вытирая ручку об юбку. – Но несчастливо, если совета не слушаешь! Так вот, белого выбирай! Белого! Темный пусть идет своей дорогой! А ты белого бери! Счастлива будешь только с ним!

– Благодарю, – приторно улыбнулась я. – Вы просто меня спасли! Я как раз не знала, какого котенка брать себе на одинокую старость, темненького или беленького? А тут вы со своим советом! Нет, ну надо же такое совпадение!

Цыганка посмотрела на меня так, что мимо стройки я уже точно не пойду, под балконами я тоже не ходок, а люки буду обходить десятой дорогой.

Я побрела домой, а потом резко обернулась. Цыганка исчезла. Я – верная, а не суеверная.

Время шло, а я с ужасом ждала следующего жениха, постоянно поглядывая на часы. «Выходи замуж за дракона!» – шептала записка,

которую я носила в кармане халата, чтобы периодически доставать и перечитывать. Может, это какой-то шифр? Может, знак?

Время бежало быстро, я перерыла весь дом, в надежде, что есть еще записки, но кроме упавшего за кровать списка покупок, я ничего не нашла.

Чем ближе было время появления нового жениха, тем больше я нервничала. Неужели меня просто так отдадут кому-то другому? Неужели Дэм готов отдать меня дракону? Он в своем уме?

Время измерялось литрами чая и шагами по комнате, стрелки бежали к полуночи, я так надеялась на какого-нибудь милого гномика. Да, ладно, я уже на хоббита согласна! Как только послышался бой часов, я опасливо выглянула в коридор, посреди которого стоял двухметровый мужик с черными, длинными волосами и зелеными глазами на горделивом и немного хищном лице. На нем было столько золота, что сразу почему-то захотелось запереть его в сейф, и закрыть дверцу на шестизначный замок. Такого мужика не грех положить на депозит в качестве вклада, или по старинке засунуть в сундук и закопать в качестве клада.

– Мило, – усмехнулся он, разглядывая меня и мою скромную обитель. – Ты – очаровательна, девочка. Мне очень нравится твой взгляд. Ты грамотная?

– Иногда, даже шибко, – усмехнулась я, держась подальше от «дорогого» человека.

– Превосходно! – почему-то обрадовался жених, глядя на меня с явным интересом. – Как называется последняя книга, которую ты прочитала?

– Это была трилогия, – мрачно заметила я, вспоминая свои собеседования. – «Как найти концы», «Как свести концы с концами» и «Как не отдать концы». Отличное чтиво для бухгалтера. Рекомендую тем, кто планирует заняться бухучетом.

– Bravo! Я поражен! – мне похлопали с улыбкой, впиваясь в меня взглядом так, что мне даже стало неуютно. – Знаешь, милая, я – дракон. Иногда мне кажется, что драконы живут слишком долго. И чем дольше мы живем, тем сложнее найти достойного собеседника. А именно это качество я ценю в женщинах превыше всего. Мне очень нравятся умные и красивые женщины. Или женщины, которые умеют делать что-то необычное! Я тебе даже скажу больше – они моя слабость. Но, видишь ли, не каждая способна удовлетворить мой взыскательный вкус...

– А ты добавь специй, – я смотрела на дракона нехорошим взглядом. – Жарь до полной готовности. Можешь палочкой потыкать...

– Нет, ну вы на нее посмотрите! – рассмеялся мужчина, снова глядя на

меня с явным интересом, а потом обводя взглядом мою прихожую. – Мне вот интересно, если ты такая умная, то почему такая бедная?

– Чтобы мне почаще делали комплименты, – усмехнулась я, пока в голове вертелась фраза из записки «Выходи замуж за дракона». Дэм точно сошел с ума!

– Прелесть, – восхитился гость, снова улыбаясь мне. – Нет, действительно, прелесть. Настолько «прелесть», что я готов предложить тебе стать моей невестой. Я думаю, что нам не будет с тобой скучно!

Ага, я столько анекдотов знаю! Каждую ночь буду травить анекдоты и тараканов. Как Шехерезада. Потом команду КВН имени меня сколотим. А что? Жена – комик – удовольствие для гурманов. А там и до вокально-орального ансамбля песни, пляски и гастрономической сказки недалеко.

– А ты петь умеешь? – заинтересовался окончательно кандидат на мою конечность. – Я хотел бы, чтобы жена умела петь, танцевать...

– Ага, – мрачно пошутила я, закатывая глаза. – Я еще и крестиком вышиваю, варенье варю, лапшу вешаю и играю на губной гармошке! У меня много талантов!

Что-то мне замуж категорически расхотелось.

– Если у тебя много талантов, то ты – жемчужина, которой нужна дорогая оправа, – дракон подошел ко мне, улыбаясь так, словно возле алтаря был скотч. У него – в бутылке, у меня на губах.

– Спасибо, я уже оправилась, – я сделала шаг в сторону туалета, оглядываясь по сторонам. «Выходи замуж за дракона!» – снова промелькнуло в моей голове. Да он в своем уме? Он что? Издевается?

– Ты хоть знаешь, кто я? У меня роскошный дворец, сотни слуг. Меня все уважают и боятся. Моя власть почти безгранична. Я готов полностью обеспечить тебя на всю оставшуюся жизнь! – усмехнулся дракон, приближаясь ко мне.

– Обеспечь мне просто оставшуюся жизнь! – отбрыкивалась я, затравленно осматриваясь по сторонам. Я еще удивляюсь, как половина города не сбежалась! В моем воображении под окнами уже стояла толпа. «Выбери меня!» – нервничали девушки. Ладно, я понимаю, когда нет денег даже на колготки... Страшно представлять, что среди женских голосов слышались бы и мужские.

Дракон помрачнел и остановился, глядя на меня с некоторым сожалением. Тихо! Судя по его лицу, идет мыслительный процесс! Куда идет, пока не понятно, но направление выбрано верное!

«Выходи замуж за дракона!» – снова мелькнуло в моей голове, а я сжала записку в кармане. Вдруг он просто хочет избавиться от меня, как от

надоедливой любовницы в рамках беспрецедентной акции, устроив ее личное счастье? Или Дэм что-то задумал? Откуда я знаю, что у него в голове происходит? Вдруг там обезьяна с тарелками бегает? Впервые страшно и соглашаться, и отказываться. Если откажусь, упущу возможность. Вдруг действительно есть какой-то план? А я отказалась... Не поверила. А если соглашаюсь?

– Ладно, очень жаль, – заметил дракон, поворачиваясь ко мне спиной и идя в центр коридора. – У меня не так много времени. Меня ждут.

Да или нет? Я сжала кулаки, тяжело вздохнула.

– Поймай! – закричала я, бросаясь за ним и сжав в руке записку. – Я согласна.

Меня взяли за руку и увели в туман. Туман рассеялся, а я стояла в роскошном зале, который сверкал драгоценными камнями и радовал золотой вязью на стенах. Даже гобелены были из золотой парчи.

– Когда свадьба? – вздохнула я, осматриваясь по сторонам и не приходя в ожидаемый драконом восторг.

– Если я выберу тебя, милая, из десяти невест, то свадьба будет на следующий день, – ответил мне дракон, наклоняясь ко мне с самодовольной улыбкой. – Пока ты – всего лишь кандидатка. «Одна из», заметь. Раз я надумал жениться, то к выбору нужно подойти со всей серьезностью. Я выбрал десяток девушек, которые мне понравились. Но вот определиться с одной-единственной, я, к сожалению, не сумел.

Отлично! А за дракона придется побороться! Жених задумчиво расхаживал по комнате, заложив руки за спину.

– Нет, каждая девушка по-своему интересна и по гроб жизни будет мне благодарна за то, что я вытащил ее из нищеты. Выбор сложный. Надо будет сказать остальным. Просто ты узнала об этом первая. Девочки еще не знают, – усмехнулся дракон, погладив меня по щеке. – Пока что ты на третьем месте. Заметь, это – уже результат.

Мы с моей самооценкой переглянулись. «Ты не пострадала?», – на всякий случай уточнила я. «Да нет!», – пожал плечами самооценка. «Приехали», – мрачно произнесла крыша и поехала дальше.

Изумительно! У меня от такой кармы очки запотели! Никогда бы не подумала, что судьба повернется ко мне чешуйчатой задницей!

– Я что-то не очень поняла, – подозрительно заметила я, глядя на любителя конкурсов красоты. – Мы что тут? За тебя бороться должны?

Прямо представляю, как в грязи валяются девушки, выдирают друг другу волосы, визжат, сопят и верещат: «Стерва! Он – мой!», а на кресле сидит «главный приз» и подбадривает каждую.

– Хм, – я критически осмотрела «приз» с ног до головы, чувствуя себя районным терапевтом. Жалобы были, но не у пациента, а у меня. Хотелось тут же выписать ему три упаковки «ядебиль» и прописать несколько курсов терапевтического массажа ног.

– Мне нужно предупредить остальных, – сладко улыбнулись мне, беря меня за подбородок. – Ты на третьем месте, девочка. Это – очень хорошие шансы. Я тут подумал, что девушки меня должны удивить. Думаю, что выход девушек должен быть экстравагантным. Каждая из вас должна доказать, насколько сильно меня любит. Я прожил долгую жизнь и даже в свое время овдовел. И вот теперь снова решил попытаться счастья. Мне знакома боль утраты, но я решил, что такое больше не повторится. Удачи тебе.

Дракон ушел, оставив меня посреди интерьера а ля каталог. Зачем я в это ввязалась? Хотелось сесть в уголок, обнять колени и зануть. Пока я прикидывала, какой угол удостоится этой чести, в комнату вошел слуга и со всей торжественностью заявил, как первоклассник на линейке, что хозяин требует удивить его и одновременно доказать свою любовь.

– Это может быть что угодно! – гордо заметил помощник местного любвеобильного «прокурора». – Наряд, украшения, прическа! Все что угодно, лишь бы хозяин был поражен!

Через четверть часа ко мне влетела целая бригада слуг, обсуждая чью-то татуировку.

– Прямо на всю спину попросила! – заметил мужчина, стряхивая волшебные искры с пальцев. – Дракона! И на грудь! И на руках... Несводимые даже магией.

– Да, – кивнул второй. – Ничего себе, как любит... Вот это я понимаю любовь... Так, а у нас здесь что?

– Не что, а кто? Не надо путать меня с мебелью, – усмехнулась я. Роскошная софа, трюмо и пуфики обиделись на меня и объявили мне бойкот. А маленькая тумбочка больно ударила по мизинцу, когда я вставала.

– Давай быстрее, – закатил глаза маг, пытаясь поторопить меня. – Так, чем удивлять будешь? Вас много, а мы тут одни. Давай, думай.

– Ничем, – пожала плечами я, всем видом демонстрируя, что на одноколесный велосипед не полезу.

– Ну как это ничем? – на меня посмотрели с негодованием. – Хозяин любит, когда его удивляют! Хорошо! Может, ты петь умеешь? Хозяин любит, когда девушка умеет петь!

– Петь не умею. Умею пить, – съехидничала я, вводя в состояние глубокой задумчивости всю бригаду «стилистов». – А глядя на вашего

хозяина, хочется разок продемонстрировать свой талант так, чтобы у него остались неизгладимые впечатления.

– А на музыкальных инструментах играть? – снова поинтересовались слуги, понимая, что моим тяжелым характером можно спокойно давить чужих тараканов.

– Арфу мне, пожалуйста, – усмехнулась я, закатывая глаза и зевая. – Сейчас на ней «Мурку» разучивать буду...

– Арфу? – переспросили слуги, переглядываясь. Тоже мне, филармония! – Арфы нет.

– Тогда бубен и стакан воды, – усмехнулась я. – Короче, отвяжитесь. Я не собираюсь никого ничем удивлять. А вот от водички не откажусь.

Стакан воды мне принесли на золотом подносе. Если бы не другой мир, то золотой поднос был бы оправдан тарифами на коммуналку. Я вращала кольцо и думала. Для чего выходить замуж за дракона? При чем здесь дракон?

По коридору послышался топот ног, словно где-то сработала пожарная сирена.

– Быстрее! Хозяин хочет видеть всех девушек! – заявила чья-то лохматая голова, заглядывая в мою обитель угрызений совести.

– Поднимите ему веки и протрите ему очки! – огрызнулась я, спуская ноги на пол и делая глоток воды. Настроение упало вместе со стаканом, расплёскивая флюиды раздражения. Я еще в конкурсе «Мисс Жопоград» за первое место не боролась! Вот делать мне больше нечего!

Золотые вензеля по всем стенам, дорогие шторы, от которых я бы осиротела под крики: «Света! Я умираю! Хочу такие же в спальню!», и трон на котором, закинув нога на ногу восседало разодетое Самомнение.

В зал из разных дверей выходили девушки, одна другой краше. На юбке одной синеокой блондинки красовался портрет какого-то шарпея, собравшись складками. Она постоянно выравнивала его руками, гордо обводя взглядом всех присутствующих. Остальных я разглядеть не успела, потому что «жених» подал голос:

– Мои дорогие девочки, – сладко заметил он, обводя томным взглядом потенциальных жен. – Я смотрю на вас и влюбляюсь! Вы такие прекрасные! Так изысканно одеты...

Я всегда знала, что плюшевый халат и выдавшие виды тапки – это верх изысков. Ну-ну...

– Не могу оторвать взгляда от ваших причёсок! – улыбался дракон, отбрасывая роскошные иссиня-черные волосы и говоря с таким сладострастным придыханием, что я не удивлюсь, что за каждой разодетой

улиткой будет стелиться влажная дорожка.

Если будут спрашивать, как называется моя прическа – «Утро с перепоя в курятнике!». Есть вариант «Нам отключили воду».

– Каждая из вас меня чем-то поразила, зацепила, сразила наповал. Но, как видите, я в сомнениях, – с наслаждением вздохнул дракон, снова раздевая взглядом свой цветник. – Я хочу лучшую из лучших... Самую-самую... Она будет жить в моем сердце и в этом роскошном дворце.

Короче, я за вещами! Сейчас в сердце заносить буду! Интересно, холодильник в сердце поместится? Для меня это – принципиальный вопрос. В случае немилости я всегда готова переехать в печенку! Там наверняка народу... Но ничего, потеснятся.

– Я отдам свое сердце одной из вас, – нас раздевали взглядом, одаряя каждую плотоядной улыбкой. Пока девицы пытались выпятить напоказ свои прелести, я запахивала халат поплотнее, глядя на всех хмурой совой. Я уже прикинула, что сердце – удовольствие недешевое, почка – тоже, но со трансплантологом могли возникнуть проблемы.

– Этот дворец станет для вас домом. Вы будете купаться в роскоши! – анонсировал дракон, глядя на нас влюбленным взглядом.

А что? Воды совсем нет? Если что, смывать за собой я собираюсь только бриллиантами!

– Вам не придется никуда выходить, вы будете всем обеспечены, – сладко заметил дракон, пока девицы пытались занять такие ракурсы, словно их фотографируют. – Ну что, мои дорогие, кто из вас сильнее меня любит?

Вперед вышла девушка с вышивкой на платье, подняла красивые глаза, засмуцалась, демонстрируя пятно на юбке. Морщинистый Добби превратился в мужской портрет.

– Мой лорд, я люблю вас! Как только я впервые вас увидела, я полюбила вас всем сердцем! – прошептала она, показывая ему портрет. – Я вышивала этот портрет два месяца и хочу носить его возле сердца... Потом что... Потом что... Вы навсегда в моем сердце... Я все пальцы исколола, ночью не смыкала глаз. Думала только о вас... Я буду хорошей женой.

– Хм, – ядовито не выдержала я, сверяясь с оригиналом и бубня себе под нос. Оригинал сильно льстил портрету. – Не знаю, чем ты его любишь, но сердце выше...

– Да, моя дорогая. Твоя любовь заслуживает восхищения, – вздохнул дракон, подходя к девушке и разглаживая ее юбку. Он поднял на нее глаза, вгоняя ее в стыдливый румянец, а потом с улыбкой нежно поцеловал в губы. Он погладил ее по румяной щечке. Пока вышивальщица прятала

глаза, дракон изображал уют, налаживая вышивку, поглядывая на других «невест». А потом, подарив еще один нежнейший поцелуй, он отпустил красавицу на место, учтиво целуя ее дрожащие пальчики.

– Если ты победишь, я буду целовать каждый пальчик, который колола иголочка, – вождельно прошептал дракон, держа невесту за талию. – У тебя получился отличный...

– Дедушка Ленин! – прослезилась я, подавляя зевоту. Одна кандидатка с длинными светлыми волосами и грудью четвертого размера прыснула. Хм... А ну-ка... Я не сводила глаз с этой девушки, подозрительно рассматривая ее нежное, наглухо застегнутое платье с белыми розами, которые отлаивали бы все пуритане и святая инквизиция.

Вышла следующая кандидатка, которая могла смело претендовать на римейк фильма «Девушка с татуировкой дракона», демонстрируя оголенные плечи, спину и декольте, откуда выглядывала слегка офигевшая и передавленная корсетом драконья морда с глазами на выкате. Брюнетка даже волосы убрала, разворачиваясь спиной, чтобы продемонстрировать летящего дракона. Если каждый дракон означает год отсидки, то она рассчитывает на пожизненное.

– О, повелитель, – заметила она, давая жениху возможность рассмотреть всю нательную живопись. – Моя любовь к вам вечна. И она умрет вместе со мной... Я решила, что если не вы, то никто... Поэтому украсила свое тело рисунками по своим собственным эскизам. Самого красивого дракона...

Брюнетка улыбнулась, кусая губу, а потом подняла бесстыжие глаза на жениха...

– ... я покажу во время первой брачной ночи, – прошептала она, пока ее брали за тонкую талию. Дракон склонился к ее груди, самодовольно улыбаясь.

– Я хочу выразить восхищение твоим талантом, – прошептал жених, целуя кандидатку в декольте. Та триумфальным взглядом обвела всех присутствующих, пока хозяин с фанатизмом и придыханием целовал каждую драконью чешуйку.

– Передавило бедолагу, – с сожалением закатила глаза я, отслеживая реакцию одной красавицы. – Дышать ему там нечем. Тоже мне, девушка с татуировкой дракона!

Шутку оценили с улыбкой, пока остальные девочки не сводили ревнивого взгляда с «главного приза», лобызавшего конкурентку. Ладно, дождемся контрольного...

– Я хочу... – задыхаясь, прошептал дракон, перебирая волосы

кандидатки. – Посмотреть все рисунки... И выразить восхищение поцелуями...

– Ага, – кивнула я, сардонически улыбаясь. – Пушистый дракон – это что-то новое!

На этот раз прыснули все. Промашечка вышла.

– Все должны знать, – шептала брюнетка, пока ее декольте «рассматривали получше», припадая губами к произведению искусства. – Что я – твоя навсегда... Что я принадлежу дракону...

– А потом дракон слегка обвиснет. Так сказать, опустит крылья. Дрябленький, старенький дракон, – ядовито прокомментировала я, глядя как кандидатку с татуировками отпускают на место, а следом за ней выходит шатеночка, с ямочками на щечках и лукавыми глазками.

– Я буду петь для тебя, – ласково заметила девушка, поглаживая по щеке заинтересовавшегося жениха. – Каждый вечер я буду петь тебе, как соловей...

– Отлично! Поющая для дракона! Орущая для оборотня! Стонущая для некроманта! – я тут же посмотрела на заинтересовавшую меня девицу, выражение лица которой слегка изменилось. Она бросила на меня нехороший, косой взгляд.

Пока соловей заливался, а дракон стоял и наслаждался песней о «великой любви к грозному, могучему, ужасному дракону», в которой рифма «ужасный» и «прекрасный» повторялась через строчку, я откровенно зевала. Нет, пела она замечательно, никто не спорит, а дракон с наслаждением ловил каждое слово, жмурясь от удовольствия.

– Нет, это – невероятно, – «жених» сделал решительный шаг к кандидатке, которая только что закончила свою песню на такой пронзительной и сладкой ноте, от которой у меня заложило уши. – Я целую губы, которые способны дарить такое наслаждение!

Их губы соприкоснулись, а я пошарила по карманам в поисках платочка. Сейчас утру слезы, высморкаю сопли, и помашу ручкой возможности выполнить самое идиотское задание. Я что-то вообще не понимаю, что происходит? На кой мне сдался этот любвеобильный мужик со всеми удобствами? Нет, вы только посмотрите! Такое чувство, что он ее сейчас съест. Моя бровь поползла вверх.

– Эх, надо было на тверкинг идти, – с сожалением заметила я, представляя вместо губ красавицы свой сборник неприятностей, укомплектованный в красивое кружево. – Как же так? Я себе этого не прощу!

Заинтересовавшая меня блондинка едва заметно улыбнулась. Почему у

меня такое чувство, что я ее слегка знаю?

Следом было еще две певицы, создавая впечатление, что мы пришли в оперу. Каждая из них была награждена страстным поцелуем в губы.

– Невероятно! – умилился дракон, пока я мысленно составляла бизнес – план по гастролям этой труппы. Другие кандидатки, поцелуя еще не получившие, или получившие поцелуи другого рода, судя по взглядам, тоже мечтали о труппе. В трех экземплярах. – Мои девочки так талантливы. Я всегда считал, что моя будущая жена должна быть особенной!

– Ну да, куда уж тут без местной «Виагры», – закатила глаза я, вращая перстень вокруг пальца. А перед восхищенным ценителем искусства уже танцевали так эротично, что становилось понятно, что танцовщица уйдет обшлюнявленная с ног до головы. Идею с танцами подхватила следующая, глядя как дракон покрывает многочисленными поцелуями еще недавно дрыгающиеся конечности.

– А вот и подтанцовка, – зевнула я, прикрывая рот рукой. – Вполне себе отличный ансамбль. Следующая девушка, рыжая с веснушками, меня приятно удивила.

– Я скажу тебе, о великий дракон, – загадочно шептала она, беря его руку. – Будущее твое... Ждут тебя несметные сокровища...

– Где ждут? Я тоже туда хочу сходить! – потянулась я, переминаясь с ноги на ногу.

– Ждет тебя любовь, – гадалка нежно гладила простертую драконью ладонь, ведя коготком по линиям и заглядывая ему в глаза. – И десять наследников, которые приумножат империю! На роду у тебя написано, что жена у тебя будет золотистой, под стать твоей сокровищнице.

Ага, при условии, что «золотистая» тут одна. Ну-ну, что там дальше...

– Ждет тебя страсть, – гадалка прикусила губу, снова бросая нежный взгляд на дракона, которого очень заинтересовало пророчество. – И верность. Она будет у тебя самой верной, любящей и заботливой женой. Всю жизнь она будет любить только тебя...

– Я подумаю, – прошептал дракон, глядя красавицу по ее локонам. – Говорят, что с судьбой не стоит спорить... Ну что ж, прелесть моя, посмотрим...

Он наклонился к ней и стал целовать долго и страстно, вызывая нервный тик у остальных кандидаток. Кто-то ревниво считал секунды, злобно сопя. Брюнетка с татуировками даже сжала кулаки. Вот интересно, видела ли «провидица» возможное техническое облысение, или как обычно «ее будущее покрыто мраком»? Если бы у меня было умение заглянуть в будущее, то я б на ее месте для начала прикинула, где здесь запасной

выход, изучила бы план эвакуации и заранее записалась бы на наращивание волос и к стоматологу. Мало ли...

– А ты что умеешь? – прошептал дракон, пожирая взглядом мою новую знакомую, которая стыдливо подняла глаза, а потом тут же опустила, вызывая у дракона довольную улыбку. – Ну, не стесняйся...

– Простите, – снова смутилась девушка, а дракон взял ее за подбородок, приподнимая ее лицо и довольно ухмыляясь. – Понимаете, я ... Я никогда не была с мужчиной... Мне даже неловко на вас смотреть... Простите еще раз мое смущение... Понимаете, у меня нет талантов. Совсем нет. Но... Как бы вам объяснить...

Дракон смотрел на нее с какой-то особой нежностью и интересом, осторожно проводя рукой по ее щеке.

– Продолжай, моя милая, – шептал он, закусывая губу, пока красавица прятала глаза.

– Я была отдана на растерзание оборотню... Меня насильно обручили с ним, – прошептала девица, поджав губы. – Он был жесток, страшен и беспощаден ... Он был альфой своей стаи... Ужасный и грозный зверь... Просто чудовище! Его внутренний волк был исчадьем ада! Он... Он хотел овладеть мной, но я сбежала...

– Рудольф что ли? – подозрительно фыркнула я, вспоминая как «исчадьем ада» шарахалось от гавкучего микроба. – Не смей меня!

– Я сбежала в магическую Академию, – красавица прикусила губу, бросая молящий взгляд на дракона и нехороший взгляд на меня. – Я хотела избавиться от брака по неволе... Думала, что магия меня защитит...

– Некромант у тебя – редкостная дрянь. Не знаю, как ректор и любовник, но как человек... – усмехнулась я, грустно глядя на парочку. – Короче, где-то у мух есть испытание на зрелость и силу. Только самые сильные и отважные мухи умудряются подлететь к нему поближе. Высшим пилотажем является посадка...

Девчонки прыснули и даже улыбнулись мне.

– Но оборотень нашел меня. Я попросила защиты у ректора, но взамен он сказал мне, что я буду обязана стать его наложницей! Я отказалась! – по щеке красавицы текла слеза, которую дракон нежно поймал поцелуем. – Это же возмутительно! Я учиться пришла, а не ... Из-за того, что я ему отказала, мне стали занижать оценки, хотя раньше говорили, что у меня бесспорный талант! А потом злобный ректор выгнал меня из Академии! Мало того, что выгнал, так еще и преследует! Мерзкий и отвратительный тип! Я умоляла его оставить меня в покое, но нет!

– Про эльфов не забудь, – сладенько напомнила я, понимая, что

Зайчонок допрыгался уже и до дракона.

– Я сбежала к эльфам! Думала, что хоть они будут добры ко мне, но на меня положил глаз Эльфийский Король. А мне он совсем не понравился. Он такой надменный, такой холодный. Знаешь, что он мне сказал? За гостеприимство нужно платить... Но я отказалась! Это же так низко и подло пользоваться моей беспомощностью!

– Моя девочка, – дракон поймал поцелуем еще одну хрустальную слезинку. Губки Зайчонка дрожали, в глазах стояли слезы, которые срывались при взмахе роскошных ресниц. – Сколько ты натерпелась... Бедная моя...

– Я много не прошу, – прошептала Зайчонок, приближаясь к дракону, который обнял ее, глядя на нее с нежностью. Она сложила ручки на груди, подняла красивые, заплаканные глаза и прошептала. – Защити меня... Только ты можешь защитить меня от них... Ты – сильный, мужественный, храбрый... А теперь, когда я увидела тебя, я знаю, что ты очень красив... Настолько красив, что я ...

Ее голос упал до шепота, а с снова щеки сорвалась слеза. Зайчонок опустила глаза, изредка бросая короткие взгляды на «защитника». Не знаю, как другим, но «защитник» и «зачинщица» – отличная пара.

– Я хочу, чтобы ты был у меня первым и единственным... Защити меня, спаси меня, – она плакала, уткнувшись в грудь жениха, который, судя по взгляду готовил хот-дог из оборотня, фарш из некроманта и диетические котлетки из эльфийской морковки. – Только ты можешь это сделать...

Дракон уже склонялся не только для поцелуя, но и к окончательному выбору со словами: «Ну конечно, милая! Ничего не бойся!».

– Зайчонок, тоже так хочу, – усмехнулась я, глядя как она вздрогнула, глядя на меня с такой ненавистью, что у гадалки было больше шансов уйти на своих двоих, чем у меня. – Каждый раз, как в первый раз!

– А ты что умеешь? – небрежно заметил дракон, возвращаясь взглядом к заплаканному Зайчонку.

– Я умею говорить правду в глаза, – заметила я, оглядывая всех присутствующих и прекрасно понимая, что соревноваться бессмысленно. – Талант достаточно редкий, но меткий. Итак, что мы имеем? Девять меркантильных барышень... Себя я не считаю, ибо сокровища меня не интересуют. И... Так, что тут у нас? Дракон! Отбросим его многотонную сущность ящера, финансовые возможности и дворец. Отбросили? Молодцы. В сухом и негорючем остатке мы получаем инфантильного, вечно сомневающегося мужика, который никак не может выбрать себе жену!

На меня смотрели странными взглядами, ахали и перешептывались.

– Самовлюбленный, самонадеянный, с манией величия, – усмехнулась я, глядя на дракона. – Который, как базарная баба, выбирает себе помидоры.

– А что такое помидоры? – спросила блондинка с вышивкой.

– Забыли слово «помидоры», представили яблоки! – продолжила я, зевая. – Нет, это брать не будем! Оно с гнильцой! Вот это ... хм... Так себе. Перфекционист!

– Что? – переспросили девочки, переглядываясь между собой. Дракон насупился, и, как мне показалось, даже обиделся. Думаю, что теперь в местном лексиконе будет новое ругательство!

– Не забываем! Проехали! И вот, даже сделав свой несчастный выбор, он будет потом всю жизнь сомневаться. А вдруг другая была лучше? – я обвела взглядом красавиц. – Вдруг с другой он был бы счастливей? И вам обязательно об этом сообщат! Поверьте, он не промолчит! Как вам такой вариант развития событий? «Помнишь, из какой грязи я тебя вытащил! Да если бы не я, то ты бы так и сидела в нищете! Да ты мне всем обязана! Без меня ты – никто! Тряпка половая!». Ну что, уважаемые, пока еще не тряпки, но очень мечтающие ими стать? Нравится вариант? И так каждый день. Изо дня в день! Целую вечность! Я так понимаю, что вам нужны деньги, что вы хотите прийти на все готовое. Но этот дворец станет для вас тюрьмой. Будете бегать по балкону...

Я приложила руку козырьком, изображая капитана дальнего плавания.

– Где ты, любимый? С кем ты? Не летит ли? Ай-я-яй! – усмехнулась я. – Если честно, то я здесь по ошибке, поэтому собираюсь свалить отсюда, как можно быстрее, пока меня не постигла участь его первой жены!

Девочки занервничали. В такие подробности дракон их явно не посвящал!

– Вы – талантливые, красивые и умные, – заметила я, глядя на кандидаток, которые уже слегка поумерили свой пыл. – Вы спокойно можете заработать деньги своим талантом. Что мешает тебе, вышивальщица, сделать свою коллекцию одежды? Через год ты уже сможешь заработать приличную сумму и быть независимой от мужчины. А вы, три птички? Сколотились в стайку, объявили гастроли, взяли с собой подтанцовку и ... вуаля! Вы – звезды! Зарабатывайте на своем таланте! Короче, вы как хотите, а я пойду отсюда. Ах да, многоуважаемый защитник. Перед тем, как верить на слово, проверь-ка факты. Могу подкинуть пару адресочков.

Как-то так. Я вздохнула, направилась к двери. Нет, ну а что вы хотели?

Может ему еще лезгинку сплясать? Обойдется! Раздраконили меня тут!

– Взять ее! – заорал дракон, а я попыталась ускорить шаг. – Запереть!
За оскорбление моей чести и достоинства!

– Ой, было бы что оскорблять, – ядовито улыбнулась я, бросаясь к двери, но меня тут же схватили за плечи.

Глава двенадцатая. Между небом и землей

– *Любовь нужно испытывать!*

– *Отлично, сейчас пошлем ей испытания!*

– Перечить? Дракону? Бросать ему вызов? – Зайчонок была отодвинута в сторону вместе со своими страданиями. У меня такое чувство, что всех слегка придавило к полу. – Да как ты смеешь такое говорить! Мой гнев ужасен!

– Милорд, – прошептал кто-то из слуг, судя по шрамам от ожогов, не просто теоретик хозяйского настроения, а еще и выживший практик, которому впору задуматься о методичке для начинающих и заканчивающих свою трудовую деятельность на горячей вакансии. – Помните о пророчестве? Та, кто посмеет вам перечить...

Все притихли, а дракон посмотрел на меня с сомнением.

– Милорд, кажется, это она..., – слуги тоже переглянулись. Даже хватка на мне слегка ослабла. – Ваша судьба...

Как только послышалось: «Ваша судьба», Зайчонок сверкнула глазами и заорала так, что оборотень уже бы искал местечко схорониться под кустом, некромант – закопаться в работе, эльфийский король – прикинуться фикусом.

– Что? То есть так, да? А ничего, что ты – слабак! – с вызовом заметила она. – Другой бы защитил меня!

– Да! – поддержали другие кандидатки. Одна даже поставила руки в боки, а на дракона обрушилась буря женского негодования и критики. Даже в маленькой девочке-лапочке проснулся азарт бензопилы. «Да я бы сама за тебя не пошла! Тоже мне, дракон! Ишь, ты! На себя посмотри! Ты в зеркале себя видел?»

– Всех отсюда убрать! Кроме ... кроме... Этих двух! – приказал дракон, пока девиц вытаскивали из зала. «... красавец-мужчина!», – вдруг нежно проблеяла блондинка, снова превращаясь в лапочку и хлопая ресничками, но ее уже тащили на выход.

Зайчонок была уже тут как тут, трепетно прижимаясь к широкой груди и поглаживая ее: «Прости, прости, милый... Я просто испугалась, что потеряю тебя...». Пока девушки сопротивлялись, признавались в неземной любви, клялись в пожизненной верности, делали самые трагичные лица, я молча делала выводы о том, что мужчины делятся на три категории: «Я

люблю тебя!», «Я люблю себя!» и «Ах, опустим эти буквы «с» и «т»!».

– Ты – мой, – страстно прошептала Зайчонок, поднимая на него глаза, а потом скромно опуская их.

– Правильно! Не должен мужик прохлаждаться! Пусть берет тряпку и моет! Натоптали тут! – фыркнула я, глядя на Зайчонка, которая обтиралась вокруг дракона. Дракон был вовсе не против таких «обтираний».

– Ты – самый лучший, – шептала Зайчонок, глядя руками роскошные одежды самонадеянного гада, который обнимал ее одной рукой, а другой поглаживал красавицу по щеке.

– Не могу сказать того же, ибо сравнивать не с кем, – язвительно улыбнулась я, пока дракон смотрел поочередно то на меня, то на нее. – Я так понимаю, что я пролетаю, поэтому кто у тебя там на почетном втором месте в качестве любовника? Может, я пойду и попытаю свое счастье с ним?

– Ты – первый мужчина на свете! – терлась об него Зайчонок, заглядывая в глаза.

– Света, очень приятно познакомиться. Тебя на мне не было, – рассмеялась я, протягивая им руку. – А вас как, уважаемые? А то как-то невежливо получается! Уже поругались, а еще не познакомились.

– В комнату их! Обоих! – не выдержал дракон, глядя на нас странным взглядом. – К утру я озвучу свое решение! Мне нужно подумать.

Нас повели по коридору, пока Зайчонок оборачивалась, прикладывала руки к груди, посылая воздушные поцелуи, плакала, умоляла вернуть ей возлюбленного, не разлучать их навеки, ибо даже минута расставания будет казаться ей вечностью. Сейчас расплачусь от умиления, представляя их поочередные походы в туалет.

Нас учтиво затолкали в какие-то роскошные покои, а потом с треском захлопнули дверь, закрыв ее на замок.

– Ты мне сразу не понравилась, – ядовито заметила Зайчонок, глядя на меня таким взглядом, словно выбирает подругу пострашнее в качестве группы поддержки для первого свидания с потенциальным маньяком. – Учти, милая! Дракон – мой! Даже не вздумай! Ты на себя посмотри! Да на тебя ни один нормальный мужик не клюнет!

– А тебя, вижу, уже поклевали, – вздохнула я, усаживаясь на диван и жалея, что нет телевизора.

– Да кто ты такая, чтобы меня осуждать, замухрыжка! Я живу так, как хочу, – скривилась красавица, нервно расхаживая по комнате. – Ищу свою любовь!

– Интересно, куда же она закатилась? Может, под диван? Стой! Под

плинтусом смотрела? – язвительно поинтересовалась я, понимая, что выбор уже фактически сделан, и явно не в мою пользу. Я прилегла на софу и закрыла глаза на все и всех, чувствуя, что засыпаю.

Вот зачем я на это согласилась? Мужчина, который выбирает между женой и любовницей, рыдая, любит обеих, не любит ни одну из этих бедных женщин с заниженной самооценкой. Я зевнула, почесала нос, поджала ноги и уснула.

– Ай! Что? Кто? Где? Когда? – я резко подскочила, чтобы тут же обессиленно рухнуть на подушку. Меня трясли так, словно некромант – недоучка, пытается воскресить меня при помощи «чьей-то матери!» на государственном экзамене. Я отмахнулась от перспектив и снова закрыла глаза. Через пару мгновений послышалось плаксивое: «Вставай, я прошу тебя! Ну же...»

– Отстань от меня, жена импотента! – огрызнулась я, открывая глаза и ведя плечом, чтобы скинуть с него чужую руку.

– Вставай! – шептала Зайчонок, глядя на меня такими глазами, словно я отдала ей свой венец безбрачия. – Вставай! Тут призраки!

Я закрыла глаза, а потом снова открыла, глядя на бледное лицо конкурентки, которая показывала дрожащей рукой на полупрозрачные женские силуэты, бесшумно скользившие по комнате.

– Отлично, – зевнула я, переворачиваясь на другой бок. – Если будете пугать, начинайте с просроченной отчетности. Потом упомяните камеральную проверку...

– Да как ты можешь спать? Это... Призраки девушек... Его предыдущих жен! – меня трясли за плечо так интенсивно, что мне показалось вывихнут его.

– Слушай, какая тебе разница? – я посмотрела на полупрозрачные силуэты, которые парили безмолвными очертаниями посреди комнаты. – Делитесь опытом по уходу за драконом и от дракона! Только шепотом, потому что я сплю!

– Девушки! – послышался inferнальный, вибрирующий женский голос. – Не спите! У вас еще есть шанс спастись из этого проклятого места! Я – первая жена Дракона! Я погибла во время ритуала первой брачной ночи! Меня пытались обратить в дракона!

– Я вторая жена! – к нам протянулась полупрозрачная рука с обручальным кольцом. Я погибла во время того же самого ритуала! Во время первой брачной ночи...

– Я третья... А я – четвертая! – шептали девушки, протягивая полупрозрачные окольцованные конечности в нашу сторону. – Я –

десятая... А я – сто двадцать седьмая!

– Опытный мужик, – приглушенно заметил Зайчонок, прячась за меня.

– Опытному мужчине нужны подопытные женщины, – вздохнула я, разглядывая роскошные платья покойниц. – А где сто ... эм... остальные... Просто у вас после десяти сразу сто двадцать семь...

– Они наряжаются! – усмехнулись призраки, переглянувшись между собой. – Бегите, девочки. Этот замок станет вашей тюрьмой и вашей могилой. Если бы я тогда знала...

– Сто двадцать седьмая! – закатила глаза первая. – Мы тебя предупреждали! Сколько мы тебе орали: «беги, беги!». А ты нам что? «Я люблю его, я пройду ритуал!»

– Что-то мне это совсем не нравится, – простонал Зайчонок, глядя на пополняющийся призрачный гарем. – Совсем-совсем...

– Бегите, – почти хором умоляли призраки бывших, обращая к нам красивые лица. – Он специально спрашивает, кто его больше всех любит, потому, что только по-настоящему любящая женщина способна пройти этот чудовищный ритуал!

– Что-то вы недолюбливали мужик, как я посмотрю. Так, а кто у нас тут в магической Академии учился? – поинтересовалась я, глядя на побледневшего Зайчонка. – А ну давай, открывай портал или что-нибудь в этом роде!

– Не могу, – простонала она, затравленно оглядываясь по сторонам. – В тот день, когда изучали порталы, я ... это... с ректором прогуливала... Неловкий момент, понимаю... Но порталы открывать я не умею...

– Хорошо, мы вам поможем! – посоветался гарем, и чья-то призрачная рука протянула нам старинный медальон. – Правда, им может воспользоваться только одна из вас... Мы не знали, что вас будет двое... Мы берегли его много лет... Поверните камень и...

– Тебе – дракон! Мне – медальон! – Зайчонок схватила цепочку и отбежала от меня на другой конец комнаты, дрожащими руками застегивая ее на шее. – Ладно, счастливой свадьбы! Совет да любовь! Эм... Прости! Я еще слишком молода, чтобы умирать! Не вздумай ко мне подходить! Испепелю! Во время этой лекции у меня были критические дни, так что испепелять я умею!

Поднялся ветер, призраков сдуло, а место, где только что стояла Зайчонок, опустело. Вот и вся любовь!

Дверь открылась, и в комнату вошел дракон собственной вдовствующей персоной, слегка удивившись рокировке.

– Итак! Выбор сделан! – заявил он, глядя на меня с насмешкой. – Я

даже не удивлен! Завтра с утра мы с тобой сыграем свадьбу! Для церемонии все готово. Это была маленькая проверочка, которую ты прошла! Я так понимаю, что ты меня очень сильно любишь?

– Нет, я – просто самая меркантильная и жадная из всех невест, – устало зевнула я, ложась спать. – Но ты не волнуйся. Я тоже сгораю от страсти... Слышишь? Пшшшш! Это разгорается огонь нашей любви, на котором мы будем жарить шашлыки бытовухи.

Дверь закрылась, и стало понятно, что девичник удался! Я снова зевнула и поползла спать, отвернувшись к спинке дивана, поджимая под себя и накрывая халатом подмерзающие ноги.

Утром меня растолкали, укомплектовали в платье и соорудили на голове какой-то идиотский валик с цветами, к которому приколоты тюль.

– Чудненько, тюлька в собственном соку! – согласилась я, мрачно глядя на свое отражение, когда мне на лицо набрасывали кружевную сеточку от комаров. А ведь когда-то я мечтала примерить свадебное платье, кружиться в нем, чтобы упасть в объятия самого любимого человека на свете под пьяные крики: «Горько!». Когда-то я мечтала о празднике, а сейчас уныло бреду соблюдать формальность.

По вызолоченным коридорам меня вели в сторону зала, битком набитым народом, который разразился овациями и восхищением при виде моей тоскливой персоны. Жених нетерпеливо ждал меня в центре зала, горделиво осматривая свои владения.

– Хм, – недовольно заметила я, обводя взглядом незнакомых людей. Если это – родственники со стороны жениха, то просмотр семейного альбома займет неделю. – Я что-то не поняла? А как же родственники с моей стороны?

Жених посмотрел на меня странным взглядом, словно был твердо уверен, что я – не только круглая дура, но и сирота.

– Жаль, – заявила я, глядя на разодетых господ и дам. – Почему не позвали мою маму? Твою будущую тещу? Кто как не она будет вспоминать мое детство два часа подряд, рассказывая, про то, как я задирали юбку в детском саду? А как же мой папа? Он обязательно бы поинтересовался, умеешь ли ты разбирать и собирать «Волгу»! Кстати, ты умеешь?

Дракон бросил на меня такой взгляд, словно уже однажды пытался отсосать бензин из бензобака.

– Тетя Зоя принесла бы салат, от которого в туалет выстроилась бы огромная мучительная очередь, прокисшие огурчики и помидорчики. А супруг тети Зои? Как могли его не позвать? Без него не обходятся ни одни семейные посиделки! Все так и говорят: «Обошлось!». И облегченно

вздыхают, если его на них не было. А если приедет тетя Зина со своим мужем, то тогда будет драка, которая начнется со слов: «Ты что? Меня не уважаешь?», – обиделась я, глядя на жениха. – Что за свадьба без драки?

Вот не знаю, порадовать его заранее или нет, новостью о том, что добрые родственники быстро найдут рифму к слову «дракон», вспомнив, как их торжественно не пригласили на свадьбу?

– Горько! Горько! – кричали гости, поднимая бокалы. Я медленно повернулась к ним, глядя на счастливые лица.

– Кому горько, те закусывают! – мрачно заметила я, сдувая с лица кружевную марлю.

– Поздравляем! Поздравляем! – вопили прямо мне на ухо, когда мы с женихом медленно двигались к алтарю. – Детей побольше! Семь сыновей!

– Почему семь? – горько усмехнулась я, бросая нехороший взгляд на жениха. – Ну, семь так семь! Восьмой и девятый поживут у бабушки. Я потом тебя с ними познакомлю, милый.

Гул стих, когда дракон повернулся к гостям. Все замерли в предвкушении, подобострастно склонив головы.

– Мне выпала честь, – заметил жених, глядя высокомерно на присутствующих.

– Так заправь ее, – съехидничала я, понимая, что совершаю самую большую ошибку в своей жизни. На меня бросили красноречивый взгляд, а я снова сдула свою марлю, которая липла к мокрому от слез лицу.

– Мне выпала честь представить свою невесту! – заявил дракон, а я уныло помахала всем рукой, как бы намекая, что с удовольствием попрощаюсь с ними. – Внесите чашу! Пусть эта чаша свяжет наши судьбы навсегда. Где бы мы ни были, мы всегда найдем друг друга. Как бы судьба нас не разлучала, мы всегда сумеем воссоединиться.

Я зевнула, глядя на внимающую каждому слову толпу. Зачем мне выходить замуж за дракона? Вот объясните мне! Может, я чего-то не понимаю? А? Чем дольше длилась церемония, тем больше я нервничала и психовала, осматриваясь по сторонам. Нас уже развернули лицом к какому-то алтарю, за которым стоял сухонький мужчина с роскошными бакенбардами в золотистом камзоле. Волна шепота ударила мне в спину.

«Что с ней?» – перешептывались гости, глядя на мое кислое выражение лица.

– Согласен ли ты связать свою судьбу с любимой? – громко спросил распорядитель, поглядывая на дракона, который стоял со скорбным и величественным видом.

– Да, согласен, – лаконично ответил дракон, бросая на меня косой

взгляд.

– А что скажет красавица – невеста? – поинтересовался распорядитель, пока я кусала губы и нервно ковыряла какую-то вышивку на юбке. Бусинка – драгоценный камень отвалилась и упала на пол в абсолютной тишине.

– Я не..., – не выдержала я, сглатывая и чувствуя, как в горле пересохло. Мне безумно хотелось сорвать с себя эту липкую от слез марлю, бросить ее под ноги и растоптать. – Я...

– Что? – удивился распорядитель, глядя на меня, а потом на жениха. Народ занервничал, зашуршал, заохал, но стоило мне снова подать голос, как все затаили дыхание.

– Я не... – неуверенным голосом повторила я, а жених, осмотревшись по сторонам, со скорбным видом полез куда-то в карман красивого сюртука. – Я... не ...

К горлу подступал ком слез, заставляя все вокруг расплываться в мутной пелене. Жених взял меня за руку, а у меня по щекам стекли слезы отчаяния. Неужели не было другого способа? Он же писал, что любит... Я закусил губу, пытаюсь сохранить самообладание. Толпа шумела, бушевала, пыталась разглядеть, что происходит, чтобы тут же обсудить. «Возьми меня! Она тебя не любит! – послышался истеричный женский голос, – Я буду любить тебя сильнее!». «Цыц!», – успокоили женскую истерику.

Я чувствовала, как мою руку сжали, пока я тяжело дышала и шмыгала разбухшим от переживаний носом.

– Я не... – по моим щекам текли слезы, капая в декольте. Я сжимала кольцо, подаренное любимым, сглатывала и выдыхала, пытаюсь найти в себе силы продолжить церемонию.

– Горько! – кричали гости, чтобы подбодрить меня. – Горько!

– Горько, – тихим эхом повторила я, глядя перед собой в одну точку и взмахом ресниц заставляя скатиться горькую слезу. И правда, горько. Горькие слезы застыли на моих пересохших губах. Никогда еще в жизни мне не было так горько, как сейчас...

В мою руку что-то вложили, бережно разжимая мои пальцы, а потом сжимая их обратно, мол, держи...

Я опустила глаза, чувствуя, что-то маленькое и шуршащее. Разжав пальцы, я увидела ... конфетку, заставившую грудь вздрогнуть в судорожном рыдании. Рука с мятым фантиком дрожала, а я смотрел на него, не веря своим глазам. Дракон стоял со скорбным лицом, словно я силком тащила многотонную тушу под венец, и к маленькой сладости на моей ладошке он не имеет никакого отношения.

– Горько? – подозрительно прошептала я, сжимая в руках конфету и поднимая недоверчивый взгляд в сторону жениха. Фантик в руке прошуршал, а я чуть не задохнулась от счастья, боясь потушить своим прерывистым дыханием маленький огонек надежды.

Дракон взял кубок и сделал глоток, а потом передал чашу мне. Я приблизилась и тоже сделала глоток. Из чаши вырвалось сияние, которое обязало нас сверкающей лентой. От неожиданности я выронила кубок, который покатился вниз по ступенькам, расплескивая содержимое прямо мне на платье!

– Получилось, – выдохнул дракон, сдувая с лица прядь черных волос. Он тряхнул головой и... на меня смотрели любимые глаза, заставив меня прикрыть рот рукой и зарыдать в голос. – Так, всем спасибо, все свободны!

Гости разразились криками, но тут грянул такой гром, от которого на пол полетели бокалы и тарелки. Мне показалось, что даже пол под нами пошел трещинами, из которых вырывалось жаркое пламя. Гости бросились прочь из зала, распорядитель метнулся к двери. Огненные разломы под ногами полыхали пламенем, а меня резко схватили на руки, аккуратно в тот момент, когда из разлома появились десятки обугленных рук. Чужие конечности заставили меня почувствовать себя очень востребованной девушкой.

– Не протягивать руки! – рывкнул Дэм, давя ботинком пальцы особо рьяных фанатов. – Я кому сказал! Она – моя!

Руки послушно поползли обратно, а одна, очень вежливая, даже помахала мне напоследок. Приятно, что даже в аду есть вежливые и интеллигентные люди.

– Итак, любовь – это низменная, эгоистичная страсть. Банальный инстинкт размножения, прикрытый цветочками и конфетами! – раздался насмешливый голос, от которого у меня по телу побежали мурашки. Потолок пошел трещинами из них хлынул яркий свет. Я прижималась к любимому и ужасалась масштабам разрушений.

– Не правда! Любовь – это жертва, без страсти, без низменной похоти, возвышенная и прекрасная! – раздался голос сверху. – Так что грош цена вашим толкованиям. Мы же говорили, что она согласится пожертвовать собой ради него! Чем прозрачнее надежда, тем ценнее жертва! Кто станет жертвовать собой ради низменной и эгоистичной страсти?

– Я тебя никому не отдам, – мою голову прикрыли рукой, заслоняя и от пламени и света. Лучи света пытались осветить нас, а страшное, бушующее пламя – сжечь дотла. – Ты – мое наказание! Не волнуйся. Ты у нас на планерке не была! Вот там страшно, а это – пустяк. Про заседания я

вообще молчу. Там слабонервных просят удавиться сразу! Ну чего ты разнервничалась? Мы тут недавно за одну душу так сцепились, что это – просто цветочки!

– Ага, любовь к делу не пришьешь, – простонала я, не понимая, нас проклинают или благословляют? Судя по ожесточенному спору, ни то и ни другое!

– А вот к любимому телу можно, – в моих волосах спрятали нежный поцелуй, заставивший меня судорожно вздохнуть и прижаться еще крепче. – У них там многовековые разночтения. Наши считают, что любовь – это похоть и страсть. Небесная канцелярия твердит про самопожертвование и прогулки за ручку под луной. А ты как считаешь?

– А я – просто прагматичный бухгалтер, – буркнула я, глядя на светящиеся разломы.

– Мы требуем принять наши доказательства. Это – обычная страсть! Просто желание обладать, не более! – плясали языки пламени. – Она скоро угаснет, оставив лишь тлеющую привычку и мучительные годы воспоминаний о былом пламени.

– Ваши аргументы не убедительны! – по полу скользили лучи света. Голос сверху усмехнулся. – Вы уже проиграли... Он сумел ее вытащить из ваших лап! Он разорвал ее контракт! Обманул вас ради нее, зная, что может за этим последовать! Он согласился пожертвовать своей работой, своим положением, ради нее. Разыграл это представление, договорился с драконом, принял его облик на время церемонии...

– Зато она согласилась выйти замуж за другого, – с насмешкой заметил голос снизу. – Грош цена ее любви! Если бы она любила, то никогда бы не согласилась стать чужой женой. Даже если он ее попросил бы! Ей было бы проще умереть! Примите к сведению этот неоспоримый факт!

– Значит, девушки, которые предпочитают смерть браку с нелюбимым, заслуживают неба! В таком случае мы требуем пересмотра их дел! – категорически заявили сверху. – Ладно, вернемся к этому делу! То, что мы видим сейчас – доказательство чистой и искренней любви!

– Ну конечно же! Платоническая, возвышенная, лишенная похоти и низменной страсти! – со смехом ответили снизу. – Мы это уже заметили! Не переживайте! Жаль, что в отличие от вас, мы не умеем вовремя отворачиваться и закрывать глазки!

Я обнимала Дэма за шею, чувствуя, как бьется его сердце. Слепящий свет заставлял щуриться, а языки пламени были так близко, что, казалось, они нас сожгут заживо.

– Что они делают? – шепотом поинтересовалась я, прижимаясь к

любимому.

– Спорят, как обычно, – успокоил меня Дэм. Но я чувствовала, что он сам нервничает. – Не волнуйся... Просто пытаются выяснить, люблю ли я тебя?

– Вот я тоже не прочь узнать, – вздохнула я, вопросительно поднимая брови. – Любишь ли ты меня или нет? Просто в свете последних событий у меня закрались сомнения о том, что ты слегка недолюбливаешь мою нервную систему!

– А почему бы нам не спросить у свидетельницы? – поинтересовался голос сверху. – Пусть ответит нам на вопрос: «что такое любовь?».

– Ну да, пусть попробует положить конец этой многовековой юридической коллизии! – насмешливо согласился голос снизу. – Разнотчение понятий сильно усложняет нам документооборот.

В зале повисла зловещая тишина. Даже пламя, казалось бы, стихло, и свет стал меркнуть.

– Любовь – это ..., – прошептала я, вспоминая милые фантики от жвачки и статусы в соцсети. – Это...

Я растерялась, глядя то вверх, то вниз.

– Не знаю, как вам объяснить... Для меня она... Любовь, – с нервной усмешкой заметила я, разжимая ладонь и показывая маленькую конфетку.

– Ну да! – согласились внизу, смеясь нехорошим смехом. – Иногда все в шоколаде, а иногда сплошной пакетик леденцов.

– А еще любовь – это вера и надежда... Вообще, чтобы судить о любви, ее нужно испытывать! – обиженно произнесла я, понимая, что о любви можно спорить бесконечно, чем, собственно они и занимаются.

– О нет, мы-то как раз ее испытываем! Мы всегда испытываем любовь на прочность, – заметил голос с неба. – Так что со своей стороны предлагаем отложить заседание.

– А вот это уже плохо, – спешно прошептал Дэм мне на ухо, прижимая меня к себе все крепче и крепче.

– Поддерживаю решение, – заметил голос снизу. – Итак, у вас есть возможность проститься друг с другом. Навсегда. Все ваши попытки быть вместе оказались напрасными.

– Но мы даем вам право на последний поцелуй, потому что милосердие – это главная добродетель, – ответили с неба. – Возможно, ваш поцелуй, навсегда изменит вашу судьбу...

Как? Последний поцелуй? Мы прошли этот путь, чтобы один раз поцеловаться напоследок? Из груди вырвалось рыдание. Мы столько друг другу не сказали... Я столько хотела сказать... Важного, нужного,

нежного...

По щекам хлынули слезы. Меня только спустили с моих нежных и ласковых небес на землю, чтобы затащить меня в глубины отчаяния!

– Дэм, – шептала я, осматриваясь по сторонам. – Что это значит? Зачем они так с нами?

Я гладила его лицо, пытаюсь запомнить навсегда каждую черточку, каждый взгляд. Я жадно впивалась глазами в любимые черты, которые расплывались грустной акварелью слез. Я столько всего хотела сказать... Столько слов собирала в своем сердце, а сейчас задыхаюсь. Я носила в себе эту нежность долгие годы, хранила ее для кого-то особенного, очень-очень важного. Я верила, что он придет. Я верила, что однажды, вложу всю свою нежность во взгляд, в поцелуй, в прикосновение. Я буду вкладывать частичку этой нежности в каждое слово... Я сжала дрожащие губы, чувствуя, как слезы потекли по лицу.

– Не хочу отдавать тебя никому, – проскулила я, прикасаясь пальцами к чужим губам и кусая свои. – Не хочу...

– Маленькая жадина, – грустно усмехнулся Дэм, а я видела, как его глаза подернулись влажной поволокой. Я задыхалась, впиваясь пальцами в его одежду, а он прижимал меня к себе, тяжело дыша.

– Не отдам... Никому не отдам... – шептала я, прижавшись лбом к его груди и чувствуя, как намокает его рубашка от моих слез. – И ты не отдавай... Не отдавай... И я не отдам... Прошу тебя... Не отдавай... И я не отдам никому-никому...

Я дрожала, но не от холода, а от странного озноба, пытаюсь вспомнить все, что хотела сказать, задыхалась от мешанины мыслей, сглатывала и чувствовала, как меня обнимают так крепко, как не обнимали никогда. Крепче... Крепче... Еще крепче... И я буду держать тебя крепко-крепко. Попробуйте только отобрать его у меня! Я даже не знаю, кому молиться, но сердце шепчет, что только ему.

Я никогда не буду одинокой. Я буду с улыбкой смотреть на стул, представляя, как он сидит на нем и пьет чай. Я буду обнимать подушку, представляя, что обнимаю его. А когда захочу поцеловать, то просто прижму руку к сердцу... Он будет везде. Он будет идти рядом, смотреть со мной фильмы. Я буду наливать две кружки и ставить их на стол, чтобы он всегда знал, что я люблю его и жду. Пусть он знает, что не забыла его, и все еще надеюсь увидеть хоть на мгновение среди прохожих. Это будет самый счастливый день! Самый-самый! Когда среди тысячи лиц мелькнет его лицо, я буду знать, что он жив, что с ним все в порядке. А если он при этом будет улыбаться, то я буду знать, что он счастлив.

Меня поцеловали в лоб, заставив тяжело задыхаться и уронить слезу прямо ему на грудь. И пока будет остывать вторая кружка, я буду молча любить того, кто больше никогда не придет.

– Я всю жизнь тебя ждала... Всю жизнь... Только посмейте... – зарыдала я, чувствуя, как меня снова целуют в макушку. – Я знала, что он придет... Что однажды он придет... Поэтому не вышла замуж... Потому что знала... Он придет... И ты ведь пришел... А теперь...

Я поймала воздух ртом, чувствуя, как моей влажной щеки коснулась теплая рука. Сквозь мои полуоткрытые губы прорывались тяжелые вздохи мучительно боли предстоящего расставания...

Наверное, так прощаются навсегда... Наверное, так провожают друг друга в тот момент, когда судьба разводит дороги, и каждому предстоит идти по своей, постепенно теряя из виду любимый силуэт.

– Тише-тише, маленькая...– шептали мне, целуя в мокрую щеку. – Тише, мы что-нибудь придумаем!

По моим волосам скользила рука, утешая меня, как ребенка, у которого отбирают мечту... Я чувствовала, как теплые губы прикоснулись к моим, заставив вырваться из моей груди горькие рыдания. Меня целовали так нежно, так сладко, с такой любовью, которой я никогда не испытывала в своей жизни... Я целовала так, как не целовала никогда повиснув на его рубашке и судорожно сжимая ее в своих руках. Как же он нежен... Какая – то особенная нежность, от которой разрывается сердце. Это мгновение он со мной. Он сжимает меня в объятиях и целует, а через мгновение его не будет рядом. Через мгновение он исчезнет навсегда.

Я хочу, чтобы он запомнил, что я люблю его. Я хочу, чтобы он никогда об этом не забывал... Чтобы моя любовь всегда была с ним... Я задыхалась в поцелуе, пытаюсь сказать без слов все, что носила под сердцем. Люблю... Просто люблю... Если у нас нет будущего, то я попробую подарить ему всю нежность за один поцелуй...

– Не плачь, наказание мое, – шептали мне, прикасаясь губами к губам. – Я прошу тебя... Что ж такое? Моя маленькая девочка...

Я буду целовать его до тех пор, пока не умру... В груди горел огонек надежды. И теперь я боюсь хоть на мгновение потерять его губы... Где-то даже марафоны проводят на самый долгий поцелуй, так что приз, который мы получим, будьте так любезны, отдать на ремонт машины. Я знаю только одно, что пока мы целуемся, нас никто не посмеет разлучить...

– Люблю... – выдохнула я, прижимаясь губами к его губам, а меня сжали крепко– крепко, прижали к себе. – Только не отпускай... Ты же не отпустишь? Не отпустишь?

Я видела сквозь свои слезы, как по его щеке течет слеза, которую я бережно стирала пальцами.

– Прошу тебя, не надо... – шептала я, нежно вытирая влажную дорожку и всхлипывая. – Не надо... У меня сейчас сердце разорвется...

Мы целовались, а потом я почувствовала, как меня медленно отстраняют.

– Нет! – закричала я, бросаясь на него и прижимаясь и зажмуриваясь.

– погоди! Мне кажется, или про нас забыли? – поинтересовался Дэм, а я опасливо обернулась. Мы стояли, не выпуская на всякий случай друг друга из объятий. Обычный пустой зал, без следов вмешательства высших сил. – Отвлеклись. Как обычно. Заседание перенесли, дел по горло...

Я все еще вжималась в него, пытаюсь отдышаться. Сердце бешено колотилось, а я все еще не верила, что все стихло, и нас оставили в покое...

– Как ты думаешь, – настороженно прошептала я, дрожа всем телом, пока меня прижимали к себе. – У нас много времени до следующего заседания?

– Юридическая практика показывает, что в среднем дела рассматриваются лет двести... – заметил Дэм, поправляя мою сбившуюся прическу. – Некоторые дела еще допотопные. Все никак руки не дойдут.

Я потихоньку успокаивалась, пока меня нежно поглаживали, положив подбородок мне на макушку. При каждом шорохе я вздрагивала, но это лишь сквозняк распахнутых дверей шевелил цветочные украшения и тербил развешенную по залу ткань.

– Все, мое маленькое наказание, прекращай плакать, – меня гладили, заставляя дышать ровнее. – Если что, мы снова будем целоваться. Отличная линия защиты... Это я тебе, как юрист говорю!

– Ага, – всхлипнула я. – И обниматься... Не отпускать друг друга... Даже просто так... Даже в туалет...

– А вот это уже – преступление. Лишение свободы передвижения и самовыражения – уголовно наказуемы! – усмехнулся Дэм, пока я пыталась осознать, что у нас есть время для счастья. Всего лишь какие-то двести лет...

– Так, не вздумай снова плакать. Если что – подадим на эпиляцию, – рассмеялся Дэм, обнимая меня за плечи. – На апелляцию вряд ли, а вот на эпиляцию как раз. Ну улыбнись, я тут изображаю среднестатистического юриста с бесплатными юридическими консультациями!

Мы шли по залу в обнимку, а я смотрела на букеты, которые побросали гости, смотрела на цветы, рассыпанные по полу... Под ногами хрустели стекла разбитой посуды.

– Ты что? Договорился с драконом, чтобы повернуть эту авантюру? – поинтересовалась я, все еще отходя от пережитого. – И, насколько я поняла, вы поменялись в последний момент, перед самой церемонией? И вот поэтому ты так настаивал, чтобы я согласилась на дракона? Чтобы разорвать мой контракт и...

– Связать наши судьбы вместе, на случай повторного рассмотрения дела, – закончил Дэм, когда мы поравнялись с роскошно украшенным столом с красивыми блюдами и бокалами, на котором обычная курица была украшена овощами и изображала дракона. – Еще вопросы есть?

– Да, – коварно заметила я, успокаиваясь окончательно. – А что, если не секрет, ты ему пообещал?

– Требования были хм... серьезные. Ему нужна девственница с тремя высшими образованиями, научной степенью и так далее. Я нашел одну. Правда, ей сорок, она – заведующая кафедры, профессор. Как думаешь, восемнадцать кошек – это большая помеха для большой-большой любви?

– Восемнадцать? – переспросила я, понимая, что такой прицеп не каждый осилит. – Если полюбит, то – не критично. Поверь мне... Восемнадцать – не так уж и много.

– Тогда нужно знакомить их, как можно быстрее. Там девять котят на подходе со дня на день... Кстати, – Дэм посмотрел на меня очень пристально. – А как там машина?

Я встала на цыпочки, крепко обнимая его и глядя на него с такой нежностью, на которую только была способна.

– Я тебя люблю, – прошептала я, заглядывая ему в глаза. – Очень сильно люблю.

– Все плохо? Да? – вздохнул демон, а я уже целовала его, прижавшись всем телом и замирая на цыпочках. – Ого, как все плохо! ... Неужели все настолько плохо? ... Там есть хоть что чинить? Наказанье мое, ты так целуешься, словно там ...

Я медленно снимала с него рубашку, а меня приподнимали, сгребая все со стола. Посуда со звоном летела на пол, цветы гирляндами падали вниз, бокалы разбивались вдребезги.

– Ты умеешь преподносить плохие новости, – прошептали мне, расстегивая платье и целуя в ухо. – Кстати, пока тебя не было, в твоей квартире побывал один гость. Он получил втык, за то, что не уследил, был понижен в ранге и вынужден был дать обет воздержания, в связи с чем, сильно огорчился...

Я застыла, понимая, что мне на радостях разнесли всю квартиру. Дэм смотрел на меня с улыбкой, а потом нежно и коварно прошептал:

– А что ты хотела? Я тебя люблю и тоже умею преподносить плохие новости... И сейчас покажу как...

КОНЕЦ